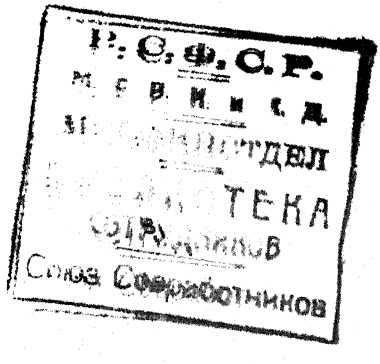
1921 2000.

СЕРЕБРЯНЫЙ РУБЛЬ ВЪ РОССІИ.



Того-же автора:

Теорія колебанія цѣнъ. Харьковъ, 1867.

Къ ученіямъ о деньгахъ и кредитѣ Харьковъ. 1868.

Статистика русскихъ банковъ. Спб., 1872 и 1875. Въ двухъ томахъ.

Кредитъ, банки и денежное обращеніе. Спб., 1873.

Наши неотвержденные долги. Спб., 1874.

Государственный банкъ, консолидація неотвержденныхъ долговъ и преобразованіе кредитной денежной денежной системы. Спб., 1874.

Преобразованіе нашей кредитной денежной системы. Спб., 1874.

Статистика сберегательныхъ кассъ въ Россіи. Спб. 1875.

Исторія старинныхъ банковъ, переводъ съ дополненіями. Спб. 1877.

Исторія банковаго дѣла въ Великобританіи и Ирландіи. Спб., 1877.

Обзоръ проектовъ, вышедшихъ въ 1861—1878 гг. о преобразованіи кредитной денежной системы Россіи. Спб., 1878.

Государственная отчетность въ Бельгіи, Франціи и Пруссіи. Три изслѣдованія (1858 г.) бывшаго государственнаго контролера В. А. Татаринова, въ новомъ изданіи, пересмотрѣнномъ и дополненномъ за время съ 1858 по 1881—1883 гг.; три тома. Спб., 1881—1883.

Государственные долги Россіи (1768—1882). Историко-статистическіе очерки. Спб., 1885.

Статистика землевладѣнія въ привислянскихъ губерніяхъ. Спб., 1886.

Статистика государственныхъ финансовъ Россіи. Спб., 1886.

Финансово-статистическія свѣдѣнія о желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи въ 1884—1890 гг.; семь томовъ.

Кредитные билеты, ихъ упадокъ и возстановленіе. Спб., 1888.

Статистика международной хлѣбной торговли преимущественно Россіи. Спб. 1889.

Цѣны на провіантъ и фуражъ интендантскаго вѣдомства. Статистическія таблицы. Спб., 1889.

Основанія расчетовъ по публичнымъ займамъ. Спб. 1891.

Вексельные курсы Россіи за 50 лѣтъ. (1839—1890). Статистическое изслѣдованіе. Спб., 1892.

Государственный долгъ Англіи съ 1688 до 1890). Историко-статистическое изслѣдованіе. Спб., 1893.

Русскій вѣсъ, его развитіе и происхожденіе. Спб., 1906.

Изъ исторіи бумажныхъ денегъ въ Россіи. Спб., 1909.

ПРОВЕРЕНО
1927 года.

СЕРЕБРЯНЫЙ РУБЛЬ ВЪ РОССІИ

ОТЪ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНІЯ ДО КОНЦА XIX ВѢКА.

ОПЫТЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

И. И. КАУФМАНА.

ОРД. ПРОФ. ИМПЕР. СПБ. УНИВ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ Б. М. ВОЛЬФА, НЕВСКІЙ ПР., 126 (УГ. СУВОР. ПР.).
1910.

227
31

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
Глава	I. Скотъ, куны, серебро, деньги	1
„	II. Происхожденіе рубля и его древнѣйшій видъ 1315—1435 .	12
„	III. Древнѣйшая денга 1385—1435	19
„	IV. Древнѣйшая перемѣна въ новгородскомъ рублѣ 1435—1447	26
„	V. Первое измѣненіе московскаго рубля 1435—1485	43
„	VI. Рубль Ивана III 1485—1535	53
„	VII. Рубль Ивана IV 1535—1613	62
„	VIII. Рубль Михаила Ѳедоровича 1613—1682	78
„	IX. Неудачные монетные эксперименты 1654—1664 гг. . . .	103
„	X. Монетныя преобразованія Петра Великаго 1682—1724 . .	118
„	XI. Петровскій рубль при его ближайшихъ преемникахъ 1725—1762	151
„	XII. Екатерининскій рубль 1762—1796	162
„	XIII. Серебряный рубль и упадокъ ассигнацій 1797—1855. . .	171
„	XIV. Кредитные билеты и упадокъ серебрянаго рубля 1855—1900	215

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Скотъ, куны, серебро, деньги.

Отъ домонгольской эпохи и отъ ближайшаго къ ней времени (скажемъ, до начала XIV вѣка) до насъ дошло, въ древней письменности, довольно много извѣстій, въ которыхъ упоминаются денежныя суммы; но сравнительно до насъ дошло гораздо меньше извѣстій, въ которыхъ слово „куны“ употребляется въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы теперь употребляемъ слово „деньги“. Въ этомъ отношеніи слово „куны“ замѣчательно тѣмъ, что время, впродолженіе котораго оно только одно служило для этой цѣли, было сравнительно короткое. Ходячіе взгляды по этому предмету отличаются значительною сбивчивостью. Даже авторитетнѣйшіе историки полагаютъ, что у насъ сначала только слово „куны“ служило для общаго обозначенія денегъ, а потомъ, скоро послѣ того, какъ древнерусское населеніе познакомилось съ татарскимъ словомъ „деньги“, это слово вытѣснило слово „куны“ и вошло во всеобщее употребленіе въ нынѣшнемъ его смыслѣ. Это невѣрно. Окончательно слово „деньги“ въ нынѣшнемъ его общемъ смыслѣ вошло во всеобщее употребленіе только въ эпоху Ивана Грознаго, около половины XVI вѣка; только съ этого времени оно совершенно вытѣснило всякій иной способъ обозначенія этого понятія. Для цѣли обозначенія этого же понятія оно служило нѣкоторое время (можетъ быть, около полувѣка) уже и до половины XVI в.; но тогда не оно одно служило для этой цѣли. И не слово „куны“ служило для этого, а другое слово, которое нѣкоторое время конкурировало съ словомъ „куны“ даже уже до XIV ст., вытѣсняя его въ большинствѣ случаевъ уже съ XIV вѣка.

Но слово „куны“ не можетъ считаться и наидревнѣйшимъ выраженіемъ того понятія, которое мы теперь обозначаемъ словомъ „деньги“. Наидревнѣйшее выраженіе для этого составляетъ слово „скотъ“; отсюда „скотница“ Владиміра Святого, въ которой хранятся и его „куны“ (Владиміръ повелѣлъ раздать бѣднымъ „отъ скотницъ кунами“. По древнѣйшей редакціи Русской Правды можно „скотомъ заплатити“ [1]). Ярославъ въ 1018 г. „начаша *скотъ* сбирати: отъ мужа по 4 куны, а отъ старостъ по 10 гривенъ и отъ бояръ по 18 гривенъ, и приведоша варягы и вдаша имъ *скотъ*“. Ярославъ собиралъ „куны“ и „гривны“, а получилъ и выдалъ варягамъ „скотъ“. Очевидно, что слово „скотъ“, конкуррируя съ словомъ „куны“, еще въ XI ст. служило для той же цѣли, для которой мы пользуемся словомъ „деньги“. Владиміръ Мономахъ въ концѣ XI в. еще употребляетъ выраженіе „дая скота много“ въ смыслѣ расхода большихъ денежныхъ суммъ [2]). Даже въ концѣ XII в., въ договорной грамотѣ новгородцевъ съ нѣмцами 1182—84 г. еще встрѣчается выраженіе: „оже имати скотъ варягу на русинѣ, или русину на варязѣ, то 12 мужъ послухи“ [3]). Но уже съ XII ст. выступаетъ новый конкуррентъ слова „куны“, конкуррентъ очень опасный и сильный, съ теченіемъ времени все чаще и чаще вытѣсняющій слово „куны“ и занимающій его мѣсто. Этотъ конкуррентъ — слово *серебро*, не въ смыслѣ названія бѣлаго драгоцѣннаго металла, а въ томъ же смыслѣ, въ которомъ французы употребляютъ слово argent, въ смыслѣ денегъ вообще, всякихъ денегъ,—въ томъ смыслѣ, въ которомъ и монеты изъ золота и мѣди тоже составляютъ argent; въ этомъ же смыслѣ слово „кэсэфъ“ = серебро употребляется уже въ Ветхомъ Завѣтѣ; греки тоже употребляли слово „серебро“ въ смыслѣ денегъ; римляне употребляли для этого слово „мѣдь“ (aes); знаменитый юристъ Ульпіанъ говоритъ: etiam aureos nummos aes dicimus [4]). Всѣ, изучавшіе памятники древнерусской письменности, отлично знаютъ фактъ, что въ нихъ слово „серебро“ употребляется въ смыслѣ денегъ. Но еще никто не приводилъ этого факта въ связь съ переходомъ отъ употребленія слова „куны“ къ употребленію слова „деньги“ и никто еще не останавливался на подробномъ разсмотрѣніи этого перехода. Попытаемся восполнить этотъ пробѣлъ и для этого разсмо-

---

1) Русская Правда по изд. проф. В. И. Сергѣевича, древнѣйшая редакція ст. 25, а также ст. 20, 21, 24.

2) Лавр. лѣтоп. 3 изд. стр. 241.

3) Русско-Ливонск. акты № 1.

4) Babelon, Traité des monnaies grecques et romaines, I, Paris 1901, pp. 386—401.

тримъ сначала дошедшія до насъ извѣстія объ употребленіи слова „серебро“ въ смыслѣ денегъ.

Отъ XIII столѣтія до насъ дошло такихъ извѣстій немного. Подъ 1209 г. однако мы уже встрѣчаемъ обвиненіе новгородскаго посадника Дмитрія и братьи его, съ любопытнымъ противупоставленіемъ: „повелѣша *на новгородцихъ* сребро имати, а *на волостныхъ* куны брати“ [1]). Подъ 1229 г. первая псковская лѣтопись сообщаетъ слова псковичей Ярославу: „ходили есте къ Колыванѣ и серебро взясте, а правды не учинисте“ [2]). Подъ 1252 г. въ Ипатіевской лѣтописи читаемъ: „не взявъ бихъ тысящѣ серебра“ [3]). Въ той же лѣтописи подъ 1257 г. разсказывается, что „Данило (Галицкій, послѣ побѣды надъ Ятвягами) посла Костятина, да набереть на нихъ (Ятвяговъ) дань; ѣхавъ же Костятинъ поима на нихъ черныя куны и бѣль серебро“ [4]). Въ рядной, которую И. И. Срезневскій отнесъ къ 1266—69 г., встрѣчаются слова: „и на дѣвцѣ Якимъ сребро взялъ“, которыя И. И. Срезневскій переводитъ: „деньги Якимъ получилъ“ [5]). Подъ 1270 г. опять находимъ въ новгородской лѣтописи жалобу: „чему поималъ еси серебро на Микифорѣ и т. д. [6]). Въ духовной новгородца Климента, которую И. И. Срезневскій относилъ къ 1270 г., встрѣчаются слова: „а на поральское серебро [7]) наклада взяти“. Наконецъ, напомнимъ, что въ XIII ст. вмѣстѣ съ татарами является „ордынское серебро“, т. е. деньги для уплаты татарской дани.

Съ возникновеніемъ счета на рубли, въ XIV ст., слово куны въ смыслѣ денегъ начинаетъ отходить на задній планъ, но зато слово серебро въ томъ же смыслѣ употребляется уже гораздо чаще. Въ договорной грамотѣ в. к. тверского Михаила Ярославича съ Новгородомъ, 1307 г., между прочимъ, говорится: „а нынѣ серебра не вели емати“ [8]). Въ договорѣ вел. князя Георгія съ вел. княземъ тверскимъ Михаиломъ Ярославичемъ о рубежахъ, выходцахъ и т. д., 1318 года, между прочимъ, условливается: „а что поималъ на Вологдѣ кречеты, и *серебро*, и бѣлу . . . дати имъ назадъ по исправѣ“ [9]). Подъ 1321 г. въ лѣтописи

---

1) Новгород. синод. харатейн. стр. 192.
2) П. С. Р Л. IV стр. 178; Новгор. синод. харат. стр. 226.
3) П. С. Р. Л. II стр. 187.
4) П. С. Р. Л. II стр. 194.
5) Русско-Ливонс. акты стр. 15; Зап. И. Рус. Археол. Общ. III 225, 235, 237.
6) Новгор. синод. харат. стр. 292; II. С. Р. Л. VII, 169.
7) Поральское ссребро, т. е. серебро, уплачиваемое соразмѣрно числу ралъ или сохъ, аналогично позднѣйшему выраженію „посошныя деньги“.
8) С. Г. Г. и Д. I № 11 стр. 14.
9) С. Г. Г. и Д. I № 14 стр. 18.

разсказывается: „князь великій Юрій Даниловичъ взя *серебро выходное* (татарскую дань), тверскихъ князей по докончанію и поиде *съ серебромъ* въ Новгородъ Великій [1]). Въ новгородской лѣтописи подъ 1321 г. разсказывается: „ходи князь Юрьи Дмитровичъ ратью на Дмитрія Михаиловича Тверского и докончаша на 2000 серебра“ [2]). Тамъ же подъ 1327 г. находимъ извѣстіе: „приде рать татарская . . . и просто рещи всю землю руськую положиша пусту, только Новгородъ ублюде Богъ . . . и въ Новгородъ послаша послы татарове и даша имъ Новгородци 2000 серебра“ [3]). Въ 1332 г. „великыи князь Иванъ приде изъ орды и възверже гнѣвъ на Новгородъ, прося у нихъ серебра закамского“ [4]). Въ первой псковской лѣтописи сообщается, что въ 1362 г. „приняша псковичи нѣмецкій гость . . . серебро на нихъ поимаше за головы избіенныхъ“ [5]). Въ жалованной грамотѣ Дмитрія Донского Микулѣ съ дѣтьми, 1362 г., говорится: „се язъ, князь великій пожаловалъ есьмъ (такихъ то), не надобѣ имъ ни въ которую дань, ни въ ординское серебро“ [6]). Подъ 1371 г. въ Воскресенской лѣтописи сообщается, что „князь великій Дмитрей Ивановичъ . . . выведе съ собою изъ орды княже Михаилова сына Тверского князя Ивана, окупивъ его у татаръ въ долгу, вдастъ на немъ 10 тысящъ рублевъ серебра, еже есть тма“ [7]). Четвертая новгородская лѣтопись сообщаетъ, что въ 1383 г. „выиде изъ орды князь Михайло Тверскіи безъ великого княженія, а Василія Дмитріевича прія царь въ 8000 серебра“ [8]). По третьей новгородской лѣтописи новгородцы въ 1386 г. били челомъ Дмитрію Донскому „8000 серебра“ [9]). Эти 8000 рублей по разсказу четвертой новгородской лѣтописи были уплачены такъ; „новгородци вземше съ полатей у Святѣй Софьи 3000 рублей и то *серебро* даша князю, а 5000 рублевъ повелѣша князю великому взять на заволочанахъ“ [10]). Въ договорной грамотѣ великаго князя Василія Дмитріевича съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, 1386 года, они условливаются, между прочимъ, о томъ, чтобъ для уплаты татарской дани „дати ти мнѣ,

---

1) П. С. Р. Л. X стр. 188.

2) Новгор. синод. харат. стр. 319.

3) Тамъ же стр. 323. П. С. Р. Л. VI, 201; по Никоновской лѣтописи „5000 рублевъ новгородцкихъ“ П. С. Р. Л. X, 194.

4) Новгор. сиподальн. харатейная стр. 328.

5) П. С. Р. Л. IV стр. 191.

6) Дополн. къ Акт. Ист. I № 9 стр. 9.

7) П. С. Р. Л. VIII, 178.

8) П. С. Р. Л. IV, 90.

9) Ib. III 232.

10) Ib. IV 94.

великому князю съ своее отчины 5320 рублевъ, а съ Ростовця и съ Перемышля и съ Козлова Броду взяли ти собѣ *въ тоже серебро*“ [1]). Въ уставной грамотѣ великаго князя Василія Дмитріевича и митрополита Кипріана о церковныхъ судахъ и пр., 1389 года, находимъ опредѣленіе: „а боярамъ и слугамъ князя великого и митрополичіемъ земель Луховскихъ не купити, а которые будутъ покупили, а тѣмъ лѣзти вонъ, а *серебро* свое взяти“ [2]). Третья и четвертая новгородскія лѣтописи разсказываютъ подъ 1391 годомъ: „бысть пожаръ . . . взяли новгородци у святѣй Софіи съ полатей *серебра* 10.000 . . . и раздѣлиша на конецъ по 1000 рублевъ *серебра* и ставиша костры каменые [3]). Въ четвертой новгородской лѣтописи подъ 1494 г. разсказывается, что „отъ митрополита Кипріяна бояринъ Дмитрокъ приѣхалъ *прошать серебра* 350 рублевъ, что ѣздили Кюръ Сазоновъ да Василій Щечкинъ въ Царьградъ къ патріярху послали отъ Новгорода и скопили долгу; и новгородци *даша то серебро*“ [4]). Подъ 1398 г. лѣтопись сообщаетъ намъ извѣстіе: „князь великій Василей Дмитріевичъ . . . послаша въ Царьградъ *много серебра* въ милостыню“ [5]). Къ 1399 г. относится извѣстіе новгородскихъ лѣтописей, что „татарове съ города Кіева окупъ взяша 3000 рублевъ *литовскимъ серебромъ*“ [6]). Наконецъ къ XIV ст. относится очень важный фактъ, что въ Псковской судной грамотѣ только одинъ разъ встрѣчается слово куны въ смыслѣ денегъ („городскими куны не корыстоватися“), во всѣхъ же другихъ случаяхъ въ этомъ смыслѣ употребляется слово „серебро“. Вотъ нѣсколько примѣровъ: „а кто положитъ (предъявитъ) доску (документъ) на мрътвого (умершаго) о зблюденьи (о поклажѣ для храненія) сребра, или платья, или круты, или иного чего животнаго . . . А кто на комъ имать *сочити ссудного серебра* по доскамъ . . . Кто иметь *серебра сочити* по закладу . . . . Да *свое серебро* возьметъ . . . А кто иметъ *давать серебро въ заимъ* . . . А который человѣкъ *поручится за друга въ серебрѣ* . . . а молвитъ тако: азъ, брате, тобе *заплатилъ то серебро*“. Очевидно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ „серебро“ значитъ деньги. Мы намѣренно выдѣлили и отмѣтили случаи, въ которыхъ денежныя суммы въ рубляхъ излагаются, какъ составляющія *серебро* (а не куны).

1) С. Г. Г. и Д. I. № 35 стр. 63.
2) А. А. Э. I № 9 стр. 4.
3) П. С. Р. Л. III 233; IV 98; Новгородскія лѣтописи изд. 1879, стр. 247.
4) П. С. Р. Л. IV стр. 100.
5) П. С. Р. Л. VIII, 71; XI, 168.
6) П. С. Р. Л. III, 101; IV, 104; VIII, 73.

Въ XV столѣтіи куны уже становятся рѣдкостью и это слово употребляется только въ рѣдкихъ документахъ, которые пишутся по старинным образцамъ и въ которыхъ употребляются устарѣлыя выраженія. Въ преобладающей же массѣ извѣстій, до насъ дошедшихъ, въ смыслѣ денегъ употребляется слово серебро.

Извѣстно, что Едигей упрекалъ великаго князя Василія Дмитріевича въ томъ, что онъ присваиваетъ себѣ татарскую дань; этотъ упрекъ лѣтопись подъ 1409 г. передаетъ такъ: „а что есиималъ въ твоей державѣ со всякого улуса съ двухъ сохъ рубль, и то *серебро* гдѣ ся дѣваетъ“ [1]). Въ духовной удѣльнаго князя Владиміра Андреевича (двоюроднаго брата Дмитрія Донского), 1410 года, между прочимъ, говорится: „а выйдетъ дань ко ордѣ дати . . . и пошлютъ своего боярина за своимъ *серебромъ* ко казнѣ великого князя и отдадутъ *серебро* вмѣстѣ“ [2]). Въ одной новгородской грамотѣ, посланной въ Ригу въ 1417 г., между прочимъ, находимъ: „а только не отдадутъ нашей братьи *того серебра* (суммы 400 руб) и мы имъ велимъ взяти ту четыриста рублевъ на вашей братьи, на купчехъ“ [3]). Подъ 1425 г. первая псковская лѣтопись сообщаетъ, что при столкновеніи съ Витовтомъ псковичи сначала „посулиша 1000 рублей, а срокъ себѣ учиниша и *серебро положити* на Крещеніе“, а чрезъ годъ они „кончаша миръ, за полоненныхъ окупа полпятаста (450) рублей, а *сребро дати* на покровъ день“ [4]). Въ дошедшей до насъ купчей грамотѣ, которую относятъ ко времени до 1427 году, говорится: „се язъ, игуменъ Кирило (Бѣлозерскій) купилъ есми въ домъ Пречистой Богородици деревню, а далъ есмь 3 рубли и 40 бѣлъ да бѣлу пополика, а *серебро плотилъ* отъ игумна чернецъ Варсонофій“ [5]) Въ новгородскихъ лѣтописяхъ разсказывается, что въ 1428 г. „приходилъ князь Витовтъ къ Порхову съ ратью и Порховичи кончаша за собе на 5000 *серебра*“, а потомъ пріѣхали владыка Ефимій и послы новгородскіе „и доконча другую 5000 серебра“; въ Никоновской же лѣтописи прибавляется: „и то *серебро* браша со всѣхъ волостей новгородцкихъ, з 10 человѣкъ по рублю“ [6]). Въ договорной грамотѣ Василія Васильевича съ Юріемъ Дмитріевичемъ Галицкимъ, 1433 г., говорится: „а что есьмъ занялъ

1) П. С. Р. Л. XI, 210.
2) С. Г. Г. и Д. I, № 40, стр. 77.
3) Калачева, Арх. ист.-юрид. свѣд. 1855 г., кн. 2. перв. полов. отд. 2, стр. 7.
4) П. С. Р. Л. IV, стр. 204, 205.
5) А. Ю. № 72, стр. 119.
6) П. С. Р. Л. III, 110, 238; XII, 8.

у гостей и у суконщиковъ 600 рублевъ да заплатилъ есьмъ въ твой долгъ въ Ординьской Резѣнъ Хозѣ да Абину въ кабалы и на кабалахъ есьмъ *то серебро подписалъ,* и тобе съ мене тотъ долгъ ту 600 рублевъ сняти и съ тѣми гостьми вѣдатися тобѣ опречь мене самому, а мнѣ тобѣ тѣхъ сказати, у кого есьмь *то серебро заимовалъ*“ [1]). Въ другой договорной грамотѣ Василія Василіевича съ Дмитріемъ Шемякою, 1434 г., говорится; „а что не додалъ ми еси въ выходы (въ татарскую дань) серебра, . . . а то ти мнѣ, брате, отдати по розочту“ [2]). Еще въ одной договорной грамотѣ Василія Темнаго съ княземъ можайскимъ содержится выраженіе: „знати ит *своё серебро*“. Къ 1450 относятъ грамоту объ особой группѣ крестьянъ, которые называются „монастырскими серебрянниками“; въ этой грамотѣ говорится о „монастырскихъ половникахъ въ серебрѣ“, о половникахъ-серебрянникахъ [3]), при чемъ очевидно имѣются въ виду крестьяне, получившіе денежныя ссуды отъ монастыря (съ „монастырскимъ серебромъ“ мы еще будемъ встрѣчаться).—Въ духовной грамотѣ жены князя Владиміра Андреевича, 1452 г., читаемъ: „а что мой долгъ, что есми заимовала, а за нимъ ся остало 400 рублевъ, и господинъ мой великій князь Василей Васильевичъ пожаловалъ бы взялъ *то серебро* на моемъ выкупѣ, да далъ бы *то серебро* снохамъ моимъ, а снохи мои должникомъ заплотятъ, а съ моее души сведутъ... чтобъ на мене должники мои не плакали“ [4]). О томъ, какъ далеко проникло и въ сельскую жизнь обозначеніе денежныхъ отношеній словомъ „серебро“, еще разъ показываетъ духовная Софьи Витовтовны, жены Василія Темнаго, 1453 г., „а даю тѣ села... и съ хлѣбомъ и съ животиною и съ половиною *издѣльнаго серебра*... А другую половину издѣльнаго серебра велѣла своимъ христіяномъ *серебренникомъ* отдавати“ [5]). Подъ 1456 г. лѣтописи сообщаютъ: „пріиде князь великій Василей Васильевичъ къ Новугороду ратью... взя у нихъ князь велики 10000 рублевъ новгородскимъ серебромъ“[6]). Въ грамотѣ великаго князя Ивана Васильевича на Бѣлоозеро о выходѣ крестьянъ изъ-за Кириллова монастыря, 1462 года, читаемъ: „и который христіянинъ скажется *въ ихъ серебрѣ виноватъ* и вы бы ихъ *серебро заплатили монастырское,*

1) С. Г. Г. и Д. I, № 49, стр. 102 и № 50, стр. 104.
2) Тамъ же № 52 и 53, стр. 108 и 111.
3) А. А. Э. I., № 48, стр. 35.
4) С. Г. Г. и Д. I № 82, стр. 191.
5) С. Г. Г. и Д. № 83, стр. 194.
6) П. С. Р. Л. III, 141; VII, 181; VIII, 147.

а кто ся скажетъ монастырю *серебромъ невиноватъ* и вы бы потомъ монастырю *въ цлъ серебрь* давали поруку“ [1]). Въ 1471 г. „пріѣхалъ князь великіи Иванъ Васильевичъ къ Новугороду ратью... и добиша челомъ великому князю 16000 *серебра* новгородскихъ рублевъ.. Потомъ же князь великіи послалъ въ Новгородъ боярина Федора Давыдовича, привести велѣлъ весь Новгородъ къ цалованію отъ мала же и до велика и *серебро* на нихъ имати“ [2]). Въ договорѣ Ивана Васильевича съ Новгородомъ отъ 11 августа 1471 г., между прочимъ, говорится: „а что серебро и хлѣбъ великимъ княземъ въ Торжку или на Гудахъ, а то великимъ княземъ не надобѣ. А кто будетъ на поруцѣ данъ въ серебрѣ или въ хлѣбѣ, а съ тѣхъ порука доловъ“ [3]). Въ духовной Юрія, брата Ивана III, находимъ такое опредѣленіе: „монастырскаго серебра 12 рублевъ... А что въ томъ селѣ и въ деревенькѣ *серебра на людехъ*, ино того *серебра* половина Великой Троицѣ, а другая половина тымъ христіянамъ, на коихъ *серебро*“ [4]). Подъ 1480 г. въ первой псковской лѣтописи разсказывается, что „посадники псковскіе повезоша отъ Пскова поминка великому князю полсема десятка рублевъ *серебромъ* опроче своихъ поминковъ“ [5]). Въ договорѣ, который въ 1482 г. новгородскіе намѣстники заключили съ магистратомъ Нѣмецкаго Ордена, фонъ деръ Борхтомъ, между прочимъ, говорится: „а что взяли Руюдевцы подъ товары у купчинъ новгородскихъ 20 рублевъ да сто, ино тое серебро отдати 20 рублевъ да сто на Покровъ Святой Богородицы“ [6]). Въ духовной Ивана Ивановича Салтыка, 1483 года, говорится, между прочимъ: „а что въ моемъ селѣ *серебро* на Водозѣ въ Спасскомъ, да и въ деревняхъ, да и то серебро отдадутъ женѣ моей... а прикащики мои возьмутъ съ того села 60 рублевъ да то *серебро* отдадутъ женѣ моей. А что село мое на Москвѣ Шерепово и то село прикащики мои чѣмъ обложатъ и братъ мой Михайло Шарапъ *серебро дастъ*, а прикащики мои *тымъ серебромъ долгъ мой отплатятъ* [7]). Въ другой духовной, Ивана Юрьевича Патрикѣева, 1498 года, читаемъ: „а что въ моихъ селахъ у моихъ ключниковъ *моего серебра* на рукахъ, и тѣ мои ключники то *серебро* изъ людей выбравъ, да отдадутъ моей

1) А. А. Э. I, № 73, стр. 53.
2) П. С. Р. Л. VIII, 167.
3) С. Г. Г. и Д. I, № 20, 2. А. А. Э. I, № 91, стр. 68.
4) С. Г. Г. и Д. I, № 96, стр. 231.
5) П С. Р. Л. IV, стр. 262.
6) Сборникъ Муханова стр. 41.
7) А. Ю. № 413, стр. 440.

женѣ и моимъ дѣтямъ“ [1]). Въ дошедшей до насъ новгородской духовной XV в. говорится: „а что купля отца моего, а то мнѣ по купчимъ грамотамъ, *по серебру* и по отца моего рукописанію“ [2]). Въ другой духовной XV в., тоже новгородской, говорится: „на отцѣ моемъ и на мнѣ 20 рублевъ и сто; и была о томъ *серебрѣ* (о 120 рубляхъ) говорка передъ владыкою Алексѣемъ“ [3]). Въ купчей XV в. находимъ: „се купи Мелентѣй село земли, а далъ на томъ на всемъ 18 рублевъ серебра“ [4]). Въ закладной XV в. „Семенъ Степановъ сынъ Рознѣжскаго“ удостовѣряетъ, что онъ „занялъ у Архимандрита у Малахія у Благовѣщенскаго и у его братіи 20 рублевъ *монастырскаго серебра*“ [5]).

Отъ XVI вѣка мы имѣемъ лишь два извѣстія, въ которыхъ въ смыслѣ денегъ употребляется только „серебро“; оба эти извѣстія сообщаетъ намъ софіевская лѣтопись. Подъ 1534 г. разсказывается, что на построеніе въ Москвѣ Китай-города „государь князь великій Иванъ Васильевичъ и его мати благочестивая княгиня Елена вдаша отъ своея казны *серебра* на устроеніе града, елико надобно, тако же повелѣша и митрополиту вдати, колико достоитъ, такоже всему священническому чину урокъ учиниша, по тому же княземъ и бояромъ и сановникомъ, елико которому достоитъ, такоже и гостемъ и всѣмъ торговымъ людемъ, который чего точенъ по государеву указу повелѣша вдавати“ [6]). Вѣроятно, собранная для сооруженія Китай-города сумма была значительная и она вся еще была собрана, какъ „серебро“, хотя это было уже въ 1534 г. Другое извѣстіе, 1535 г., — такое: „государь князь великій и мати его, благовѣрная княгиня Елена прислали архіепископу Великого Новгорода и Пскова владыкѣ Макарію сына боярского съ грамотою: что приходили въ прежніе лѣта татарове въ государеву украйну, взяли въ плѣнъ дѣтей боярскихъ, и мужей, и женъ, и дѣвицъ . . . и Господь Богъ умягчи сердце иноплеменниковъ и паки возвратили плѣнъ вспять, и за то просили у государя великого князя Ивана Васильевича *серебра*. И князь великій велѣлъ своимъ бояромъ *серебро дати*, елико достоитъ, а крестьянскія души искупити отъ иноплеменниковъ. И государь князь великій Иванъ Васильевичъ и его мати . . . послали своему богомолцу, вла-

1) С. Г. Г. и Д. I, № 130, стр. 337.
2) А. Ю. № 409, I, стр. 409.
3) А. Ю. № 409, II, стр. 410.
4) А. Ю. № 71, IV, стр. 111, Шахматовъ, Двинскія грамоты № 81, стр. 101.
5) Акты отн. до юр. быта II, № 126, II.
6) П. С. Р. Л. VI, 292.

дыкѣ Макарію, въ ту мзду по обежному счету въ своеи архіепископіи со всѣхъ монастырей собрати 700 рублевъ московскую. И владыка Макарій повелѣ вборзѣ собрати 700 рублевъ и посла *сребро* собравъ къ государю на Москву князя Оболенского и дьяка и съ ними *серебра* 700 рублевъ“ [1]).

Подобные случаи, въ которыхъ только слово серебро употребляется въ смыслѣ денегъ въ первой половинѣ XVI ст. уже очень рѣдки, а во второй половинѣ XVI в. уже совсѣмъ намъ неизвѣстны. Но мы можемъ привести нѣсколько извѣстій, показывающихъ, что въ теченіе всего XVI ст. оба слова, серебро и деньги, одновременно употребляются въ одинаковомъ смыслѣ. Такъ, до насъ дошла закладная на рыбную ловлю 1501—1502 г. слѣдующаго содержанія: „се язъ Окулъ Жукъ, княжъ Ивановъ слуга Семеновича, занялъ есьмъ у архимандрита у Воскресенского у Черновскаго монастыря у Арсенья *рубль денегъ московскими деньгами ходячими* по пяти гривенъ полтина на годъ; *а въ тѣхъ есьмь у него деньгахъ заложилъ* государя своего повѣтъ въ Устьзуцкомъ ѣзу; за росты ему бити и сѣдѣти; *а поляжетъ серебро* по сроцѣ, ино ему ся кабала и купчая“ [2]). — А вотъ другой документъ, 1524 года, въ которомъ слово серебро въ смыслѣ денегъ употребляется 3 раза, но въ томъ же смыслѣ и слово деньги употребляется по меньшей мѣрѣ одинъ разъ: „се язъ Ѳедоръ, да язъ Олешко, да язъ Иванко, Омельяновы дѣти, Миротѣдова, заняли есмя у Еляцкого казначея, у старца у Корнея полтину денегъ монастырскаго серебра казенного, великого князя, описного . . . а на то серебро давати ростъ на пять шестой . . . а въ серебрѣ есмя и въ росту всѣ насъ одинъ человѣкъ, который (изъ) насъ въ лицѣхъ (на лицо), на томъ *деньги* и ростъ, на любомъ“ [3]). Вотъ еще такой же документъ 1537 года: „се язъ Осуня, да язъ Володя, да язъ Степанъ . . . заняли есми у Кириловского прикащика . . . четыре рубля *московскихъ денегъ* ходячихъ казенного *серебра монастырскаго* . . . а въ тѣхъ есми *деньгахъ* заложили пожню . . . а въ *серебрѣ* есмя всѣ пять насъ единъ человѣкъ, который насъ въ лицѣхъ на томъ *серебро*“.[4]). И наконецъ еще одинъ документъ этого же рода отъ 1596 г., когда слово серебро въ смыслѣ денегъ уже почти совсѣмъ вышло изъ употребленія: „се язъ Осипъ Юрьевъ сынъ Васильевъ съ своими дѣтьми . . . заняли есми

---

1) П. С. Р. Л. VI, 294.
2) Акты, отн. до юр. быта. II, № 126, IV.
3) А. Ю. № 235 стр. 261.
4) Тамъ же № 238 стр. 262.

у Шаблыкина государя его *серебра* восемь рублевъ *денегъ* московскихъ ходячихъ на годъ . . . за ростъ намъ у государя его служити во дворѣ по вся дни; а полягутъ *деньги* по срочѣ и намъ за ростъ служити по тому же; а кой насъ заемщикъ въ лицахъ, на томъ деньги и служба“ [1]).

Употребленіе слова деньги въ нынѣшнемъ его общемъ смыслѣ начинается однако уже въ концѣ XV вѣка, хотя и лишь въ одинокихъ случаяхъ, немногочисленныхъ, причемъ большею частью при этомъ въ смыслѣ денегъ употребляется и слово серебро. Такъ въ духовной Андрея, брата Ивана Ш, 1481 г., читаемъ: „дати ми Григорьѣ Бобынѣ 250 рублевъ, а заложено у него *въ тѣхъ деньгахъ* чепь золота да поясъ золотъ да ковшъ . . . Дати ми Ивану Врягину 350 рублевъ, а заложено у него *въ тѣхъ* (названы вещи), да *въ тѣхъ же деньгахъ* у него заложены (названы еще другія вещи) . . . А что въ моихъ селахъ на Вологдѣ и въ Тарусѣ на христіянехъ мое *серебро издѣльное и ростовое* и мое жито на нихъ заемное и оброчное . . . и язъ то *свое серебро* и жито отдалъ христіянамъ“ [2]). Въ одной заемной и закладной 1484 г. говорится: „се язъ, Наумъ да Онцыфоръ . . . заняли есмя у Гаврила 12 рублевъ московскимъ *серебромъ* ходячимъ . . . на годъ, а во тѣхъ есмя у него *деньгахъ* заложили свой наволокъ на рѣкѣ Шекснѣ, 4 стожья за ростъ косити. А не заплотимъ мы на срокъ *денегъ*, ино ся кабала на нашъ наволокъ купчая грамота безъ выкупа на вѣки“ [3]). Въ Бѣлозерской таможенной грамотѣ 1497 г. читаемъ: „откупили Бѣлозерскую тамгу да пятно коневое Титъ Окимовъ да Есипъ Тимофеевъ да Семенъ Бобръ, а откупа имъ дати 100 рублевъ и 20 рублевъ, а имати у нихъ тѣ *деньги* часовнику подъячему по срокомъ: 60 рублевъ взяти на великое заговѣнье, а 60 рублевъ на Игоря Константиновича на Еленинъ день“ [4]). Въ духовной Ивана Юрьевича Патрикѣева 1498 г. читаемъ: „а что въ моихъ селехъ у моихъ ключниковъ *моего серебра* на рукахъ, и тѣ мои ключники *то серебро* изъ людей выбравъ да отдадутъ моей женѣ; а что *моихъ денегъ* во всѣхъ моихъ селехъ за крестьяны, и жена моя и дѣти мои половину *тѣхъ денегъ* крестьяномъ отдадутъ, а другую половину на нихъ возмутъ да темъ подѣлятся“ [5]).— Наконецъ въ новгородскихъ писцовыхъ книгахъ Вотской и Шалон-

1) Тамъ же № 222 стр. 267.
2) С. Г. Г. и Д. I № 112 стр. 271, 272.
3) А. Ю. № 233 стр. 260.
4) А. А. Э. I № 134 стр. 99.
5) С. Г. Г. и Д. I № 130 стр. 337.

ской пятинъ 1500 года сплошь и рядомъ говорится: денегъ столько-то рублевъ, или денги — полтина новгородская, или денегъ столько-то гривенъ, или деньгами столько-то рублей, гривенъ и денегъ новгородскихъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Происхожденіе рубля и его древнѣйшій видъ.

1315—1450.

Въ домонгольской Руси и въ первое столѣтіе монгольскаго ига, до второго десятилѣтія XIV в., самою крупною денежною единицею была гривна. Она отличается архаическою особенностью всѣхъ древнѣйшихъ денежныхъ единицъ языческаго и христіанскаго міра: она одновременно и денежная, и вѣсовая единица. Это хорошо извѣстно и нашимъ историкамъ. Менѣе общеизвѣстенъ параллельный этому фактъ, что и рубль рождается съ тою же архаическою особенностью. Древнѣйшій рубль возникаетъ не только, какъ самая крупная денежная единица, замѣняющая гривну, какъ денежную же единицу; онъ возникаетъ, сверхъ того, какъ новая вѣсовая единица, замѣняющая гривну въ той же роли. Древнѣйшій рубль возникаетъ въ началѣ XIV вѣка не просто, какъ рубль, а какъ рублевая гривенка, какъ гривенка, вѣсъ, служащая рублемъ, или какъ рубль, составляющій гривенку, имѣющій вѣсъ гривенки. Въ этомъ отношеніи между древнею Русью и раннимъ средневѣковьемъ Западной Европы оказывается полное сходство. Въ Западной Европѣ древнѣйшею самою крупною денежной единицею былъ ливръ, который одновременно былъ и денежною, и вѣсовой единицею; этому въ древнѣйшей Руси соотвѣтствуетъ гривна. Въ XI столѣтіи ливръ оказывается слишкомъ крупною единицею и его замѣняетъ марка (въ однихъ мѣстахъ половина, въ другихъ двѣ трети ливра), и въ древнѣйшемъ своемъ видѣ марка сохраняетъ архаическую двойственность, служа одновременно какъ вѣсовою, такъ и денежною единицею. И тоже самое мы видимъ въ древней Руси: западно-европейской маркѣ соотвѣтствуетъ въ древней Руси рублевая гривенка, которая въ XIV ст. и въ первой половинѣ XV ст. служитъ одновременно денежною и вѣсовою единицею, а съ половины XV ст. обѣ эти единицы обособляются (дифференцируются) одна отъ другой и продолжаютъ свою эволюцію одна независимо отъ другой.

Слитное возникновеніе рубля и гривенки въ видѣ рублевой гри-

венки доказывается тѣмъ, что именно въ этомъ видѣ мы ее находимъ въ древнѣйшее время среди мѣръ и вѣсовъ, охраняемыхъ свѣтскою и духовною властью: „скалвы вощаныя, пуды медовыя, гривенка рублевая и локоть иваньской“ [1]). Въ этомъ же видѣ мы встрѣчаемся въ 1409 г. въ договорѣ Смоленска съ Ригою съ *рублемъ*, какъ выраженіемъ русскаго *вѣса*, сравниваемаго съ рижскимъ. Наконецъ, мы встрѣчаемся и съ лѣтописнымъ извѣстіемъ о цѣнѣ рублевой гривенки темяна, примѣръ, наглядно показывающій, какъ вѣсъ разныхъ предметовъ выражался посредствомъ рублевой гривенки, взятой, какъ вѣсовая единица.

Такъ какъ вѣсовая величина гривенки намъ очень хорошо извѣстна по многочисленнымъ свидѣтельствамъ нашихъ источниковъ XV, XVI и XVII ст., а также по многочисленнымъ сравнительнымъ показаніямъ иностранцевъ, бывавшихъ въ древней Руси въ тѣ же столѣтія, то это даетъ намъ возможность знать совершенно точно, какъ былъ великъ древнѣйшій рубль въ первые полтора столѣтія его исторіи, съ начала XIV в. до половины XV вѣка. Гривенка возникла и продолжала оставаться во все время, въ которое ею пользовались, до Петра Великаго, въ видѣ вѣса, равнаго нынѣшнему нашему полуфунту или 48 золотникамъ (= 4608 долей = $204_{,756}$ граммовъ). Это и есть древнѣйшій нашъ рубль. Реально онъ существовалъ и дошелъ до насъ въ видѣ серебряныхъ слитковъ въ 48 золотниковъ, которые въ обиліи находились въ древнихъ кладахъ. Такіе слитки были находимы не только указаннаго полнаго вѣса, но и половиннаго и четвертного; слитки половиннаго и четвертного вѣса служили полтинами и четвертями. Огромное большинство находимыхъ слитковъ всегда было 48 золотниковъ или близкихъ къ этому вѣсу; то-есть, огромное большинство слитковъ были рублевые, что и естественно.

Вопросъ о томъ, откуда взялся рубль и какія обстоятельства способствовали тому, что онъ очень скоро вытѣснилъ домонгольскую гривну и получилъ очень широкое распространеніе,—никогда еще не ставился. Едва ли можетъ быть, однако, сомнѣніе въ томъ, что замѣна древнѣйшей вѣсовой и денежной единицы, гривны, новою, рублевою гривенкою, должна была произойти раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, въ какой-нибудь такой области, въ которой вырабатывались новыя условія жизни. Въ монгольской Руси такія новыя условія всего сильнѣе обнаруживались въ сѣверовосточной Руси, въ низовыхъ

1) См. нашъ опытъ Русскій вѣсъ, Спб. 1906, стр. 40.

земляхъ. Поэтому болѣе, чѣмъ вѣроятно, что въ нихъ ранѣе всего получили значеніе новый вѣсъ, какъ „низовый вѣсъ“, и новая денежная единица рубль. На это указываетъ время, къ которому относится самое раннее извѣстіе о „низовомъ вѣсѣ“, до насъ дошедшее. Это время совпадаетъ съ тѣмъ, къ которому принадлежатъ самыя раннія упоминанія о платежахъ рублями. Въ договорной грамотѣ великаго князя Михаила Ярославича Тверского съ Новымъ-городомъ 1317 г., между прочимъ, говорится: „а за все за то взяти князю у Новгорода двѣнадчать тысячи серебра... А срокъ тремъ тысячамъ и двема стома взяти князю на сборъ *въ Низовъскыи вѣсъ*, а другыи 3000 взяти князю на Средокрестье въ Низовьскыи же вѣсъ, а третьии 3000 пояше хопыли къ собе дати имъ на Вербьницю безъ дву сту и безъ полутрьтіядчати серебра въ Низовьскыи же вѣсъ, а четвертыи 3000 взялъ Ѳедоръ и Евфемій... а како князь серебро поемлетъ, тако ему вся таль пустити по цалованію“ [1]). Здѣсь очевидно рѣчь идетъ о новыхъ рубляхъ, а не о старыхъ гривнахъ серебра, потому что еслибъ говорилось о послѣднихъ, то этимъ опредѣлялся бы ихъ вѣсъ; старыя гривны имѣли старинный же, притомъ одинаковый во всей древней Руси вѣсъ, всѣмъ извѣстный. Если же въ договорѣ 1317 г. признавалось необходимымъ оговаривать, что подлежащія уплатѣ 12000 серебра представляютъ не общеизвѣстный, повсюду одинаковый вѣсъ, а какой-то иной, новый, отличный отъ стараго и требующій яснаго его обозначенія, то это указывало на то, что 12000 серебра подлежали уплатѣ въ новой денежной единицѣ. А такою новою денежною единицею тогда былъ только рубль [2]), притомъ рубль, который первоначально возникаетъ въ видѣ рублевой гривенки, не только какъ денежная (платежная) единица, но и какъ вѣсовая единица. Какъ новая, эта вѣсовая единица, особенно при значительномъ платежѣ, конечно, требуетъ ближайшаго опредѣленія. И вотъ въ смыслѣ такого опредѣленія договоръ 1317 г. особенно важенъ двумя содержащимися въ немъ указаніями. Во-первыхъ, онъ объясняетъ новый вѣсъ указаніемъ, что этотъ новый вѣсъ—низовскій; а во-вторыхъ, онъ свидѣтельствуетъ, что этотъ низовскій вѣсъ употребляется уже въ 1317 г. не въ однѣхъ только низовскихъ земляхъ, но также въ Твери *и въ Новгородѣ*.

1) С. Г. Г. и Д I № 12 стр. 15, 16.

2) Впрочемъ, Тверская лѣтопись подъ 1316 г. (П. С. Р. Л. XV стр. 409) прямо говоритъ о рубляхъ, хотя и по поводу другого платежа новгородцевъ Михаилу Ярославичу Тверскому.

Первое указаніе драгоцѣнно тѣмъ, что оно намъ раскрываетъ, откуда идетъ рубль, гдѣ искать его происхожденіе. Если новый вѣсъ называется низовскимъ, то очевидно, что онъ возникъ въ низовскихъ земляхъ и оттуда распространился по другимъ мѣстамъ. А это обстоятельство едва ли можетъ возбуждать удивленіе, если принимается во вниманіе, что въ XIV столѣтіи къ низовскимъ принадлежали тѣ земли, которыя группировались и собирались около Москвы; а съ другой стороны все это столѣтіе заполняется дѣятельностью Ивана Калиты (1304—1341), его двухъ сыновей, Семена Гордаго и Ивана II (1341—1359), его внука, Дмитрія Донского (1359—1389) и его правнука Василія Дмитріевича (1389—1425). Закладывались и укрѣплялись основы московскаго государства, основы, во многихъ отношеніяхъ новыя. И къ числу этихъ-то основаній принадлежала новая денежная и вѣсовая единица въ видѣ рублевой гривенки.

Такимъ образомъ, только поверхностному глазу можетъ казаться, что рубль появляется во второе десятилѣтіе XIV вѣка какъ бы внезапно, неизвѣстно откуда, и безъ всякой связи съ какими-либо иными обстоятельствами, силою которыхъ онъ оказывается поставленнымъ на первый планъ, вытѣсняющимъ старинную гривну серебра и быстро распространяющимся. На дѣлѣ подъ нимъ была твердая почва, которая ему обезпечивала его историческую роль. Эту почву давало рублю его *низовское* происхожденіе, то, что онъ первоначально возникъ, какъ низовскій вѣсъ, распространеію котораго благопріятствовали тѣ же обстоятельства, которыя благопріятствовали превращенію незамѣтнаго московскаго княжества въ московское государство.

Удивительно ли, что въ XIV ст. рубль распространился не только по всѣмъ землямъ, которыя тяготѣли къ Москвѣ и менѣе, чѣмъ чрезъ полтораста лѣтъ, вошли въ составъ московскаго государства, но повсюду, гдѣ жило русское населеніе: Въ Литвѣ и на Юго-Западѣ [1]).

---

1) Какъ далеко распространился рубль на Юго Западѣ уже въ послѣднюю четверть XIV в., между прочимъ, видно изъ грамоты 1388 г. польскаго короля Владислава молдавскому воеводѣ Петру объ уступкѣ ему города Галича въ обезпеченіе займа (Акты, отн. къ ист. запад. Россіи, I, № 8, стр. 22, 23): „Петръ, воевода молдавскій, позычилъ намъ 400 р у б л і й фряжского (генуезскаго?) серебра... 3000 фряжскаго серебра тымъ в ѣ с о м ъ, што почали давати у Луцку, а додали есмы у Сочавы, усѣхъ стоитъ на семъ счету 3000 рублій фряжского серебра". Здѣсь рубль — вѣсъ, который „почали давать у Луцку". Объ рубляхъ же говорится также въ 1407 г. въ уставной таможенной грамотѣ молдавскаго господаря львовскимъ и подольскимъ купцамъ ib. № 21): „а кто идетъ до татарскои сторонѣ, отъ 12 контари одинъ рубль серебра, у Ясы тридесять грошъ, а у Бѣлый городъ полрубель серебра... у Баковъ полъ рубель серебра" и т. д.—Въ Литву рубль съ востока проникаетъ около того же времени,

Домонгольская гривна была лишь кіево-новгородскимъ видомъ общеславянской гривны: древнерусской, древнепольской и древнечешской. Рубль является первой специфически русской вѣсовой и денежной единицею, присущей только русскому населенію, въ отличіе отъ всякого иного населенія, славянскаго, или другого.

Съ изложенными объясненіями не вполнѣ согласуется господствующее у археологовъ, унаслѣдованное отъ историковъ XVIII в.,

---

когда въ нее съ Запада проникаетъ въ XIV ст. грошъ. Какъ извѣстно, грошъ (denarius grossus, толстый денарій) началъ чеканить въ половины XIII ст. Лудовикъ Святой во Франціи: по 58 грошей изъ французской марки въ $244^3/_4$ грамма $=5508,_{12}$ долей $=57^3/_8$ золотниковъ; проба была $^{23}/_{24}=^{92}/_{96}$ слѣдовательно, лигатурный вѣсъ гроша былъ 95 долей, въ томъ числѣ чистаго серебра 91 доля, на $22^1/_2$ коп. въ русской серебряной высокопробной монетѣ. Въ 1290 г. Вячеславъ II начинаетъ чеканить пражскіе гроши; ихъ чеканили сначала по $63^1/_2$ гроша на моравскую марку въ $279,_{98}$ грам. $=6300_{94}$ долей $=65,_{63}$ золотниковъ, а потомъ по 60 грошей на пражскую марку въ $255^3/_4$ граммовъ $=5755^2/_3$ доли $=60$ золотниковъ; хотя число грошей, чеканившихся изъ марки, впослѣдствіи увеличивалось, но денежный счетъ на 60 грошей (ein Schock Groschen) укоренился не только у чеховъ, но и въ южной Германіи, а также въ Польшѣ, въ послѣдней въ видѣ „копы грошей“, вошедшей въ употребленіе также въ Литвѣ и юго-западной Руси. На краковскую марку (въ $197,_{684}$ граммовъ $=4448,_{84}$ долей $=46,_{34}$ золотниковъ) шло 48 пражскихъ грошей, но въ Польшѣ при Казимірѣ Великомъ (1333—1370) чеканились преимущественно полугроши, которыхъ шло 96 на краковскою марку и на которые шло 2 квартника по 4 пѣнязя (или всего 768 пѣнязей на марку). При Владиславѣ Ягелло (1386 — 1434) въ Краковѣ въ 1393 г. заведенъ новый монетный дворъ, квартники уменьшены и превращены въ третьяки (parvi quartenses trzeciak), потому что каждый изъ нихъ содержалъ три пѣнязя; съ 1399 г. въ Краковѣ начали въ большомъ масштабѣ чеканить полугроши-средній вѣсъ которыхъ составляетъ $1,_{58}$ граммовъ $=35_6$, долей; во Львовѣ Влади, славомъ также разновременно чеканились полугроши по „русской“ монетной стопѣ (grossi ruthenigales), которые называются Львовскими грошами. Такимъ образомъ, польскій грошъ собственно составляетъ пражскій полугрошъ. Повидимому въ этомъ видѣ гроши проникли въ Литву уже въ XIV ст. Если ихъ шло 96 на краковскую марку въ $197,_{684}$ граммовъ, то на рублевую гривенку въ $204,_{75}$ граммовъ (4608 долей $=$ 48 золотниковъ) ихъ шло около 100 и вѣроятно такимъ образомъ произошелъ литовскій счетъ 100 грошей на рубль. Ипатьевская лѣтопись подъ 1305 г. разсказываетъ: „литва жмоить (жмудь) полками ляховъ и мазуровъ въ полонъ бра, сице ляхъ единъ по гривнѣ се есть по 10 грошей литовскихъ въ Литвѣ и въ Руси Бѣлой продаванъ былъ и на лошаша и на волы литва межи собою ихъ замѣниваху“ (П. С. Р. Л., II, стр. 227), Что литовская гривна состояла изъ десяти литовскихъ грошей, это вѣрно; но чтобы такая гривна въ Литвѣ уже существовала въ 1305 г., въ этомъ позволительно усумниться, потому что у чеховъ пражскіе гроши завелись лишь за 15 лѣтъ предъ тѣмъ, а у поляковъ они едва ли уже существовали тогда. Но чрезъ столѣтіе несомнѣнно въ Литвѣ и Юго-Западной Руси уже повсюду считали на „копу грошей“, по 60 грошей въ копѣ, и на рубль въ 100 грошей. Это видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго судебнаго рѣшенія 1444 г.: „присудили есмо за шестеро коней по рублю грошей плотити, а за корову полкопы грошей, а за вепра 15 грошей, сумма того 11 копъ безъ 15 грошей“ (Акты отн. къ Ю. и З. Рос. I № 22). Здѣсь за 6 лошадей присуждено 600 грошей, за корову 30 грошей и за вепра 15 грошей, а всего 645 грошей, которые дѣйствительно составляютъ 11 копъ по 60 грошей или 660 грошей, а за вычетомъ 15 грошей тѣ же 645 грошей, или 11 копъ безъ 15 грошей.

представленіе о древнѣйшемъ рублѣ. Это представленіе не считается ни съ фактомъ существованія рублевой гривенки, ни съ низовскимъ вѣсомъ, которыхъ оно не знаетъ, и строится всецѣло только на довольно грубомъ толкованіи *слова* рубль. Слово производится археологами (не филологами) отъ глагола рубить въ смыслѣ отрубка, получаемаго отъ того, что слитокъ въ 48 золотниковъ разрубается по поламъ; поэтому древнѣйшимъ рублемъ археологи признаютъ только тѣ, сравнительно немногіе слитки, которыхъ вѣсъ не превышаетъ 24 золотниковъ. Это произвольное толкованіе мы считаемъ неправильнымъ. Во-первыхъ, оно не подкрѣпляется никакимъ письменнымъ извѣстіемъ нашихъ источниковъ. Во-вторыхъ, оно не совмѣстимо съ дошедшими до насъ письменными извѣстіями о рублевой гривенкѣ. Въ третьихъ, оно неправильно приписываетъ слову „рубить“ только тотъ матеріальный смыслъ механическаго раздѣленія, который оно получило въ послѣ-петровскомъ языкѣ, упуская изъ виду болѣе широкій смыслъ, который тоже слово имѣло въ до-петровскомъ языкѣ: не только механическаго, но и умственнаго раздѣла, дѣленія, распредѣленія (separatio, distributio); въ этомъ смыслѣ въ древне-русскомъ языкѣ говорилось о податныхъ „розрубахъ“; въ этомъ же смыслѣ рубль означалъ то, что служитъ для умственнаго раздѣла цѣнности или стоимости на образующія ее единицы. Въ четвертыхъ, натура дошедшихъ до насъ серебряныхъ слитковъ ничего общаго не имѣетъ съ механическимъ раскалываніемъ на части посредствомъ разрубанія: никакіе слитки отъ такого раскалыванія и разрубанія не произошли. Слитки производились посредствомъ литья и ковки. Для этого съ древнѣйшаго времени существовала особая профессія „ливцовъ“; они-же были „серебреники“ и „вѣсцы“. Новгородская лѣтопись о нихъ упоминаетъ уже подъ 1200 и 1234 гг. [1]). Приписывать „серебренникамъ“ приготовленіе рублей посредствомъ рубки, когда источники прямо говорятъ о „серебрянномъ литьѣ“, какъ источникѣ княжескаго дохода, значитъ замѣнять положительное знаніе плохимъ словопроизводствомъ. Наконецъ, въ пятыхъ, признавать рублями только то малое число слитковъ, которые имѣютъ вѣсъ 24 золотниковъ, значитъ только вызывать недоумѣнія: что это была за жизнь, которая какъ разъ рубли приготовляла мало (судя по тому, что ихъ до насъ дошло сравнительно мало), а во много разъ больше приготовляла не рубли, а какіе-то

1) Новгород. синод. стр. 178 упоминаетъ въ числѣ убитыхъ на сѣчѣ „Страшка серебрьника вѣсця“ и стр. 244 „Нѣжилу серебреника

Б-ка С.-П. ... ИНСТИТУТ ... БИБЛІОТЕКА СОТРУДНИКОВЪ ... Союза Совработ...

болѣе тяжелые слитки, о которыхъ неизвѣстно, чѣмъ они были и для чего они служили? Когда рублями считаются именно эти, дошедшіе до насъ въ преобладающемъ числѣ слитки въ 48 золотниковъ, то заключеніе строится на логикѣ, присущей всякой реальной жизни, которая создаетъ то, что ей необходимо. Ей нужны рубли и она ихъ дѣлаетъ, а потому они и до насъ дошли. Но не считать рублями этихъ слитковъ въ 48 золотниковъ значитъ ставить насъ предъ неразрѣшимымъ вопросомъ: чѣмъ же они были, какой смыслъ они имѣли? Для какой цѣли и по какой причинѣ занимались литьемъ главнымъ образомъ такихъ слитковъ, которые рублями *не были?* Впослѣдствіи, во второй половинѣ XV вѣка, въ XVI и слѣдующемъ столѣтіяхъ рубль сталъ не больше, а меньше, чѣмъ онъ былъ въ XIV и въ первой половинѣ XV вѣка, а съ половины XV вѣка слитки вообще вышли изъ употребленія. Ясно, что слитки въ 48 золотниковъ, которые до насъ дошли въ преобладающемъ и въ значительномъ числѣ, оказываются какою-то безсмыслицею древнерусской жизни, если они не признаются древнѣйшимъ видомъ рубля.

Независимо отъ тѣхъ фактическихъ указаній, въ силу которыхъ, по нашему взгляду, именно эти слитки въ 48 золотниковъ до насъ дошли, какъ рубли XIV и первой половины XV вѣка, мы можемъ привести, какъ поддержку нашего взгляда, свидѣтельство иностранца, который былъ въ Новгородѣ въ 1409 г. Гильберъ де Ланноа знаетъ рублевые слитки и выражаетъ ихъ вѣсъ въ унціяхъ французскаго фунта марковаго вѣса (la livre au poids de marc). „Монета новгородская, говоритъ Ланноа, состоитъ изъ слитковъ серебра, вѣсомъ около 6 унцій, безъ штемпеля“ [1]). Во французскомъ старинномъ фунтѣ было $489^1/_2$ граммовъ $= 114^3/_4$ золотниковъ, онъ состоялъ изъ 16 унцій и дѣлился на 2 марки. Въ унціи было 30,594 грам. $= 7^{11}/_{64}$ золотниковъ $= 688^1/_2$ долей. Полновѣсный древнерусскій серебряный слитокъ въ 48 золотниковъ равнялся собственно 6,69 французскимъ унціямъ. Ланноа, показывая вѣсъ слитка „около“ 6 унцій, показалъ его довольно точно. Никакихъ рублей въ 24 золотника или „около“ 3 французскихъ унцій Ланноа не знаетъ, очевидно, потому, что ихъ никогда не было.

---

1) „Et est leur monnoye de keucelles (lingots) d'argent pesant environ six onces sans empreinte“. Voyages et ambassades de Guillebert de Lannoy, Mons 1840. Новое изданіе Oeuvres de Ghillebert de Lannoy publ. par Potvin et Houzeau, Louvain 1878. Что keucelles значитъ слитки, см. Revue numismatique 1904 p. 551.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Древнѣйшая денга.

1385—1435.

Какъ въ XII и XIII, такъ и въ теченіе трехъ четвертей XIV ст. въ древнерусскихъ княжествахъ собственной монеты не чеканили, а обходились чужеземными металлическими деньгами. Въ XIV ст. всего распространеннѣе была татарская монета и всего привычнѣе для русскаго населенія былъ татарскій денежный счетъ. Сверхъ прямыхъ указаній дошедшихъ до насъ грамотъ о счетѣ на алтыны и татарскую денгу, на это указываютъ еще два обстоятельства: во-первыхъ, что когда Дмитрій Донской началъ чеканить русскую монету, то она получила названіе денги, т. е. названіе татарской монеты, какъ наиболѣе употребительной и понятной для населенія; во вторыхъ, что отношеніе русской денги къ рублю было установлено на почвѣ привычнаго для населенія татарскаго денежнаго счета. Въ то время, когда Дмитрій Донской началъ чеканить новую русскую монету, на Руси обращалась татарская денга, вѣсомъ въ $^1/_3$ золотника; въ то же время въ употребленіи были особые серебряные слитки, саумы, вѣсомъ въ 36 золотниковъ, служившіе для уплаты ими ордынской дани. На каждый такой слитокъ шло $36 : {}^1/_3 = 108$ татарскихъ денегъ. Это и былъ татарскій денежный счетъ, къ которому примкнулъ и новый русскій денежный счетъ, когда онъ долженъ былъ возникнуть вслѣдствіе того, что начало чеканки русской денги потребовало опредѣленія, сколько ея будетъ идти на рубль.

Прямыхъ извѣстій объ этомъ до насъ не дошло, но косвенныя указанія даетъ сопоставленіе вѣса русской и татарской денги. Сопоставляя тотъ и другой вѣсъ, я заключилъ, что когда при Дмитріи Донскомъ приступили къ чеканкѣ русской монеты, то рѣшено было изъ двухъ татарскихъ денегъ чеканить три русскія. Такъ какъ вѣсъ татарской денги составлялъ $^1/_3$ золотника, то значитъ за нормальный вѣсъ русской денги были приняты $^2/_3 \cdot {}^1/_3 = {}^2/_9$ золотника. А такъ какъ рубль составлялъ гривенку или 48 золотниковъ, то на рубль шло $48 : {}^2/_9 = 216 = 2 \times 108$ денегъ русскихъ. Это намъ раскрываетъ связь между татарскимъ денежнымъ счетомъ (108 татарскихъ денегъ на саумъ) и тѣмъ русскимъ денежнымъ счетомъ (2×108 русскихъ денегъ на рубль), на который, какъ на новгородскій денежный счетъ, многократно указываютъ наши источники XV и XVI ст. И въ то же

время открывается, что прежде, чѣмъ сдѣлаться новгородскимъ, тотъ же денежный счетъ былъ московскимъ, построеннымъ на отношеніи рублевой гривенки въ 48 золотниковъ къ денгѣ Дмитрія Донского въ $^2/_9$ золотника или $21^1/_3$ доли [1]).

Вся эта аргументація зависитъ отъ того, какъ рѣшается вопросъ: достаточно ли прочную почву имѣетъ подъ собою указаніе на вѣсъ денги Дмитрія Донского и вообще древнѣйшей русской денги въ $^2/_9$ золотника и $21^1/_3$ доли?

Въ концѣ XIV столѣтія въ Европѣ повсюду въ употребленіи были только очень мелкія серебряныя монеты: монета въ 95 долей лигатурнаго вѣса (старый двугривенный 83-й пробы имѣлъ лигатурный вѣсъ 93 доли) считалась уже крупною монетою, а англійскій пенсъ стерлингъ въ $^1/_3$ золотника или 32 доли пользовался славою самой лучшей международной монеты; большею же частью тогда обращались монеты, которыхъ вѣсъ былъ вдвое и втрое меньше. Такія монеты *не допускаютъ* технической вывѣрки (юстированія) вѣса *каждой изъ нихъ*; поэтому въ употребленіи была вывѣрка огульная, всего числа, которое по закону должно было выходить изъ вѣсовой единицы, которою въ то время повсюду въ Западной Европѣ была марка, очень разнообразившаяся въ различныхъ странахъ. Такая огульная повѣрка называлась повѣркою „по маркѣ“ (al marco): у насъ она оставалась единственно возможною повѣркою вѣса монеты до Петра Великаго.

Гривенка у насъ играла ту же роль, которую на западѣ Европы играла марка. На одну чашка вѣсовъ клали гирю, равную гривенкѣ въ 48 золотниковъ, или полъ-гривенкѣ, въ 24 золотника, или четверти гривенки въ 12 золотниковъ, а на другую чашку вѣсовъ клали *то число монетъ*, которое должно было выходить изъ гривенки (напр. 216), или изъ полгривенки (108 монетъ), или изъ четверти гривенки (54 монеты). Если обѣ чашки вѣсовъ уравновѣшивались, то чеканка считалась исправною, *хотя бы отдѣльныя монеты были разновѣсныя*. Одна монета могла быть не въ 21, а въ 22 доли, но если въ то же время другая была не въ 21, а въ 20 долей, то результатъ отъ этого не измѣнялся. Колебанія могли быть значительныя, потому что искусство денежниковъ было еще первобытное.

Изъ изложенныхъ объясненій ясно, что когда, за отсутствіемъ прямыхъ указаній источниковъ, мы поставлены въ необходимость судить о количествѣ монетъ, чеканившихся изъ гривенки, по вѣсу на-

1) Русскій вѣсъ, стр. 34—41.

личныхъ монетъ, до насъ дошедшихъ, то правильность нашего сужденія зависитъ отъ того, строится ли оно на значительномъ числѣ монетъ, или на маломъ числѣ. Если при этомъ мы на какихъ либо основаніяхъ строимъ гипотезу о нормальномъ вѣсѣ монеты, которой число, чеканившееся изъ гривенки, мы желаемъ привести въ извѣстность, то безусловно необходимо, чтобы предполагаемый нормальный вѣсъ былъ выше, но не ниже средняго вѣса наличныхъ монетъ, до насъ дошедшихъ. Въ среднемъ вѣсѣ наличныхъ монетъ долженъ получить выраженіе не только фактъ ихъ первоначальнаго (нормальнаго) вѣса, но и другой фактъ, отрицательнаго свойства, что монеты, прежде чѣмъ дойти до насъ, состояли въ употребленіи и отъ этого потеряли нѣкоторую часть своего вѣса, а до насъ могли дойти уже съ уменьшеннымъ вѣсомъ. Если бъ, напримѣръ, средній вѣсъ дошедшихъ до насъ монетъ эпохи Дмитрія Донского и его сына оказался бы въ 23 доли или больше, то это совершенно опрокидывало бы все наше построеніе.

Но о такомъ высокомъ уровнѣ вѣса древнѣйшихъ русскихъ денегъ (конца XIV и начала XV в.) никакой рѣчи быть не можетъ. Отдѣльные экземпляры этихъ денегъ встрѣчаются и съ вѣсомъ въ 23 и 24 доли; но во-первыхъ ихъ число ничтожно сравнительно со всею массою денегъ времени Дмитрія Донского и Василія Дмитріевича, а во-вторыхъ вѣсъ означенныхъ экземпляровъ не только уравновѣшивается, но даже перевѣшивается вѣсомъ денегъ той же эпохи, который ниже 20, 19 и даже 18 долей. Графъ И. И. Толстой недавно подвергнулъ новому изслѣдованію монеты Дмитрія Донского и имѣлъ возможность пересмотрѣть если не весь дошедшій до насъ нумизматическій матеріалъ, сюда относящійся, то во всякомъ случаѣ ту наиважнѣйшую его часть, которая была извѣстна до сихъ поръ нумизматамъ, писавшимъ объ этомъ предметѣ. Вѣсъ изслѣдованныхъ гр. И. И. Толстымъ денегъ Дмитрія Донского оказался слѣдующій:

№ 1	$22^1/_2$ доли	№ 9	18 долей.
2	19 »	11	19 »
3	$23^1/_2$ »	12	20 »
4	22 »	„	22 »
5	$23^1/_2$ »	13	20 »
7	19 »	15	18 »
8	19 »		

Итого $265^1/_2$ долей.

Вѣсъ 13 монетъ оказывается $265^1/_2$ долей, или средній вѣсъ со-

ставляетъ почти $20^1/_2$ долей (20,43). Это составляетъ $95^3/_4{}^0/_0$ предполагаемаго мною нормальнаго вѣса [1]).

Приведенный матеріалъ, конечно, скуденъ; но онъ очень важенъ уже тѣмъ, что онъ опрокидываетъ господствовавшіе у нумизматовъ взгляды на якобы значительный вѣсъ монетъ Дмитрія Донского. Этотъ вѣсъ нѣкоторые нумизматы преувеличивали и его считали не менѣе 23—24 долей; а изъ этого заключали, что сто такихъ монетъ, которыя могли имѣть вѣсъ 2400 долей или почти полгривенки, наводятъ на мысль, что уже при Дмитріи Донскомъ на гривенку шло два рубля по сто денегъ въ каждомъ. Эта мысль совершенно опровергается приведенными нумизматическими данными. О среднемъ вѣсѣ деньги Дмитрія Донского въ 23—24 доли никакой рѣчи быть не можетъ и, слѣдовательно, мысль о рублѣ Дмитрія Донского, имѣющемъ вѣсъ половины гривенки или 24 золотниковъ и содержащемъ сто денегъ, ни на чемъ не основана. При неровностяхъ тогдашней первобытной чеканки могли попадаться отдѣльныя монеты въ $23^1/_2$ доли, но могли оказаться и монеты въ 18 долей. Между 13 монетами вѣсъ которыхъ мы привели по изслѣдованію гр. И. И. Толстого, дѣйствительно, встрѣчаются двѣ монеты по $23^1/_2$ доли и двѣ по 18 долей. Но эти четыре монеты только уравновѣшиваютъ другъ друга, и если ихъ исключить, то остальныя 9 монетъ имѣютъ общій вѣсъ $182^1/_2$ долей и, слѣдовательно, ихъ средній вѣсъ 20 $^1/_3$ долей, то-есть почти не измѣняется противъ перваго вычисленія. Если монеты такого небольшого вѣса до насъ дошли, сохранивъ болѣе $95^0/_0$ своего первоначальнаго вѣса, то онѣ до насъ дошли въ очень хорошей сохранности. А въ такомъ случаѣ мы должны принять ихъ первоначальный вѣсъ согласно нашему наведенію, что изъ двухъ татарскихъ денегъ чеканили три русскія, то-есть, съ нормальнымъ вѣсомъ русской денги въ $^2/_9$ золотника или $21^1/_3$ долей. Но тогда мы неминуемо приходимъ къ выводу, что 216 такихъ денегъ составляли рублевую гривенку, ибо $216 \times {}^2/_9 = 48$ золотникамъ. А изъ этого слѣдуетъ, что новгородскій счетъ рубля въ 216 денегъ возникъ не въ Новгородѣ, а въ Москвѣ, у которой онъ Новгородомъ заимствованъ.

---

1) Не могу не отмѣтить, что ничего новаго этотъ результатъ не представляетъ Заблоцкій-Десятовскій (О цѣнностяхъ въ древней Руси, Спб. 1854, стр. 45: вычислилъ этотъ вѣсъ въ $20^2/_5$ долей. Опираясь отчасти на этотъ результатъ, отчасти на собственныя мои вычисленія по даннымъ нумизматическихъ каталоговъ, особенно Румянцевскаго музея, я и принялъ въ моемъ опытѣ о Русскомъ вѣсѣ нормальный вѣсъ древнѣйшей денги въ $^2/_9$ золотника или $21^1/_3$ доли.

Никакого спора не можетъ быть противъ того, что нумизматическій матерьялъ, представляемый монетами Дмитрія Донского, скуденъ, и это, конечно, лишаетъ прочности почву заключеній, на немъ построенныхъ. Но имѣется возможность достаточно укрѣпить эту почву и сдѣлать ее вполнѣ прочною. Эту помощь оказываетъ намъ нумизматическій матерьялъ монетъ нѣкоторыхъ удѣльныхъ княжествъ времени Дмитрія Донского, которыя скоро послѣ него тоже начали чеканить каждый свою деньгу, и при этомъ шли по стопамъ Дмитрія Донского, слѣдовали его образцу.

Такъ, Владиміръ Андреевичъ Серпуховскій чеканилъ, какъ Дмитрій Донской. Каталогъ Румянцевскаго музея сообщаетъ [1]), что онъ обладаетъ 10 монетами этого удѣльнаго князя, вѣсъ коихъ составляетъ: $20^1/_2$, 18, 22, 22, 21, 18, 22, 19, $19^1/_2$, и 21 долей, общій вѣсъ 10 монетъ 203 доли, или средній вѣсъ $20^1/_3$ долей—опять $95^0/_0$ нормальнаго вѣса въ $^2/_9$ золотника. Еще ближе подходятъ къ нормальному вѣсу въ $^2/_9$ золотника такъ называемыя ростовскія монеты. Въ каталогѣ гр. Чапскаго [2]) показано 10 такихъ монетъ, которыхъ вѣсъ составляетъ: 0.99 грам., 0.97, 0.95, 0.92, 0.90, 0.90, 0.88, 0.96, 0.97 и 0.97; всего въ 10 монетахъ вѣсу 941 грамма, или въ среднемъ 0.941 грамма, а $^2/_9$ золотника = 0.947 грамма. Въ каталогѣ Румянцевскаго музея [3]) показанъ вѣсъ 11 ростовскихъ монетъ: 21, 23, 22, $19^1/_2$, 18, $20^1/_2$, 20, $18^1/_2$, $18^1/_2$, $19^1/_2$ $19^1/_2$ долей, всего вѣсу въ 11 монетахъ 219 долей, или средній вѣсъ составляетъ 20 долей. Другую группу образуютъ 15 ростовскихъ же монетъ съ общимъ вѣсомъ въ 290 долей, то-есть, со среднимъ вѣсомъ въ $19^1/_2$ долей [4]). Сравнительно большое собраніе образуютъ 44 монеты великихъ князей Суздальско-Нижегородскаго княжества. Вѣсъ этихъ 44 монетъ составляетъ 882 доли, и слѣдовательно средній ихъ вѣсъ тоже составляетъ 20 долей [5]). Къ разсматриваемой категоріи принадлежатъ 10 монетъ рязанскаго великаго князя Ивана Ѳедоровича; ихъ общій вѣсъ достигаетъ 214 долей,

---

1) А. В. Орѣшниковъ, Русскія монеты до 1547 г., Москва 1896, стр. 138—141, №№ 722—731.

2) Гр. Э. К. Гуттенъ Чапскій. Удѣльныя, великокняжескія и царскія деньги древней Руси, Спб. 1875, №№ 11—20.

3) А. В. Орѣшниковъ, l. c., №№ 813—823.

4) Ib. №№ 825—838; вѣсъ отдѣльныхъ монетъ составляетъ: $20^1/_2$, 21, 20, 18, $19^1/_2$, 18, 20, $18^1/_2$ 18, 21, $18^1/_2$, 21, $18^1/_2$, 18 долей.

5) Ib. №№ 840—887. Отдѣльный вѣсъ монетъ: 20, 21, 20, 19, 18, 20, 22, 23, 20, 21, 21, $19^1/_2$, 20, 22, 20, 20, 20, 19, 18, $18^1/_2$, 19, 18, $18^1/_2$, 19, 22, 21, 19, 21, 22, $20^1/_2$, 21, $21^1/_2$, $22^1/_2$.

то-есть ихъ средній вѣсъ не превышаетъ 21 долю [1]). Сверхъ того, къ различнымъ видамъ самой тяжелой денги, до насъ дошедшей, принадлежитъ и группа новгородокъ, выдѣляющаяся отъ остальныхъ своимъ болѣе значительнымъ вѣсомъ. Въ составѣ огромнаго числа взвѣшенныхъ гр. И. И. Толстымъ экземпляровъ новгородской денги оказалось вѣсомъ въ $19^1/_2$ и болѣе долей [2]):

Вѣсъ.	Число монетъ.	Ихъ общій вѣсъ.
22 доли	2	44 доли
$21^1/_2$ »	1	$21^1/_2$ »
21 »	3	63 »
$20^1/_2$ »	2	41 »
20 »	19	380 »
$19^1/_2$ »	32	624 »
	Всего 59	$1173^1/_2$ доли.

Средній вѣсъ этихъ 59 монетъ составляетъ 20 долей.

Наконецъ, и многочисленныя монеты сына Дмитрія Донского, великаго князя Василія Дмитріевича, принадлежатъ къ разсматриваемой категоріи. Въ его продолжительное, 35-лѣтнее княженіе (1389—1425), денежники видимо начали осваиваться со своимъ дѣломъ и уразумѣвать соединенныя съ нимъ выгоды. И тѣмъ не менѣе 60 монетъ Василія Дмитріевича, вѣсъ которыхъ показанъ въ каталогѣ Румянцевскаго музея, всѣ вмѣстѣ вѣсятъ 1185 долей, то-есть ихъ средній вѣсъ составляетъ $19^3/_4$ долей [3]).

Разсмотрѣнный нумизматическій матерьялъ уже не отличается скудостью; онъ охватываетъ около 250 древнѣйшихъ русскихъ монетъ, которыя начали чеканиться послѣ нашествія Тохтамыша на Москву въ 1383 г. Что эти монеты охватываютъ группу древнѣйшихъ экземпляровъ русской денги, о которыхъ до насъ дошли ясныя свѣдѣнія, это удостовѣряется ихъ вѣсомъ: приведенная группа охватываетъ *самые тяжелые* экземпляры денги; болѣе тяжелыхъ не было. Съ Василія

1) Ib. №№ 435—442; вѣсъ отдѣльныхъ монетъ: 22, 22, 20, $23^1/_2$, $24^1/_2$, $21^1/_2$, $19^1/_2$, 22, $20^1/_2$, 19 долей.

2) Гр. И. И. Толстой, Монеты Великаго Новгорода, Спб. 1884, стр. 63.

3) А. В. Орѣшниковъ, I. с. №№ 454—506; вѣсъ отдѣльныхъ монетъ: $19^1/_2$ 20, $20^1/_2$, 20, 20, 20, $20^1/_2$, 19, 20, 20, 20, 19, 20, 18, 17, 19, 21, $20^1/_2$, $20^1/_2$, 20, $20^1/_2$, 17 $20^1/_2$, $20^1/_2$, 20, 18, $20^1/_2$, 21, $19^1/_2$, 20, 20, 20, $20^1/_2$, 20, 21, 21, 18, 21, 19, 19, 19, $21^1/_2$, 21, 19, 19, $18^1/_2$, 19, $19^1/_2$, 19, $18^1/_2$, $19^1/_2$, 19, 20, 20, 20, $19^1/_2$, 20, 20, $20^1/_2$ долей. — Въ каталогѣ Рейхеля дано 19 показаній вѣса монетъ Василія Дмитріевича съ общимъ вѣсомъ 396 долей, средній вѣсъ 396: 19=$20.{}_{84}$ долей. Въ каталогѣ Шуберта, №№ 451—469, показанъ вѣсъ 26 монетъ Василія Дмитріевича въ $22.{}_{82}$ грам., или средній вѣсъ $0.{}_{877}$ грам. = 20 долей.

Темнаго въ Москвѣ и повсюду, какъ мы увидимъ, вѣсъ денги уменьшается и даже сильно. Поэтому для всякаго рода выводовъ имѣется только та почва, которую представляетъ вѣсъ разсмотрѣннаго числа монетъ, доходящаго до 250. Число это достаточно большое, чтобъ на его показаніе можно было вполнѣ положиться. По содержанію же это показаніе въ отрицательномъ и положительномъ направленіяхъ подтверждаетъ выводы, нами сдѣланные изъ вѣса монетъ Дмитрія Донского.

Въ отрицательномъ направленіи сведенный нами нумизматическій матерьялъ наглядно и осязательно обнаруживаетъ, что изъ 250 показаній, которыя намъ даютъ дошедшіе до насъ экземпляры древнѣйшей русской денги, только очень немногіе (гораздо меньше 20) экземпляры имѣютъ вѣсъ 23 долей и больше, остальные имѣютъ меньшій вѣсъ, а преобладающее большинство монетъ, свыше 230 ихъ, имѣютъ вѣсъ между 19 и 20 долей. Въ этомъ каждый можетъ убѣдиться изъ собраннаго нами матерьяла Что же изъ этого слѣдуетъ? Во-первыхъ— то, что тѣ, которые принимаютъ древнѣйшій рубль за рубль въ 24 золотника = полгривенкѣ или въ 2304 доли = 102,378 грамма, не желаютъ считаться съ показаніемъ весьма значительнаго числа (до 230) свидѣтелей, утверждающихъ, что такого рубля не было. А во-вторыхъ и то, что составъ древнѣйшаго рубля изъ ста денегъ, вѣсомъ по 23 доли и больше, тоже опровергается показаніемъ тѣхъ же многочисленныхъ свидѣтелей. Наибольшій вѣсъ, который можетъ быть допущенъ, какъ нормальный вѣсъ древнѣйшей денги, не можетъ превышать $21^1/_3$ доли или $^2/_9$ золотника. Слѣдовательно, рубля въ 24 золотника никогда не было.

Но если это отрицательное заключеніе стоитъ достаточно твердо, то неминуемо съ нимъ связано и положительное заключеніе: древнѣйшимъ рублемъ, рублемъ XIV и первой трети XV в., рублемъ Москвы и всѣхъ прочихъ русскихъ земель, была рублевая гривенка въ 48 золотниковъ; а состоялъ этотъ рубль изъ 216 денегъ, которыхъ нормальный вѣсъ былъ $21^1/_3$ доли $= {}^2/_9$ золотника, потому что $216 \times 21^1/_3 = 4608$ долямъ $= 48$ золотникамъ.

Новгородъ позже всѣхъ прочихъ русскихъ земель началъ чеканить денгу и вслѣдствіе своеобразія условій его жизни онъ оставилъ намъ болѣе явственные и болѣе многочисленные слѣды того, что его рубль былъ рублемъ въ 216 денегъ. На почвѣ этого, такъ сказать, поверхностнаго обстоятельства сложилось господствующее представленіе, что рубль въ 216 денегъ былъ только новгородскимъ рублемъ.

Но это представленіе—ошибочное. Рубль въ видѣ рублевой гривенки и въ 216 денегъ—древнѣйшій рубль русскій, московскій и всѣхъ прочихъ русскихъ земель, которыя ранѣе Новгорода начали чеканить денгу. И только потому, что рубль въ 48 золотниковъ и въ 216 денегъ былъ рублемъ всѣхъ русскихъ земель, и Новгородъ долженъ былъ принять этотъ рубль, сдѣлать его своимъ, новгородскимъ рублемъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Древнѣйшая перемѣна въ новгородскомъ рублѣ.

1435—1485.

Съ начала чеканки русской денги до начала второй трети XV вѣка прошло около полувѣка, въ теченіи котораго русское населеніе привыкло къ денежному счету по 216 денегъ на рубль; тѣмъ болѣе, что этотъ счетъ опирался на предшествовавшій ему и почти одинаковый татарскій денежный счетъ, къ которому населеніе должно было привыкнуть еще до начала чеканки русской деньги. Понятія рубля и 216 денегъ слились. На подобныхъ фактахъ повсюду основывается всякій денежный счетъ: онъ коренится въ счетныхъ привычкахъ, слагающихся у населенія на основаніи установленныхъ обычаемъ правилъ. Такіе обычаи и привычки у народовъ запада Европы тоже были основаніемъ денежнаго счета, обнаружившаго тамъ гораздо большую консервативную силу, чѣмъ у насъ. Такъ, англичане во времена англосаксовъ и норманновъ до 1300 года изъ своего фунта (the monneyers pound, фунтъ денежниковъ), который тоже тогда былъ одновременно и вѣсовою, и денежною единицею, чеканили 240 пенсовъ и хотя съ 1300 г. число пенсовъ, чеканившихся изъ фунта, отъ времени до времени увеличивалось (напр.,въ 1354 г. до 300 пенсовъ, съ 1465 г. до 450, съ 1601 г. до 744 п. и съ 1816 г. до 792 пенсовъ), но это повело лишь къ тому, что вѣсовой фунтъ обособился отъ денежнаго фунта; однако, на денежный фунтъ всегда одинаково считали и продолжаютъ понынѣ считать по 240 пенсовъ, какъ во времена англосаксовъ: понятія о 240 пенсахъ и о денежномъ фунтѣ (стерлингъ) слились и отожествились. Однородный фактъ обнаруживается во Франціи, гдѣ со временъ Каролинговъ до французской революціи считали ливръ за 240 денье, хотя первоначально, когда ливръ одновременно былъ вѣсовою и денежною единицей, онъ представлялъ 489½ грам. = 114½ зо-

лотниковъ серебра, а предъ французскою революціею тотъ же денежный ливръ уже не отличался отъ серебрянаго франка или 5 граммовъ лигатурнаго серебра (менѣе $1^1/_5$ золотника). Такіе же факты легко было бы привести изъ многихъ другихъ странъ.

Не успѣла сложиться подобная привычка у русскаго населенія, какъ уже во второй трети XV ст. населеніе поставлено было въ необходимость приноровлять привычный денежный счетъ къ новымъ условіямъ. Въ возникновеніи этихъ условій, главнымъ образомъ, какъ будетъ показано, повинны были „денежники“ и „ливцы“, чеканившіе серебряные слитки-рубли.

Обстоятельства этой перемѣны удобнѣе будетъ разсмотрѣть сначала на новгородскомъ матерьялѣ, раскрывающемъ нѣкоторыя подробности, относительно которыхъ наши источники менѣе полны, когда идетъ рѣчь о Москвѣ и другихъ княжествахъ. Но изложенію этихъ подробностей мы должны предпослать нѣкоторыя объясненія.

За все время до Петра В. до насъ дошло лишь одно лѣтописное извѣстіе о числѣ денегъ, чеканившихся изъ гривенки. Это извѣстіе собственно относится къ тому, что произошло въ 1535 г. и будетъ нами ниже разсмотрѣно, когда наше положеніе подойдетъ къ времени Ивана Грознаго. Но въ качествѣ справки лѣтописи сообщаютъ и извѣстіе, относящееся къ времени отца Ивана Грознаго, Василія Іоанновича. А именно, сообщается, что при Василіи Іоанновичѣ изъ гривенки чеканили „потретьяста (250) денегъ новгородскихъ и десять“, или всего 260 новгородскихъ денегъ [1]). Это лѣтописное извѣстіе принято (вопреки мнѣнію Черткова) понимать, какъ относящееся только къ Василію IV, т.-е. въ томъ смыслѣ, что съ Василія Іоанновича въ Москвѣ *начали* чеканить по 260 денегъ изъ гривенки. А между тѣмъ нумизматамъ хорошо извѣстенъ безспорный фактъ, что монеты Василія Ивановича ничѣмъ не отличаются отъ монетъ его отца Ивана Ш. „Монетная система при Василіи Ивановичѣ“, говоритъ А. В. Орѣшниковъ, „судя по вѣсу и внѣшнему виду денегъ, была одинаковою съ системою его отца“ [2]). А если вѣсъ денги Василія Ивановича такой же, какъ вѣсъ денги Ивана Ш, то значитъ и Иванъ Ш уже чеканилъ изъ гривенки 260 денегъ. Но началась ли чеканка этого числа денегъ при Иванѣ Ш? Если сынъ Ивана Ш понималъ, что ему не слѣдуетъ увеличивать число денегъ, которое чеканилось

1) П. С. Р. Л. VI 296.
2) А. В. Орѣшниковъ l. c. стр. 125.

изъ гривенки, когда нобходимость къ тому не принуждаетъ, и лучшее оставить это число на томъ уровнѣ, на которомъ оно прежде находилось,—то еще меньше основаній мы имѣемъ для допущенія, что Иванъ III *увеличилъ* то число денегъ, которое чеканилось изъ гривенки при его отцѣ, и довелъ его до 260. Это совсѣмъ не похоже на Ивана III. Онъ понималъ значеніе денежнаго дѣла и заботился о порядкѣ въ немъ; объ этомъ намъ еще придется говорить ниже; при его отцѣ чеканка монеты пришла въ очень сильное разстройство, вмѣсто котораго Иванъ III установилъ порядокъ. И наконецъ Иванъ III былъ очень богатъ [1]), не только потому, что онъ очень широко распространилъ свои владѣнія, но и потому, что при немъ осуществилась мечта о которой, начиная съ Дмитрія Донского, всегда упоминается въ духовныхъ завѣщаніяхъ его предшественниковъ и въ ихъ договорахъ съ удѣльными князьями: что когда, Богъ дастъ, ордынской дани не нужно будетъ платить, то она будетъ собираться въ казну князей [2]). Эта мечта окончательно осуществилась при Иванѣ III, и ордынское серебро могло всецѣло поступать въ великокняжескую казну [3]). При такихъ обстоятельствахъ Ивану III никакой надобности не было увеличивать число денегъ, чеканившихся изъ гривенки, и онъ могъ оставить это число на уровнѣ, на которомъ оно до него дошло. Но въ такомъ случаѣ до 260 число денегъ, чеканившихся изъ гривенки, увеличилось уже при Василіи Темномъ.

Такимъ образомъ, извѣстіе, занесенное въ лѣтопись подъ 1535 г., относится къ прадѣду Ивана Грознаго, и отчасти вноситъ нѣкоторую опредѣленность въ задачу, къ которой насъ привелъ порядокъ изложенія, когда мы пришли къ времени Василія Темнаго. При немъ произошла большая перемѣна въ исторіи какъ рубля, такъ и денги. И вотъ разборъ лѣтописнаго извѣстія даетъ намъ, отчасти, указаніе, въ чемъ заключалась эта перемѣна. Она заключалась въ увеличеніи числа денегъ, чеканившихся изъ гривенки, до 260.

Такъ какъ разсмотрѣнное лѣтописное извѣстіе прямо говоритъ, что эти 260 денегъ суть новгородскія, то значитъ наше извѣстіе имѣетъ прямое отношеніе къ Новгороду. А это очень благопріятно для изслѣдователя, потому что новгородскія лѣтописи сообщаютъ о

1) Соловьевъ, Ист. Россіи V[3], 209 слѣд.

2) С. Г. Г. и Д. I стр. 56, 73, 78, 87, 92, 108, 111, 117, 125, 134, 147, 158, 164, 180, 197, 217, 224, 235, 243, 278, 292, 316, 326 и др.

3) В. И. Сергѣевичъ, Древности III, 181—183.

денежномъ дѣлѣ въ Новгородѣ нѣкоторыя подробности, которыхъ мы не имѣемъ для Москвы и другихъ княжествъ.

Нами указано было уже, что чеканка денги началась въ Новгородѣ въ 1420 г. Такъ принято говорить и въ этомъ нѣтъ никакой ошибки; но не совсѣмъ точно при этомъ ссылаются на лѣтопись, какъ еслибъ она это прямо показывала. На самомъ дѣлѣ лѣтопись выражается гораздо осторожнѣе. Когда она подъ 1410 г. отмѣчаетъ, что въ Новгородѣ населеніе „начаша торговати промежи себе лонци и гроши литовскими и артуги нѣмецкыми, а куны отложиша“, то она отмѣчаетъ, что это произошло „при посадничествѣ Григорія Богдановича и при тысяцкомъ Василіѣ Есифовичѣ“ [1]), т. е. новгородцы „отложиша куны“ и начали торговать новыми иноземными монетами *съ вѣдома властей*. А подъ 1420 г. лѣтопись даже *не говоритъ* прямо, что въ Новгородѣ *начали дѣлать свою денгу*. Начало чеканки монеты въ Новгородѣ было не только дѣломъ торговцевъ, но дѣломъ политическимъ, которымъ затрагивалась новгородская самостоятельность и къ которому поэтому новгородцы относились очень сдержанно [2]). Поэтому и лѣтописецъ очень сдержанно ограничивается сообщеніемъ, что „начаша новгородци *торговати денги серебряными*, а артуги попродаше нѣмцамъ, а торговали ими (артугами) 9 лѣтъ“ [3]). И только. Конечно, странно, что *совсѣмъ не упоминается* о томъ, что въ Новгородѣ *начали дѣлать денги новгородскія*. Торговать люди могутъ „промеже себе“; но монета не чеканится „промеже себе“. Никакого сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что въ 1420 г. новгородцы стали торговать серебряными деньгами, *которыя они сами чеканили* для своей торговли, потому что еслибъ эти денги были не новгородскія, а московскія и иныя, то это также было бы указано въ лѣтописи, какъ подъ 1410 г. указано, что новгородцы начали торговать артугами нѣмецкими [4]). О томъ, о чемъ лѣтописецъ можетъ повѣдать, онъ разсказываетъ: что артуги въ 1420 г. проданы нѣмцамъ и что торговали ими 9 лѣтъ. А

---

1) П. С. Р. Л. III 104, IV 113; новгород. синод. стр. 398; новг. лѣтоп. стр. 137

2) Объ обстоятельствахъ начала чеканки новгородской денги мы подробно говорили въ нашемъ опытѣ „Русскій вѣсъ“, стр. 35—36 и 44—46.

3) Новгор. синод. стр. 410. Такъ — въ первой новгородской; во второй новгор. въ прибавленіи, въ которомъ перечисляются новгородскіе епископы подъ 6925 (1417 г.) говорится: „при семъ владыцѣ (Симеонѣ) начаша новгородци торговати деньгами серебряными“ (стр. 183); тоже повторено въ третьей новгородской (стр. 236) и въ четвертой (стр. 119). Повсюду кратко.

4) Въ рижской маркѣ было 4 фердинга, 1 фердингъ = 12 эровъ, 1 эръ = 3 артуга, слѣдовательно, въ маркѣ было $4 \times 12 \times 3 = 144$ артуга. Stieda, Revaller Zollbücher des XIV Jahrh. p. X. Артугъ былъ около $^1/_8$ золотника вѣсомъ.

о томъ, что денги *стали дѣлать въ Новгородѣ* съ 1420 г. лѣтописецъ умалчиваетъ, видимо потому что считаетъ неудобнымъ сообщать объ этомъ подробности. Когда въ 1410 г. новгородцы „куны отложиша“, то лѣтописецъ могъ назвать, при какихъ властяхъ это произошло: при какомъ посадникѣ и при какомъ тысяцкомъ. А при началѣ чеканки денегъ въ Новгородѣ видимо и посадникъ, и тысяцкій, и „весь великій Новгородъ“, т. е. вѣче, какъ будто *остались въ сторонѣ*. Чеканка монеты была допущена какъ будто неоффиціально. Быть можетъ, это былъ результатъ дипломатіи Василія Дмитріевича. Чеканка новгородской монеты съ эмблемою покорности на ней не была освящена вѣчевымъ постановленіемъ; но она была терпима, потому что такъ или иначе съ нею нельзя было не примириться.

Кто же дѣлалъ эту монету? Конечно, тѣ же „денежники“ и „ливцы“, которые всюду ее дѣлали: въ Москвѣ и въ другихъ княжествахъ. Какъ въ Москвѣ было поставлено дѣло чеканки монеты еще въ первую четверть XVI вѣка, мы знаемъ по Герберштейну, разсказывающему объ этомъ, какъ очевидецъ. Въ Московіи, сообщаетъ Герберштейнъ, почти всѣ серебряныхъ дѣлъ мастера дѣлаютъ монету за небольшое вознагражденіе . . . . чеканенную монету имѣютъ лишь около 100 лѣтъ, а предъ нею употреблялись только слитки, безъ всякаго изображенія и штемпеля, которые вѣсили рубль, этихъ слитковъ уже теперь нѣтъ[1]). По этому сообщенію князь какъ будто совсѣмъ никакого интереса не имѣлъ въ чеканкѣ монеты и эта чеканка какъ будто представляется вольнымъ промысломъ. Подобное представленіе, однако, не совсѣмъ вѣрно. Нѣкоторый доходъ отъ чеканки монеты князь получалъ, надо думать, уже отъ самаго начала чеканки денги. Мы это заключаемъ изъ указанія, содержащагося въ завѣщаніи Владиміра Андреевича Храбраго, одного изъ первыхъ князей, начавшихъ чеканку денгу. Въ этомъ завѣщаніи между прочимъ говорится: „а женѣ своей, княгинѣ Оленѣ, далъ есьмъ свою треть тамги московскихъ и воемничее, и гостиное, и вѣсчее, и пудовое, и перецъ, и *серебреное литье*“ [2]). Это „серебреное литье“, литье серебра, очевидно литье денегъ и слитковъ; за право заниматься этимъ дѣломъ серебряныхъ дѣлъ мастера, „денежники“ и „ливцы“, должны платить въ княжескую казну и этимъ платежемъ „откупали“ себѣ право заниматься промысломъ дѣланія денегъ. Оттого этотъ доходъ князя впослѣдствіи, при Иванѣ III, назы-

1) Herberstein, Moscouiter wunderbare Historien. Gedruckt zu Basel, 1567, p. LXIII
2) С. Г. Г. и Д. I № 40, стр. 75.

вается также „откупомъ“. Конечно, если серпуховскій удѣльный князь въ 1409 г. дѣлалъ такое распоряженіе въ своей духовной грамотѣ, то „серебряное литье“, какъ источникъ дохода, существовало при его жизни, и заведено было въ серпуховскомъ удѣльномъ княжествѣ по примѣру московскаго великаго княжества. И то же самое было, вѣроятно, во всѣхъ другихъ княжествахъ.

Но значительная доля очень существенной истины содержится и въ томъ представленіи дѣла, которое намъ сообщаетъ Герберштейнъ. Оно касается весьма своеобразной постановки монетной регаліи въ древней Руси, пока продолжалось татарское иго. А это имѣетъ большое значеніе, особенно въ первой половинѣ XV вѣка, какъ для Москвы, такъ и для Новгорода, въ связи съ происшедшимъ въ первой половинѣ XV вѣка сильнымъ измѣненіемъ вѣса денги.

Съ тѣхъ поръ, какъ началась чеканка монеты, въ VIII ст. до Р. Х., измѣненіе вѣса монеты всегда находилось въ тѣснѣйшей связи съ фискальною эксплоатаціею монетной регаліи. Такъ было уже въ древнемъ языческомъ мірѣ и такъ всегда было вплоть до новѣйшихъ временъ въ христіанской Европѣ. Мы знаемъ финансовую эксплоатацію монетной регаліи въ классической Греціи и въ императорскомъ Римѣ, особенно послѣднихъ трехъ его вѣковъ и первыхъ вѣковъ Византіи. Въ монархіи Карла Великаго одною изъ удивительныхъ ея сторонъ являются ея заботы о порядкѣ въ денежной части, о сосредоточеніи монетной регаліи у императоровъ, которые для себя не подвергаютъ ея финансовой эксплоатаціи. Но одною изъ очень многихъ причинъ разложенія и распада каролингской монархіи было раздробленіе монетной регаліи и ея пожалованіе множеству духовныхъ и свѣтскихъ феодальныхъ владѣтелей. И къ числу самыхъ жестокихъ бѣдствій, которыя постигали населеніе въ феодальную эпоху, принадлежали частые случаи, когда феодальные владѣльцы пользовались своею монетною регаліею для извлеченія изъ нея денежныхъ выгодъ. Для этого выработалась особая техника, очень грубая, но тѣмъ не менѣе мудреная. Пользоваться своею монетною регаліею феодальный владѣлецъ могъ, главнымъ образомъ, посредствомъ перечеканки монеты для пониженія ея вѣса: увеличеніемъ числа монетъ, чеканившихся изъ вѣсовой единицы (марки). Для этой перечеканки феодальному владѣльцу даже не всегда нужно было имѣть свой собственный постоянный монетный дворъ; онъ иногда для этого пользовался услугами странствующаго денежника, забредшаго въ его владѣнія, и гдѣнибудь устраивавшагося, какъ бы съ временнымъ монетнымъ дворомъ.

Когда феодальный владѣлецъ желалъ извлечь денежную выгоду изъ своей монетной регаліи, онъ прежде всего объявлялъ недѣйствительной обращающуюся монету (decrier). Въ тоже время онъ принуждалъ мѣстное населеніе принести для перечеканки всю эту монету, объявленную недѣйствительною. Населеніе обязано было исполнить это приказаніе, какъ оно обязано было приносить для перемола въ муку все свое зерно на мельницу феодальнаго владѣльца. Перемолъ зерна въ муку былъ монополіею этого владѣльца, и чеканка монеты была только такою же монополіею. Уклониться отъ той и отъ другой монополіи было одинаково невозможно, потому она была повсюду и вездѣ практиковалась. На монетномъ дворѣ, постоянномъ или временномъ, монету перечеканивали для увеличенія числа монетъ, выходившихъ изъ вѣсовой единицы, т. е. для уменьшенія вѣса монетъ. Затѣмъ населенію возвращали такое же *число* монетъ *уменьшеннаго* вѣса, какое оно принесло первоначальнаго бо́льшаго вѣса. Если населеніе принесло 100 монетъ такого вѣса, изъ которыхъ можно было вычеканить 200 монетъ уменьшеннаго, но все еще замѣтнаго вѣса, то населеніе изъ этихъ 200 монетъ получило 100 монетъ половиннаго вѣса, а остальныя 100 монетъ феодальный владѣлецъ оставлялъ у себя, какъ доходъ отъ монетной регаліи. Эту „операцію“ феодальный владѣлецъ могъ повторять въ различные промежутки времени, въ зависимости отъ того, сколько серебра еще оставалось въ монетахъ, возвращенныхъ населенію, или въ монетахъ, которыя постепенно вновь накапливались у населенія изъ числа притекавшихъ въ страну извнѣ.— Когда монархическая власть настолько осилила феодальныхъ владѣльцевъ, что успѣла опять сосредоточить въ своихъ рукахъ монетную регалію, то она сама начала пользоваться тѣми же пріемами, которыми до нея пользовались феодальные владѣльцы. Даже въ направленіи къ утонченности пріемы измѣнялись не особенно сильно; а въ существѣ они оставались однимъ и тѣмъ же—фискальною эксплоатаціею монетной регаліи въ интересахъ казны посредствомъ пониженія вѣса монетъ.

Вотъ почему пониженіе вѣса монеты и фискальная эксплоатація монетной регаліи самымъ тѣснымъ образомъ срослись и слились, какъ средство и цѣль. Два тысячелѣтія историческаго опыта, самаго разнообразнаго и богатаго, лежатъ подъ ассоціаціею этихъ двухъ понятій.

Во вторую треть XV вѣка одно изъ самыхъ значительныхъ пониженій вѣса монеты, какое вообще знаетъ сравнительная исторія

монетъ въ различныхъ странахъ и въ разные вѣка, произошло въ сѣверовосточныхъ русскихъ земляхъ, во всѣхъ, но главнымъ образомъ въ Москвѣ и въ Новгородѣ. Въ Москвѣ оно было еще сильнѣе, чѣмъ въ Новгородѣ. И въ Москвѣ оно повлекло за собою гораздо болѣе глубокія послѣдствія. Въ сущности, тогда, при Василіи Темномъ, создалось то новое положеніе, которымъ Иванъ III воспользовался, какъ матеріаломъ, чтобъ установить нашъ денежный счетъ въ томъ видѣ, въ которомъ онъ существовалъ всѣ слѣдующія столѣтія, пережилъ реформы Петра и сохранился въ нихъ, продолжаясь потомъ и оставаясь въ силѣ и въ наши дни.

Но если все это создалось на почвѣ пониженія вѣса монеты, происшедшаго при Василіи Темномъ, и если пониженіе вѣса монеты производится только для фискальной эксплоатаціи монетной регаліи, то значитъ въ лицѣ Василія Темнаго мы имѣемъ перваго правителя, который уже въ древней Руси въ грандіозныхъ размѣрахъ занимался фискальною эксплоатаціею монетной регаліи и долженъ былъ изъ нея извлечь чудовищныя выгоды (въ родѣ одного изъ тѣхъ французскихъ королей, которыхъ называли фальшивыми монетчиками, les rois faux-monnayeurs) [1]).

Мы не могли не остановиться на этихъ обстоятельствахъ, потому что для изслѣдователя денежной исторіи всякой страны, долженствующаго выяснить смыслъ излагаемыхъ имъ фактовъ, когда онъ сталкивается съ пониженіемъ вѣса монеты, особенно когда это пониженіе очень сильное, неминуемо возникаетъ вопросъ: какую роль при этомъ играла эксплоатація монетной регаліи въ финансовыхъ интересахъ? Объясненіе факта пониженія вѣса монеты этою эксплоатаціею—самое простое и естественное, и поэтому произвольно обходить его молчаніемъ нельзя. Его нужно или признать, или отвергнуть. И если для того, чтобъ его отвергнуть, нѣтъ серьезныхъ доводовъ, то его необходимо признать, хотя бы лѣтописи и другіе документы ничего намъ не сообщали о намѣренномъ стараніи портить монету для выгодъ княжеской казны. Заподозрить-же Василія Темнаго въ такихъ стараніяхъ едва ли даже было бы большою обидою для него. Подобно своему отцу, онъ отличался большою энергіею, еще большею изворотливостью и въ выборѣ средствъ не стѣснялся. Еслибъ онъ умѣлъ и

1) Самыя сильныя пониженія вѣса монетъ произведены были во Франціи королями: Филиппомъ (II) Августомъ (1180—1223), Филиппомъ (VI) Валуа (1328—1350), Іоанномъ (II) Добрымъ (1350—1364) и Карломъ VII (1422—1461), современникомъ Василія Темнаго.

могъ пользоваться чеканкою монеты, какъ обильнымъ источникомъ денежныхъ средствъ, онъ вѣроятно воспользовался бы этимъ источникомъ, потому что въ деньгахъ онъ нуждался больше, чѣмъ его предшественники и преемники. Вспомнимъ, что за одинъ только выкупъ изъ плѣна Василій Темный заплатилъ 200.000 рублей—сумма для того времени огромная.

И тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что объясненіе сильнаго пониженія вѣса деньги во вторую треть XV в. фискальною эксплоатаціею монетной регаліи недопустимо. Противъ этого объясненія имѣются серьезныя возраженія, съ которыми нельзя не считаться.

Своеобразіе обстановки, въ которой монетная регалія получила практическое значеніе въ великихъ и удѣльныхъ княжествахъ въ концѣ XIV и въ первой половинѣ XV вѣка, волею-неволею принуждаетъ изслѣдователя выйдти изъ условныхъ рамокъ, въ которыхъ татарское иго обыкновенно разсматривается, какъ еслибъ оно было совершенно лишено существеннаго значенія для нашего публичнаго права той эпохи и ничѣмъ не отражалось бы на верховныхъ правахъ князей. Особенно это неминуемо въ финансовой области, представлявшей болѣе благопріятную почву для всякаго рода обнаруженій „ига“. Къ финансовой же области принадлежитъ и монетная регалія [1]).

Прежде всего необходимо считаться съ тѣмъ фактомъ, что монетная регалія совсѣмъ не находилась въ распоряженіи московскаго или иного князя, или новгородскаго вѣче. Регалія принадлежала хану и отъ его имени ею пользовались въ Москвѣ, въ Новгородѣ и въ другихъ княжествахъ. Чеканка русской денги начата Дмитріемъ Донскимъ совсѣмъ не потому, что этого пожелали въ Москвѣ, а потому что этого потребовалъ Тохтамышъ, пожелавшій, чтобъ была русская денга съ его „знаменемъ“ на ней, т. е. съ именемъ хана и татарскою надписью на монетѣ, какъ знакомъ покорности. Дмитрій Донской попытался свергнуть татарское иго и Куликовская битва показала, что эта задача не только могла быть удачно поставлена, но и отчасти рѣшена. Для окончательнаго ея рѣшенія, однако, тогда еще не настало время. И въ свою очередь Тохтамышъ показалъ и это [2]).

Чеканка русской монеты съ татарскою надписью, начавшаяся

---

1) Въ тѣсной связи съ нижеслѣдующими объясненіями находится то, что о началѣ русской денги въ Москвѣ при Дмитріи Донскомъ кратко изложено авторомъ въ его опытѣ „Русскій вѣсъ“, стр. 35—7.

2) Страшное нашествіе Тохтамыша на Москву въ 1382 г. дорого ей обошлось. Послѣ этого нашествія «повелѣша тѣлеса мертвыхъ хоронити и даяста отъ 40 мерт-

послѣ нашествія Тохтамыша на Москву, около 1385 г., имѣла скорѣе характеръ службы хану, чѣмъ монетной регаліи. Татарское иго еще не было свергнуто. То, что началъ Донской, искуссно продолжали его сынъ и внукъ; но они еще ѣздили въ орду, еще искали „жалованья", еще платили дань и едва-ли помышляли о финансовой эксплоатаціи монетной регаліи. Конечно, татары не установили надзора за чеканкою русской деньги: они не смотрѣли за тѣмъ, хорошо-ли знаютъ русскіе денежники татарскую грамоту, на всѣхъ-ли монетахъ имѣется татарская надпись и правильная-ли она или неправильная, прямо-ли, какъ слѣдуетъ, она поставлена на мѣстѣ, или на выворотъ, имѣетъ-ли она смыслъ, или была безсмысленна и представляла какія-то каракули. (Такія монеты бывали, не только русскія, но и татарскія). Но суть не въ этомъ. Татары вообще ни во что не вмѣшивались въ русскихъ „улусахъ", но только до тѣхъ поръ, пока ихъ денежные интересы оставались въ сторонѣ. А когда дѣло касалось ихъ денежныхъ выгодъ, они становились внимательными. „А что еси ималъ въ своей державѣ со всякаго улуса зъ двухъ сохъ рубль, и то серебро куда ся дѣваетъ?" спрашиваетъ Едигѣй Василія Дмитріевича [1]); и это типичный вопросъ, ибо по объясненію Татищева сборъ по полтинѣ съ сохи были нормальнымъ окладомъ ордынской дани. На этотъ вопросъ князья неоднократно давали отвѣтъ, что страна обнищала, что платить не изъ чего. Но это было возможно, только тогда, когда дѣло касалось дани. А большаго дохода отъ перечеканки монеты скрыть нельзя. И еслибъ Василій Дмитріевичъ польстился на этотъ доходъ, то Едигѣй его заподозрилъ-бы въ утайкѣ не только дани, но и монетнаго дохода. Что монетная регалія составляетъ выраженіе верховной власти, это татары очень хорошо знали уже съ конца XIII вѣка и сильно воспользовались этимъ своимъ знаніемъ

вецъ по полтинѣ, а отъ 80 по рублю, всего дано бысть отъ погребенія 300 рублевъ», т. е. похоронить этимъ порядкомъ пришлось 24000 человѣкъ. «И тако отъиде царь (Тохтамышъ) з безчисленнымъ богатствомъ и з безчисленнымъ полономъ», потребовавъ и огромнаго окупа: «бысть дань тяжела по княженію, всякому безъ отдатка, со всякіе деревни по полтинѣ, тогда-же и златомъ даваше въ орду». (П. С. Р. Л. IV 90, VIII 49, XI, 85). Около того времени, когда начались въ Москвѣ чеканки русской денги, въ 1384 г., Тохтамышъ при пожалованіи Михаила Александровича тверскимъ великимъ княжествомъ, рекъ сице: «язъ улусы своя самъ знаю и кійждо князь русскій на моемъ улусѣ, а на своемъ отечествѣ, живетъ по старинѣ, а мнѣ служитъ правдою, и язъ его жалую; а что неправда предо мною улусника моего князя Дмитрея Московскаго, и азъ его поустрашилъ, и онъ мнѣ служитъ и язъ его жалую по старинѣ во отчинѣ его». (П. С. Р. Л. VII стр. 84).

1) Никон. п. 1409 г. П. С. Р. Л. XI 210.

въ Китаѣ и въ Персіи. Поэтому въ первой половинѣ XV ст. они едва-ли проглядѣли бы свои интересы. Но подвергать чеканку монеты фискальной эксплоатаціи въ интересахъ татаръ совсѣмъ не было также въ интересахъ ни Дмитрія Донскаго, ни Василія Дмитріевича, ни Василія Темного. Напротивъ, благоразуміе отъ нихъ требовало, чтобъ они вообще безучастно относились къ монетѣ и къ ея чеканкѣ. Въ угоду татарамъ начата чеканка русской денги, а какая она, съ такими или иными надписями, исправными или неисправными, и тяжелая-ли она или легкая,—объ этомъ заботиться совсѣмъ не было въ интересахъ русскихъ князей, великихъ и удѣльныхъ. Можно только удивляться мудрости совѣтниковъ Дмитрія Донского, что при такой постановкѣ они все таки подумали объ интересахъ населенія и постарались, чтобы населеніе не было сбито съ толку новымъ русскимъ денежнымъ счетомъ, который неминуемо долженъ быть возникнуть отъ необходимости опредѣлить, сколько новыхъ русскихъ денегъ будетъ идти на рубль. Они правильно рѣшили эту задачу, устроивъ такъ, чтобъ русскій счетъ примкнулъ къ татарскому и былъ лишь его повтореніемъ. Это было для населенія всего легче и удобнѣе.

Изъ изложеннаго очевидно, что въ концѣ XIV ст. и вплоть до Ивана III чеканка монеты имѣла въ древней Руси совершенно своеобразную постановку. Она была лишена той почвы, на которой шло ея развитіе въ самостоятельныхъ государствахъ, потому что въ отношеніи монеты древнерусскія княжества лишены были государственной самостоятельности, пока продолжалось монгольское иго. Монетной регаліи, какъ выраженія этой самостоятельности, у нихъ не было. Существовало не право, а обязанность бить монету, и эта обязанность имѣла значеніе лишь въ той мѣрѣ, въ какой она сопровождала полученное право (пожалованіе) на княженіе въ большой или меньшей области. Кто получилъ это право (отъ орды или великаго, или иного князя, напр. по наслѣдованію удѣла), билъ монету. Кореннымъ источникомъ этого права было пожалованіе хана. И никакого интереса извлекать большія денежныя выгоды отъ пониженія вѣса монеты ни у какого князя не было, потому что этимъ онъ возбудилъ бы только жадность татаръ.

Но при такомъ положеніи совершенно естественно, что дѣло чеканки монеты попало всецѣло и безконтрольно въ руки денежниковъ и ливцовъ. Каждый изъ нихъ могъ заниматься этимъ дѣломъ, какъ всякимъ инымъ вольнымъ промысломъ, уплативъ князю, великому или

удѣльному, „откупъ“ за допущеніе его къ прибыльному занятію серебрянаго литья [1]).

На новгородскомъ матерьялѣ всего удобнѣе начать разсмотрѣніе результатовъ, оказавшихся вслѣдствіе того, что чеканка монеты получила объясненную выше постановку. Въ Новгородѣ эта постановка, превратившая чеканку монетъ въ вольный промыселъ, еще обострялась тѣмъ, что въ 1420 г. чеканку допустили, какъ выше объяснено, какъ-будто неоффиціально, какъ дѣло, отъ котораго новгородскія власти предпочитали стоять въ сторонѣ. Новгородъ былъ далеко отъ татаръ и съ ними изстари имѣлъ дѣло чрезъ Москву. И въ добавленіе къ этому, новгородскіе денежники, чрезъ немного лѣтъ послѣ 1420 г. могли уже воспользоваться указаніями нѣкотораго опыта въ дѣлѣ чеканки денги, опыта, котораго московскіе денежники еще не могли имѣть въ 1385 г., когда, вѣроятно, началась чеканка московской денги.

Политика, во имя которой началась чеканка новгородской денги въ Новгородѣ въ 1420 г., требовала, чтобы чеканить начали по московской монетной стопѣ, по 216 денегъ изъ гривенки. И по этой стопѣ она дѣйствительно началась: объ этомъ, конечно, позаботились тѣ, которые руководили политикою. Это доказываютъ и наиболѣе тяжелыя новгородки, до насъ дошедшія въ болѣе значительномъ числѣ, чѣмъ монеты Дмитрія Донского. И это доказываетъ также, что нѣкоторое время чеканка продолжалась въ Новгородѣ по московской монетной стопѣ. Какъ долго? Мы этого знать не можемъ, потому что монеты тогда еще не датировались, на нихъ еще не означали года ихъ чеканки. Существовалъ политическій интересъ, чтобы въ Новгородѣ привыкли къ московской монетной стопѣ (къ денгѣ вѣсомъ $^2/_9$ золотника), чтобы новгородцы привыкли считать, какъ повсюду тогда считали, по 216 денегъ на рубль. Болѣе чѣмъ вѣроятно, поэтому, что пока эта привычка не распространилась и не укоренилась, въ Новгородѣ, со стороны тѣхъ, которые были заинтересованы въ этомъ укорененіи, былъ нѣкоторый надзоръ за денежниками, чтобы они соблюдали московскую стопу. Но когда привычка укоренилась, надзоръ сталъ излишнимъ. Чеканка монеты стала совсѣмъ вольнымъ промысломъ.

Мы не знаемъ, конечно, сколько на это потребовалось времени,

1) О чеканкѣ монеты, какъ о вольномъ промыслѣ, въ нумизматической литературѣ не разъ писалъ французскій академикъ и хранитель нумизматическихъ коллекцій парижской Національной Библіотеки, Бабелонъ.

можетъ быть 10 — 15 лѣтъ. По всѣмъ вѣроятностямъ не позже половины тридцатыхъ годовъ XV вѣка уже началось пониженіе вѣса денги. Такъ какъ въ условіяхъ, въ которыхъ намъ теперь приходится разбираться, болѣе тяжелыя монеты предшествовали менѣе тяжелымъ, то нѣкоторыя указанія намъ можетъ дать группировка дошедшихъ до насъ новгородокъ по ихъ вѣсу. Въ своей извѣстной монографіи о монетахъ Великаго Новгорода гр. И. И. Толстой сообщаетъ результаты огромнаго числа новгородокъ, имъ взвѣшенныхъ. Мы пользуемся числами, которыя онъ даетъ, для слѣдующей таблицы. Между взвѣшенными гр. И. И. Толстымъ новгородками, чеканенными до 1478 г., т. е. до потери Новгородомъ самостоятельности, оказалось по вѣсу:

Вѣсъ.	Число монетъ.
$19^1/_2$ долей и болѣе	59
19 долей	105
$18^1/_2$ »	159
18 »	453
$17^1/_2$ »	147
17 »	112
$16^1/_2$ »	38
16 »	34
$15^1/_2$ » и меньше	53
	Всего 1160 монетъ.

У нумизматовъ принято, не входя въ подробности, считать вѣсъ новгородокъ въ 18 долей, потому что, какъ видно и изъ приведенныхъ чиселъ, большинство новгородокъ имѣютъ этотъ вѣсъ. При этомъ вѣсѣ изъ гривенки въ 48 золотниковъ или 4608 долей чеканится $4608 : 18 = 256$ денегъ и 216 такихъ денегъ имѣютъ вѣсъ $40^1/_2$ золотниковъ вмѣсто 48, сохраняя лишь $84^1/_6\,^0/_0$ своего нормальнаго вѣса. Но приведенныя числа ясно показываютъ, что новгородскія числа не очень скоро дошли до этого. Первую категорію (самыхъ тяжелыхъ монетъ, въ $19^1/_2$ долей и тяжелѣе) мы уже разсматривали выше, въ связи съ денгами нормальнаго вѣса, вѣсомъ въ $^2/_9$ золотника или по 216 изъ гривенки. Монеты этой категоріи еще и потому не имѣли существеннаго значенія въ дѣлѣ пониженія вѣса денги, что уклоненіе ихъ отъ нормальнаго вѣса было неуловимо. Когда денежники начали дѣлать первые опыты эксплоатаціи монетной чеканки для собственныхъ выгодъ и стали чеканить изъ гривенки или 4608 долей серебра уже не 216, а 225 денегъ, то средній вѣсъ денги при этомъ все еще выходилъ $4608 : 225 = 20^1/_2$ долей; 216 такихъ денегъ имѣли

еще 96% нормальнаго вѣса. При такомъ положеніи увеличеніе числа денегъ, чеканившихся изъ гривенки, даже еще не могло имѣть никакого вліянія на совмѣстное обращеніе денги съ вѣсомъ, уменьшены въ въ указанныхъ предѣлахъ, и рублевыхъ слитковъ въ 48 золотниковъ. Но при дальнѣйшемъ увеличеніи числа денегъ, чеканившихся изъ гривенки, до 230 и 235, хотя при этомъ средній вѣсъ денги уменьшался только до 20 и $19^1/_2$ долей, 216 такихъ денегъ, составлявшіе счетный рубль, уже чувствительно уклонялись отъ вѣса рублеваго слитка въ 48 золотниковъ; а еще чувствительнѣе стало это уклоненіе, когда средній вѣсъ денги былъ пониженъ до 19 долей, то есть, когда изъ гривенки стали чеканить больше 240 денегъ. Но и большой бѣды отъ этого тоже не было, такъ какъ, повидимому (судя по дошедшимъ до насъ указаніямъ) отъ „ливцовъ“ стали требовать, чтобы они одновременно стали отливать рублевые слитки уменьшеннаго вѣса въ 46, 45, 44 золотниковъ, соотвѣтствующихъ уменьшенному вѣсу денги. Что нѣчто подобное дѣйствительно происходило, мы должны заключить изъ двоякаго: во первыхъ, до насъ дошло нѣкоторое число слитковъ такого уменьшеннаго вѣса въ 46, 45, 44 золотниковъ вмѣсто 48; а во-вторыхъ, мы сейчасъ приведемъ изъ нѣкоторыхъ лѣтописей извѣстіе, въ которомъ, между прочимъ, какъ бы мимоходомъ, упоминается о *старыхъ и новыхъ* рубляхъ, что можно объяснить только однимъ: подъ старыми рублями понимались полновѣсные серебряные слитки въ 48 золотниковъ, а подъ новыми — неполновѣсные слитки, которымъ до 48 недоставало нѣсколькихъ золотниковъ. Но изъ приведенныхъ выше чиселъ графа И. И. Толстого видно, что дошедшія до насъ монеты въ 19 долей, хотя ихъ значительно больше, чѣмъ монетъ въ $19^1/_2$ и свыше долей, все таки еще держатся въ предѣлахъ умѣреннаго числа (105). Это свидѣтельствуетъ, что первое время денежники еще дѣйствовали медленно и осторожно. По всѣмъ вѣроятностямъ, такъ они дѣйствовали до половины сороковыхъ годовъ XV вѣка. Но съ этого времени они дѣйствуютъ уже удивительно смѣло и беззастѣнчиво. Повидимому, прибыли первыхъ денежниковъ, которыхъ тоже было не мало, еще увеличило число ихъ, привлеченныхъ жаждою корысти и скораго обогащенія, и та-же жажда не могла не повліять и на всю ту часть новгородскаго населенія, которая была богаче, располагала серебромъ и могла нажиться, отдавая его денежникамъ для перечеканки въ монету уменьшеннаго вѣса. Чеканкою 240 денегъ изъ гривенки не только не удовлетворились, но не остановились и у чеканки 250 денегъ изъ гривенки, пошли дальше, и, какъ

показываетъ огромное число (свыше 450) дошедшихъ до насъ въ одной только коллекціи гр. И. И. Толстого экземпляровъ денги въ 18 долей, съ особенною энергіею чеканили эту денгу, которой изъ гривенки выходило 4608 : 18 =256 монетъ. Но и предъ этимъ не остановились: пониженіе вѣса денги до $17^1/_2$ и 17 долей, проистекающее отъ увеличенія числа денегъ изъ гривенки до 265 и 270, показываетъ, что это движеніе продолжалось бы и далѣе, еслибъ оно не было остановлено разразившеюся грозою въ видѣ народнаго бунта, вызваннаго именно тѣмъ, что происходило съ чеканкою денги.

Этотъ своеобразный бунтъ произошелъ въ Новгородѣ въ 1447 г. и какъ самъ по себѣ, такъ и по его послѣдствіямъ, не можетъ не возбуждать вниманія къ себѣ, потому что примѣровъ, когда населеніе большого города бунтовало противъ безпорядковъ въ денежной чеканкѣ, и бунтовало съ успѣхомъ,—чтобъ населеніе возстало противъ злоупотребленій чеканкою монеты и ихъ пріостанавливало-бы, экономическая исторія знаетъ очень мало.

Новгородская лѣтопись сохранила намъ обстоятельный, хотя и безсвязный разсказъ о бунтѣ 1447 года, и этотъ разсказъ вполнѣ заслуживаетъ разбора. Всегда въ такихъ случаяхъ, когда что-нибудь возбуждаетъ всеобщее недовольство, сначала это недовольство выражается въ порицаніи, которое потомъ переходитъ въ озлобленіе и наконецъ выражается въ насиліяхъ. Такъ конечно было и въ Новгородѣ, гдѣ вѣроятно задолго до 1447 года порицали то, что происходило, а когда то, что порицали, продолжалось, то оно вызвало озлобленіе, которое и вырвалось наружу въ 1447 году и тогда сказалось въ насиліяхъ. „Начаша людіе денги хулити серебряныя даже и вси новгородци, другъ на друга смотря, и бысть между ними голка и мятежь и нелюбовь . . . и бысть крестьянамъ скорбь велика и убытокъ въ городѣ и по волостемъ[1]) . . . Того же лѣта новгородци охулиша серебро, *рубли старыи и новыи;* бѣ денежникамъ прибытокъ. а *серебро передѣлаша въ денги* и у денежниковъ поимаше посулы . . . Выведе Сокира посадникъ ливца и вѣсца серебряного Ѳедора Жеребца на вѣче, напоивъ его, нача сочити: на кого еси лилъ рубли? онъ же оговори 18 человѣкъ и по рѣчемъ иныхъ съ мосту сметаша, а иныхъ домы разграбиша и изъ церквей вывозиша животы (имущества) ихъ, а преже того по церквамъ не искивали. И того же

1) До сихъ поръ — такъ и по новгородской синодальной стр. 428. Дальнѣйшія подробности по четвертой новгородской стр. 125—126.

Ѳедора начаша неправдивыи бояре научати говорить на многихъ людей, претяще ему смертью; онъ же протрезвився рѣче: на всѣхъ есмь лилъ и на всю землю и вѣсихъ со своею братьею ливци; тогда бѣ весь градъ въ сѣтованіи мнозѣ, а колодники и ябедники и посульники радовахуся, толко бы на кого выговорилъ и того самого смерти предаша, а животъ его въ церкви раздѣли и разграбиша. И бысть во градѣ мятежъ великъ".

Въ этомъ разсказѣ особенно важны указанія на предметы, возбудившіе порицанія и жалобы. Новгородцы охулили, прежде всего, денги серебряныя, конечно, потому что ихъ вѣсъ былъ чрезмѣрно уменьшенъ. Но этимъ новгородцы не ограничили своихъ порицаній. Они затѣмъ „охулиша серебро, *рубли* старые и новые" и потребовали чтобъ въ этомъ разобралось вѣче. И на вѣче произведено разбирательство этого предмета, которое шло уже глубже и касалось рублей, то есть, слитковъ. На вѣче былъ допрошенъ одинъ изъ денежниковъ и онъ долженъ былъ показать, на кого онъ лилъ слитки-рубли? Конечно, преступленіе было не въ томъ, что онъ „лилъ рубли"; это было его ремесло, и еслибъ онъ лилъ правильные рубли, полновѣсные въ 48 золотниковъ, то его къ отвѣту не привлекли-бы; но онъ лилъ неполновѣсные, т. е. фальшивые рубли, въ которыхъ было меньше 48 золотниковъ, которые не составляли гривенки. Вотъ эти „новые", фальшивые рубли, не могли не вызвать порицанія всѣхъ рублей, и старыхъ, и новыхъ, изъ за которыхъ произошла смута. Правильные рубли не могли оставаться въ обращеніи рядомъ съ неправильными, причиняя значительный убытокъ своимъ владѣльцамъ. И наконецъ, третій предметъ, обратившій на себя вниманіе и вызвавшій всеобщія порицанія, заключался въ томъ, что при томъ ходѣ, который получила чеканка денги, какіе бы то ни было *слитки-рубли уже не могли оставаться въ обращеніи* рядомъ съ монетою, которой вѣсъ непрерывно понижается. Если владѣльцу рублеваго слитка въ 48 золотниковъ было обидно, что его слитокъ стоялъ на одной доскѣ со слиткомъ, въ которомъ серебра было лишь 43—44 золотника, то и владѣльцу этого послѣдняго было убыточно имѣть серебро въ видѣ такого „новаго" рубля, т. е. 216 денегъ, даже когда вѣсъ этихъ денегъ понизился только до 18 долей; ибо 216 денегъ такого вѣса составляли уже только $40^1/_2$ золотниковъ. Поневолѣ *всѣ должны были броситься на перечеканку слитковъ въ маловѣсную монету*; всѣ новгородцы „передѣлаша серебро въ денги"; такимъ образомъ произошелъ тотъ фактъ, о которомъ разсказываетъ Герберштейнъ: что когда-то обраща-

лись рубли-слитки, которые потомъ исчезли и которыхъ при немъ уже давно не было.—Толпа расчиталась съ виновниками разстройства денежнаго безпорядка по своему: бросали ихъ съ моста въ Волховъ и грабила ихъ имущество, разъискивая его по церквамъ, въ которыя оно отдавалось для храненія и до этого случая оставалось неприкосновеннымъ. Ярость толпы видимо была при этомъ особенная, если она вызвала замѣчаніе лѣтописца, „преже того по церквямъ не искивали“.—И все таки этимъ дѣло не кончилось. Произошло то, что при правильномъ ходѣ дѣлъ должно было бы произойти въ 1420 г., когда началась чеканка новгородской монеты. Въ это дѣло, наконецъ, вмѣшались власти: посадникъ и тысяцкій и весь Великій Новгородъ. На этотъ разъ лѣтописецъ уже ясенъ и показываетъ, что чеканка монеты была изъята изъ рукъ денежниковъ. „И посадникъ и тысяцкій и весь Новгородъ уставиша пять денежниковъ и начаша переливати старыя денги, а новыя ковати“. Это означало коренной переворотъ въ постановкѣ чеканки монеты въ Новгородѣ. Она перестала быть вольнымъ промысломъ и даже вообще промысломъ. Съ 1447 г. къ Новгороду уже не относится то, что по Герберштейну въ Москвѣ происходило еще чрезъ 75 лѣтъ: что всѣ серебряныхъ дѣлъ мастера занимались дѣланіемъ денги. Въ Новгородѣ съ 1447 г. уже не всѣ серебряныхъ дѣлъ мастера занимались этимъ дѣломъ, а напротивъ они отъ него были отстранены. Осталось только 5 денежниковъ, да и тѣ были „уставленные“, назначенные для общаго дѣла. По смыслу этой перемѣны, надо полагать, что съ 1447 г. въ Новгородѣ существовалъ уже монетный дворъ, на которомъ уставленные пять денежниковъ „ковали денги“, когда въ томъ была надобность. Лѣтопись умалчиваетъ, по какой стопѣ съ этого времени въ Новгородѣ чеканилась денга. Изъ того, однако, что между денгами, которые до насъ дошли (и которыя охватываютъ, какъ чеканенныя въ 1420—1447 г.г., такъ и чеканенныя съ 1447—1478 г.г.) все таки преобладаютъ 18 и $17^1/_2$ дольныя, можно заключить, что послѣ 1447 г. придерживались чеканки 260 денегъ изъ гривенки.

Такимъ образомъ, въ Новгородѣ дѣло еще кончилось сравнительно благополучно. Вѣсъ денги понизился съ $^2/_3$ золотника или $21^1/_3$ доли до $^9/_{48}$ золотника или 18 долей; уменьшеніе это, однако, составляло лишь $15^5/_8\%$ и новгородская денга, считаясь 18 дольною, сохраняла $84^3/_8\%$ своего первоначальнаго вѣса. Это дозволило новгородцамъ остаться при первоначальномъ заимствованномъ у Москвы, денежномъ счетѣ, по 216 денегъ на рубль. Этотъ рубль, какъ 216

денегъ по $^{9}/_{48}$ золотника все еще составлялъ $40^{1}/_{2}$ золотника серебра. При этомъ рублѣ новгородцы, пока, и остались до покоренія ихъ Москвою.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Первое измѣненіе московскаго рубля.

1435—1485.

Въ то самое время, когда только что разобранныя явленія происходили въ Новгородѣ, въ Москвѣ происходило не просто тоже самое, а мнократно усиленное и усложненное. Безпорядокъ воцарялся какъ будто безпредѣльный, который никакой мѣры знать не хотѣлъ. И въ то время, какъ въ Новгородѣ народный бунтъ положилъ конецъ операціямъ денежниковъ и тѣхъ слоевъ населенія которые за денежниками стояли, вызвавъ вмѣшательство властей, и это вмѣшательство возстановило рубль въ 216 денегъ и чеканку монетъ сдѣлало правительственнымъ дѣломъ,—въ Москвѣ ничего подобнаго не произошло. Произошло нѣчто иное, гораздо болѣе глубокое и сильное, измѣнившее народныя привычки и подѣйствовавшее такъ сильно на нихъ, что это введеніе продолжалось $2^{1}/_{2}$ столѣтія, а слѣды его исчезли только подъ вліяніемъ денежныхъ мѣропріятій Петра Великаго.

И тѣмъ не менѣе о томъ, что происходило съ чеканкою денги при Василіи Темномъ, мы знаемъ только по монетамъ, чеканившимся въ его время, и такимъ письменнымъ извѣстіямъ, которыя какъ будто стоятъ совершенно въ сторонѣ отъ пониженія вѣса денги при Василіи Темномъ,—которыя поэтому никогда не разсматривались въ связи съ этимъ пониженіемъ, да и вообще совсѣмъ не обращали на себя вниманія. Прямыхъ же свѣдѣній, въ родѣ извѣстія о новгородскомъ денежномъ бунтѣ 1447 г., до насъ не дошло никакихъ.

Нумизматы знаютъ, что „монеты, относимыя Василію Темному, отличаются необыкновеннымъ обиліемъ типовъ, сравнительно съ монетами прочихъ великихъ князей и особенно его отца. Отличіе монетъ, относимыхъ Василію Васильевичу, отъ монетъ его предшественника состоитъ въ величинѣ и вѣсѣ; если наиболѣе сохранныя экземпляры монетъ Василія Дмитріевича вѣсятъ 22 доли, то у Василія Темнаго тяжелѣе 18 долей не встрѣчается и, кромѣ того, у послѣдняго одновременно или, какъ думаютъ нѣкоторые нумизматы, къ концу его княженія, чеканились монеты очень легкаго вѣса, въ 6—9 до-

лей“ [1]). Чертковъ говоритъ, что изъ имѣвшихся у него 800 монетъ Василія Темнаго ни одна не была тяжелѣе 17 долей (12 аптечныхъ грановъ). Чертковъ полагалъ также, что монеты этого и вообще болѣе значительнаго вѣса, дѣланы въ первые годы правленія Василія Темнаго и „неимовѣрно, чтобы правительство московское отъ 12 гранъ понизило вѣсъ до 6 гранъ ($8^1/_2$ долей) безъ какого-нибудь переворота въ великомъ княжествѣ; а какъ ничего подобнаго изъ лѣтописей не знаемъ, то вѣроятно пониженіе въ вѣсѣ дѣлалось постепенно, годъ отъ году, и въ концѣ правленія Василія дошло до половины цѣнности первыхъ его монетъ; разумѣется положительно этого доказать нельзя, ибо на денгахъ нѣтъ годовъ (ихъ чеканки); но принимая въ соображеніе, что правительство при великихъ князьяхъ *монетнаго двора не имѣло* и денги дѣлали денежники, серебряныхъ дѣлъ мастера, то и надлежащій надзоръ за симъ былъ невозможенъ. И само правительство по финансовымъ понятіямъ того времени, быть можетъ, извлекало изъ сего свою пользу, а потому, такъ сказать, смотрѣло сквозь пальцы“ [2]). Такъ какъ титулъ „Осподарь“ принятъ Василіемъ Темнымъ не раньше 1451 г., то и монеты съ этимъ титуломъ не старѣе 1451 г., а ни одна изъ этихъ монетъ не имѣетъ вѣса больше 8 гранъ или 11 долей. Но одни ли монеты съ титуломъ Осподарь имѣютъ этотъ вѣсъ, этого вопроса Чертковъ не касается.

Все это, однако, довольно глухо и неопредѣленно характеризуетъ чрезвычайныя событія, происшедшія въ Москвѣ въ дѣлѣ чеканки монеты при Василіѣ Темномъ и даже сосвѣмъ не говоритъ, имѣли-ли эти событія какія нибудь крупныя послѣдствія и даже вообще какія бы то ни было послѣдствія. Несомнѣнно, очень существенно указаніе А. В. Орѣшникова, что монеты Василія Темнаго отличаются чрезвычайною многочисленностью нумизматическихъ типовъ ихъ; но это само по себѣ интересно только для собирателя монетъ. Большее значеніе имѣетъ то обстоятельство, что однородное замѣчаніе сдѣлано было гр. И. И. Толстымъ о новгородкахъ: типовъ новгородской денги собственно только два, различающихся тѣмъ, что одна изъ двухъ фигуръ, изображенныхъ на монетѣ, а именно та, которой приданы атрибуты власти, на однихъ монетахъ изображается стоящею, а на другихъ сидячею; но каждый изъ этихъ типовъ очень сильно разнообразится и это вызываетъ очень много разновидностей новгородской

1) А. В. Орѣшниковъ, Русскія монеты до 1547 г. стр. 96.
2) Чертковъ. Описаніе древнихъ русскихъ монетъ. Москва 1834 г. стр. 12, 13.

денги. Случайно-ли это совпаденіе монетъ новгородскихъ и Василія Темнаго по множеству ихъ разновидностей? Мы думаемъ, что оно не случайно и явилось послѣдствіемъ одной и той же причины: что въ Новгородѣ и въ Москвѣ въ сороковыхъ годахъ XV вѣка чеканкою монеты занималось очень большое число денежниковъ. Стало выгодно заниматься этимъ промысломъ и на него набросилось большое число лицъ; отсюда и большое разнообразіе штемпелей, которыми они чеканили монету: каждый чѣмъ-нибудь себя ознаменовывалъ.

Что касается мысли Черткова, что пониженіе вѣса денги при Василіи Темномъ происходило постепенно, что только въ концѣ княженія Василія Темнаго чеканилась маловѣсная денга и что Василій Темный, можетъ быть, принималъ участіе въ использованіи выгодъ отъ чеканки маловѣсной денги, то внѣ всякаго сомнѣнія въ ней только одно: что такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ эпохою пониженія вѣса денги, то конечно двигались сверху внизъ, а не наоборотъ. Иначе это была бы эпоха не только пониженія, но и возвышенія вѣса, о которомъ мы ничего не знаемъ. Но утверждать, что при этомъ двигались постепенно, а не скачками, это значитъ забывать что въ такомъ движеніи обыкновенно участвуютъ люди разныхъ темпераментовъ, горячіе, скачущіе, и осторожные, медленные. Какъ мы ниже увидимъ, сильное пониженіе вѣса московской денги при Василіи Темномъ имѣло очень крупныя послѣдствія: населенію пришлось къ этому приспособиться и оно съумѣло достигнуть своей цѣли уже въ первые годы княженія Ивана III. Но для этого необходимо было время, а отчасти для этого должны были служить послѣдніе годы княженія Василія Темнаго. Вотъ почему трудно допустить что особенно чеканка маловѣсной денги происходила въ послѣдніе годы княженія Василія Темнаго, когда онъ усѣлся наконецъ спокойно въ Москвѣ и могъ пріобщиться къ использованію выгодъ отъ означенной чеканки. Какъ ни похоже на Василія Темнаго желаніе этого рода, но обстоятельства ему не благопріятствовали. Мы думаемъ, напротивъ, что когда Василій Темный усѣлся наконецъ спокойно въ Москвѣ, то горячая пора чеканки маловѣсной денги уже кончилась; Василій Темный въ ней могъ принимать участіе, какъ одинъ изъ многихъ, во время одного изъ многихъ перерывовъ, когда онъ возвращался въ Москву, чтобы опять изъ нея удалиться.

Лучшія, критически пересмотрѣнныя данныя о московской денгѣ времени Василія Темнаго въ настоящее время содержатся въ каталогѣ Румянцевскаго музея. Къ сожалѣнію, монеты въ этомъ каталогѣ

сгруппированы не по вѣсу ихъ, а по наружному ихъ виду. Мы поэтому ихъ подвергли перераспредѣленію по вѣсу[1]) и такимъ образомъ получили возможность судить въ какихъ числахъ различныя категоріи вѣса представляются монетами Василія Темнаго. Числа эти слѣдующія:

Вѣсъ монетъ въ доляхъ.	Число монетъ.		Вѣсъ монетъ въ доляхъ.	Число монетъ.	
17 долей.	10		11 долей	45	
16½ »	30		10½ »	15	
16 »	250	337	10 »	12	
15½ »	18		9½ »	20	153
15 »	29		9 »	17	
14½ »	2		8½ »	23	
14 »	8		8 »	21	
13½ »	2		7 »	10	
13 »	5	28	6½ »	5	21
12½ »	4		6 »	1	
12 »	4		5½ »	4	
11½ »	3			539	

1) Это перераспредѣленіе—работа довольно утомительная; для сокращенія ея читателямъ, которые желали бы насъ повѣрить, мы здѣсь представляемъ ея черновые результаты: числа въ ней означаютъ нумера монетъ Румянцевскаго каталога; когда подъ какимъ нибудь нумеромъ значится нѣсколько экземпляровъ одинаковаго вѣса, то число ихъ показано въ скобкахъ.

Вѣсъ монетъ въ доляхъ.	Нумера монетъ.
17 долей.	507, 508 (2), 510, 523, 555, 561, 565, 570, 585, 595.
16½ »	509, 518, 521 (8), 524, 548, 556, 560, 561, 568 570, 597 (11), 598 (2).
16 »	513, 517, 518, 519, 532 (82), 541 (30), 542 (10), 553, 554, 563 (24), 583 (25), 584. 594 (47), 596, 620 (45), 621.
15½ »	512, 516 (2), 543, 547, 558 (2), 570, 598, 620 (9).
15 »	517, 518, 520, 523 (19), 525 (2), 532, 553, 559, 561, 585.
14½ »	549, 569.
14 »	511, 514, 555, 562, 572, 573, 585, 598.
13½ »	530, 593.
13 »	526, 531, 550, 551, 562.
12½ »	530 (7). 533, 552.
12 »	533, 535, 574, 580.
11½ »	566, 606, 607.
11 »	527, 530 (4), 567 (2), 571, 574, 581, 590, 591, 601 (10), 606, 608, 614, 625 (18), 626, 629.
10½ »	515, 564, 577, 605 (5), 607, 608, 612, 626, 629, 631 (2).
10 »	534, 546, 564, 567, 575, 576, 579 (2), 599 (2), 601, 629.
9½ »	528, 538, 567, 579 (2), 600 (4), 610 (5), 633 (6).
9 »	538, 575. 600 (4), 610 (2), 611 (2), 614, 614 (4), 619, 630.
8½ »	587 (2), 588, 599 (2), 602 (2), 613 (2), 614, 615 (4), 616 (4), 617, 618 (2), 619, 630.
8 »	539, 540, 545 (3). 557, 586, 587 (2), 588, 611 (2), 613 (2), 614 (4), 617, 628, 632 634, 636.
7½ »	544, 609, 628, 635. 636, 637.
7 »	536, 537, 577, 582 586, 589, 592, 604, 627, 628.
6½ »	529, 611 (2), 617, 617a.
6 »	603.
5½ »	529, 577, 578, 628.

Если подъ однимъ и тѣмъ-же нумеромъ показаны монеты различнаго вѣса, то нумеръ соотвѣтственно повторенъ въ надлежащемъ мѣстѣ.

Эти числа совершенно ясно показываютъ, что происходившее въ Москвѣ весьма сильно отличалось отъ того, что одновременно происходило въ Новгородѣ. Въ Новгородѣ денежники и стоявшіе за ними богатые люди, имѣвшіе серебро и желавшіе нажиться отъ пониженія вѣса монеты, увеличивали число денегъ, чеканившихся изъ гривенки, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ при этомъ не перешли предѣла чеканки изъ гривенки 260 денегъ; поэтому въ этомъ преобладающемъ большинствѣ случаевъ вѣсъ денги не понизился далѣе 18 долей; когда же нѣкоторая часть денежниковъ пошла дальше и стала чеканить изъ гривенки больше 260 денегъ, то народный бунтъ совсѣмъ пріостановилъ движеніе и вызвалъ вмѣшательство власти. Въ Москвѣ было иное; наши числа показываютъ, что насколько въ Москвѣ повторялось и то, что происходило въ Новгородѣ, въ Москвѣ безпрепятственно пошли гораздо дальше. Началось и въ Москвѣ съ того, что денежники и тѣ, которые за ними стояли, стали сильно уменьшать вѣсъ денги; но въ Москвѣ при этомъ прямо и безцеремонно перескочили чрезъ нѣкоторыя ступени и оттого до насъ совсѣмъ не дошли экземпляры денги времени Василія Темнаго вѣсомъ въ 19, $18^1/_2$, 18 и $17^1/_2$ долей. Но и чеканкою денги въ 17 и $16^1/_2$ долей занимались недолго и всего больше налегли на чеканку денги въ 16 долей; денегъ этого вѣса дошло до насъ число, составляющее почти половину всего числа денегъ времени Василія Темнаго; а если къ этому числу 16-дольныхъ денегъ прибавить съ одной стороны число 17 и $16^1/_2$-дольныхъ, а съ другой стороны $15^1/_2$ и 15 дольныя (то есть, если взять всѣ тѣ виды денги, которыя всѣ вмѣстѣ имѣютъ средній вѣсъ 16 долей), то всего такихъ денегъ до насъ дошло 337 или немного менѣе двухъ третей (63%) всѣхъ денегъ Василія Темнаго. Но 16-дольныя денги представляютъ только то, что сдѣлала *лишь одна группа* денежниковъ а именно та, которая какъ-бы не сходила съ почвы существующаго и желала его эксплуатировать въ личныхъ интересахъ, но его хоть *не разрушала.* Гораздо опаснѣе было то, что въ Москвѣ рядомъ съ указанною группою оказалась *другая,* тоже видимо сильная, группа, которою собственно Москва отличалась отъ Новгорода, гдѣ этой второй группы почти совсѣмъ не было, или она не въ состояніи была широко распространить свои дѣйствія. Эту вторую группу представляли денежники, которые *прямо чеканили маловѣсную денгу,* расчитанную на сбытъ въ качествѣ полновѣсной. Къ этой группѣ принадлежали денежники, чеканившіе денгу въ 8—11 долей, и хотя ими начеканено лишь больше одной черверти (28%) всѣхъ монетъ времени Василія

Темнаго, но они были гораздо опаснѣе первой группы; потому что они превращали въ прямой обманъ весь денежный счетъ и пользованіе деньгами, какъ орудіемъ обмѣна. Что эти маловѣсныя монеты не были расчитаны на то, чтобъ служить, какъ половинки полновѣсныхъ, а напротивъ завѣдомо выпускались для того, чтобъ ихъ не различали отъ полновѣсныхъ и чтобъ чудовищно увеличивались выгоды и барыши денежниковъ и стоявшихъ за ними, это совершенно ясно выразилось въ борьбѣ, которую вызвало совмѣстное обращеніе въ Москвѣ полновѣсныхъ, хотябы и лишь 16-дольныхъ денегъ, и маловѣсныхъ 8—11 дольныхъ.

Населенію, конечно, было очень убыточно, когда его заставляли за рубль или 216 денегъ полновѣсныхъ брать 216 маловѣсныхъ денегъ. Конечно, каждый могъ отказаться отъ принятія маловѣсной денги за полновѣсную. Для этого, однако, была необходима увѣренность, что полновѣсная денга, хотя-бы въ 16 долей, останется полновѣсною. Но повидимому этой увѣренности въ Москвѣ не могло быть въ тревожное время Василія Темнаго. Чеканившіе 16-дольную денгу удовлетворялись тѣмъ, что ея выходило изъ гривенки 288 штукъ; но рядомъ съ ними другіе денежники далеко заходили за этотъ предѣлъ и чеканили изъ гривенки больше 300, больше 400 и даже больше 500 денегъ. (При чеканкѣ 500 денегъ изъ гривенки вѣсъ денги составлялъ больше 9 долей). Денежники этой категоріи прямо расчитывали на то, что толпа не можетъ разбираться въ монетѣ и будетъ принимать маловѣсную за полновѣсную. Это волею-неволею ставило въ очень шаткое и убыточное положеніе тѣхъ денежниковъ, которые чеканили полновѣсную монету. И это конечно ихъ сильно искушало. Расчитывать на то, что денежники, чеканившіе полновѣсную монету, будутъ продолжать ее чеканить, нельзя было. А защиты населенію негдѣ было искать. И ему не до денежныхъ бунтовъ было въ это время въ Москвѣ, которую брали то противники Василія Темнаго, то его защитники, то татары.

Населеніе должно было извернуться собственными силами, тѣми силами, которыя создаютъ народныя привычки, нравы, обычаи. Начинаютъ отдѣльныя лица, придумывающія для себя способы самозащиты; имъ подражаютъ другіе, которые не могутъ выдумать ничего лучшаго; за другими идутъ третьи, четвертые и т. д., пока не оказывается, что *всѣ одинаково поступаютъ;* а повтореніе одинаковаго образа дѣйствій въ теченіи времени превращаетъ его въ *общую привычку* поступать именно извѣстнымъ образомъ, а не иначе; привычка отъ этого превращается въ обычай.

Такъ было въ Москвѣ въ послѣдніе годы княженія Василія Темнаго и можетъ быть, въ первые годы Ивана III. Постепенно создался новый денежный счетъ, приноровленный съ одной стороны *къ старому денежному счету*, а съ другой стороны къ новымъ условіямъ, возникшимъ отъ появленія *маловѣсной* денги. Такъ какъ полновѣсная денга, хотя бы и 16 дольная, представляла очень шаткую почву, потому она очень легко могла превратиться въ маловѣсную, то московское населеніе *совсѣмъ отстранилось отъ нея*. „Московскими ходячими денгами" стали считать *только маловѣсную* денгу. Этимъ отстранялась возможность навязывать населенію маловѣсныя денги вмѣсто полновѣсныхъ и обманъ этого рода лишался почвы. Игра на двоякаго рода чеканку денги, какъ крупнаго, такъ и малаго вѣса, прекращалась не правительственнымъ мѣропріятіемъ, а народною привычкою.

На почвѣ маловѣсной денги въ Москвѣ создался новый специфически *московскій* денежный счетъ, лишь очень немного отличный отъ прежняго, сохранившагося въ Новгородѣ и ставшаго отъ этого отличительнымъ *новгородскимъ*. Особенность московскаго счета состояла въ томъ, что *онъ строился снизу вверхъ*. На фундаментѣ *маловѣсной* денги построилась *новая московская* гривна; на ней создалась *новая московская* полтина, а на этой полтинѣ построился *новый московскій* рубль.

До Василія Темнаго московская, какъ и новгородская гривна, считалась въ 14 денегъ; эта гривна и осталась въ силѣ въ Новгородѣ, когда въ Москвѣ появилась новая московская гривна. Въ гривнѣ можно было считать 14 денегъ, пока эти денги были крупнаго вѣса. Но при счетѣ на маловѣсныя денги нужно было это число увеличить. На сколько? Удвоить это число и принять его въ 28 денегъ значило напередъ осудить московскую маловѣсную „ходячую", денгу на очень низкій уровень, то-есть, считаться только съ очень маловѣсною денгою. Поэтому въ Москвѣ вошло въ обычай считать на гривну среднее число между 14 и 28 денгами, а именно *20 новыхъ московскихъ маловѣсныхъ* денегъ. Это было удобно еще и въ томъ отношеніи, что дало почву для построенія на ней такой *новой московской полтины*, которая, состоя изъ пяти новыхъ московскихъ гривенъ, содержала $5 \times 20 = 100$ *новыхъ московскихъ*, то есть, очень мало отличалась отъ старой полтины, которая содержала (и продолжала въ Новгородѣ содержать) 108 денегъ крупнаго вѣса. Эта новая московская полтина получила названіе „пятигривеннаго серебра". Изъ двухъ-же новыхъ московскихъ полтинъ „пятигривеннаго серебра" образовался *новый московскій рубль* въ *двѣсти* гривенъ или *двѣсти* московскихъ ма-

ловѣсныхъ денегъ, отличаясь въ счетномъ отношеніи очень мало отъ стариннаго рубля содержавшаго 216 денегъ.

Единство древнерусскаго рубля отъ этого разрушилось, потому что въ Москвѣ некому было за него заступиться и объ немъ позаботиться: именно это отсутствіе защиты унаслѣдованнаго создало въ Москвѣ условія, которыя сдѣлали невозможнымъ сохраненіе унаслѣдованнаго. Создался тотъ единственный выходъ, который допускался запутаннымъ и разстроеннымъ положеніемъ. И любопытно, что при этомъ старались *какъ можно ближе примкнуть* къ старому привычному денежному счету. Какъ прежде повсюду считали (а въ Новгородѣ продолжали считать) на рубль по 216 денегъ крупнаго вѣса, такъ въ Москвѣ считали на рубль 200 денегъ „ходячихъ“ московскихъ маловѣсныхъ.

Внѣшняя перемѣна, насколько она важна *для счета*, была незначительна и почти совсѣмъ не затрудняла. Этого видимо и желали достигнуть. Но внутренная перемѣна была огромная. Если бы Василій Темный въ состояніи былъ бы ее осуществить въ фискальныхъ своихъ выгодахъ, то она доставила бы ему весьма значительныя суммы. Но даже трудно себѣ представить, хотя бы и въ спокойное время, чтобы даже и такой хитрый и сильный человѣкъ, какимъ былъ отецъ Ивана III, могъ „правительственнымъ мѣропріятіемъ“ осуществить такую сложную перемѣну, какъ измѣненіе рубля и его состава. „Само собою“, силою обычая, безъ намѣренныхъ стараній со стороны кого бы то ни было, перемѣна могла произойти и дѣйствительно произошла. Но искусственно ее сдѣлать едва-ли было бы возможно.

Но дѣйствительно-ли она произошла именно тогда? Въ этомъ никакого не можетъ быть сомнѣнія, потому что описанная выше московская денежная система есть та самая система, которая, какъ московская, въ отличіе отъ новгородской, просуществовала съ половины XV вѣка до конца XVII в. Мы ниже увидимъ, что она не соотвѣтствовала „видамъ правительства“ уже съ Ивана III и какъ при немъ, еще болѣе при Иванѣ IV и въ теченіе всего XVII вѣка „правительство“ стремилась снять денежную систему съ той почвы народныхъ привычекъ, на которой она построилась и держалась, съ половины XV в. Только Петру Великому рѣшеніе этой задачи наконецъ удалось; но съ половины XV до конца XVII вѣка населеніе, народъ упорно отстаивалъ свои привычки, и совсѣмъ не считался съ правительственными стараніями, не вѣдалъ ихъ и не обращалъ на нихъ никакого вниманія.

Но дѣйствительно-ли московскій денежный счетъ и московская денежная система, состоящая изъ московскаго рубля въ 200 мало-

вѣсныхъ московскихъ денегъ, въ 10 новыхъ московскихъ гривенъ по 20 маловѣсныхъ денегъ въ гривнѣ, дѣйствительно-ли эта система возникла въ связи съ описанными событіями при Василіи Темномъ въ послѣдніе годы его княженія и (самое позднее) въ первые годы Ивана III? Это конечно требуетъ доказательства и это доказательство мы въ состояніи представить. Самое раннее упоминаніе о „пятигривенномъ серебрѣ“ встрѣчается въ жалованной грамотѣ бѣлозерскаго князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю отъ 3 февраля 1468 г. Въ этой грамотѣ между прочимъ говорится: „далъ есьмъ имъ сію грамоту оброчную, что имъ давати дани въ мою казну, отъ сбора до сбора, на годъ по десяти рублевъ *пятигривеннымъ серебромъ*, а привозятъ то серебро сами да отдаютъ въ мою казну“ [1]). Что означаетъ это пятигривенное серебро? На это отвѣчаетъ закладная на пустошь, напечатанная Н. В. Калачевымъ въ Актахъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи и отнесенная имъ къ XV в.; въ этомъ документѣ говорится: „се азъ, Васюкъ Нога Есиновъ сынъ, занялъ есьмъ отъ Троицкаго старца, отъ Геронтія Сергѣева монастыря, два рубля съ четвертью *московскими* денгами *ходячими*, по *пяти гривенъ за полтину*“. Рядомъ, тутъ-же напечатана закладная на право рыбной ловли слѣдующаго содержанія; „се язъ, Окулъ Жукъ, занялъ есьмъ у архимандрита у Воскресенскаго у Чернявскаго монастыря рубль денегъ *московскими денгами ходячими* по *пяти гривенъ за полтину*“. Это совершенно ясно показываетъ, что „пятигривеннымъ серебромъ“ обозначали такой денежный счетъ, который полагаетъ пять гривенъ на полтину, слѣдовательно, десять гривенъ на рубль. По старому денежному счету оставшемуся въ силѣ въ Новгородѣ, по 216 денегъ на рубль и по 14 денегъ на гривну, на рубль шло $216:14 = 15^3/_7$ гривенъ, а на полтину шло $7^5/_7$ гривенъ.

Этотъ то новый, *московскій*, денежный счетъ уже настолько распространился и вошелъ въ нравы, что на его основѣ заключались договоры и выдавались жалованныя грамоты въ 1468, т. е. чрезъ 6 лѣтъ послѣ начала княженія Ивана III. (Василій Темный умеръ въ 1462 г.). Въ настоящемъ случаѣ для насъ важно было установить моментъ, когда новый денежный счетъ московскій окончательно сложился, и приведенный нами документъ доказываетъ, что такимъ моментомъ должно считать первые годы княженія Ивана III. А такъ какъ необходимо было нѣкоторое время для того, чтобъ новый денежный счетъ вошелъ

1) Доп. къ А. И. I № 201, стр. 354.

въ нравы и сталъ обыкновеннымъ, то необходимо допустить, что это время относится къ послѣднимъ годамъ княженія Василія Темнаго.

Относительно того, какое обширное распространеніе новый денежный счетъ получилъ при Иванѣ III, его сынѣ, внукѣ и даже правнукѣ никакихъ сомнѣній не можетъ быть; многочисленныя доказательства этого нами приведены въ изслѣдованіи „Русскій вѣсъ“ [1]). Ниже намъ придется останавливаться на томъ, что новый московскій денежный счетъ въ XVII ст. совсѣмъ вытѣснилъ всякій иной счетъ и остался единственнымъ, господствующимъ.

Въ результатѣ разсмотрѣнныхъ событій, происходившихъ въ Новгородѣ и Москвѣ въ эпоху Василія Темнаго, мы видимъ первую эволюцію рубля, сильно его измѣнившую. Первоначальный рубль, тождественный съ гривенкою, рубль въ 48 золотниковъ *сходитъ со сцены* и вмѣстѣ съ нимъ выходятъ изъ употребленія серебрянные слитки, рублевые, полтинные и четверти, которыя становятся „древними“ и такими считаются уже при Иванѣ Грозномъ. Этотъ старѣйшій рубль оказался непосильнымъ для монгольской Руси. Какъ наслѣдіе отъ нея, Русь Ивана III въ началѣ его княженія получаетъ *уменьшенный рубль въ двухъ видахъ,* новгородскомъ и московскомъ. Въ Новгородѣ гдѣ тогда преобладаетъ денга въ 18 долей и остается въ силѣ прежній рубль въ 216 денегъ, этотъ рубль представляетъ $216 \times 18 = 3888$ долей или $40^1/_2$ золотниковъ серебра, вмѣсто первоначальныхъ 48 золотниковъ; такимъ образомъ въ Новгородѣ рубль потерялъ только $15^5/_8$ % своего первоначальнаго вѣса и сохранилъ еще $84^3/_8$ % его. Въ Москвѣ перемѣна была гораздо сильнѣе. Считая маловѣсную денгу Москвы того времени въ 8 долей, ея выходило изъ гривенки или 4608 долей $4608:8 = 576$, а московскій рубль или 200 такихъ денегъ содержалъ $200 \times 8 = 1650$ долей или $16^2/_3$ золотниковъ серебра, то есть, въ московскомъ рублѣ оставалось уже только немного болѣе одной трети (34.7 %) первоначальнаго рубля (25/72 его), а остальныя 65.3%, почти двѣ трети его первоначальнаго содержанія, были потеряны. Въ Новгородѣ гривенка серебра, изъ которой чеканили 256 новгородскихъ денегъ по 18 долей, представляла уже не только рубль, но одинъ новгородскій рубль въ 216 денегъ, двѣ новгородскія гривны по 14 денегъ и 10 новгородскихъ денегъ. Въ Москвѣ же гривенка серебра, изъ которой чеканили 576 маловѣсныхъ денегъ по 8 долей представляла полтретья

1) Русскій вѣсъ, стр. 17—24.

(2½) московскихъ рубля по 200 московскихъ денегъ, три московскихъ гривны по 20 такихъ денегъ два алтына и 4 денги.

Прибавимъ, что тѣ изъ удѣльныхъ княжествъ, которыя еще чеканили свою отдѣльную монету въ концѣ княженія Василія Темнаго, шли по слѣдамъ Москвы. Полагаютъ, что тогда въ Москвѣ чеканились не только *велико-княжскія, но и удѣльныя* монеты [1]).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Рубль Ивана III.

1485—1535.

Съ Ивана III московское великое княжество и земли, вошедшія въ его составъ, становится самостоятельнымъ государствомъ. Однимъ изъ послѣдствій этого было то, что чеканка монеты стала государственною регаліею московскаго великаго князя. И что Иванъ III это вполнѣ уразумѣлъ, объ этомъ онъ самъ намъ оставилъ совершенно ясное свѣдѣніе въ своемъ духовномъ завѣщаніи. Въ этомъ завѣщаніи, между прочимъ Иванъ III дѣлаетъ такое распоряженіе: „а сынъ мой Юрій съ братьею по своимъ удѣломъ въ московской землѣ и въ тверской денегъ дѣлати не велятъ, а денги велитъ дѣлати сынъ мой Василей на Москвѣ и во Твери, *какъ было при мнѣ*“. Это значитъ другими словами, „что въ княженіе Ивана III на Руси совсѣмъ прекращается чеканка монетъ удѣльными князьями и вводится монета общая для всего государства съ надписью „Осподарь“ или „Государь всея Руси“ [2]). О Новгородѣ въ духовной Ивана III не упоминается, потому что само собою было очевидно, что тамъ чеканилъ монету послѣ завоеванія Новгорода только великій князь московскій. Такія монеты съ соотвѣтствующею надписью до насъ и дошли.

До насъ не дошло никакихъ письменныхъ извѣстій о томъ на какихъ основаніяхъ Иванъ III установилъ „общую монету для всего государства“. Но предметъ этотъ не трудно выяснить въ связи съ изложенными выше указаніями о томъ, какъ слѣдуетъ понимать лѣтописное извѣстіе о томъ, что при сынѣ Ивана III чеканили изъ гри-

1) Уляницкій. Междукняжескія отношенія въ XIV—XV ст. (Чтенія 1894 кн. IV) стр. 47.

2) А. В. Орѣшниковъ, ук. соч. стр. 119.

венки 260 новгородскихъ денегъ, по московскому-же денежному счету полтретья ($2^1/_2$) рубля съ гривною. Въ московскомъ рублѣ было 200 московскихъ денегъ, а въ гривнѣ 20 такихъ денегъ; поэтому полтретья рублей съ гривною въ московское число означало 520 московскихъ денегъ, вдвое больше, чѣмъ изъ гривенки чеканилось новгородскихъ денегъ.

Выше нами было выяснено, что лѣтописное извѣстіе о томъ, что при сынѣ Ивана III чеканили 260 новгородскихъ денегъ, а по московскому счету полтретья рублей съ гривною или 520 московскихъ денегъ, нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что такіе денги *начали* чеканить Василій Ивановичъ. Мы сейчасъ разсмотримъ вѣсъ денегъ, которые чеканили Иванъ III и его сынъ, и покажемъ, что фактическія данныя вполнѣ потверждаютъ мнѣніе нумизматовъ объ одинаковости вѣса денегъ Ивана III и Василія Ивановича. А разъ вѣсъ денги одинаковый, это доказываетъ, что оба они чеканили *одинаковое число* денегъ изъ гривенки или 4608 долей. Вѣсъ составляетъ только частное отъ раздѣленія гривенки или 4608 долей на то число денегъ, которое чеканится изъ гривенки. Если вѣсъ одинаковый, то это доказываетъ, что столько же денегъ, новгородскихъ и московскихъ, сколько чеканилъ Василій Ивановичъ, чеканилъ и Иванъ III.

Но и объ Иванѣ III нѣтъ основанія думать, что онъ первый довелъ число монетъ, чеканившихся изъ гривенки, до тѣхъ предѣловъ, на которые указываетъ лѣтописное извѣстіе. Теперь, послѣ данныхъ, нами приведенныхъ о томъ, какъ шла чеканка денги въ Новгородѣ и въ Москвѣ въ княженіе Василія Темнаго, мы въ состояніи точнѣе и яснѣе опредѣлить отношеніе Ивана III къ тому извѣстію, которое лѣтопись намъ даетъ о числѣ денегъ, чеканившихся изъ гривенки. Съ одной стороны приведенныя выше (стр. 47) числа гр. И. И. Толстого о взвѣшенныхъ имъ новгородахъ показываютъ, что въ Новгородѣ не только дошли до чеканки 260 монетъ изъ гривны, но перешли за этотъ предѣлъ; это выразилось въ чеканкѣ не только новгородокъ въ 18 долей, которыхъ изъ гривенки выходило 256, но ногородокъ въ $17^1/_2$ и 17 долей, которыхъ изъ гривенки выходило 267 и 270 монетъ, и даже еще больше. Съ другой стороны въ Москвѣ денежники чеканили маловѣсныя денги въ 8 и меньше долей, то есть, изъ гривенки ихъ чеканили 576 и больше. Создавая „денежную систему общую для всего государства“, Иванъ III долженъ былъ прежде всего установить предѣлъ для чеканки денги, то-есть: *установить монетную стопу* опредѣленіемъ, сколько монетъ должно чека-

ниться изъ гривенки, чѣмъ одновременно указывался и нормальный ихъ вѣсъ. При первобытной техникѣ монетной чеканки той эпохи очень и малому вѣсу даже новгородки, обязательнымъ не могъ быть сдѣланъ вѣсъ отдѣльный денги, а могло быть сдѣлано обязательнымъ только число монетъ, чеканившихся изъ гривенки. Поэтому только въ опредѣленіи этого числа выразилось опредѣленіе монетной стопы, какъ опредѣленіе закона, нарушеніе котораго составляло преступленіе. Для этого-то опредѣленія Иванъ III взялъ монетную стопу, по которой изъ гривенки чеканится 260 новгородокъ, вѣроятно потому, что она ближе подходила къ вѣсу преобладающей части обращавшихся новгородокъ. При чеканкѣ 260 новгородокъ изъ гривенки ($5^5/_{12}$ новгородокъ изъ золотника) серебра, нормальный вѣсъ новгородки составляетъ $^{12}/_{65}$ золотника $= 17^{47}/_{65}$ долей. Очевидно, при этомъ приняты были во вниманіе не только тѣ новгородки, которыя имѣли вѣсъ 18 долей, но тѣ, которыхъ вѣсъ былъ меньше, но не значительно меньше. Но московскую ходячую денгу Иванъ III нѣсколько исправилъ, сдѣлавъ ее менѣе маловѣсною и установивъ ея вѣсъ на уровнѣ около 9 долей или $^6/_{65}$ золотника (изъ 6 золотниковъ серебра 65 московокъ или изъ 1 золотника $10^5/_6$ московокъ).

Основатель русской научной нумизматики, А. Д. Чертковъ, совершенно ясно сознавалъ то значеніе, которое имѣло пониженіе вѣса денги при Василіи Темномъ, для монетной стопы, установленной Иваномъ III. „Денги московскія, говоритъ А. Д. Чертковъ, при великомъ князѣ Василіи Васильевичѣ дошедшія отъ 12-граннаго вѣса ($16^4/_5$ долей) до 6 (аптечныхъ грановъ $= 8^2/_9$ долей), представляются въ семъ уменьшеніи и при его сынѣ, великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. Можно полагать, что сей государь, обратя вниманіе на упадокъ монетъ великаго княжества въ послѣдствіи установилъ прежній 12-гранный вѣсъ и наблюдалъ строго, чтобы пониженія не было“ [1]). Но когда далѣе Чертковъ говоритъ: „такъ точно, отъ 11 до 12 гранъ (отъ $15^2/_5$ до $16^4/_5$ долей) дѣлались потомъ московскія денги, при его преемникахъ до царя Михаила Ѳеодоровича; установленная имъ (Иваномъ III) монетная система оставалась неизмѣнно цѣлыя полтора столѣтія“, то онъ дѣлаетъ двоякую ошибку. Установленная Иваномъ III *„монетная система“* дѣйствительно „оставалась неизмѣнно“, но не до царя Михаила Ѳеодоровича, а до императора Петра Вели

1) Чертковъ, описаніе древнихъ русскихъ денегъ, стр. 42. Авторъ при этомъ ссылается на №№ 96—103 его каталога, потверждающіе его слова.

каго, и отчасти остается въ силѣ и до нашихъ дней. Но вѣсъ денги установленной Иваномъ III монетной стопы оставался неизмѣнно сравнительно короткое время, до 1535 г., когда ее замѣнила новая монетная стопа, и лишь эта новая монетная стопа 1535 г. продержалась до царя Михаила Ѳеодоровича.

Но для установленія монетной системы, „общей для всего государства“, опредѣленія монетной стопы, однако, еще было недостаточно, а необходимо бы еще рѣшить рядъ другихъ вопросовъ. Во-первыхъ, если въ теченіи всего XV вѣка, въ томъ числѣ при Дмитріѣ Донскомъ и при его сынѣ, существовалъ одинъ и тотъ-же рубль для всѣхъ русскихъ земель, то при Василіѣ Темномъ это единство уничтожилось и его необходимо было возстановить. Появились два рубля, отличные одинъ отъ другого, новгородскій и московскій, съ двумя видами денежнаго счета, отличавшимися одинъ отъ другого. Не только московскій рубль, но московская полтина, московская гривна московскій алтынъ и московская денга отличались отъ новгородскихъ единицъ тѣхъ же наименованій. Возстановленіе единства при этомъ оказывалось задачею, довольно сложною. Всего проще могло бы казаться эта задача рѣшалась принудительнымъ упраздненіемъ новгородскаго денежнаго счета. Но именно этотъ способъ не былъ избранъ и задача была рѣшена безъ него. Упраздненіе новгородскаго денежнаго счета было связано съ большими фискальными невыгодами для Москвы, даже еслибъ не желали считаться съ неудобствами для торговли и населенія Новгорода. Не только налоги и всякіе платежи новгородскіе гораздо выгоднѣе было получать въ крупныхъ новгородскихъ денежныхъ единицахъ, чѣмъ въ мелкихъ московскихъ, но въ интересахъ будущей фискальной эксплоатаціи монетной регаліи было гораздо выгоднѣе, какъ мы сейчасъ увидимъ, сохранить крупную новгородскую денгу. Поэтому не только она не была упразднена въ Новгородѣ, но было сдѣлано противуположное: *она введена въ составъ московской денежной системы.* Это было достигнуто установленіемъ обязательнаго отношенія между новгородскою и московскою денгою. Установлено, что московская денга составляетъ *половину* новгородской. Такъ какъ московскій рубль содержалъ 200 денегъ московскихъ, то *вслѣдствіе указаннаго опредѣленія московскій рубль оказывался равнымъ ста новгородкамъ.* Новгородская и московская денежныя системы этимъ приведены въ связь. Ихъ исключительное мѣстное значеніе было уничтожено, потому что всякая денежная сумма московскаго денежнаго счета получила свое

законное выраженіе по новгородскому счету, и обратно. А этимъ въ достаточной мѣрѣ создавались общія для всего государства основанія денежнаго счета и *никакой ломки* чего бы то ни было производить *не было никакой надобности*. Все могло оставаться по старому, но къ старому присоединялось новое, превращавшее старое въ матерьялъ, послужившій для созданія изъ него новаго порядка.

Что введеніе новгородской денги въ качествѣ составного элемента въ московскую денежную систему посредствомъ установленія связи между новгородскою и московскою денгою, опредѣленіемъ, что вторая составляетъ половину первой, составляетъ дѣло Ивана III, это доказывается новгородскими писцовыми книгами 1490 г., въ которыхъ это опредѣленіе подтверждается многочисленными примѣрами. Вотъ одинъ изъ нихъ, простѣйшаго вида: „а ключничи пошлины съ тоѣ обжѣ на Рождество Христово денга новгородская, а на Великъ день денга московская, а на Петровъ день денга московская, а всеѣ новые пошлины двѣ денги новгородцкіе“. Ясно, что тутъ двѣ московскія деньги уравниваются съ одною новгородскою деньгою [1]).

Никакого сомнѣнія не можетъ быть, что избѣгая насильственной ломки чего бы то ни было и бережно охраняя унаслѣдованное, Иванъ III и бояре, его сотрудники, давали геніально простое и геніально мудрое рѣшеніе очень трудной задачи, предъ которою ихъ поставила жизнь. Въ трудныхъ обстоятельствахъ московское населеніе извернулось собственными средствами, помимо распоряженія сверху, только силою присущаго всякому населенію стремленія охранять старину, противодѣйствовать его потерѣ. Не желая сильно уклониться отъ своего привычнаго денежнаго счета, установившагося въ XIV ст., по 216 денегъ на рубль, московское населеніе допустило при Василіѣ Темномъ наименьшее измѣненіе стараго денежнаго счета, когда оно оказалось неизбѣжнымъ, и измѣнило его въ счетъ по 200 московскихъ денегъ на московскій рубль. Это былъ *почти* старинный счетъ ($^{200}/_{216} = \frac{25}{27} = 92^{2}/_{3}\,^{0}/_{0}$). Но это повело за собою очень сильное второе измѣненіе, самого рубля; но не населеніемъ второе измѣненіе

---

1) Писцовыя книги, изданныя Имп. Археол. Ком. т. III перец. кн. Вотской пятины. Такихъ примѣровъ можно привести сотни. Въ связи съ уравненіемъ 1 новгородки = 2 московкамъ находится еще одно уравненіе, установленное при Иванѣ III: 1 новгородка = 4 четверстцамъ, 1 московка = 2 четверстцамъ или 2 полуденгамъ. «А новые пошлины ключничьи давали ему съ тое полуобжы на Рождество Христово денга московская, а на Петровъ день четверетца, на а Великъ день четверетца, а всего на весь годъ денга новгородская». (Перец. кн. Вотской, пятины, изд. Арх. Общ. стр. 6).

было сдѣлано, а напротивъ населеніе было вынуждено съ нимъ примириться и ужиться. И населеніе, подчиняясь второй перемѣнѣ, съумѣло это сдѣлать, хорошо оберегая свои интересы. Вотъ это уразумѣли Иванъ III и его бояре и съумѣли съ уваженіемъ отнестись къ тому, что исполнено было населеніемъ. Иванъ III и его бояре съ своей стороны сдѣлали двоякое. Во первыхъ, они санкціонировали то, что произошло въ концѣ княженія Василія Темнаго: сильное уменьшеніе московскаго рубля и московской денги. Конечно, когда это пониженіе произошло, то оно было связано съ большимъ потрясеніемъ народной жизни. Но еслибъ Иванъ III пожелалъ заставить народъ вернуться къ первоначальному большому рублю въ 48 золотниковъ, то это было-бы сопряжено съ новымъ потрясеніемъ, еще болѣе сильнымъ, нежели первое. Для казны (въ фискальныхъ интересахъ) оно несомнѣнно было очень выгодно; но для народа оно было бы связано съ большими жертвами. Но новыхъ жертвъ Иванъ III не потребовалъ отъ населенія. Это очень большая его заслуга. Примирившись съ тѣмъ, что произошло, и установивъ монетную стопу, которая фиксировала вѣсъ новгородки на уровнѣ $^{12}/_{65}$ золотника, а вѣсъ московка въ $^{6}/_{65}$ золотника, онъ далъ санкцію перемѣнѣ, происшедшей въ московскомъ рублѣ вслѣдствіе того, что онъ отнынѣ долженъ равняться 200 московкамъ по $^{6}/_{65}$ золотника или 100 новгородкамъ по $^{12}/_{65}$ золотника, въ томъ и другомъ случаѣ составляя $18^{6}/_{13}$ золотниковъ серебра или $^{5}/_{9}$ первоначальнаго рубля въ 48 золотниковъ. Это было очень сильное уменьшеніе рубля: рубль Ивана III въ $18^{6}/_{13}$ золотниковъ серебра составлялъ уже менѣе половины первоначальнаго рубля; но въ этомъ не были виноваты ни Иванъ III, ни московское населеніе. Это было послѣдствіемъ, съ одной стороны татарскаго ига, поставившаго монетную чеканку въ ненормальное положеніе, а съ другой стороны— послѣдней вспышки удѣльныхъ междуусобій и неурядицъ.

Во-вторыхъ, интересы фиска не были совсѣмъ упущены изъ виду Иваномъ III при введеніи новгородской денги въ составъ московской денежной системы. Напротивъ, именно въ интересахъ фискальной эксплуатаціи монетной регаліи особенно важно было включеніе въ составъ московской денежной системы новгородской денги. Введеніемъ новгородки, равной двумъ московкамъ, въ составъ московскаго рубля, Иванъ III создалъ рубль, раздѣляющійся на сто частей, на почвѣ московскаго рубля, состоявшаго изъ 200 московскихъ ходячихъ денегъ. Оставивъ въ силѣ эти ходячія московскія деньги, Иванъ III ими воспользовался, какъ матеріяломъ, и изъ этого матеріяла соз-

далъ новый рубль, имѣвшій двоякое значеніе: онъ былъ болѣе удобенъ для фискальнаго использованія монетной регаліи и онъ обладалъ большими жизненными силами, благодаря которымъ онъ сохранился, доживъ до XX вѣка и еще долго будетъ жить.

Въ фискальныхъ интересахъ было гораздо удобнѣе выражать монетную стопу, по которой въ Москвѣ чеканилась денга, *по меньшему числу новгородокъ*, чѣмъ выражать ее по *вдвое болѣе значительному* числу маловѣсныхъ московокъ, чеканившихся изъ той-же гривенки. И мы видимъ, что такъ московскіе государи систематически поступаютъ въ XVI и XVII ст: всегда установляется, что изъ гривенки чеканится такое-то меньшее число *новгородскихъ* денегъ и всегда *умалчивается* вдвое болѣе значительное число московокъ, которое въ силу того-же опредѣленія должно было чеканиться изъ той-же гривенки. Иванъ III видимо предусмотрѣлъ значеніе этого обстоятельства; не даромъ его считаютъ очень умѣлымъ въ денежныхъ дѣлахъ. Во всякомъ случаѣ введеніемъ въ московскій рубль дѣленія на сто частей (новгородокъ) онъ положилъ основаніе тому денежному счету, который у насъ остается въ употребленіи до сихъ поръ. Этимъ-же дано было раздѣленіе московской полтинѣ на 50 частей и московской гривнѣ на 10 частей, которыя тоже остаются въ силѣ до нашихъ дней.

Но одного ни Иванъ, ни его сынъ не сдѣлали: они не послѣдовали новгородскому примѣру 1447 г., изъявшему тогда дѣло чеканки монеты изъ рукъ серебряныхъ дѣлъ мастеровъ и учредившему монетный дворъ. Въ Москвѣ ни при Иванѣ III, ни при его сынѣ монетный дворъ еще не былъ учрежденъ [1]) и чеканка монеты въ Москвѣ осталась въ рукахъ серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, какъ въ этомъ могъ убѣдиться при Василіи Ивановичѣ очевидецъ Герберштейнъ. А это не преминуло имѣть свои послѣдствія. Монеты Ивана III и его сына порядочно отстаютъ отъ своего нормальнаго вѣса. Это ясно показываетъ нумизматическій матерьялъ, дошедшій до насъ. Перераспредѣляя по вѣсу монеты Ивана III каталога Румянцевскаго музея и оставляя, въ сторонѣ встрѣчающіяся въ числѣ 1—2 экземпляровъ монеты $14^1/_2 — 11^1/_2$ долей, мы беремъ для опредѣленія монеты крупнаго вѣса только экземпляры съ вѣсомъ отъ 16 до 18 долей и такихъ находимъ 47 монетъ Ивана III съ общимъ вѣсомъ въ 763 доли, слѣдовательно, ихъ средній вѣсъ лишь $16^1/_4$ долей вмѣсто $17^3/_4$ долей

1) Но Василій Іоанновичъ по завоеваніи Пскова немедленно построилъ въ немъ монетный дворъ и въ немъ началъ чеканить свою, то-есть, московскую монету.

Маловѣсныхъ (московокъ) отъ 7 до 10 долей тотъ же каталогъ показываетъ 79 съ общимъ вѣсомъ въ 673 доли, то-есть, средній вѣсъ ихъ $8^1/_2$ долей вмѣсто $8^7/_8$ долей; московки ближе къ нормальному вѣсу, потому что между ними преобладаютъ монеты въ $7^1/_2$ и 8 долей [1]). Въ каталогѣ Шуберта показанъ вѣсъ 43 монетъ въ 32.27 граммовъ или средній вѣсъ 0.75 грам.=16.63 долей и московскихъ (московокъ) 63 монеты съ общимъ вѣсомъ 23.18 грам. или въ среднемъ 0,368 грам.= $= 8_{28}$ долей [2]). Приведенныя показанія по обоимъ каталогамъ почти совпадаютъ, одинаково показывая, что денежники при Иванѣ III не очень строго придерживались нормальнаго вѣса, то-есть, чеканили изъ гривенки серебра порядочно больше 260 монетъ новгородскаго вѣса и 520 денегъ московскихъ [3]). То-же самое было при Василіѣ Ивановичѣ. По Румянцевскому каталогу монеты новгородскаго вѣса имѣютъ въ среднемъ 17 долей вмѣсто $17^3/_4$, а маловѣсныя московки лишь $7^1/_2$ долей. По Шубертовскому каталогу монеты Василія Ивановича имѣютъ въ среднемъ: новгородки 0.763 грам. или 17.16 долей, а маловѣсныя монеты совсѣмъ не показаны (онѣ не часто встрѣчаются и ихъ большая часть безъ имени великаго князя). Очевидно, что надзора за денежниками не было.

Ко времени Ивана III относятся первыя болѣе опредѣленныя извѣстія о золотой монетѣ той эпохи, проникшей въ Новгородъ. Тор-

---

1) А. В. Орѣшниковъ, см. напр. особ. №№ 649, 669, 671 и др.

2) Schubert Monnaies et medailles russes №№ 553, 560—575, 548—50, 556—59, 576—86.

3) Чертковъ (Описаніе, стр. 56) старается согласовать вѣсъ монетъ Ивана III съ показаніемъ лѣтописи о чеканкѣ изъ гривенки 260 новгородокъ или $2^1/_2$ рублей съ гривною по московскому денежному счету; но для этого онъ прибѣгаетъ къ ряду натяжекъ, представляющихъ явныя ошибки. Такъ, по его мнѣнію, изъ лѣтописнаго извѣстія, будто-бы, „открывается, что 260 старыхъ новгородокъ и 260 добрыхъ московокъ или $2^1/_2$ рубля съ гривною вѣсили полфунта“. (Эту ошибку вслѣдъ за нимъ повторяетъ и Заблоцкій-Десятовскій). Это не вѣрно: во первыхъ, никакихъ „добрыхъ“ московокъ при Иванѣ III не было: документы знаютъ только „московскія ходячія денги“, т. е. маловѣсныя, а „добрыхъ“ не знаютъ; а во вторыхъ, 260 московскихъ денегъ не составляли $2^1/_2$ рублей съ гривною по московскому счету или полфунта серебра, а составляли четверть фунта серебра или по московскому счету 260 денегъ московскихъ составляли одинъ московскій рубль и три московскихъ гривны. Другую крупную ошибку Чертковъ дѣлаетъ оттого, что, выражая вѣсъ монетъ въ аптечныхъ гранахъ онъ неправильно считаетъ въ гривенкѣ или полфунтѣ 3360 аптечныхъ грановъ, тогда какъ въ нихъ было лишь $3290^3/_7$ аптечныхъ грановъ. Чертковъ былъ сбитъ Кругомъ, который пользовался старымъ аптечнымъ фунтомъ, упраздненнымъ въ концѣ XVIII ст., когда онъ былъ замѣненъ новымъ аптечнымъ фунтомъ, въ началѣ XIX в., когда писалъ Кругъ, еще не вошедшимъ во всеобщее употребленіе. Въ 1830-хъ годахъ, однако, когда писалъ Чертковъ, стараго аптечнаго фунта уже и помину не было.

говаго денежнаго значенія она тогда еще не имѣла, а служила для подарковъ и какъ матеріялъ для мѣстныхъ золотыхъ издѣлій церковнаго и гражданскаго обихода. Въ 1476 г. Иванъ III въ бытность въ Новгородѣ удостаивалъ своимъ посѣщеніемъ именитыхъ людей и получалъ отъ нихъ обильные и крупные подарки, въ ихъ числѣ и золотою монетою. Монета эта была англійская и въ то время на Руси называлась „корабленникомъ", отъ изображеннаго на ней корабля; въ Англіи ее называли ноблемъ. Чеканка ея началась въ 1346 г. и первоначально въ ней содержалось чистаго золота 198$^1/_3$ долей, впослѣдствіи это содержаніе уменьшилось и съ 1411 г. оно уже не превышало 156$^2/_3$ долей; съ 1465 г. началась чеканка золотыхъ ноблей, на которыхъ изображенъ былъ не только корабль, но и роза; содержаніе чистаго золота въ розовомъ ноблѣ было 174.08 доли. Такъ какъ мы не знаемъ, какіе изъ этихъ кораблениковъ были подносимы Ивану III, а знаемъ лишь, что онъ получилъ 1300 кораблениковъ [1]), то подарокъ могъ составить столько золота, сколько его содержится въ 1558—1730 нынѣшнихъ нашихъ полуимперіялахъ. Какую цѣну тогда имѣли корабленники на Руси, неизвѣстно. Но мы можемъ объ этомъ составить себѣ приблизительное понятіе по другому свѣдѣнію. Карамзинъ откуда-то сообщаетъ, что Иванъ III въ 1495 г. послалъ Александру Литовскому на свадьбу золотой крестъ „а вѣсу въ немъ полгривенки безъ двухъ золотниковъ, въ полтринадцать рублевъ" [2]). Вѣсъ креста былъ 22 золотника, а стоимость $12^1/_2$ московскихъ рублей времени Ивана III. Если 22 золотника золота стоили $12^1/_2$ московскихъ рублей, то гривенка или 48 золотниковъ золота стоила $27^3/_{11}$ рублей московскихъ. А изъ гривенки серебра при Иванѣ III чеканили 2.6 рублей московскихъ. Слѣдовательно, отношеніе между стоимостью гривенки золота и гривенки серебра было, какъ $27^3/_{11} : 2.6 = 10^{70}/_{143} : 1$. То-есть, при Иванѣ III золото цѣнилось въ Москвѣ дороже серебра въ $10^1/_2$ разъ. (Въ розовыхъ нобляхъ 1465 г. золото цѣнилось въ Англіи дороже серебра въ $8^{13}/_{40}$ раза и такъ цѣнилось даже въ учрежденныхъ въ 1489 г. соверенахъ). Слѣдовательно, корабленникъ, содержавшій чи-

---

1) Эту сумму я получилъ, какъ итогъ всѣхъ подношеній кораблениками, показанныхъ во второй новгородской лѣтописи подъ 1476 и 1478 г. П. С. Р. Л. III, стр. 142, 143. Новгор. лѣтоп., изд. 1879 г., стр. 54—57. Торговой Книгѣ извѣстны и „корабелные", вѣсъ которыхъ она опредѣляетъ довольно вѣрно: „корабелный тянетъ 3 алтына 3 денги" или всего 21 денгу, составлявшіе въ концѣ XVI в. почти 162 доли (вмѣсто 156$^2/_3$ долей). Англійскіе золотые были $95^1/_2$-ой пробы $= {}^{191}/_{192} = 0.{}_{994}$.

2) Карамзинъ, VIII прим. 250.

стаго золота $156^{2}/_{3}$ долей чистаго золота стоилъ въ Москвѣ 557 московскихъ денегъ или $2^{1}/_{2}$ московскихъ рубля 9 алтынъ 3 денги; а 1300 такихъ корабленниковъ стоили тогда $3620^{1}/_{2}$ московскихъ рублей Ивана III.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Рубль Ивана IV.

1535—1613.

Отсутствіе надзора за чеканкою монетъ при Иванѣ III и при Василіи Ивановичѣ имѣло послѣдствіемъ не одну только неполновѣсность ихъ монеты, но и качественное ея ухудшеніе при Василіи Ивановичѣ. Герберштейнъ, который былъ въ Москвѣ при послѣднемъ и хорошо знаетъ русскую монетную часть того времени, правильно излагаетъ всѣ подробности о ней и между прочимъ сообщаетъ: „русскія монеты чеканятся изъ почти чистаго серебра, но прибавляетъ Герберштейнъ, въ послѣднее время, денежники стали портить монету“. Это указаніе Герберштейна вполнѣ подтверждается дошедшими до насъ лѣтописными извѣстіями. Въ Софіевской лѣтописи подъ 1535 г. послѣ упоминанія, что при Василіѣ Ивановичѣ чеканили „изъ гривенки 260 денегъ новгородскихъ, а въ московское число полтретья рубля съ гривной“, разсказывается: „*при державѣ великаго князя Василія Ивановича* начаша безумніи человѣцы, наученіемъ вражьимъ, тѣ *прежніе* денги рѣзати и злый примѣсъ въ середъ класти; того *много лѣтъ твориху*“ [1]). За это ихъ постигла въ 1535 г. жестокая кара. „Въ лѣто 7042 (1535) въ сентябрѣ на Москвѣ казнили многихъ людей, москвичъ и смольнянъ, и костромичъ, и вологжанъ, и ярославцевъ, и иныхъ многихъ городовъ московскихъ; а казнь была: олово лили въ ротъ да руки сѣкли“ [2]).

Почему только въ 1535 г. спохватились и стали наказывать должниковъ за злоутребленія, которыя они уже при Василіи Ивановичѣ (умершемъ въ 1533 г.) творили „много лѣтъ“, этого лѣтописецъ не объясняетъ; онъ видимо излагаетъ отрывки оффиціальной версіи, въ которой событія 1535 г. разсказывались, кое что изъ нихъ умалчивая. А именно, обходится молчаніемъ, что въ 1535 г. въ первый разъ ока-

1) П. С. Р. Л. VI 296.
2) Карамзинъ, VIII прим. 67.

залась необходимость воспользоваться монетной регаліею для выгодъ казны. Иванъ III и Василій Ивановичъ въ этомъ не нуждались, но регентство Елены Глинской находилось въ стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ и пожелало, въ борьбѣ съ ними, извлечь нѣкоторую пользу изъ чеканки монеты. Для этого, какъ предлогомъ, воспользовались злоупотребленіями денежниковъ. Что лѣтописецъ былъ плохо освѣдомленъ въ этомъ дѣлѣ, явствуетъ изъ слѣдующихъ его словъ: „Они же безумніи (денежники), другъ отъ друга вражіимъ поученіемъ сему злому обычаю научахуся, и въ толико безуміе пришедше яко половину у всякія денги отрѣзати и ту же гривенку доспѣти въ 500 денегъ и болше: тѣмъ злымъ обычаемъ, и клятвы, и злыхъ словесъ, и пренія злою всю наполниша, понеже сіи худые денги иніи хвалятъ, а иніи хулятъ". Все это только ясно показываетъ, что лѣтописецъ не зналъ, въ чемъ собственно заключалось злоупотребленіе и преступленіе. Для чеканки 500 денегъ изъ гривенки совсѣмъ не было нужно „безуміе" и обрѣзывать „яко половину" у денги: не только 500, но даже 520 денегъ составляли „въ московское число полтретья рубля съ гривною" и ихъ столько именно полагалось чеканить при Иванѣ III и при Василіи Ивановичѣ. Преступленіе денежниковъ было иное, и притомъ двоякое: они стали чеканить монеты изъ серебра съ „примѣсомъ", то есть, нечистого, и по всѣмъ вѣроятностямъ, они стали чеканить изъ гривенки *больше* 260 денегъ новгородскихъ и больше „полтретья рубля съ гривною въ московское число", то-есть больше 520 денегъ московскихъ. Возможно, что они уже дошли до чеканки изъ гривенки 300 денегъ новгородскихъ и 600 денегъ московскихъ или 3 рублей въ московское число.

Это и повело за собою рядъ реформъ, преслѣдовавшихъ отчасти и фискальную цѣль. Лѣтописецъ разсказываетъ: „Государь, князь великій Иванъ Васильевичъ повелѣ дѣлать денги серебряные *новые* не свое имя *безо всякаго примѣса*". Чистота монеты этимъ опять была возстановлена. Еще разъ, обстоятельнѣе, Софіевская лѣтопись повторяетъ свое сообщеніе слѣдующимъ образомъ „государь, князь великій Иванъ Василіевичъ всея Руси и мати его, благочестивая княгиня Елена, помысля со своими бояре, повелѣша тѣ рѣзаные денги *заповѣдати и не торговати, а сливати ихъ въ сребро* и дѣлати новые денги безъ всякаго примѣса; а своему богомолцу, архіепископу великаго Новгорода и Пскова, Макарію, *и своимъ намѣстникомъ и дьякомъ повелѣша тѣ новые денги накрѣпко беречи*, чтобъ безумніи человѣци *нимало не исказили* и старый бы злый обычай оставили". Здѣсь важно ука-

заніе, что впервые установленъ надзоръ за порядкомъ въ монетахъ и этотъ надзоръ возложенъ на свѣтскихъ и даже духовныхъ властей.

Но когда лѣтописецъ при этомъ сообщаетъ, что государь великій Иванъ Васильевичъ повелѣлъ дѣлать „изъ гривенки изъ скаловой 300 денегъ новгородскихъ, а въ московское дѣло три рубля московская“ и ставитъ это распоряженіе на ряду съ возстановленіемъ чистоты въ монетѣ, какъ мѣру, принятую для возстановленія порядка въ денежномъ дѣлѣ, то очевидно, онъ только повторяетъ оффиціальный взглядъ той эпохи, желавшій скрасить фискальную его сторону. Увеличеніе числа монетъ, чеканившихся изъ гривенки, съ 260 до 300 новгородскихъ денегъ и съ $2^3/_5$ до 3 рублей московскихъ, то есть, съ 520 до 600 московскихъ денегъ, было не улучшеніемъ, а ухудшеніемъ, потому что этимъ вѣсъ монеты, и безъ того не великій, еще больше уменьшался. Нормальный вѣсъ новгородской денги этимъ понижался до 15.36 долей $= {}^4/_{25}$ золотника; новгородскій рубль, который при Иванѣ III и его сынѣ представлялъ $40^1/_2$ золотниковъ серебра, съ 1535 г. представлялъ уже лишь 34.56 золотника. Московская денга понижалась до 7.68 долей $= {}^2/_{25}$ золотника, а московскій рубль представлялъ уже лишь 16 золотниковъ или одну треть гривенки серебра, $^{13}/_{15}$ рубля Ивана III. Финансовая нужда могла это вполнѣ оправдывать, но это не основаніе для неправильнаго изображенія дѣла при его историческомъ изложеніи.

Для этого перваго опыта извлеченія финансовыхъ выгодъ изъ монетной регаліи правильно были придуманы цѣлесообразные способы. Мы видѣли, что по разсказу софіевской лѣтописи заповѣданы рѣзанные денги, ими запрещено торговать и повелѣно сливать ихъ въ серебро. Воскресенская лѣтопись дополняетъ это свѣдѣніе, расширяя и распространяя его вообще на старыя денги: „старымъ денгамъ впрокъ ходити не велѣли“. [1]) Какъ мы увидимъ, выраженіе „старыя денги“ становится техническимъ терминомъ и употребляются впослѣдствіи, когда прибѣгаютъ къ финансовой эксплоатаціи монетной регаліи и для этого измѣняется монетная стопа, т. е. число денегъ, которыя чеканятся изъ гривенки, увеличивается: тогда денги прежней монетной стопы становятся „старыми денгами“. Въ первый разъ это выраженіе въ такомъ смыслѣ употребляется въ 1535 г.

Финансовая сторона мѣропріятій 1535 г. была въ нихъ наименѣе важная. Гораздо большее значеніе для будущей постановки монетной

1) П. С. Р. Л. VIII. 289.

чеканки имѣли другія мѣры. Самою крупною изъ нихъ было, что въ 1535 г. появляется наконецъ въ Москвѣ „денежный дворъ", то есть, чеканка монеты изъемлется изъ рукъ денежниковъ и передается монетному двору. „А во дворѣ денежномъ", разсказываетъ Софіевская лѣтопись, „велѣлъ князь великій вѣдати и смотрѣти накрѣпко *дѣльщиковъ, денежныхъ мастеровъ,* своему гостю московскому Богдану Семенову сыну Корюкову съ товарыщи, чтобы во дворѣ было безо всякія хитрости" [1]). Эта мѣра вмѣстѣ съ возложеніемъ надзора за доброкачественностью монеты на свѣтскихъ и духовныхъ властей, дѣйствительно, какъ показалъ потомъ опытъ, надолго прекратила злоупотребленія съ чеканкою монеты [2]).

Еще одна мѣра, принятая въ 1535 г., передается лѣтописью неправильно. А именно, въ Софіевской лѣтописи разсказывается: „а при великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ бысть знамя (штемпель) на денгахъ, князь великій на конѣ, а имѣя мечь въ рукѣ; а князь великій Иванъ Васильевичъ учини знамя на денгахъ, князь великій на конѣ, а имѣя копье въ руцѣ и оттолѣ прозваша денги копейныя". Здѣсь дѣло представляется, какъ еслибъ оно заключалось только въ перемѣнѣ рисунка на монетѣ; на самомъ же дѣлѣ оно было болѣе серьезное. Оба рисунка (всадникъ съ мечемъ и всадникъ съ копьемъ) ужъ были въ употребленіи въ предъидущія княженія чуть-ли не всего XV вѣка: Это ясно видно на дошедшихъ до насъ монетахъ, но ихъ употребляли безъ разбора и зря ставили на монетахъ, то крупнаго (новгородкахъ),

---

1) П. С. Р. Л: VI 297.

2) Въ чемъ заключалось смотрѣніе, чтобъ въ денежномъ дворѣ было безо всякія хитрости, мы можемъ судить по разсказу К о т о ш и х и н а (О Россіи въ царст. Алексѣя Михайлов., изд. 2 стр. 81), сообщающаго объ этомъ подробности, которыя конечно не были новостью въ его время и вѣроятно заведены были въ 1535 г., или скоро послѣ того. „А денежныхъ мастеровъ для дѣла берутъ изъ волныхъ и изъ торговыхъ людей, кто похочетъ, съ поруками и за вѣрою и крестнымъ царствованіемъ, что имъ будучи у царскаго дѣла не воровать серебра, и денегъ не красть, и въ серебро мѣди и олова и иного ничего не примѣшивать, и въ домѣхъ своихъ воровскихъ денегъ не дѣлати никакихъ, и чекановъ не красть и воровски подъ чеканы не подрѣзыватися. А будетъ тѣхъ денежныхъ мастеровъ, чеканниковъ, подметчиковъ, рѣзальщиковъ, тянулщиковъ, отжигалщиковъ съ 200 человѣкъ. А какъ они для денежного дѣла ходятъ на дворъ или зъ двора, и ихъ осматриваютъ до нага. А будетъ свидѣтель, что они дѣлали на царскомъ дворѣ, или у себя въ домѣхъ воровствомъ денги, или подъ чеканы поддѣлывались и тѣ воровскіе чеканы продавали на сторону инымъ людямъ, и такимъ по сыску бываютъ пытки, многажды ли воровали, и кому что продавали и съ кѣмъ о томъ сопча умышляли; и на кого съ пытокъ скажутъ и тѣхъ всѣхъ потомужь сыскавъ и пытавъ накрѣпко, будетъ винятся, чинятъ наказаніе, заливаютъ оловомъ горло, а инымъ смотря по винѣ отсѣкаютъ руки и отрѣзываютъ уши, и бьютъ кнутьемъ, отнимаются домы и животы.

то мелкаго вѣса (московкахъ). Съ 1535 г. это прекратилось и рисунки (какъ тоже совершенно ясно и категорически удостовѣряютъ монеты) приспособлены къ достоинству монетъ: монеты крупнаго вѣса (новгородки, которыхъ съ 1535 г. чеканили 300 изъ гривенки, по $^4/_{25}$ золотника = 15.36 долей въ каждой), получили рисунокъ всадника съ копьемъ и стали копейною деньгою, родоначальникомъ нашей копѣйки, въ которой до нашихъ дней продолжаетъ существовать новгородская денга, введенная Иваномъ III въ составъ московскаго рубля; монеты же малого вѣса (московки, которыхъ изъ гривенки чеканили 600 или на три рубля, по $^2/_{25}$ золотника = 7.68 долей серебра въ каждой) получили рисунокъ всадника съ занесеннымъ мечемъ и стали мечевою денгою.

Слово „копѣйка“ по поводу мѣръ 1535 г. встрѣчается только въ первой псковской лѣтописи, въ которой подъ 7046 (1538) г. разсказывается: „того-же лѣта отставиша всякими денгами торговати старыми“ и этимъ подтверждается такое же извѣстіе Воскресенской лѣтописи, но потомъ продолжается: „и начаша торговати денгами новыми копейками, не токмо во Псковѣ, но вездѣ и *бысть людямъ вспмъ убытокъ въ старыхъ денгахъ*“ [1]).

Наконецъ въ связи съ мѣрами 1535 г. по монетной части находится еще одна, о которой свѣдѣнія дошли до насъ лишь за болѣе позднее время, но которая возникла вѣроятно значительно ранѣе, если не въ 1535 г., то скоро послѣ того. Мы говоримъ объ особой пошлинѣ, которую должны были уплачивать тѣ частныя лица, которыя приносили на монетный дворъ серебро для перечеканки его въ монету. Пошлина эта взималась въ размѣрѣ одного золотника серебра съ каждой гривенки серебра, приносившейся на монетный дворъ; поэтому пошлина называлась золотничною. Объ окладѣ этой пошлины мы заключаемъ изъ свѣдѣнія 1610 г. на основаніи значительнаго количества серебра, тогда принесеннаго на монетный дворъ въ 29 статьяхъ, вслѣдствіе чего пошлина была вычислена 29 разъ и во всѣ эти разы ея окладъ оказывается одинаковымъ и составляющимъ одинъ золотникъ отъ гривенки, что подтверждается и названіемъ пошлины. Въ размѣрѣ $^1/_{48}$ или немного болѣе 2% она не была особенно обременительною.

Послѣдствіемъ изложенныхъ мѣръ былъ полный порядокъ, водворившійся въ русскомъ монетномъ дѣлѣ на очень продолжительное

1) П. С. Р. Л. IV стр. 302.

время. Не только во все царствованіе Ивана Грознаго, но и при Ѳедорѣ Іоанновичѣ, при Борисѣ Годуновѣ и при Дмитріѣ Самозванцѣ монеты чеканились весьма близко къ ихъ нормальному вѣсу, т. е. соотвѣтственно трехрублевой монетной стопѣ, при которой изъ гривенки чеканилось 300 копейныхъ (бывшихъ новгородскихъ) или 600 мечевыхъ (бывшихъ московскихъ) денегъ.

Для подтвержденія этого вывода нумизматическимъ матеріаломъ мы воспользуемся имѣющеюся сводкою показаній трехъ большихъ нумизматическихъ коллекцій [1]). Такъ какъ при этомъ вѣсъ монетъ выраженъ въ граммахъ, то мы сначала должны въ граммахъ-же выразить нормальный вѣсъ копейной и мечевой денги съ 1535 г. Гривенка или 48 золотниковъ равняется 204.756 граммамъ. Поэтому нормальный вѣсъ копейной денги составлялъ 204.756: 300 = 0.682 грамма или $682^1/_2$ миллиграммовъ; нормальный вѣсъ мечевой денги былъ вдвое меньше или 0.341 грамма или $341^1/_2$ миллиграммовъ.

Средній вѣсъ 143 копейныхъ денегъ Ивана Грознаго изъ собранія Шуберта составляетъ 0.66 грам. или 96% нормальнаго вѣса; 37 копейныхъ денегъ того же времени изъ собранія Рейхеля имѣетъ средній вѣсъ 0.67 гр, то есть, еще ближе къ нормальному вѣсу; а 56 копейныхъ денегъ той-же эпохи изъ собранія Круга показаны даже въ 0.70 гр., т. е. выше (на $2^1/_2$%) нормальнаго вѣса, очевидно потому, что въ коллекцію входили только отборные экземпляры, или экземпляры, отобранные по ихъ болѣе значительному вѣсу [2]).

Мечевыя денги времени Грознаго встрѣчаются въ собраніяхъ гораздо рѣже, чѣмъ копейныя денги; 34 мечевыя денги собранія Шуберта имѣютъ вѣсъ 0.33 гр.; 3 мечевыя денги собранія Рейхеля имѣютъ вѣсъ 0.34 гр., 31 мечевая денга собранія Круга имѣетъ вѣсъ 0.33 гр. Слѣдовательно, и мечевыя денги оказываются очень исправными въ отношеніи вѣса.

1) Рейхеля, Круга и Шуберта; данныя мы заимствуемъ изъ Schubert, Monnaies russes des derniers trois sciecles. Leipzig 1857. Къ даннымъ Шуберта мы присоединимъ показаніе каталога гр. Э. К. Гуттенъ-Чапскаго, удѣльныя, великокняжескія и царскія деньги древней Руси. Спб. 1875.

2) Коллекціи Круга и Рейхеля вообще отличаются этою особенностью, понятной съ точки зрѣнія отдѣльнаго любителя-нумизмата, естественно желающаго похвастать сохранностью и тяжестью экземпляровъ, собранныхъ въ его коллекціи. Для научнаго изслѣдованія, однако, экземпляры менѣе сохранные и менѣе тяжелые совсѣмъ не менѣе, а одинаково важны съ т. н. „лучшими“ экземплярами. Очень сожалѣть приходится также о томъ, что показываются обыкновенно только „типы“ монетъ, а не число экземпляровъ каждаго „типа“ или № каталоговъ

Въ каталогѣ гр. Чапскаго показаны 19 копейныхъ денегъ Ивана Грознаго съ среднимъ вѣсомъ 0.675 гр., т. е. почти нормальнаго вѣса; 10 мечевыхъ денегъ того-же собранія имѣютъ общій вѣсъ 3.20 граммовъ, или ихъ средній вѣсъ 0.32 гр. или 94% нормальнаго вѣса.

Такимъ образомъ дошедшія до насъ монеты Грознаго вполнѣ подтверждаютъ своею полною исправностью высказанное выше общее сужденіе [1]).

При Ѳедорѣ Іоанновичѣ впервые на монетахъ появляется указаніе года ихъ чеканки; но это и при Ѳедорѣ Іоанновичѣ и послѣ него, до Петра Великаго, не дѣлается систематически, всегда и на всѣхъ монетахъ. При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ встрѣчаются годы 1593, 1595, 1597, 1598 и 1599; означеніе дѣлается славянскими буквами, отъ сотворенія міра, напр. 101 = 7101 = 1593 и т. д. Въ собраніи Шуберта показано 105 копейныхъ денегъ этого царствованія съ вѣсомъ 0.67 грам.; 25 такихъ же копейныхъ денегъ собранія Рейхеля имѣютъ средній вѣсъ 0.70 гр.; 74 копейныя денги собранія Круга даютъ средній вѣсъ 0.65 гр. Такимъ образомъ, вѣсъ копейныхъ денегъ Ѳедора Іоанновича также исправенъ, какъ вѣсъ тѣхъ же денегъ его отца. Мечевыя денги этого царствованія еще рѣже, чѣмъ предшествовавшаго: въ собраніи Шуберта показаны только 3 экземпляра, ихъ средній вѣсъ 0.34 грам.; въ собраніи Рейхеля 7 экземпляровъ съ среднимъ вѣсомъ 0.36 грам., въ собраніи Круга 12 экземпляровъ съ среднимъ вѣсомъ 0.32 грам. Въ коллекціи Чапскаго показано 12 копейныхъ денегъ Ѳеодора Іоанновича съ среднимъ вѣсомъ 0.68 гр. и 2 мечевыя денги съ вѣсомъ 0.30 грам. Такимъ образомъ и при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ чеканка монеты была вполнѣ исправна.

При Борисѣ Годуновѣ и при Дмитріѣ Самозванцѣ мечевыя денги совсѣмъ не чеканятся; копейныя-же вполнѣ сохраняютъ тотъ же вѣсъ, очень близкій къ нормальному.

Такимъ образомъ, въ теченіи 70 лѣтъ съ 1535 по 1606 г. чеканка отличается безукоризненною строгостью, съ которою въ продолженіи четырехъ царствованій, въ спокойное и тревожное время, придерживаются установленной въ 1535 трехрублевой монетной стопы, т. е. чеканки изъ гривенки серебра трехъ рублей, или рубля въ одну треть

---

1) Странно что несмотря на это очевидное показаніе нумизматическаго матерьяла, Шубертъ (l. c. p. 12) и Чапскій (l. c. p. 124) повторяютъ одну и ту-же ошибку, увѣряя своихъ читателей будто въ 1535 г. изданъ законъ о чеканкѣ изъ гривенки 260 денегъ. Въ этомъ же родѣ и другія ихъ историческія свѣдѣнія о монетахъ.

гривенки, въ 16 золотниковъ. Но приведенныя данныя указываютъ еще и на другую, на первый взглядъ—странную особенность. Въ теченіи тѣхъ же 70 лѣтъ систематически и упорно копейная денга, бывшая новгородская, въ чеканкѣ преобладаетъ, а чеканка мечевой, бывшей московской денги, не только очень сильно отъ нея отстаетъ, но въ концѣ періода даже совсѣмъ замираетъ и пріостанавливается. Такой продолжительный и систематическій фактъ ясно указываетъ на то, что онъ не былъ случайный, а намѣренный. И дѣйствительно, умѣренная чеканка мечевой денги имѣла очень серьезныя основанія.

Одна причина этого явленія заключалась въ томъ, что расходы чеканки мечевой денги были такіе-же, какъ и расходы чеканки копейной денги. А такъ какъ мечевая денга была половинкою копейной денги, то ее вдвое менѣе выгодно было чеканить. Чеканка монеты тогда была очень хлопотливое и дорогое дѣло, производившееся ручными способами: для 1.000 рублей нужно было начеканить 100.000 копейныхъ монетъ или 200.000 мечевыхъ денегъ; для 10.000 рублей нужно было ужъ 1.000.000 копейныхъ монетъ или 2.000.000 мечевыхъ. Мечевыя денги были вдвое хлопотливѣе и чеканка ихъ обходилась вдвое дороже.

Но была и другая, очень серьезная причина, по которой чеканка мечевой денги избѣгалась. Выше было уже указано, что хотя новгородская денга (денга крупнаго вѣса) была включена въ московскую денежную систему главнымъ образомъ въ качествѣ соединительнаго звена между московскою и новгородскою денежною системою, но новгородка представляла еще и фискальное удобство для московскаго правительства: она какъ бы уменьшала использованную часть монетной регаліи и оставляла неиспользованную часть въ увеличенномъ видѣ, особенно въ глазахъ населенія. Когда использованная часть выражается 300 денгами, то естественно кажется, что она меньше, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда использованная часть выражается въ 600 денгахъ; отъ перваго числа легче идти дальше, чѣмъ отъ второго. Поэтому московское правительство было заинтересовано въ томъ, чтобъ новгородская денга, введенная имъ въ составъ московской денежной системы, пустила въ ней корни поглубже, чтобъ населеніе къ ней привыкло и чтобъ, напротивъ, населеніе отвыкло отъ маловѣсной московской денги. Но для этого требовалось, чтобъ населеніе приучило себя и привыкло считать на рубль въ сто новгородокъ или копейныхъ денегъ, на полтину въ 50 копѣйныхъ денегъ, на гривну въ десять копейныхъ денегъ, на алтынъ въ 3 денги, словомъ, чтобы

всегда въ своемъ денежномъ счетѣ населеніе исходило изъ бывшей новгородки, ставшей съ 1535 г. копейною деньгою. Въ этихъ то видахъ населеніе систематически какъ бы понуждали имѣть дѣло только съ копейною денгою, преимущественно, а потомъ и исключительно, копейную денгу только и чеканили, а чеканкою ходячей московской мечевой денги пренебрегали. Такъ было въ теченіи 70 лѣтъ съ 1535 г. и такъ продолжалось въ теченіи всего XVII ст. Но тутъ обнаружилось, что направленіе, въ которомъ правительство желало передѣлать народныя привычки, только и осталось, что нумизматическимъ фактомъ, совершенно безплоднымъ въ теченіи 170 лѣтъ. Народъ не желалъ счета на рубль, состоящій изъ ста частей, на половину его изъ 50 частей, на гривну изъ десяти частей или алтынъ изъ 3 частей. Онъ цѣпко въ теченіи 170 лѣтъ держался за рубль въ 200 денегъ, за полтину въ 100 денегъ, за гривну въ 20 денегъ, за алтынъ въ 6 денегъ, т. е. за денежный счетъ, который онъ самъ для себя создалъ въ тяжелое время денежной смуты при Василіи Темномъ, приноровивъ близко этотъ счетъ къ еще болѣе древнему, первоначальному общерусскому денежному счету конца XIV вѣка. И никакая усиленная чеканка копейной денги не могла пріучить къ ней населеніе.

До времени Ѳедора Іоанновича мы еще встрѣчаемъ въ офиціальныхъ и частныхъ документахъ упоминанія о новгородкѣ, когда идетъ рѣчь о суммахъ, относящихся къ новгородской области. А съ этого времени повсюду, даже въ новгородской области, господствуетъ только одинъ счетъ, на ходячую московскую, т. е. маловѣсную мечевую денгу, отъ которой правительство желало народъ отучить и которую оно перестало даже чеканить. Счетъ на мечевую денгу сдѣлался и остался до Петра Великаго единственно употребляемымъ всѣми классами населенія, нисшими и высшими, въ томъ числѣ и служилыми. Достаточно открыть любой документъ съ половины XVI до конца XVII и, безъ исключенія всегда, когда идетъ рѣчь о денежныхъ суммахъ, мы ихъ находимъ выраженными въ денежныхъ единицахъ, основанныхъ на мечевой, а не копейной денгѣ. Да и самыя выраженія „копейная“ денга, „копѣйка“ еще чужды письменности второй половины XVI и всего XVII в. Они — своего рода — парадныя слова, которыя употребляются не всѣми вообще, а лишь нѣкоторыми, знающими такія особенныя слова, напр. въ XVII в. Котошихинымъ, да и то въ особыхъ случаяхъ, а не всегда. Но эти парадныя слова и обозначаемая ими копейная денга имѣли серьезное историческое назначеніе. Въ копейной денгѣ сохранялось наслѣдіе Ивана III; пере-

саженная имъ съ новгородской почвы на московскую, или вѣрнѣе— возвращенная обратно въ Москву заимствованная у нея для Новгорода новгородка, которой съ Петра В. въ качествѣ копѣйки или сотой части рубля предстояло лечь въ основаніи денежнаго счета, съ тѣхъ поръ сохраняющаго свою силу до нашихъ дней

То, что съ половины XVI до конца XVII в. мечевая, а не копейная денга, составляетъ основаніе денежнаго счета, доказать текстами трудно, потому что всѣхъ случаевъ, это подтверждающихъ, нельзя привести, а примѣры въ такихъ случаяхъ ничего не доказываютъ. Но есть косвенное доказательство, достаточно убѣдительное. Оно заключается въ распространенности счета на алтыны, притомъ на алтыны въ шесть мечевыхъ денегъ, а не три копейныя денги. Конечно, всякій и до Петра Великаго зналъ, что въ алтынѣ три копейныя денги, но *называлась* до Петра В. алтыномъ денежная единица въ шесть мечевыхъ денегъ. Какъ извѣстно, названіе этой единицы — татарское, отъ алта—шесть. Въ смыслѣ *шести* денегъ алтынъ и употребляется въ теченіе 400 лѣтъ съ XIV до конца XVII вѣка. *Это* вполнѣ возможно доказать. Еслибъ съ половины XVI в. и въ XVII ст. алтынъ уже употреблялся и въ смыслѣ 3 копѣекъ (какъ съ Петра В. и въ наши дни, когда мы пятиалтыннымъ называемъ монету въ $5 \times 3 = 15$ копѣекъ), то это легко было бы уловить по очень простому признаку. Въ сложныхъ суммахъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о рубляхъ, алтынахъ и денгахъ, число денегъ не могло бы быть больше 2, еслибъ имѣлись въ виду копейныя денги: потому что три такія денги уже составляютъ алтынъ. А между тѣмъ, до конца XVII в. мы всегда при сложныхъ суммахъ, выраженныхъ въ рубляхъ, алтынахъ и денгахъ, встрѣчаемъ не только 3, но 4, и 5 денегъ: ясное доказательство, что счетъ идетъ на мечевыя денги, которыхъ лишь шесть составляютъ алтынъ.

Иностранцы, бывавшіе въ Россіи въ XVI ст., не только подтверждаютъ свѣдѣнія нашихъ источниковъ о томъ, какъ строилась наша денежная система, но сообщаютъ нѣкоторыя дополнительныя указанія объ иностранныхъ монетахъ, притекавшихъ тогда въ Русь.

Герберштейнъ, посѣтившій Россію при Василіи Іоанновичѣ, сообщаетъ, что тогда различали по мѣсту чеканки монету московскую, новгородскую, псковскую и тверскую. Онъ отмѣчаетъ, что въ алтынѣ 6 денегъ, въ гривнѣ 20 денегъ, въ полтинѣ 100 — денегъ, въ рублѣ — 200 денегъ. Это — московскія денги, съ которыми совпадаютъ тверскія. Но новгородская денга вдвое болѣе московской; въ нов-

городской гривнѣ 14 денегъ, а въ новгородскомъ рублѣ 222 денги (единственная ошибка у Герберштейна, вмѣсто 216, возможно, что это лишь опечатка). Кромѣ того существуетъ мѣдная монета пулъ, 60 такихъ монетъ составляютъ московскую денгу (?). Золотой монеты не чеканятъ, но много пользуются венгерскими червонцами и римскими золотыми (флоренами); оцѣнка ихъ часто мѣняется. Въ числѣ привозимыхъ изъ заграницы товаровъ находятся куски (слитки) серебра (Silberklotzen).

Большой интересъ представляютъ также свѣдѣнія англичанина Гесси, относящіяся къ 1554 г.[1]). Въ Россіи нѣтъ золотой монеты; всякая монета — серебряная, но есть и мѣдная. Серебряная монета трехъ достоинствъ: полуденга, денга и новгородка, равная двумъ денгамъ; денга равняется двумъ полуденгамъ. Считаютъ на алтыны, одинъ алтынъ равняется 6 денгамъ, 33 алтына 2 денги составляютъ рубль. Русскія вѣсовыя единицы: большой и малый фунтъ; большой фунтъ равняется двумъ малымъ фунтамъ; большой называется безмѣномъ, а малый скаловымъ (the scala weight). Малымъ вывѣшиваются серебро и всякіе бакалейные товары и иные кромѣ тѣхъ, которые взвѣшиваются пудами, какъ солодъ, соль, желѣзо, олово и т. д. Пудъ содержитъ 40 фунтовъ. Большой фунтъ содержитъ неполный 13 унцій англійскихъ; для повѣрки вѣсовъ могутъ служить деньги, считая 3 р. за 48 золотниковъ, малый фунтъ.

Всѣ указанія Гесси безукоризненно правильны; только указаніе на неполные 13 унцій въ 96 золотникахъ не совсѣмъ точно. Въ англійской монетной унціи, которую видимо имѣетъ въ виду Гесси, теперь считаютъ 7.29 золотниковъ, а $96 : 7.29 = 13^1/_6$, то-есть въ 96 золотникахъ не только полныя 13 унцій, но даже еще $^1/_6$ унціи. Но и это разница незначительная.

Въ письмѣ, адресованномъ изъ Лондона въ Россію въ 1557 г. изъ компаніи, торгующей въ Россіи[2]), сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя уже вызывали и могутъ вызывать недоумѣнія. А именно, въ этомъ письмѣ говорится: „хотя мы оцѣниваемъ рубль въ 18 шиллинговъ 8 пенсовъ, но за него нельзя давать больше 12, 13 шиллинговъ“. Можетъ казаться, что тутъ идетъ рѣчь объ оцѣнкѣ

---

1) The coins, weights and measures used in Russia, written by John Hasse in the year 1554. Помѣщено въ Hacluyt's Collection of the early voyages etc. A new edition London 1809. Vol. I p. 285—7.

2) A letter of the Company of Merchants Adventurers to Russia, помѣщено въ Hackluyt I p. 337.

рубля, тогда какъ на дѣлѣ указанія исходятъ изъ перемѣнъ, происшедшихъ тогда въ англійской монетѣ. Русскій рубль оставался тогда неизмѣннымъ и представляющимъ 16 золотниковъ = 1536 долей серебра; но шиллингъ очень сильно измѣнялся подъ вліяніемъ ухудшенія его Генрихомъ VIII. Въ 1544 г. онъ упалъ до 87.48 долей чистаго серебра, потомъ до 58.32 долей и даже до 29.16 долей чистаго серебра, но съ 1556 г. онъ опять уже составляетъ 128.9 долей чистаго серебра. Оцѣнка рубля въ $16^3/_4$ шиллинговъ соотвѣтствуетъ времени, когда шиллинги упали до $87^1/_2$ долей чистаго серебра, ибо $1536 : 87.48 = 16^3/_4$. Когда затѣмъ шиллингъ поправился и содержалъ чистаго серебра 128.9 долей. то на рубль его уже могло идти $1536 : 128.9 = 11.9$ шилинговъ; поэтому оцѣнка въ 12 — 13 шиллинговъ была очень благопріятною оцѣнкою рубля.

Изъ англійскихъ-же источниковъ до насъ дошло интересное свѣдѣніе, что въ числѣ привиллегій, данныхъ 20 іюня 7077 г. (1569) англійской торговой компаніи, заключалось также право на казенныхъ монетныхъ дворахъ въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ переливать доллары и чеканить монету безпошлинно, но условливаясь съ управленіемъ дворовъ о покрытіи расходовъ [1]).

Барберини въ своемъ путешествіи въ Московію 1565 г. [2]) сообщаетъ, что въ Россіи нѣтъ ни золота, ни серебра, ни мѣди, ни свинца, ни олова... Все золото, которое привозится купцами, поступаетъ тотчасъ къ государю, потому что онъ у всѣхъ его скупаетъ и хорошо платитъ, кладетъ его въ сундукъ и никто его уже не видитъ. Серебряной монеты у него довольно, потому что изъ Австріи и Польши привозится много талеровъ для покупки товаровъ: мѣховъ, воску, льну, пенки, сала, кожъ и другихъ произведеній. Талеры тотчасъ перечеканиваются на монету, которая называется денга; чеканятъ ее только въ двухъ мѣстахъ: въ Москвѣ, гдѣ на монетѣ изображается всадникъ съ мечемъ, и въ Новгородѣ, гдѣ на ней изображается святой Георгій. Венгерки, венеціяны, полуанджы (англійскіе корабленники) стоятъ почти 75 денегъ каждая штука. Вѣсъ московскій назы-

---

1) Art. 25. We likewise have licensed the english merchants in our towns o Mosco, Novgorod the Great and Plesco, that the coiners of the said towns shall melt dollars and coin money for them, without custome, allowing for coales and other necessaries with the workmanship. H a c k l u y t's Collection of early woyages, ed. Lond. 1809 (in folio) I p. 428.

2) Сказанія иностранцевъ о Россіи въ XVI и XVII ст., Любичъ-Романовскаго, Спб. 1843.

вается гривенка, въ ней 48 золотниковъ, 6 золотниковъ составляютъ унцію [1]). Крупные предметы развѣшиваются на фунтъ, въ которомъ 96 золотниковъ.

Маржеретъ служилъ Борису Годунову и Дмитрію Самозванцу и написалъ книгу о состояніи Русскаго Государства и великаго княжества Московскаго; въ ней онъ касается и денежной системы; онъ видимо поверхностнѣе другихъ, больше повторяетъ слышанное и сравненія дѣлаетъ довольно приблизительныя. По его сообщенію, русская ходячая монета состоитъ изъ денегъ или (?) копѣкъ, цѣною около 16 денье, изъ московокъ въ 8 денье и полушекъ въ 4 денье. Считаютъ рублями, изъ которыхъ каждый содержитъ 100 копѣкъ или 6 ливровъ 12 су [2]), полтинами, четвертями, гривнами по 10 копѣкъ и алтынами въ 3 копѣйки или 4 су. Иноземные купцы привозятъ множество талеровъ или ефимковъ, которые сбываются по 36 копѣкъ или 48 су. Отъ передѣла въ русскую монету сфимокъ вѣсомъ въ 40 су даетъ уже 42 коп (или 7 ефимковъ, которые шли на гривенку, 2 р. 94 коп., почти вѣрно, въ точности 3 рубля). Отъ иноземныхъ же купцовъ русскіе покупаютъ множество червонцевъ и продаютъ ихъ какъ прочіе товары; я видѣлъ, что за червонецъ платили иногда 24 алтына, иногда 16 алтынъ, иногда 2 рубля, обыкновенная же имъ цѣна 18—21 алтынъ; они сильно дорожаютъ при особыхъ событіяхъ или передъ праздниками, когда они нужны для подарковъ, напримѣръ, передъ коронаціею, при бракахъ, передъ Пасхой и въ тому подобныхъ случаяхъ.

---

1) Авторъ, очевидно, при этомъ подъ унціей подразумѣваетъ $^1/_{16}$ фунта, ибо $^1/_{16}$ французскаго ливра составляла его унцію; 6 золотниковъ = 480 старымъ парижскимъ гранамъ или унціи = $^1/_{16}$ фунта въ 15 древнеримскихъ унцій, которымъ равняется нашъ русскій фунтъ. Guillermo Note sur les poids du moyen age p. 446 (Journ. de l'Ecole des Chartes LXVIII, 1906).

2) Подобно тому, какъ въ Россіи рубль былъ только счетною денежною единицею, а монеты рублевой тогда не было, такъ и во Франціи ливры были только счетною единицею (une unité de compte), монеты-же ливра не было. Ливръ состоялъ изъ 20 су по 12 денье. Крупныхъ серебряныхъ монетъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в. было двѣ: серебряный франкъ 1575 г. содержалъ чистаго серебра 266 долей и четверти экю (quarts d'écu) 1580 г. содержали чистаго серебра 200,36 долей. Генрихъ IV въ 1602 г. назначилъ нарицательную цѣну франка въ 21 су, а четверти экю въ 16 су. Это даетъ су въ $12^1/_2$ долей чистаго серебра; денье тогда уже представляло только $^{26}/_{24}$ долей чистаго серебра, а ливръ 250 долей чистаго серебра. Такъ какъ въ рублѣ тогда было 1536 долей, то онъ содержалъ 6 ливровъ 3 су, то есть, Маржеретъ нѣсколько преувеличилъ стоимость рубля. Одна денга равнялась не 16 денье а лишь $14^3/_4$. Маржеретъ очень округляетъ свои вычисленія. Считая рубль въ 6 ливровъ 12 су, онъ принимаетъ рубль = 132 су = 1584 денье, а потомъ копейку считаетъ не въ 15,84, а 16 денье, оттого алтынъ или 3 копейки = 4 су = 48 денье.

Было бы большимъ грѣхомъ, обозрѣвая иностранныхъ путешественниковъ, оставившихъ намъ свѣдѣнія о русскихъ денгахъ до конца XVI в., не упомянуть при этомъ Торговой Книги, составленной въ Москвѣ между 1575 и 1610 гг. анонимнымъ авторомъ. Ея свѣдѣнія во много разъ превосходятъ показанія иностранцевъ, какъ полнотою, такъ и обстоятельностью, а особенно точностью. Для русской экономической исторіи это драгоцѣннѣйшій источникъ, о которомъ можно сожалѣть, что онъ до сихъ поръ не нашелъ себѣ компетентнаго издателя на основаніи критическаго пересмотра всѣхъ дошедшихъ до насъ списковъ [1]).

Когда Торговая Книга составлялась, то новгородскій рубль вышелъ уже изъ употребленія даже въ новгородской области. Торговая книга поэтому знаетъ новгородку только въ качествѣ элемента московской, тогда единой для всего государства, денежной системы. Но рубль продолжаетъ называться московскимъ рублемъ, хотя другого уже не было. „Въ рублѣ 10 гривенъ, въ гривнѣ 10 новгородокъ, въ новгородкѣ 2 денги, въ алтынѣ 6 денегъ, въ рублѣ 2 полтины, въ полтинѣ 5 гривенъ, въ гривнѣ 20 денегъ, въ денгѣ 2 полуденги". Очевидно, что „денгою" просто, безъ дальнѣйшаго ея обозначенія Торговая Книга, какъ народъ тогда и потомъ до Петра Великаго, называетъ мечевую денгу. Копѣйка не упоминается, даже какъ копейная денга, она еще новгородка. О вѣсовыхъ единицахъ Торговая Книга даетъ свѣдѣнія, выражая ихъ черезъ денежныя единицы на почвѣ трехрублевой монетной стопы, то есть, исходя изъ того, что изъ малой или скаловой гривенки чеканятъ три рубля. „Берковецъ, 10 пудъ, а денгами московскими вѣситъ 2400 рублей. Вощаная четверть 12 пудъ, а денгами вѣситъ 2880 рублей. Бухарскій ансырь вѣситъ полторы гривенки малыхъ и 8 золотниковъ, а всего 128 золотниковъ, а денгами московскими вѣситъ 8 рублей. Нынѣшній ансырь вѣситъ

1) Одну часть Торговой Книги издалъ Мухановъ въ своемъ Сборникѣ со списка Калайдовича, оказавшагося въ бумагахъ Погодина. Мухановъ подозрѣвалъ, что въ числахъ не мало описокъ и ошибокъ и требовалъ критическаго изданія. По сокращенному списку Московской Духовной академіи Торговая Книга была издана во Врем. И. моск. Общ. Ист. и Древ. 1850 кн. VIII. Наиболѣе полное изданіе И. П. Сахорова по двумъ спискамъ въ Запискахъ Отдѣленія русск. и слав. археологіи И. Арх. Общ. т. I Спб. 1851, отд. III стр. 114—139. Это изданіе тоже крайне неудовлетворительное съ явными опечатками. Сахаровъ былъ совсѣмъ некомпетентенъ для такого изданія и въ предметахъ Торговой Книги понималъ въ половинѣ XIX в. гораздо меньше, чѣмъ ея составители въ концъ XVI вѣка. Ниже мы приведемъ примѣръ, наглядно это показывающій.

фунтъ въ 96 золотниковъ, а денгами вѣситъ 6 рублей. Въ гривнѣ малой скаловой 48 золотниковъ, денгами вѣситъ 3 рубля. Золотникъ вѣситъ 2 алтына съ полуденгою".

Въ виду того особеннаго значенія, которое ефимки имѣли, какъ матеріялъ для чеканки русской монеты, выдающійся интересъ имѣетъ отдѣлъ Торговой Книги „о ефимкахъ". „Ефимки имайте на вѣсъ, какъ чистое серебро. Старый ефимокъ чистотою не придетъ въ денги: иной тянетъ 14 алтынъ 3 деньги (87 денегъ или $6^{24}/_{25}$ золотниковъ [1]), иной 14 алтынъ 5 денегъ (89 денегъ, $7^{2}/_{25}$ золотниковъ), приходитъ ихъ по семи въ гривенку (или по 48 : 7 = $6^{6}/_{7}$ золотниковъ въ среднемъ въ ефимкѣ), тѣ на Москвѣ 12 ходятъ въ алтынъ (72 денги) и въ 12 алтынъ съ деньгою (73 денги). А выходятъ добрые ефимки на Москвѣ въ московки: за всею проторью очистится сфимокъ по 12 алтынъ 4 денги (76 денегъ) и по 12 алтынъ 5 денегъ (77 денегъ). Нынѣшніе новые сфимки легче старыхъ и нечисты, приходитъ ихъ полуосьмъ ($7^{1}/_{2}$) въ гривенку, а очищается ефимокъ по 11 алтынъ 4 денги (70 денегъ), а въ тѣхъ полувосьми сфимкахъ девятая доля мѣди выходитъ" (проба $^{8}/_{9}$ = $85^{1}/_{3}$: 96) Судя по этимъ свѣдѣніямъ, рыночная цѣна ефимка не была настолько низка, чтобъ отъ его перечеканки въ русскую монету получилась очень большая прибыль. Рыночная цѣна ефимка была $72^{1}/_{2}$ денегъ мечевыхъ = $38^{1}/_{4}$ копейныхъ денегъ; слѣдовательно, прибыль составляла на ефимокъ 4 мечевыхъ денги = 2 копейныя денги. Если и казна считала поступавшіе въ нее ефимки по рыночной цѣнѣ, то гривенка серебра въ ефимкахъ обходилась въ 7 × $72^{1}/_{2}$ = $505^{1}/_{2}$ мечевыхъ денегъ $253^{3}/_{4}$ копейныхъ денегъ. Чеканили изъ той же гривенки 3 рубля. Слѣдовательно, разность составляла на гривенку серебра $92^{1}/_{2}$ мечевыхъ денги = $46^{1}/_{4}$ копейныхъ денегъ; изъ этой разности часть должна была служить на потерю отъ угара металла при переплавкѣ и на расходы перечеканки; чистой прибыли могло оставаться около 30 копейныхъ денегъ = 60 мечевыхъ денегъ на каждую гривенку серебра, то есть, не особенно много.

Очень интересныя свѣдѣнія сообщаетъ Торговая Книга въ главѣ „о золотыхъ". „Золотые имати, какъ чистое золото, а золотой угорскій тянетъ 10 денегъ съ полуденгою ($^{21}/_{25}$ золотника = $80^{16}/_{25}$ долей, почти

---

1) Въ скобкахъ мы приводимъ наши перечисленія, идетъ рѣчь о мечевыхъ денгахъ.

вполнѣ вѣрно), корабельный тянетъ 3 алтына 3 денги (21 денга = = $161^{25}/_{32}$ долей, вмѣсто $157^{1}/_{2}$ долей лигитурнаго вѣса ноблей 1411 и 1460 гг. въ 108 тройскихъ грановъ), а португальскій съ крестомъ 17 алтынъ 3 денги = 105 денегъ = $806^{2}/_{5}$ долей). *А изъ воли намъ серебро больше ся золота прогожаетъ* и борже къ денгамъ. А на товары *золото емлите дороже своихъ серебряныхъ денегъ въ десятеро,* ино станетъ угорской золотой по 17 алтынъ 3 денги, корабельный по рублю и десять денегъ, португальской по 5 рублей 8 алтынъ 2 денги; емли золотникъ по 13 алтынъ 2 денги".

Повѣримъ эти указанія Торговой Книги. Угорскій золотой вѣситъ $80^{16}/_{25}$ долей и когда золото въ 10 разъ дороже серебра, какъ полагаетъ Торговая Книга, то онъ должно стоить въ 10 разъ больше серебра, и дѣйствительно цѣна его показывается Торговой Книгою въ 105 денегъ, а такъ какъ въ денгѣ при 3 рублевой монетной стопѣ $7^{17}/_{25}$ долей серебра, то 105 денегъ = $105 \times 7^{17}/_{25} = 806^{2}/_{5}$ долей серебра = $10 \times 80^{16}/_{25}$. То есть, цѣна угорского золотого или венгерскаго червонца вычислена очень точно согласно показанному его вѣсу и десятикратному отношенію стоимости золота и серебра. — Корабельный вѣситъ $161^{25}/_{35}$ долей золота и долженъ стоить въ 10 разъ болѣше долей серебра или $1617^{13}/_{16}$ долей серебра; а $1617^{13}/_{16} : 7^{17}/_{25} = 210$ денегъ мечевыхъ, то-есть, равняется одному рублю 10 денгами, какъ правильно вычислена цѣна корабельнаго въ Торговой книгѣ. — Вѣсъ португальскаго золотого показанъ въ 105 денегъ мечевыхъ или $806^{2}/_{5}$ долей золота, слѣдовательно серебра онъ долженъ стоить въ 10 разъ больше при принимаемой Торговою Книгою пропорціи, или $8064 : 7^{12}/_{25} = 1050$ денегъ, т. е. 5 рублей 8 алтынъ 2 денги, какъ и вычислено въ Торговой Книгѣ. Всѣ цѣны золотыхъ монетъ въ серебряной монетѣ вычислены очень точно, согласно принятой въ Торговой Книгѣ пропорціи между стоимостью золота и серебра. Но цѣна золотника золота показана въ 13 алтынъ 2 денги, или всего въ 80 денегъ. Между тѣмъ при чеканкѣ изъ гривенки или 48 золотниковъ 600 денегъ (мечевыхъ), золотникъ серебра имѣетъ монетную стоимость $600 : 48 = 12^{1}/_{2}$ денегъ; а если стоимость золотника золота показывается въ 80 денегъ, то отношеніе между стоимостью золота и серебра выходитъ $80 : 12^{1}/_{2} = 6^{2}/_{5} : 1$. А составители Торговой Книги совершенно ясно говорятъ: золото емлите дороже своихъ серебрянныхъ денегъ *въ десятеро.* Съ этимъ согласуется только цѣна золотника не въ 80 денегъ, а въ 125 денегъ или 20 алтынъ 5 денегъ, а 13 алтынъ и

2 денги показаны по опискѣ переписчика, незамѣченной издателемъ Торговой Книги [1]).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Рубль Михаила Ѳеодоровича.

1613—1682.

XVII-ое столѣтіе въ русской денежной исторіи имѣетъ такое-же выдающееся значеніе, какое до него имѣло время Василія Темнаго, приведшее къ гибели первоначальнаго рубля гривенки въ 48 золотниковъ, а послѣ него имѣло время неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ (ассигнацій и кредитныхъ билетовъ), приведшее въ концѣ XIX в., въ связи съ перемѣною во внутренней цѣнности серебра, къ гибели серебряного рубля, какъ главнаго основанія нашей денежной системы. Время царей Михаила Ѳедоровича, Алексѣя Михайловича и Петра Великаго заполняется опытами эксплоатаціи монетной регаліи въ интересахъ казны, опытами, сначала безуспѣшными, а потомъ успѣшными, исполнявшимися въ самыхъ широкихъ предѣлахъ, въ которыхъ эксплоатація эта допускалась унаслѣдованною денежной системою. А когда эти предѣлы были достигнуты и больше двигаться

1) Такихъ ошибокъ немало въ Сахаровскомъ (самомъ полномъ) изданіи Торговой Книги. А до какой степени Сахаровъ былъ далекъ отъ пониманія Торговой Книги, не смотря на ея чрезвычайную простоту и ясность, объ этомъ можетъ дать понятіе слѣдующій образчикъ его разсужденій о серебряной и золотой монетѣ. Въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь по московскомъ митрополитѣ Іоасафѣ дано было вкладу 30 золотыхъ большихъ по 40 алтынъ, да 10 золотыхъ угорскихъ по 20 алтынъ. «Невольно спрашиваешь себя, говоритъ Сахаровъ, на какомъ основаніи тогда производили оцѣнку золотымъ денгамъ и что служило мѣрою расцѣнки? «Съ перваго взгляда» Сахарову «кажется, что у насъ серебро въ XVI ст-олѣтіи цѣнилось дороже золота, потому что золотой стоилъ только 40 алтынъ. Но, продолжаетъ Сахаровъ, археологическія (?) данныя разрѣшаютъ этотъ вопросъ только приблизительно». Принимая во вниманіе, что въ то время денги были вѣсомъ 15—16 долей и что въ алтынѣ было 6 денегъ, поэтому въ 40 алтынахъ было 240 денегъ, Сахаровъ помноженіемъ 240 на 16 получаетъ 3840 долей = 40 золотниковъ серебра стоимости двойнаго червонца. При этомъ однако Сахаровъ не замѣчаетъ что онъ смѣшалъ мечевую денгу съ копейною, что въ алтынѣ было 6 мечевыхъ денегъ, а неполные 16 долей имѣла вѣсъ копейная денга, что онъ такимъ образомъ вдвое преувеличилъ серебряную стоимость двойнаго червонца. Но это еще полбѣды—изъ своего вычисленія Сахаровъ заключаетъ: «слѣдовательно большой золотой тогда оцѣнивался въ 40 золотниковъ серебра и если въ наше время 40 золотниковъ серебра 84-й пробы стоятъ около 8 рублей, то вотъ выводы для сравненія цѣнности металловъ». Какіе выводы? неизвѣстно, потому что ника-

на старой почвѣ уже было некуда, то это выразилось въ фактѣ, что изъ серебряной денги, созданной Дмитріемъ Донскимъ, подкрѣпленной Иваномъ III и обереженной Иваномъ Грознымъ, уже никакихъ финансовыхъ выгодъ нельзя было извлекать. Источникъ этихъ выгодъ оказался исчерпаннымъ до дна и истощился. Постепенно уменьшаясь въ вѣсѣ, денга въ концѣ концовъ (подобно многимъ денежнымъ единицамъ древняго и новаго міра) представляла уже такое ничтожное количество серебра, которое въ серебряную монету уже не годилось. Денга въ обоихъ ея видахъ, копейномъ и мечевомъ, должна была превратиться изъ серебряной монеты въ мѣдную, какъ до нея это случилось, напримѣръ, съ древне-римскимъ денаріемъ, или съ старофранцузскимъ су (трансформаціею солида).

Эта участь серебряной денги подготовлялась и рѣшилась въ XVII столѣтіи. И тѣмъ не менѣе наша денежная исторія именно этого столѣтія всего менѣе разрабатывалась: гораздо меньше, чѣмъ столѣтія, ему предшествовавшія и за нимъ слѣдовавшія. Даже нумизматы-любители этимъ столѣтіемъ меньше интересовались и занимались, чѣмъ другими столѣтіями. Поэтому лучшія коллекціи и каталоги, когда они доходятъ до XVII в., оказываются и болѣе бѣдными, и менѣе освѣдомленными даже въ своемъ собственномъ матерьялѣ. Это очень чувствительный пробѣлъ, тѣмъ болѣе замѣтный, чѣмъ больше сдѣ-

---

кихъ не сдѣлано и никакого сравненія тоже не сдѣлано. Но всего удивительнѣе окончательное заключеніе: «у насъ золота было мало и поэтому оно въ 1592 г. цѣнилось очень дорого, едва-ли не вчетверо противъ серебра» (И. П. Сахаровъ. Кормовая книга Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, въ Зап. Отд. Рус. и Слав. Арх. I, Спб. 1851, отд. II стр. 46—105). Золото очень дорого, когда оно едва-ли не вчетверо дороже серебра, хотя можетъ, казаться, что серебро дороже золота, когда большой червонецъ стоитъ только 40 алтынъ.

И это говоритъ издатель Торговой Книги, который если не другими путями, то хоть изъ Торговой Книги долженъ былъ знать, что въ ней золото въ XVI в. оцѣнивается въ десять разъ дороже серебра. Что касается заключенія изъ стоимости двойнаго червонца въ 40 алтынъ, то очевидно, что изъ одной этой стоимости никакого вывода нельзя сдѣлать, пока не принимается во вниманіе и вѣсъ червонца. Принимая его по Торговой Книгѣ въ 80 долей, слѣдовательно, вѣсъ двойнаго червонца въ 160 долей, мы имѣемъ равенство, что 100 долей золота = 40 алтынамъ = 240 денгамъ мечевымъ. Каждая мечевая денга тогда имѣла вѣсъ $7^{17}/_{85}$ долей, поэтому 240 денегъ содержали немалое количество $1843^1/_5$ доли серебра. А зная, что 160 долей золота стоили $1843^1/_5$ долей серебра, мы раздѣленіемъ втораго числа на первое, выводимъ, что 1 доля золота стоила $11^1/_2$ долей серебра. То есть при цѣнѣ 40 алтынъ за двойной червонецъ, цѣна эта оказывается настолько высокою, что при ней золото въ $11^1/_2$ раза дороже серебра.—Приведенное разсужденіе можетъ служить типическимъ образчикомъ разсужденій по нашей старинной монетной части, особенно какъ они преобладаютъ у Сахарова, у Прозоровскаго, даже у Заблоцкаго-Десятовскаго.

лано для нумизматики XV и XVI столѣтій съ одной стороны, и для нумизматики XVIII и XIX столѣтій—съ другой. Знатоки монетъ XV XVI или XVIII и XIX ст. существуютъ въ обиліи; а знатоковъ монетъ XVII вѣка совсѣмъ нѣтъ, потому что ихъ никогда не было. Въ этомъ отношеніи очень нуженъ сильный поворотъ.

Выше мы приводили слова А. Д. Черткова о томъ, что денги Ивана III держались до Михаила Ѳедоровича; правильнѣе было бы, еслибы эти слова были отнесены къ денгамъ Ивана IV, смѣнившимъ тѣ, которыя установилъ Иванъ Ш. Важно здѣсь то, что Чертковъ смутно зналъ значеніе 1613 г., какъ конца одного періода и начала другого. И въ этомъ отношеніи инстинкты знатока правильно руководили Чертковымъ.

Нами было указано, что денги, установленныя въ 1535 г., оставались въ исправности не только въ продолженіи всего царствованія Грознаго, но и при Ѳедорѣ Іоанновичѣ, при Борисѣ Годуновѣ и при Дмитріи Самозванцѣ. Въ эти царствованія не только деньги правильно чеканились, по монетной стопѣ 1535 г., по 3 рубля изъ гривенки серебра, даже начата была чеканка золотыхъ медалей для наградъ. Въ финансовой эксплоатаціи монетной регаліи не нуждались и къ ней могли не прибѣгать; благодаря этому вѣсъ монетъ могъ безукоризненно держаться на установленномъ его нормальномъ уровнѣ.

Измѣнилось-ли это положеніе при Василіѣ Шуйскомъ? Мы этого въ точности не знаемъ. Съ одной стороны, до насъ дошли монеты Шуйскаго неисправнаго вѣса, а при воцареніи Михаила Ѳедоровича, когда вѣсъ денги безспорно сильно понизился, возникъ интересъ, какъ бы въ оправданіе, ссылаться на „смутное время“, когда-де началось пониженіе вѣса денги. Но съ другой стороны, у насъ имѣются весьма вѣскія данныя, противорѣчащія мысли, что Шуйскій установилъ новую, пониженную стопу, вмѣсто старой, установленной въ 1535 г. при Грозномъ.

Дошедшія до насъ монеты Шуйскаго однѣ—правильнаго вѣса, другія — неправильнаго. Мы уже указывали на то, что когда идетъ рѣчь о монетахъ столь незначительнаго вѣса, что изъ 4 или даже 2 золотниковъ серебра ихъ чеканится 25, то вѣсъ отдѣльныхъ монетъ совершенно лишенъ значенія, потому что фабрикація монеты технически не допускаетъ вывѣрки (юстировки) вѣса отдѣльной монеты. Значеніе имѣетъ только альмарковая повѣрка, только числа монетъ на гривенку. Если, судя по среднему вѣсу всѣхъ дошедшихъ до насъ наличныхъ монетъ, 300 копейныхъ денегъ или 600 мечевыхъ денегъ

не имѣютъ вѣса гривенки, или 75 копейныхъ денегъ = 150 мечевыхъ денегъ не имѣютъ вѣса $^1/_4$ гривенки, тогда это даетъ безспорное указаніе на уменьшеніе вѣса. Поэтому ссылка на отдѣльныя монеты совершенно лишена всякаго значенія. Такая ссылка дѣлалась по поводу монетъ Шуйскаго и потому умѣстно было оговорить, что такой ссылкѣ мы не придаемъ серьезнаго значенія.

По Шуберту [1]) въ собраніи Рейхеля 24 монеты Шуйскаго имѣютъ средній вѣсъ 0.71 грам. (т. е. выше нормальнаго вѣса въ 0.685 грам.), 104 монеты собранія Круга обнаруживали вѣсъ 0.60 грам.; наконецъ въ собраніи Шуберта 48 монетъ обнаруживаютъ средній вѣсъ 0.655 грам. [2]). Если соединить всѣ эти показанія, то по нимъ 176 монетъ Шуйскаго имѣютъ въ совокупности вѣсъ 110.91 граммовъ, или, въ среднемъ, вѣсъ копейной денги по нимъ оказывается въ 0.63 грам., 92% нормальнаго вѣса. Это очень серьезное показаніе значительнаго числа монетъ Шуйскаго, которымъ нельзя пренебрегать. Даже, если придирчиво относиться къ недостающей части вѣса монетъ Шуйскаго и считать ее всецѣло послѣдствіемъ одного только измѣненія монетной стопы, то и тогда измѣненіе можетъ быть допущено лишь очень малое, не превышающее $3^1/_4$ рублей изъ гривенки вмѣсто 3 рублей 1535 г. А между тѣмъ, совершенно невѣроятно, чтобъ при Шуйскомъ могли удовлетвориться такимъ скромнымъ измѣненіемъ, еслибы на него рѣшились въ тогдашнее время. И кромѣ того, такое скромное измѣненіе ничего намъ не объясняетъ, когда мы имѣемъ дѣло съ гораздо болѣе значительнымъ измѣненіемъ, происшедшимъ въ 1613 г., какъ мы увидимъ.

Такимъ образомъ, приведенное показаніе 176 монетъ Шуйскаго, если не вполнѣ, то почти исправныхъ, составляетъ первый аргументъ противъ мысли, что уже при Шуйскомъ была измѣнена монетная стопа, установленная въ 1535 г.

Этотъ аргументъ, однако, долженъ считаться съ противупоказаніемъ другой группы монетъ Шуйскаго, тоже не незначительной, судя по тому, что у одного Шуберта она состоитъ изъ 94 экземпляровъ [3]). Эти 94 монеты въ совокупности имѣютъ вѣсъ 48,11 граммовъ, т. е. ихъ средній вѣсъ не превышаетъ 0,512 грамма, обнаруживая такимъ образомъ весьма сильное измѣненіе монетной стопы. Изъ этихъ

1) Schubert, Monnaies russes p. 23.
2) Schubert, Catalogue №№ 944—9, 751—3, 755—6.
3) Schubert, Catalogue №№ 750, 754, 757.

монетъ, однако, нѣкоторыя явно не показательныя: какъ разъ тѣ, которыхъ вѣсъ наименьшій (0,48 гр.), оказываются только съ одной стороны монетами Шуйскаго, а съ другой стороны онѣ биты штемпелемъ Дмитрія Самозванца. Такихъ монетъ—одна треть всей показанной группы и это бросаетъ сильную тѣнь на показаніе остальныхъ маловѣсныхъ монетъ Шуйскаго. Возможно, что при Шуйскомъ если не всегда, то нѣкоторое время „смотрѣніе, чтобы въ денежномъ дворѣ было безо всякія хитрости“ ослабѣло. Хотя и строго наказывалось: „воровскихъ денегъ не дѣлати никакихъ, чекановъ не красть и воровски подъ чеканъ не подрѣзыватися“, но не даромъ же угрожали жестокими казнями тѣмъ, которые „дѣлали на царскомъ дворѣ или у себя въ домѣхъ воровствомъ денги и тѣ воровскіе чеканы продавали на сторону инымъ людямъ“. Повидимому такой грѣхъ при Шуйскомъ былъ: въ обращеніи появились „воровскія денги“, дошедшія и до насъ. Но изъ этого, конечно, нельзя заключить что при Шуйскомъ состоялось распоряженіе объ измѣненіи монетной стопы и ея ухудшеніе; особенно же этого нельзя дѣлать, когда это не только не подтверждается никакими иными свѣдѣніями, но напротивъ иными свѣдѣніями опровергается.

Первое свѣдѣніе этого рода мы почерпаемъ въ Торговой Книгѣ. Она, между прочимъ, составлялась въ 1610 г., въ послѣднемъ году правленія Шуйскаго. Она очень хорошо освѣдомлена во всемъ, что она сообщаетъ, и она безукоризненно точна въ своихъ показаніяхъ. Если-бы при Шуйскомъ произошло измѣненіе монетной стопы и изъ гривенки серебра перестали чеканить три рубля, а стали бы чеканить больше, особенно если много больше, то это было бы отмѣчено и въ Торговой Книгѣ. А она ни о какой перемѣнѣ этого рода ничего не знаетъ; она знаетъ только трехрублевую монету 1535 г., какъ остающуюся въ силѣ. Поэтому и мы не вправѣ безъ сильнаго основанія отъ нея уклониться.

Другое важное указаніе мы почерпаемъ изъ того обстоятельства, что до 1615 года мы ни разу не встрѣчаемся съ признаніемъ денегъ трехрублевой монетной стопы 1535 г. старыми. Значитъ, до 1613 г. эти денги еще не стали „старыми“ вслѣдствіе ихъ замѣны „новыми“. До 1613 г. никакой замѣны не было, потому что оставалась въ силѣ трехрублевая монетная стопа, а иной стопы еще не было.

Наконецъ, мы располагаемъ для доказательства этого и оффиціальнымъ документомъ той эпохи, очень убѣдительнымъ: документомъ монетнаго двора, относящимся къ 1610 г., то-есть, опять къ послѣднему

году правленія Шуйскаго. До насъ дошли обширные отрывки изъ подлинныхъ книгъ московскаго денежнаго двора: „лѣта 7119 (1610) октября съ 1 числа на денежномъ дворѣ у головъ у Василья Өанасьева сына, да у Данила Исакова, съ товарищы, что взято въ казну серебра у торговыхъ людей, и что съ того серебра взято золотничной пошлины и что изъ тое золотничной пошлины на сливаньи угорѣло серебро въ горшкехъ и тому книги". Отрывки эти чрезвычайно любопытны, показывая, что въ 1610 г., не смотря на смутное время, дѣла шли въ Москвѣ своимъ чередомъ; торговые люди приносили на денежный дворъ очень значительныя количества серебра для перечеканки въ монету; при этомъ они уплачивали золотничную пошлину, которая поступала въ казну натурою, по золотнику серебра съ каждой гривенки серебра, принесенной на монетный дворъ; то и другое серебро передѣлывалось въ монету; та монета, которая получалась изъ 47 золотниковъ каждой гривенки за вычетомъ потери (угара) отъ передѣла, выдавалась торговымъ людямъ; а та монета, которая получалась изъ 48-го золотника каждой гривенки, тоже за вычетомъ потери (угара) отъ передѣла, поступала въ государственный доходъ казны. Объ этомъ-то мы располагаемъ обстоятельными записями за 4 дня, января 13, марта 16, апрѣля 17 и іюля 27. За каждый день мы имѣемъ нѣсколько записей о томъ, сколько кто приносилъ серебра и сколько съ него взято пошлины, а эта пошлина показана не только натурою, т. е., количествомъ серебра, но и по оцѣнкѣ на деньги, сколько начеканено монеты изъ серебра, взятого въ уплату пошлины [1]). За каждый день мы имѣемъ показанные итоги всего доставленнаго серебра и всей взятой пошлины [2]). Мы имѣемъ возможность повѣрить правильность каждаго случая; когда на приносителя начислялась пошлина, можемъ повѣрить итоги каждаго дня и въ состояніи изъ дошедшихъ до насъ 4 частныхъ итоговъ вывести одинъ

---

1) Вотъ примѣръ отдѣльной записи: „генваря въ 13 день взято въ казну серебра у Михаила Левонтіева 1-й вѣсъ 21 гривна 6 золотниковъ, 2-й вѣсъ 24 гривны 44 золотника и изъ казны денги Михайлу отданы. На государя взято золотничной пошлины 46 золотниковъ съ полуденгою, а денгами въ то число 2 рубля 29 алтынъ полдвѣ денги".

2) Приводимъ примѣръ итога за день: „и всего въ семъ передѣлѣ во взятьи въ казну у торговыхъ людей серебра 349 гривенъ 24 золотника и съ того серебра взято на государя золотничной пошлины 7 гривенъ 13 золотниковъ съ полузолотникомъ, а денгами въ то число 21 рубль 28 алтынъ съ полуденгою и изъ того числа на сливаньи угорѣло серебро въ горшкахъ 2 гривны 40 золотниковъ, а денгами въ то число 8 рублевъ 16 алтынъ 4 денги, а затѣмъ государю прибыли осталось золотничной пошлины, за сливалною угарью, 13 рублевъ 11 алтынъ пол-3-ьи денги".

общій итогъ. Чтобъ исчерпать дошедшій до насъ матерьялъ, разсмотримъ сначала на отдѣльныхъ записяхъ, что онѣ показываютъ, затѣмъ воспользуемся, какъ частными ихъ итогами, такъ и ихъ общимъ результатомъ.

Остановимся сначала на частномъ примѣрѣ, приведенномъ въ примѣчаніи. Торговый человѣкъ Михайло Левонтьевъ принесъ на денежный дворъ въ два пріема всего 46 гривенъ 2 золотника серебра, перечеканеннаго въ денги, которые „изъ казны Левонтію отданы". Сколько? По какой монетной стопѣ? Это намъ покажетъ, взятая съ Левонтія золотничья пошлина. По золотнику съ гривенки съ Левонтія съ 46 гривенокъ слѣдовало взять 46 золотниковъ; столько и взято. Но Левонтій принесъ для перечеканки въ монету еще 2 золотника серебра. Въ примѣрѣ показано, что за эти 2 золотника взята полденга. Это очень миніатюрный расчетъ, совершенно точный, насколько такіе миніатюрные расчеты допускаютъ совершенную точность. Но этотъ расчетъ сдѣланъ на почвѣ трехрублевой монетной стопы, при которой изъ гривенки или 48 золотниковъ чеканится 300 копейныхъ или 600 мечевыхъ денегъ. Вѣсъ копейной денги при этомъ $\frac{48}{300}=\frac{4}{25}$ золотника; а вѣсъ мечевой денги вдвое меньше, $\frac{48}{600}=\frac{2}{25}$ золотника. Книга денежнаго двора считаетъ, какъ народъ тогда считалъ, не на копейную денгу, а на мечевую, которую называютъ просто денгою. Она и составляетъ $^2/_{25}$ золотника. Полденги поэтому составляетъ $^1/_{25}$ золотника. А сколько слѣдовало взять золотничной пошлины съ 2 золотниковъ серебра, принесенныхъ на денежный дворъ? Золотничная пошлина взимается въ размѣрѣ одного золотника съ гривенки или 48 золотниковъ, слѣдовательно, въ размѣрѣ $^1/_{48}$; поэтому съ 2 золотниковъ слѣдуетъ взять $^2/_{48}=^1/_{24}$ золотника. А это составляетъ немного больше полуденги или $^1/_{25}$ золотника. Берется полденга или $^1/_{25}$ золотника, вмѣсто $^1/_{24}$, потому что такими разностями и въ наши дни пренебрегаютъ; но полденги берутъ, свидѣтельствуя этимъ: 1) что расчетъ дѣлается точный даже микроскопически, 2) что расчетъ дѣлается на почвѣ трехрублевой монетной стопы 1535 г., потому что въ 1610 г. другой почвы еще нѣтъ для казеннаго расчета. Въ этомъ насъ еще больше убѣждаетъ то, что сообщается о результатѣ взятой въ казну золотничной пошлины. Взято 46 золотниковъ серебра съ полуденгою, или 46.04 золотниковъ серебра и оно перечеканено въ денги. На какую сумму? На два рубля (200 копейныхъ или 400 мечевыхъ денегъ) 29 алтынъ (87 копейныхъ или 174 мечевыхъ денегъ) и полдвѣ ($1^1/_2$) денги (считаются мечевыя, составляющія $^3/_4$ копейной денги).

Всего $287^3/_4$ копейныхъ денги или $575^1/_2$ мечевыхъ денегъ. Мы такимъ образомъ имѣемъ равенство: 46.04 золотниковъ серебра $= 287^3/_4$ коп. ден. $= 575^1/_2$ мечевыхъ денегъ. Отсюда: 48 золотн. $= \frac{287^3/_4 \times 48}{46.04} = 300$ коп. ден. $= \frac{575.50 \times 48}{46.04} = 600$ меч. денегъ.

Выводъ ясенъ: чеканка монеты изъ серебра, взятаго въ золотничную пошлину, и оцѣнка этого серебра произведены на почвѣ чеканки изъ гривенки 300 копейныхъ денегъ или 600 мечевыхъ денегъ.

Въ другомъ примѣрѣ на государя взято золотничной пошлины 40 золотниковъ съ полузолотникомъ съ полденгою, или 40.52 золотниковъ, а деньгами въ то число два рубля 17 алтынъ полъ-пяты деньги или $253^1/_4$ копейныхъ $= 506^1/_2$ мечевыхъ денегъ. Отсюда опять изъ гривенки серебра: $\frac{253.5 \times 48}{40\,52} = 300$ коп. ден. $= \frac{506\,5 \times 48}{40.52} = 600$ мечев. денегъ.

Третій примѣръ. На государя взято золотничной пошлины гривна 26 золотниковъ или всего $48 + 26 = 74$ золотника серебра. Вышло изъ нихъ 4 рубля 20 алтынъ 5 денегъ или всего $462^1/_2$ копейныхъ денегъ $= 925$ мечевыхъ денегъ. Это даетъ на гривенку серебра: $\frac{462.5 \times 48}{74} = 300$ коп. ден. $= \frac{925 \times 48}{74} = 600$ меч. денегъ.

Возьмемъ теперь для примѣра итогъ за весь день и повѣримъ поступленіе золотничной пошлины инымъ путемъ: прямо исходя изъ того, что при трехрублевой монетной стопѣ каждый золотникъ серебра, поступившій въ пошлину, долженъ давать казнѣ $6^1/_4$ копейныхъ денегъ или $12^1/_2$ мечевыхъ денегъ [1]). Всѣ приносители доставили въ монетный дворъ 349 гривенъ 24 золотника (съ лишнимъ $4^1/_8$ пуда серебра), съ которыхъ причиталось въ казну пошлины $349^1/_2$ золотниковъ серебра. Поступленіе такъ и показано въ 7 гривенъ 13 золотниковъ съ ползолотникомъ. По $6^1/_4$ копейныхъ или $12^1/_2$ мечевыхъ денегъ за золотникъ это составляетъ $2174^3/_8$ копейныхъ или $4348^3/_4$ мечевыхъ денегъ. Согласно съ этимъ показано, что взято на государя денгами 21 рубль 28 алтынъ съ полуденгою (вмѣсто $^3/_4$, потому что четверти отсѣкаются).

Другой итогъ: „во взятьи въ казну у торговыхъ людей серебра 401 гривна 12 золотниковъ“, слѣдовательно, причиталось пошлины $401^1/_4$ золотникъ серебра; „итого серебра взято на государя 8 гривенъ 17 золотниковъ 3 денги, т. е., какъ разъ столько, сколько мы вычислили (при этомъ $^1/_4$ золотника принята за 3 мечевыя денги, потому

---

[1]) Если изъ гривенки или 48 золотниковъ серебра чеканится 300 копейныхъ денегъ или 600 мечевыхъ (т. е. три рубля), то на каждый золотникъ приходится или $300 : 48 = 6^1/_4$ копейныхъ денегъ, или $600 : 48 = 12^1/_2$ мечевыхъ денегъ.

что одна мечевая денга = $^2/_{25}$ золотника, а $^1/_4 : {}^2/_{25} = 3^1/_8$ мечевыя денги но $^1/_8$ отсѣчена). По $6^1/_4$ копейныхъ денегъ или по $12^1/_2$ мечевыхъ денегъ изъ каждаго золотника должно было изъ $401^1/_4$ золотниковъ получиться для казны $2507^{13}/_{16}$ копейныхъ денегъ или $5015^5/_8$ мечевыхъ денегъ. Именно это поступленіе и показано: 25 рублей, 2 алтына, полъ-четверти денги. Чеканка и счетъ производятся по трехрублевой монетной стопѣ 1535 года.

Примѣры эти мы могли бы увеличить, но они всегда даютъ одинаковый результатъ. За четыре дня 1610 г., о которыхъ до насъ дошло свѣдѣніе, мы видимъ, что приносители, торговые люди, доставили на монетный дворъ 1442 гривенки 20 золотниковъ или 18 пудовъ $2^2/_{15}$ гривенки серебра, количество, даже въ наши дни, почтенное. Съ этого количества одинъ налогъ въ пользу казны составлялъ $1442^2/_{15}$ золотниковъ или $30^1/_{24}$ гривенокъ серебра. И мы видимъ, что гривенка серебра, принадлежащая казнѣ, считается въ 3 рубля, золотникъ серебра за $6^1/_4$ копейныхъ денегъ или $12^1/_2$ мечевыхъ. Казна себя не обижала, конечно. Ея интересъ былъ въ томъ, чтобы каждая гривенка серебра, каждый золотникъ, давали возможно больше. Если бы казна могла оцѣнить свою гривенку серебра больше, чѣмъ въ три рубля, это конечно дѣлали бы. Но этого не дѣлали. Почему же? Потому что въ 1610 г. еще не дѣлали изъ гривенки серебра больше 3 рублей, изъ золотника больше $6^1/_4$ копейныхъ или $12^1/_2$ мечевыхъ денегъ.

Такимъ образомъ, мы можемъ подходить къ 1613 г. съ полнымъ убѣжденіемъ, что Чертковъ былъ правъ: до воцаренія Михаила Ѳеодоровича сохраняла силу унаслѣдованная монетная стопа: та, которая была установлена въ 1535 г.

Въ совершенной точности извѣстно, что когда Михаилъ Ѳеодоровичъ воцарился, то государственная казна была найдена въ полномъ разстройствѣ. Этого не скрывали; напротивъ, всякими способами это разглашали и изыскивали средства наполнить ее. Неудивительно, что, находясь въ крайнемъ положеніи, прибѣгли къ пониженію вѣса монеты, пользуясь тѣмъ, что около 80 лѣтъ монетною регаліею не пользовались, какъ финансовымъ рессурсомъ. Что это дѣйствительно сдѣлали уже въ 1613 г., это мы знаемъ достовѣрно.

До насъ дошли отрывки изъ Приходной Книги денежной казны съ 1 сентября 1613 г. по 12 августа 1614 г. [1]). Въ нихъ даются ясныя свѣдѣнія, удостовѣряющія, что съ перваго года царствованія Михаила

[1]) Русская Историч. Библ. т. IX, особ. стр. 5 и 9.

Ѳеодоровича, по государеву именному приказу чеканили уже не по монетной стопѣ 1535 г., а по новой монетной стопѣ: не по три рубля изъ гривенки серебра, а съ увеличеніемъ этой стопы сразу на цѣлую треть, то есть, по четыре рубля изъ гривенки.

Такихъ указаній до насъ дошло два. Первое выражено въ слѣдующихъ словахъ. „Ноября въ 21 день по государеву имянному приказу послано на денежный дворъ Ефиму Телепневу *старыхъ* денегъ 1120 рублей; вѣсу въ нихъ было 355 гривенокъ, велѣно ихъ передѣлати для прибыли. И тѣ денги передѣланы. И того серебра угорѣло 6 гривенокъ 47 золотниковъ, да мастерамъ вышло 23 рубля 27 алтынъ 2 денги, а затѣмъ осталось 1381 рубль 6 алтынъ 2 денги и прибыли у тѣхъ денегъ 261 рубль 6 алтынъ 2 денги".

Денги 1535 г. стали въ 1613 г. „старыми" денгами, подобно тому, какъ въ 1535 г. стали „старыми" старыми денги Ивана Ш. При этомъ мы имѣемъ возможность повѣрить вѣсъ старыхъ денегъ, когда ихъ пожелали замѣнить новыми. Перечеканкѣ подлежали старыя денги на 1120 рублей или 112.000 копейныхъ денегъ; а вѣсу въ нихъ было 355 гривенокъ = 1.635.840 долей. Слѣдовательно, средній вѣсъ старой копейной денги составлялъ при этомъ 1.635.840 : 112.000 = 14.60 долей вмѣсто 15.36 долей = $^4/_{25}$ золотника нормальнаго вѣса копейной денги при трехрублевой монетной стопѣ. То-есть, старая копейная денга еще обладала 95% своего нормальнаго вѣса и была очень хорошей сохранности; даже маловѣсныя денги, появившіяся при Шуйскомъ ей не повредили; 300 копейныхъ денегъ старыхъ, по 14.60 долей, представляли вѣсъ 45 золотниковъ 60 долей вмѣсто 48 золотниковъ, т. е. потеряли лишь $2^3/_8$ золотниковъ. Чеканка новыхъ денегъ была связана съ потерею металла отъ угара всего 6 гривенокъ 47 золотниковъ или 32.160 долей (немного менѣе 2%). Серебра для новыхъ монетъ оставалось 1.603.680 долей: изъ него изготовлено новыхъ денегъ: уплаченныхъ мастерамъ 23 рубля 27 алтынъ 2 денги и оставшіеся у казны 1381 рубль 6 алтынъ 2 денги; а всего получилось 1405 рублей 1 копейная денга или всего 140501 копейная денга. Отсюда получается, что одна новая копейная денга имѣла вѣсъ 1.603.680 : 140501 = 11.414 долей, а такихъ копейныхъ денегъ на гривенку или 4608 долей шло 4608 : 11.414 = 403.$_7$. Вѣсъ монетъ настолько чувствительно пониженъ, что на гривенку вмѣсто 300 копейныхъ денегъ или трехъ рублей уже шло болѣе 400 или больше 4 рублей.

Это вполнѣ подтверждается другимъ примѣромъ Приходной Книги. „Августа въ 12 день по государеву имянному приказу послана на

денежный дворъ къ Ефиму Телепневу старыхъ денегъ 800 рублей, вѣсу въ нихъ 257 гривенокъ 24 золотника, а велѣно ихъ передѣлати для прибыли. И тѣ денги передѣланы. И того серебра угорѣло гривенка 12 золотниковъ, да мастерамъ вышло 17 рублей 18 алтынъ 2 денги, а затѣмъ осталося 1007 рублей 7 алтынъ и прибыли у старыхъ денегъ у 800 рублевъ 207 рублей 7 алтынъ".

Опять сначала повѣримъ вѣсъ старыхъ денегъ на 800 рублей или 80.000 копейныхъ денегъ; ихъ вѣсъ показанъ въ $257^1/_2$ гривенокъ = 12360 золотниковъ = 1.186.560 долей, это даетъ средній вѣсъ старой копейной денги въ 14.714 долей еще больше прежняго. При передѣлѣ угорѣло серебра $1^1/_4$ гривенки = 60 золотниковъ = 5.760 долей; поэтому для новой монеты осталось серебра $256^1/_4$ гривенокъ = 12300 золотниковъ = 1.180.800 долей. Новыхъ денегъ начеканено: уплаченныхъ мастерамъ 17 рублей 55 копейныхъ денегъ и образовавшихъ остатокъ 1007 рублей 21 копейная денга, а всего 1024 рубля 76 копейныхъ денегъ, или 102.476 копейныхъ денегъ. Отсюда вѣсъ новой копейной денги составилъ 1.180.800 : 102.476 = 11.52 долей. А на гривенку или 4608 долей такихъ монетъ идетъ 4608:11.52 = 400. Изъ гривенки начали въ 1613 г. чеканить 400 копейныхъ денегъ или 4 рубля. Съ трехрублевой монетной стопы перешли на четырехрублевую. Сто копейныхъ денегъ, составлявшіе рубль, выражали уже вѣсъ 1152 долей = 12 золотниковъ серебра, вмѣсто 16 золотниковъ рубля 1535 — 1612 гг. Копейная денга (бывшая новгородка) уже представляла лишь $^3/_{25}$ золотника, а мечевая $^3/_{50}$ золотника серебра. Новый рубль составлялъ лишь три четверти стараго, Ивана IV.

Приведенныя свѣдѣнія несомнѣнно показываютъ, что въ 1613 г. уже чеканили денгу по новой монетной стопѣ. Но можетъ быть это дѣлали лишь въ видѣ опыта, если въ такомъ дѣлѣ возможенъ опытъ? Для рѣшенія этого вопроса мы имѣемъ достаточно данныхъ, подтверждающихъ, что въ 1613 г. не опыты дѣлались, а начиналось новое дѣло, которое неуклонно продолжалось и которое поворотами назадъ уже не сопровождалось.

Какъ извѣстно, Новгородъ въ это время находился въ рукахъ шведовъ; но новгородцы, конечно, знали, что происходитъ въ Москвѣ; они узнали (конечно, по новымъ монетамъ съ уменьшеннымъ вѣсомъ) и объ измѣненіи въ Москвѣ монетной стопы. Это свѣдѣніе дошло и до шведовъ, которые, имѣя въ своихъ рукахъ новгородскій денежный дворъ, занялись въ немъ чеканкою русскихъ денегъ по новой монетной стопѣ.

Никакой надобности шведамъ не было чеканить денги, качественно ухудшенныя, или съ „примѣсомъ". Достаточно было, чтобъ они дѣлали лишь то же самое, что въ Москвѣ дѣлали: чтобъ они чеканили такія же точно монеты, какія въ Москвѣ чеканились (какъ увидимъ, шведы даже чеканили монеты лучшія, болѣе тяжелыя),— и прибыль отъ новой монетной стопы доставалась шведамъ.

Документы объ этомъ хранятся въ Стокгольмскомъ государственномъ архивѣ; но отрывки изъ нихъ опубликованы и у насъ [1]). Для насъ здѣсь особенное значеніе имѣютъ выдержки изъ „записныхъ книгъ новгородскаго монетнаго двора 1614—15 г.г." Отрывки содержатъ записи о томъ, что куплено въ 123 (1615 г.) на денежный дворъ *старыхъ* денегъ по приказу боярина и воеводы Ивергора (Эверта Горна) Карлусовича да дьяка Монши Мартыновича". Выдержки эти важны, во первыхъ, какъ новое удостовѣреніе о превращеніи денги трехрублевой монетной стопы въ „старыя" лишь скоро послѣ 1613 г. Во-вторыхъ, выдержки сообщаютъ намъ свѣдѣнія о скупкѣ этихъ старыхъ денгахъ и условіяхъ, на которыхъ эта скупка производилась. И въ третьихъ отрывки удостовѣряютъ, что скупка производилась для перечеканки старыхъ денегъ въ новыя, которою занимались шведы, и что шведы при этомъ двигались на весьма нетвердой почвѣ.

„И всего декабря и генваря собрано старыхъ денга 1936 рублевъ 15 алтынъ. Давано по 6 рублевъ на сто рублевъ и въ нихъ прибыли у ста рублевъ по 14 рублевъ . . . Съ сихъ мѣстъ почато на рубль давати по гривне . . . И всего въ мартѣ собрано старыхъ денегъ 988 рублевъ 20 алтынъ и на тѣ денги давано по 10 рублевъ на сто рублевъ, а дѣланы изо ста по 130 рублевъ и прибыли у нихъ денегъ у ста по 20 рублевъ . . . И всего 123 году з декабря по сентябрь по 1 число куплено старыхъ денегъ 9406 рублевъ 25 алтынъ да 150 ефимковъ".

Эти свѣдѣнія драгоцѣнны, потому что ими доказывается, что производившаяся въ 1613 г. перемѣна монетной стопы не была опытомъ, экспериментомъ; а была рѣшеннымъ дѣломъ, которое систематически осуществлялось и, по своему существу, должно было стать явнымъ, видимымъ и общеизвѣстнымъ. Но шведскія свѣдѣнія важны

---

1) Они напечатаны К. И. Якубовымъ въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древ. 1890 г. кн. I и II, какъ рядъ замѣтокъ о русскихъ рукописяхъ стокгольмскаго государственнаго архива, относящихся ко времени шведскаго управленія Новгородомъ въ 1611—7 г.г.

и другою своею стороною, которой они удостовѣряютъ, что перемѣна 1613 г. еще была совсѣмъ новая перемѣна, происшедшая не раньше 1613 г. Еслибъ она произошла раньше, то стали-бы извѣстны подробности ея: стало бы извѣстно, что не только произошла перемѣна, не только отстали отъ старой монетной стопы, но *къ какой новой монетной стопѣ перешли.* А этого шведы не знали, какъ мы сейчасъ покажемъ. Для накопленія свѣдѣній этого рода изъ опыта, необходимо болѣе продолжительное время; оно имѣлось бы лишь въ томъ случаѣ, еслибъ перемѣна монетной стопы произошла задолго до 1613 г. Если-же въ 1615 г. изъ опыта еще нельзя было знать, въ какихъ предѣлахъ измѣнилась монетная стопа, то это ясное доказательство, что перемѣна не произошла до 1613 г.

Воспользовавшись тѣмъ, что новгородскій денежный дворъ состоялъ въ ихъ власти, для извлеченія выгодъ отъ чеканки московскихъ денегъ по новой монетной (уменьшенной) монетной стопѣ,— шведы могли осуществить это намѣреніе только посредствомъ купленнаго серебра. Для достиженія этой цѣли въ Москвѣ имѣлись и другіе способы, о которыхъ ниже еще будетъ рѣчь; но для шведовъ, какъ всегда для поддѣлывающихъ монету, другого способа не было. Къ этому способу шведы и прибѣгли. Они стали покупать „старыя“ денги привлекая ихъ „наддачею“, прибавкою къ нарицательной ихъ цѣнѣ, сначала „по шести рублевъ на сто рублевъ“. Это значитъ, что за 100 рублей старыми деньгами шведы платили 106 рублей новыми денгами. „И въ тѣхъ прибыли у ста рублевъ 14 рублевъ“. Это значитъ, что изъ старыхъ денегъ на 100 рублей они дѣлали новыхъ денегъ на 120 рублей, при чемъ 106 рублей составляли ихъ расходъ изготовленія новыхъ денегъ, а остальные 14 рублей на сто составляли „прибыль“ отъ чеканки по новой монетной стопѣ. Любопытно это изложеніе и по его новой арифметической почвѣ: расчетъ дѣлается на сто рублей, т. е. процентный, а не на гривенку серебра, какъ его тогда-же дѣлали въ Москвѣ. Для однородности сравненія необходимо поэтому расчетъ процентный перевести въ расчетъ на гривенку серебра. Гривенка старыхъ денегъ (1535—1612 г.г.) представляла три рубля старыхъ; слѣдовательно, одинъ рубль прежній былъ одною третью гривенки; а сто рублей составляли $^{100}/_{3} = 33^{1}/_{3}$ гривенки серебра. Если шведы за сто рублей старыми деньгами платили 106 рублей новыми деньгами, то эти 106 рублей новыми деньгами они платили за $33^{1}/_{3}$ гривенки серебра старыхъ денегъ. Слѣдовательно, за одну гривенку серебра старыхъ

денегъ шведы платили $106 : 33^1/_3 = 3{,}18$ рубля, три рубля 18 копейныхъ денегъ новыхъ или 3 рубля, шесть алтынъ. Если изъ ста рублей старыхъ денегъ шведы чеканили 120 рублей новыхъ денегъ, то эти 120 рублей новыхъ денегъ они чеканили изъ $33^1/_3$ гривенки старыхъ денегъ. Значитъ изъ одной гривенки старыхъ денегъ они чеканили $120 : 33^1/_3 = 3.60$ рубля = 3 рубля 60 копейныхъ денегъ = 360 копейныхъ денегъ = 3 рубля 20 алтынъ.

Это ясно показываетъ, что шведы въ концѣ 1614 и въ началѣ 1615 г. еще не знали, какую новую монетную стопу въ Москвѣ завели вмѣсто трехрублевой, отмѣненной. Шведы только могли видѣть по новымъ денгамъ, чеканеннымъ въ Москвѣ послѣ 1613 г., что ихъ чеканятъ изъ гривенки порядочно больше 300 копейныхъ денегъ изъ гривенки; но сколько именно, это еще не было достаточно ясно видно. Поэтому шведы дѣйствовали осторожно. Они стали чеканить изъ гривенки не 400 копейныхъ денегъ, какъ чеканили въ Москвѣ, а лишь 360. Это тоже давало 14 процентовъ прибыли.

Но уже въ февралѣ 1615 г. дѣло стало виднѣе. „Съ сихъ мѣстъ почато давати по гривнѣ“ (на рубль), на купленныя старыя денги „давано по 10 рублевъ на сто рублевъ, а дѣлано изо ста по 130 рублевъ и прибыли у тѣхъ денегъ у ста по 20 рублевъ“. Мы уже теперь знаемъ, что 10%-ная „наддача“ 10 рублей на сто рублей была приплатою (лажемъ) за $33^1/_3$ гривенки старыхъ денегъ на нарицательную сумму ста рублей. Слѣдовательно возвышеніе „наддачи“ означало, что за гривенку старыхъ денегъ уже платятъ $110 : 33^1/_3 = 3.3$ рублей = 3 руб. 10 алтынъ. „А дѣланы изо ста по 130 рублевъ“, слѣдовательно, изъ гривенки дѣлали $130 : 33^1/_3 = 3.9$ рубля=390 копейныхъ денегъ, 3 рубля 30 алтынъ [1]).

---

1) Отрывки изъ актовъ новгородскаго денежнаго двора 1615 г. сообщаютъ еще нѣкоторыя иныя свѣдѣнія, напримѣръ изъ „Книги, что покупывано серебро на денежный дворъ“: „всего въ апреле 51 гривенка 28 золотниковъ и всего въ 123 году 3 генваря сентября по 1 число куплено серебра 206 гривенокъ 25 золотниковъ, по 2 алтына 3 денгою золотникъ, гривенка по 3 рубля 4 алтына“. Это вѣроятно показывается безъ „наддачи“. Ибо съ наддачею платили за гривенку серебра 3 р. 6 алтынъ и 3 рубля 10 алтынъ. Монетная цѣна гривенки серебра при трехрублевой монетной стопѣ составляла: за золотникъ 2 алтына съ полуденгою, три рубля за гривенку.— „123 года, декабря въ 24 день, книги сплавочныи, что сплавлено купленныхъ, боярскихъ и всякихъ денегъ; при этомъ вѣсъ купленныхъ ста рублей старыхъ денегъ показывается въ 32 гривенки 20—23—24 золотниковъ, при нормальномъ вѣсѣ ста рублей по трехрублевой монетной стопѣ въ 33 гривенки 16 золотниковъ, слѣдовательно, покупавшіяся „старыя“ денги сохраняли 97—98% своего нормальнаго вѣса. Это конечно было бы невозможно, если-бъ уменьшеніе вѣса монеты началось еще при Шуйскомъ.

Хотя шведы при этомъ уже энергично занимались чеканкою новой монеты, на значительныя суммы, получая уже 20% прибыли и платя за серебро 10% лажа,— тѣмъ не менѣе они все таки до новой монетной стопы, до чеканки 4 рублей изъ гривенки не дошли; они все еще съ точностью не знали, сколько чеканятъ въ Москвѣ изъ гривенки.

И не одни только шведы не знали, къ какой новой монетной стопѣ московское правительство перешло въ 1613 г. Въ эти первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича въ Москвѣ нѣкоторую роль игралъ англичанинъ Меррикъ, бывавшій въ Москвѣ и при Борисѣ Годуновѣ. Онъ принималъ участіе въ переговорахъ, предшествовавшихъ Столбовскому договору, отстаивая русскіе интересы, и поэтому къ его ходатайствамъ и жалобамъ относились не безъ вниманія. Какъ извѣстно, по Столбовскому договору постановлялось: „королю Густаву Адольфу взять у царя Михаила Ѳеодоровича 20,000 рублей денгами готовыми, добрыми ходячими безобманными серебрянными новгородскими; денги эти отдаетъ шведскимъ посламъ великій посолъ короля англійскаго, Джонъ Меррикъ“ [1]). При такомъ положеніи Меррика, естественно, что жалобы его на убытки англичанъ вызывали объясненія. Въ числѣ же этихъ убытковъ онъ указывалъ на то, что денги русскія стали легче вѣсомъ: прежній рубль равнялся 14 шиллингамъ англійскимъ, а теперь тотъ же рубль стоитъ всего 10 шиллинговъ [2]).

Эти указанія важны лишь однимъ: содержащимся въ нихъ удостовѣреніемъ, что и Меррикъ не зналъ, какая монетная стопа установилась въ Москвѣ послѣ 1613 г. и что такое былъ рубль въ годы, слѣдовавшіе непосредственно за 1613 г. Сами-же по себѣ утвержденія Меррика никакой дѣйствительности не соотвѣтствовали. Невѣрно было, что до 1613 г. рубль равнялся 14 шиллингамъ, какъ невѣрно было, что послѣ 1613 г. рубль равнялся 10 шиллингамъ. Такъ какъ шиллингъ съ 1601 г. содержалъ 125.3^{19} долей чистаго серебра, то въ 10 шиллингахъ было больше 1253 долей. Утверждая (въ порицаніе), что рубль упалъ до 10 шиллинговъ, Меррикъ допускалъ этимъ, что онъ составляетъ 1253 доли серебра. Этому соотвѣтствуетъ копейная денга въ 12.5^{3} долей, а такихъ денегъ на гривенку или 4608 долей идетъ $4608 : 12.5^{3} = 368$. Такимъ образомъ, Меррикъ полагалъ, что изъ гри-

1) Соловьевъ. Ист. Рос IX, 112.
2) Соловьевъ. Ист. Рос IX, 187

венки чеканятъ 368 копейныхъ денегъ, когда на дѣлѣ ихъ уже съ 1613 г чеканили 400 [1]).

Бояре же, которые давали объясненія Меррику, не считали своею задачею просвѣтить его. Они только сказали, что „послѣ царя Ѳедора Ивановича въ московскомъ государствѣ учинилась смута, царская казна разграблена, а служилыхъ людей умножилось и жалованья дать было нечего, государи христіянскіе пограничные помощи не подали: такъ по неволѣ деньги стали дѣлать легче, чтобы государство было чѣмъ построить и служилыхъ людей пожаловать". Прямо бояре не утверждаютъ, что „деньги стали дѣлать легче" въ смутное время, „послѣ царя Ѳедора Ивановича", но какъ будто на это намекаютъ, хотя монетами смутнаго времени это не потверждается. Но насколько „деньги стали дѣлать легче",—объ этомъ бояре умалчиваютъ. Быть можетъ, это знали лишь немногіе, не входившіе въ составъ тѣхъ бояръ, которые давали объясненія Меррику.

Наконецъ, нумизматы находятся не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ какомъ находились шведы, англичане, новгородскіе и московскіе жители, когда дѣло касалось вопроса, какая новая монетная стопа вошла въ силу въ 1613 г. Нумизматы повторяютъ вслѣдъ за однимъ изъ нихъ, Шодуаромъ, что при Михаилѣ Ѳедоровичѣ издано было постановленіе о чеканкѣ изъ фунта серебра 877 копѣекъ. Но откуда

---

1) Изъ исторіи монеты въ Англіи извѣстно, что единственный періодъ, когда серебряная монета была совершенно разстроена неправильными распоряженіями, охватываетъ немногіе годы между 1543 и 1551 г.г. Къ этому 7-лѣтію никакое сравненіе не можетъ относиться, да и нѣтъ надобности дѣлать сравненія съ исключительнымъ временемъ. Сравненіе-же съ временемъ до 1543 г. или послѣ 1551 г. показываетъ совсѣмъ не то, что утверждалъ Меррикъ. Съ 1526 г. до 1543 г. въ Англіи чеканили изъ тройской унціи штандартной пробы ($^{37}/_{40} = 0.925$, по нашему $88^{4}/_{5}$—ой) 540 пенсовъ, то-есть, пенсъ содержалъ чистаго серебра $14.^{388}$ долей; поэтому шиллингъ содержалъ чистаго серебра $12 \times 14.^{388} = 172.^{656}$ долей. Такихъ шиллинговъ рубль 1526—1535 г.г. (въ немъ было серебра $1772^{1}/_{3}$ долей) содержалъ $10^{1}/_{4}$; но рубль съ 1535 г., когда онъ уже имѣлъ вѣса лишь 1536 долей, содержалъ уже лишь $8.^{89}$ такихъ шиллинговъ. Съ 1551 до 1560 г. англійская серебряная монета строилась на почвѣ пенса въ $10.^{742}$ долей чистаго серебра или шиллинга въ $128.^{8}$ долей. Такихъ шиллинговъ рубль 1535—1612 г. содержалъ $11.^{91}$. Съ 1560 до 1601 г. англійская серебряная монета строилась на почвѣ пенса въ $10.^{791}$ долей чистаго серебра или шиллинга $129.^{492}$ долей, а такихъ содержалось уже лишь $11.^{81}$ въ рублѣ 1535—1612 г.г. Наконецъ съ 1601 по 1816 г., англійская серебряная монета строилась на почвѣ пенса въ $10.^{443}$ доли или шиллинга въ $125.^{319}$ долей чистаго серебра и такихъ шиллинговъ содержалось $12^{1}/_{5}$ въ рублѣ 1535—1612 г. При 4-рублевой монетной стопѣ съ 1613 г. рубль составлялъ 1152 доли и шиллинговъ въ $125\,^{319}$ долей въ немъ приходилось лишь $9^{1}/_{5}$. Такимъ образомъ ни 14 шиллинговъ на рубль до 1613 г., ни 10 шиллинговъ послѣ 1613 г. не приходилось. Меррикъ не былъ хорошо освѣдомленъ о перемѣнѣ, происшедшей въ рублѣ послѣ 1613 г. и тенденціозно говорилъ о рублѣ 1535—1612 г.г.

взято это свѣдѣніе, никто не знаетъ. Оно почерпнуто не изъ какого-либо историческаго источника, а изъ области вѣроятныхъ предположеній. Основаніемъ его взята наличность дошедшихъ до насъ монетъ всего царствованія Михаила Ѳедоровича. За все время этого царствованія средній вѣсъ копейной денги принимается въ $10^1/_2$ долей. А такъ какъ въ фунтѣ 9216 долей, то раздѣленіемъ 9216 на $10^1/_2$ получено частное 877, какъ то число копѣекъ, которое *должно* было чеканиться изъ фунта для того, чтобы средній вѣсъ ея былъ $10^1/_2$ долей. Если изъ фунта чеканили 877 копѣекъ, то изъ полфунта или гривенки чеканили $438^1/_2$ копѣекъ или 4 р. $38^1/_2$ копѣекъ. Этотъ результатъ, однако, преувеличенный даже для всего царствованія Михаила Ѳеодоровича; для перваго же десятилѣтія этого царствованія результатъ чрезмѣрно преувеличенный.

Въ какой мѣрѣ распоряженія объ измѣненіи монетной стопы въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича были окружены таинственностью, можно заключить и изъ слѣдующаго факта. Въ концѣ XVIII в. президентомъ бергъ коллегіи, Андреемъ Нартовымъ, составлено было для императора Павла Петровича „историческое описаніе, до монетнаго дѣла принадлежащее“; это описаніе до 1761 г. написано было однимъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей XVIII в. по монетной части, Иваномъ Шлаттеромъ, а съ 1761 г. Нартовымъ. Несмотря на свое служебное положеніе, оба эти дѣятеля были того мнѣнія, что съ 1613 по 1664 г. дѣланы серебряныя денги по $6^3/_4$ копѣйки изъ золотника; это составляетъ $6^3/_4 \times 48 = 3$ р. 24 копѣйки изъ гривенки (вмѣсто 4 рублей).

Такимъ образомъ, переходъ къ четырехрублевой монетной стопѣ въ 1613 г. былъ сдѣланъ секретно. Такіе переходы дѣлались неоднократно и въ другихъ странахъ, когда нужда принуждала къ финансовому использованію монетной регаліи, но не было мужества открыто дѣлать то, что было неотвратимо. Однако, къ такому образу дѣйствія всегда прибѣгали лишь неумѣлые финансовые дѣятели, поплачивавшіеся неудачею предпринятыхъ ими монетныхъ операцій.

Къ этой категоріи принадлежали въ Москвѣ и тѣ дѣятели, которые при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ руководили монетными операціями. Въ умѣлости и пониманіи дѣла они оказываются далеко позади ихъ предшественниковъ, которые руководили монетнымъ дѣломъ въ 1535 г., раньше—при Иванѣ III или даже еще ранѣе—при Дмитріѣ Донскомъ. Въ этомъ отношеніи все XVII ст. до Петра Великаго отличается какою-то безпомощностью, сильною охотою дѣлать крупныя перемѣны и печальною участью постигаться неудачею ихъ.

Неудачна была и произведенная въ 1613 г. перемѣна монетной стопы изъ трехрублевой въ четырехрублевую. Перемѣна была очень большая и она должна была бы дать крупный доходъ государственной казнѣ. А между тѣмъ финансовые ея результаты были плачевны и выразились очень скромными суммами [1]).

Говоря о томъ, что „деньги стали дѣлать легче", дѣятели 1613 г. ссылались на то, что „не новое то дѣло: во многихъ государствахъ то бывало въ воинское время, не только золотые или денги бывали дороже или легче прежняго, во многихъ государствахъ торговали мѣдными или кожаными деньгами и теперь мѣдными торгуютъ мало не вездѣ". Но какъ „во многихъ государствахъ" успѣшно дѣлается пониженіе вѣса денегъ для выгодъ казны, а особенно какъ это было сдѣлано въ русскомъ государствѣ въ 1535 г. этого бояре, увлекавшіеся мѣдными денгами послѣ 1613 г., *не знали*. Въ противуположность имъ бояре 1535 г. едва-ли справлялись „во многихъ государствахъ", а своимъ умомъ дошли до того, что они сдѣлали совершенно правильно и успѣшно.

Повсюду и всегда при желаніи использовать для выгодъ казны пониженіе вѣса денегъ, для этого признавали необходимымъ—„заповѣдать" (décrier, wiederrufen) тѣ монеты, которыхъ вѣсъ желали уменьшить. „Старымъ денгамъ впрокъ ходити не велѣли", разсказываетъ Воскресенская лѣтопись о 1535 годѣ; „отставиша всякими денгами торговати старыми", повторяетъ это извѣстіе псковская лѣтопись, прибавляющая: „и бысть людямъ вельми убытокъ въ старыхъ денгахъ". Убытокъ въ старыхъ денгахъ при пониженіи ихъ вѣса неминуемъ, потому что для того пониженіе и производится, чтобы изъ него проистекала прибыль (для казны) отъ тѣхъ (старыхъ) денегъ (отъ перечеканки ихъ въ новыя).

Но заповѣдать старыя денги по секрету нельзя. Для того, чтобъ запретить обращеніе старыхъ денегъ и принудить ихъ сдачу въ денежный дворъ для перечеканки въ новую монету, вся операція должна быть ведена гласно и открыто. Но въ 1613 г. видимо боялись причинить „людямъ вельми убытокъ въ старыхъ денгахъ". Поэтому перечеканивали секретно тѣ старыя денги, которыя поступали въ государственные доходы. Можетъ быть, надѣялись, что постепенно всѣ старыя

---

1) Это удостовѣряется изслѣдованіемъ Б. Веселовскаго, Семь запросныхъ и пятинныхъ денегъ въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича, Москва 1909, особ. стр. 17—18.

денги поступятъ въ государственный доходъ и будутъ перечеканены. Но это расчетъ очень недальновидный. Во-первыхъ, это очень замедляетъ реализацію прибыли отъ пониженія вѣса монеты и дѣлаетъ ежегодное поступленіе ея незначительнымъ. А во-вторыхъ, населеніе въ подобныхъ случаяхъ оказывается обыкновенно хитрѣе, чѣмъ его считаютъ; оно замѣчаетъ скоро, что въ казну поступаютъ монеты старыя, бо̀льшаго вѣса, а выходятъ изъ казны монеты новыя, уменьшеннаго вѣса; во избѣжаніе этого неудобства населеніе перестаетъ отдавать казнѣ старыя денги и для платежей въ казну употребляетъ исключительно новыя деньги. Но этимъ дѣло не ограничивается, въ такихъ случаяхъ. Въ населеніи оказываются предпріимчивыя личности, сравнивающія вѣсъ старыхъ и новыхъ денегъ и уразумѣвающія выгоду отъ разности между старымъ и новымъ вѣсомъ денегъ. Это приводитъ ихъ къ готовности скупать старыя денги, съ нѣкоторою „наддачею“ (лажемъ) къ ихъ нарицательной цѣнѣ, какъ дѣлали шведы въ Новгородѣ въ 1615 г. Конечно, это дѣлается негласно. Но такъ какъ и правительство дѣйствовало негласно, то оно и этого не могло сдѣлать. Такимъ образомъ, „старыя денги“ сосредоточивались въ рукахъ предпріимчивыхъ людей, которыя ихъ стали отсылать „за рубежъ“, гдѣ перечеканивали по новой монетной стопѣ, чтобъ затѣмъ вновь ихъ перевезти чрезъ рубежъ уже въ видѣ новыхъ денегъ. Прибыль отъ пониженія вѣса монеты при этомъ была, и даже большая, но только не у государственной казны.

Правительство спохватилось не ранѣе 1620 г. Отъ 3 мая 1620 г. разосланы были воеводамъ во всѣ концы страны списки государевой грамоты „слово въ слово отъ царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Руси“, слѣдующаго содержанія:

> Вѣдомо намъ учинилось, что у Архангелскаго города на кораблехъ и в-ныхъ украиныхъ городехъ разныхъ государствъ иноземци гости и торговые люди привозятъ съ собою денги, а делаютъ ихъ у себя на русскои московскои чеканъ, и отдаютъ ихъ рускимъ всякимъ торговымъ людемъ и на старые денги промѣниваютъ и на товары даютъ. А тѣ ихъ денги дѣло худы, смѣшаны съ мѣдью мало не вполы, а иные денги привозятъ сталные, лише посеребрены съ лица, а противъ того выменяютъ въ нашемъ московскомъ государстве въ денгахъ чистое серебро и возятъ къ себѣ, а въ наши городы привозятъ худые мѣшаные денги. И отъ того нашего московскаго государства всякимъ людемъ чинятца многие убытки, а государству оскудѣние. И мы указали во всѣхъ городехъ вскимъ людемъ заказъ учинить крѣпкои, что-бъ всякие люди нѣмецкимъ людемъ и всякимъ иноземцомъ денегъ старово дѣла на товары ихъ и на новые денги и на ефимки не меняли и не продавали. А у кого будутъ старые денги, и тѣ-бъ люди привозили ихъ къ Моекве къ денежному дѣлу, а за тѣ старые денги указали мы давать на Москвѣ изъ нашие казны новые денги съ наддачею. А мимо денежнаго двора московскимъ всякимъ людемъ денегъ иноземъ-

цомъ продавать и на товары мѣнять и ихъ карабелнои пристани отнюдь возити не велѣли.

И какъ къ тебе ся наша грамота придетъ, и ты-бъ тотчасъ собралъ къ себѣ посадскихъ и волостныхъ старостъ и целовалниковъ и лютчихъ всякихъ людей, которые ѣздятъ къ Архангелскому городу, и сею нашу грамоту велелъ имъ честь всемъ вслухъ, а вычетчи велѣлъ на посаде и во всехъ станахъ и волостехъ по торшкамъ биричемъ кликать по многие дни. И таможенымъ головамъ и целовальникомъ заказалъ накрепко: у которыхъ торговыхъ людеи немецкихъ въ привозе будутъ денги ихъ дѣла, а деланы на московскои чеканъ, и у техъ бъ нѣмецъ тѣ денги таможенымъ головамъ, перепечатавъ своими печатми, отдавать назадъ темъ же людемъ, хто превезетъ, а торговать тѣми денгами имъ не велѣть для того что тѣ денги не прямые. А тѣмъ приѣжимъ немцемъ говорить имяно, что-бъ они впередъ такихъ денегъ на московскои чеканъ не делали и въ наши городы не привозили потому что тѣ ихъ денги не згодятца ни къ чему для того, что въ нихъ примѣшано мѣди мало не вполы, а которые немцы учнуть такие денги впередъ привозить, и у техъ нѣмецъ тѣ денги велятъ имъ имать на насъ. А московскимъ и московскихъ городовъ гостемъ и всякимъ торговымъ людемъ велѣти заказать накрепко, что-бъ они денегъ московскаго государства старово дѣла приѣжимъ нѣмецкимъ людемъ ни на какие товары однолично не меняли, а тѣ старые денги привозить къ намъ въ Москве на Денежнои Дворъ, а по нашему указу на Москве отъ денежнаго дѣла за тѣ имъ денги дадутъ съ наддачею новаво дѣла денгами. А которые люди учнутъ съ нѣмцы торговать менять на московскіе старые денги, а у нѣмецъ учнутъ имать новые денги, а послѣ про то сыщется, и тѣмъ людемъ отъ насъ быть казненымъ смертью [1]).

Итакъ, неумѣлые способы, употребленные для измѣненія монетной стопы повели за собой то послѣдствіе, что „старыя денги“ (1535—1612 гг.) пошли для перечеканки въ новыя денги (по 4 рубля изъ гривенки) не на московскій Денежный дворъ, а заграницу, и вмѣстѣ съ ними прибыль отъ перечеканки монетъ поступила не въ государственную казну, а въ частныя руки. Для этого совсѣмъ не было необходимо, чтобы новыя денги, сдѣланныя заграницею, непремѣнно были „стальные“ или смѣшаны съ мѣдью на половину. Возможно, конечно, что и такія были, но еслибъ такихъ совсѣмъ не было, то утѣшеніе отъ этого было бы не больше. Ихъ и совсѣмъ не нужно было для очень большой прибыли отъ заграничной перечеканки монеты частными предпринимателями въ собственныхъ интересахъ.

Вотъ почему и указъ 3 мая 1620 г. никакой пользы не принесъ, хотя онъ неоднократно повторялся и напоминался не только при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, но и при Алексѣѣ Михайловичѣ. Содержа много запретовъ, порицаній и даже угрозу смертною казнью, онъ все таки не содержалъ главнаго и единственнаго, что было въ этомъ случаѣ необходимо: запрещенія *всему населенію* торговать старыми денгами.

1) Веселовскій, Семь запросныхъ денегъ, прилож. № 74.

Поэтому они, такъ сказать, оставались на виду и скупщикамъ легко было ихъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ. Кромѣ того, одно только обѣщаніе „наддачи“, безъ указанія, въ какомъ размѣрѣ она будетъ производиться, тоже было на руку скупщикамъ старыхъ денегъ. Впослѣдствіи обѣ эти ошибки были поняты и исправлены, но—лишь при Петрѣ Великомъ.

Неудача крупной перемѣны, произведенной въ 1613 г. въ монетной стопѣ, имѣла для нея еще другое печальное послѣдствіе: она потеряла устойчивость и очень скоро уже стали стремиться къ новому измѣненію. Объ этомъ мы имѣемъ скудное извѣстіе, но достаточно опредѣленное. Судя по документамъ московскаго архива министерства юстиціи уже въ 1626 г. чеканили изъ гривенки по 4 рубля 8 алтынъ 2 денги [1]), то-есть: 425 копейныхъ или 850 мечевыхъ денегъ. Но окончательно остановились на чеканкѣ изъ гривенки 430 копейныхъ или 860 мечевыхъ денегъ. Это мы заключаемъ изъ того, что монетная стопа въ $4._3$ рубля изъ гривенки продержалась до начала царствованія Ѳедора Алексѣевича [2]). Это мы въ состояніи доказать дошедшимъ до насъ документомъ. Документъ этотъ—„память думному дьяку Ларіону Иванову о принятіи въ стрѣлецкомъ приказѣ 5696 рублей 16 алтынъ 3 денегъ, составившихся изъ передѣловъ на денежномъ дворѣ Любскихъ ефимковъ“ [3]) Данныя этой памяти слѣдующія. Отъ гостя Кальдермана принято 6000 ефимковъ вѣсомъ 10 пудъ 17 фунтовъ 63 золотника (или всего 40.095 золотниковъ), въ сплавкѣ того серебра угорѣло 1 фунтъ 48 золотниковъ (всего 144 золотника), а за угаромъ серебра осталось 10 пудъ 16 фунтовъ 15 золотниковъ (или всего 39951 золотн. = 3.835.296 долей); денегъ изъ того серебра противъ указу великаго государя сдѣлано 3587 рублевъ 9 алтынъ или 358.727 копейныхъ денегъ; слѣдовательно, вѣсъ копейной денги составляетъ $3.895.296 : 385.727 = 10._{69}$ долей, а такихъ копейныхъ денегъ на гривенку или 4608 долей идетъ $4608 : 10._{69} = 431$. Далѣе: гостя Семена Сверчкова 1158 ефимковъ съ полуефимкомъ и съ получетью ефимка (или всего $1158^5/_8$ ефимковъ), вѣсомъ 1 пудъ 39 фунтовъ 79 золотниковъ (всего 7663 золотника), въ сплавкѣ того серебра угорѣло 27 золотниковъ, а за угаромъ того

---

1) Веселовскій l. c. стр. 16—17.

2) Изъ того, что разность между 425 и 430 копейными денгами на гривенку пичтожная, правильнѣе заключить, что до 430 коп. денги дошли уже въ концѣ 1620-хъ годовъ (когда видимо еще колебались), а не въ послѣдующее время.

3) Доп. къ А. И. т. IX № 66, стр. 145.

серебра осталось 1 пудъ 39 фунтовъ 52 золотника (всего 7636 золотниковъ = 733.056 долей; денегъ изъ того серебра противъ указа великаго государя сдѣлано 685 рублевъ 21 алтынъ 4 денги (или всего 68565 копейныхъ денги. Отсюда опять вѣсъ копейной денги 733.056 : 68.565 = 10_{69} долей, опять по 431 копейныхъ денегъ изъ гривенки серебра.

Еще два приносителя. Гостей-же Володиміра Воронина да Гаврила Θетіева 2569 ефимковъ съ полуефимкомъ, вѣсомъ 4 пуда 18 фунтовъ 48 золотниковъ; въ сплавкѣ того серебра угорѣло 63 золотника; а за угаромъ того серебра осталось 4 пуда 17 фунтовъ 81 золотникъ (или 17.073 золотника = 1.639.008 долей); денегъ изъ того серебра противъ указа великаго государя сдѣлано 1533 рубля 2 денги (или 153.301 копейная денга). Это опять даетъ вѣсъ копейной денги въ 10_{69} долей по 431 копейныхъ денегъ изъ гривенки.

Общій результатъ выраженъ въ нашемъ документѣ такъ. „Прислано на денежный дворъ въ денежный передѣлъ ефимковъ любскихъ, которые взяты изъ доимки на гостяхъ за поташъ, который проданъ изъ хлѣбнаго приказа, 9778 ефимковъ съ полуефимкомъ и съ получетью ефимка, вѣсомъ 16 пудъ 35 фунтовъ 94 золотника; въ сплавѣ у того серебра угорѣло 2 фунта 42 золотника, а за угаромъ того серебра 16 пудъ 33 фунта 52 золотника и изъ того серебра противъ указа великаго государя сдѣлано денегъ 5805 рублевъ 31 алтынъ". Итакъ, $9728^5/_8$ ефимковъ имѣли вѣсъ 64894 золотниковъ, а за угаромъ 234 золотниковъ осталось серебра 64.660 золотниковъ = 6.207.360 долей, изъ котораго сдѣлано 580.593 копейныхъ денегъ. Отсюда слѣдуетъ, что изъ гривенки или 4608 долей чеканили $\frac{580.593}{6.207.360} \times 4608 = 431$ копейныхъ денегъ.

Изложенный документъ относится къ 1680 году и на его основаніи можно думать, что приблизительно съ 1630 до 1680 г., впродолженіи 50 лѣтъ, монетная стопа, какъ она выражалась въ вѣсѣ копейной и мечевой денги, уже не измѣнялась. Изъ того, что указъ 1620 г. повторялся даже при Алексѣѣ Михайловичѣ и что въ немъ продолжали напоминать населенію о томъ, что запрещается отдавать старыя денги (1535—1612 г.г.) *иностраннымъ* торговымъ людямъ, позволительно заключить, что населеніе не очень точно исполняло даже этотъ приказъ, а правительство лучшаго способа привлеченія старыхъ денегъ на московскій денежный дворъ не въ состояніи было придумать [1]).

1) Независимо отъ повторенія указа 1620 г. правительство должно было защи

Оно должно было поэтому ограничиться тою прибылью отъ монетной чеканки, которую оно получало отъ перечеканки въ русскую монету ефимковъ, поступавшихъ въ казенный доходъ отъ таможенныхъ пошлинъ и отъ продажи царскихъ „заповѣдныхъ“ товаровъ, то есть, отъ казенныхъ монополій. Прибыль отъ этой перечеканки считалась очень значительною. Какіе преувеличенные взгляды по этому предмету были распространены въ Москвѣ, объ этомъ можно судить по Котошихину. Онъ сообщаетъ [1]), что казна будто-бы получала ефимки по 4 гривны и по 14 алтынъ ефимокъ, слѣдовательно, по 40—42 копѣйки, и „изъ тѣхъ ефимковъ, или изъ серебра, въ серебряныхъ денгахъ царю бываетъ прибыль великая, потому что ефимки и серебро приходятъ дешевою цѣною, а въ дѣлѣ московскихъ денегъ выходитъ изъ ефимка по 20 по одному алтыну по 2 денги, и отъ всякаго ефимка прибыли царю по 7 алтынъ по 2 денги и по 8 алтынъ“. Эти показанія Котошихина болѣе чѣмъ сомнительныя, и едва ли заслуживаютъ довѣрія. Они сомнительны съ обоихъ своихъ концовъ: и при показаніи покупной цѣны ефимковъ, и при показаніи, сколько изъ нихъ вычеканивается русской монеты. Мы только что видѣли изъ оффиціальнаго документа, что даже еще въ 1680 г. изъ гривенки серебра чеканили не больше 432 копейныхъ денегъ; а Котошихинъ показываетъ, въ дѣлѣ выходитъ московскихъ денегъ изъ ефимка „по 20 по 1 алтыну и по 2 денги“, то есть, по 64 копейныхъ денги изъ одного ефимка, а на гривенку считали не меньше 7 ефимковъ (считали и больше), слѣдовательно, по Котошихину выходитъ, что изъ гривенки чеканили $7 \times 64 = 448$ копейныхъ денегъ. Это явно преувеличено. Этимъ Котошихинъ только неправильно истолковывалъ фактъ, на которомъ мы ниже еще остановимся и который относится лишь къ 1658 — 76 г.г. И явно преуменьшаетъ Котошихинъ покупную цѣну ефимковъ. Цѣна ефимка въ 40—42 копейныхъ денегъ или 80—84 мечевыхъ денги въ новой монетной стопѣ (по 432 коп. ден. изъ гривенки) соотвѣтствуетъ въ трехрублевой монетной стопѣ цѣнѣ 28—29 копейныхъ денегъ или 56—58 мечевыхъ денегъ. А мы видѣли, что по Торговой Книгѣ цѣна ефимка при трехрублевой монетной стопѣ въ концѣ XVI в. была 72—73 мечевыхъ денегъ. То есть, Котошихинъ желаетъ насъ увѣрить, что въ половинѣ XVII в. ефимокъ стоилъ на 15—16 мечевыхъ денегъ или 8

щаться и другими указами противъ „худыхъ воровскихъ“ денегъ. См. напр. А. А. Э. IV № 7 царская грамота отъ 10 іюля 1646 г.

1) Котошихинъ. О Россіи, стр. 80, 81.

копѣекъ дешевле, чѣмъ за 40—50 лѣтъ. Ниже нами будутъ приведены оффиціальныя данныя той эпохи, показывающія, что за тѣ ефимки, которые казна выпускала „съ признаками“ (отштемпелеванными) за 64 копѣйки, казна сама при ихъ покупкѣ платила не меньше 50 копѣекъ или по 3 рубля 50 копѣекъ за гривенку серебра.

Мы разсмотрѣли дошедшія до насъ положительныя свѣдѣнія, на основаніи о которыхъ должно составиться наше представленіе о перемѣнѣ, происшедшей въ монетной стопѣ въ 1613 г. Изъ изложенныхъ свѣдѣній необходимо заключить, что собственно въ 1613 г. отъ трехрублевой монетной стопы перешли къ четырехрублевой, но въ виду неудовлетворительныхъ результатовъ уже въ концѣ 1620-хъ годовъ сдѣлали дальнѣйшій переходъ отъ чеканки изъ гривенки 400 копейныхъ денегъ къ чеканкѣ больше 432 копейныхъ денегъ. Свѣдѣнія 1680 г. показываютъ, что чеканили изъ гривенки или изъ 48 золотниковъ 431 копейныхъ денегъ. Это составляетъ на золотникъ $8^{47}/_{48}$, т. е. почти 9 копейныхъ денегъ. Вотъ почему Нартовъ, въ вышеупомянутой запискѣ, написанной для императора Павла Петровича, исходя изъ 9 копѣекъ на золотникъ, показываетъ монетную стопу въ 4 р. 32 коп. на гривенку или 8 р. 64 коп. на фунтъ. Эта послѣдняя сумма впослѣдствіи стала общеупотребительною въ монетномъ дѣлопроизводствѣ.

При монетной стопѣ въ 4 рубля 32 копейн. денегъ, вѣсъ копейной денги понизился до $^3/_{27}$ золотника $= 10^2/_3$ долей, а вѣсъ мечевой денги понизился до $^3/_{54}$ золотника $= 5^1/_3$ долей. Серебряный рубль содержалъ уже лишь $11^1/_9$ золотниковъ серебра. Онъ составлялъ лишь $^3/_4$ рубля 1535—1612 гг., 60% рубля Ивана III и его сына и меньше одной четверти (23%) первоначальнаго рубля XIV вѣка.

Монеты Михаила Ѳеодоровича чеканились сначала по 400 копейныхъ денегъ изъ гривенки, потомъ по 425 и наконецъ по 432. Можно поэтому принять, что въ среднемъ ихъ чеканили по 420 копейныхъ денегъ изъ гривенки и, слѣдовательно, ихъ средній вѣсъ долженъ быть немного менѣе 11 долей $=$ 0.488 грамма. Мы видѣли, что нумизматы, слѣдуя за Шодуаромъ и принимая средній вѣсъ копѣйки Михаила Ѳеодоровича въ $10^1/_2$ долей $=$ 0.467 грамма, изъ этого заключили, что въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича чеканили изъ фунта 877 копѣекъ или изъ гривенки $438^1/_2$ копѣекъ. Посмотримъ, какъ этому соотвѣтствуетъ вѣсъ наличныхъ монетъ, до насъ дошедшихъ. Въ клолекціи Шуберта 411 копѣекъ имѣютъ средній вѣсъ 0.48 гр., что больше соотвѣтствуетъ выведенной нами нормѣ (0.488), чѣмъ нормѣ

нумизматовъ (0.467); 201 копѣйки коллекціи Круга обнаруживаютъ вѣсъ 0.51, что соотвѣтствуетъ чеканкѣ 400 копѣекъ изъ гривенки (204.756 : 400 = 0.512 гр. = 11.52 долей) и совсѣмъ не соотвѣтствуетъ чеканкѣ $438^1/_2$ копѣекъ изъ гривенки; наконецъ 29 монетъ коллекціи Рейхеля даютъ средній вѣсъ 0.50 гр., т. е. опять не подтверждаютъ того вѣса, который соотвѣтствуетъ чеканкѣ 877 копѣекъ изъ фунта. Видимо Кругъ и Рейхель, розыскивая для своихъ коллекцій болѣе тяжелыя монеты, этимъ самымъ отдавали предпочтеніе экземплярамъ, чеканеннымъ въ 1613 — 1625 гг. Если, принимая въ соображеніе число монетъ каждой изъ трехъ коллекцій, вывести изъ нихъ общій средній вѣсъ, то онъ составляетъ 0.489 грамма = 11 долей. Этотъ вѣсъ и должно признать вѣсомъ копейной денги Михаила Ѳеодоровича. Мечевая денга, конечно, имѣетъ меньшій вѣсъ $5^1/_2$ долей.

Въ коллекціяхъ встрѣчаются двукопѣечныя монеты Михаила Ѳеодоровича (серебряные гроши).

Въ царствованіе Алексѣя Михаиловича нормальный вѣсъ копѣйки долженъ быть принятъ, по монетной стопѣ 432 копѣйки изъ гривенки, въ $10^2/_3$ долей = 0.474 грамма. Копѣйки Алексѣя Михайловича встрѣчаются не часто, а мечевыя денги составляютъ рѣдкость. Въ коллекціи Шуберта 23 копѣйки имѣютъ вѣсъ 0.44 грамма; въ коллекціи Рейхеля 12 копѣекъ имѣютъ вѣсъ 0.49 грамма; наконецъ, въ коллекціи Круга 22 копѣйки имѣютъ вѣсъ 0.49 грамма. Общій средній вѣсъ составляютъ 0.47 грамма = $10^1/_2$ долей. Замѣтимъ, что не только безъ всякихъ основаній, но вопреки прямому показанію вѣса наличныхъ монетъ, въ нашей нумизматикѣ принято считать копѣйки Алексѣя Михайловича 10 дольными и повторять, будто при Алексѣѣ Михайловичѣ состоялось распоряженіе о чеканкѣ изъ фунта $921^1/_3$ копѣекъ или изъ гривенки $460^4/_5$ копѣекъ. Ни изъ какихъ документовъ и ни изъ какихъ монетъ этого не видно.

Для времени съ 1664 г. мы встрѣчаемъ въ первый разъ, въ записке, составленной Нартовымъ для императора Павла Петровича, свѣдѣніе, что съ 1664 г. по 1681 г. или въ 17 лѣтъ начеканено по 9 копѣекъ изъ золотника всего монетъ на 991.351 рубль. Это составляетъ въ среднемъ по 58.315 рублей въ годъ, то есть, очень мало, и вполнѣ объясняетъ сравнительную рѣдкость копейныхъ и мечевыхъ денегъ Алексѣя Михайловича въ нумизматическихъ коллекціяхъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Неудачные монетные эксперименты.

1654 — 1662.

Царь Алексѣй Михайловичъ пренебрегалъ чеканкою старинной русской монеты Дмитрія Донского и Ивана III, потому что его совѣтники носились съ широкими планами значительныхъ перемѣнъ въ русской монетной системѣ. Хотя царская казна пользовалась репутаціею необыкновеннаго богатства, но на дѣлѣ войны очень ее истощили и открытіе новыхъ финансовыхъ рессурсовъ шло очень туго. На большую пользу отъ новаго пониженія вѣса копейной и мечевой денги, особенно столь-же значительнаго, какое произведено было въ 1613 г., не могли расчитывать въ виду неудачнаго опыта первой половины XVII в. А между тѣмъ, русское финансовое положеніе особенно обострилось около половины 1660-хъ годовъ. Въ виду этого, царю Алексѣю Михайловичу предлагались разные новые, болѣе рѣшительные, чѣмъ старые, проекты по монетной части. Повидимому, однако, основанія, на которыхъ эти проекты были построены, были не по душѣ царю и онъ сначала не соглашался на нихъ. Но въ 1656 г. казны недостало ратнымъ людямъ на жалованье [1]), то-есть, положеніе было уже совсѣмъ крайнее, особенно во время войны, много лѣтъ уже продолжавшейся. Царь Алексѣй Михайловичъ силою обстоятельствъ вынужденъ былъ дать свое согласіе на предлагавшіяся ему мѣры.

Эти мѣры у насъ принято разсматривать и излагать не въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ были предложены ихъ авторами, приняты государемъ и осуществлены въ дошедшемъ до насъ указѣ, а искусственно ихъ разрывая и лишая ихъ той связи, которая была между ними, дѣлала ихъ средствами для одной и той же цѣли, и которая объясняетъ, почему неудача одинаково на нихъ отразилась, приведя къ необходимости отъ нихъ отказаться.

Мѣры были двоякія: однѣ заключались въ установленіи на своеобразныхъ основаніяхъ новыхъ мѣдныхъ денегъ, другія заключались въ новыхъ серебряныхъ монетахъ крупныхъ достоинствъ, въ рубль, четверть рубля и новой единицы, составлявшей немного больше

1) Соловьевъ, Ист Россіи XI², стр. 234.

полтины. Обыкновенно принято эти двоякаго рода мѣры обособлять и только въ основаніяхъ, на которыхъ учреждались новыя мѣдныя денги, признавать фискальную цѣль, служить способомъ для устраненія финансовыхъ затрудненій. Въ основаніяхъ-же, на которыхъ учреждались новыя серебряныя монеты, не принято усматривать ничего фискальнаго, хотя означенныя основанія никогда не подвергались разсмотрѣнію и поэтому остаются необъясненнымъ, почему опытъ установленія новыхъ серебряныхъ монетъ при Алексѣѣ Михайловичѣ оказался очень кратковременнымъ, весьма скоро былъ оставленъ и уже до Петра Великаго не возобновлялся.

Указанное обособленіе новыхъ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ должно быть признано неправильнымъ, потому что оно даетъ ошибочное представленіе о предметѣ, противорѣчитъ его существу и не согласно съ историческою дѣйствительностью.

Въ одномъ и томъ-же указѣ отъ 3 марта 1656 г. дѣлалось распоряженіе „о сборѣ государственныхъ доходовъ *новою серебряною и мѣдною* монетою“ [1]). Въ этомъ документѣ объявлялось, что „по государеву указу сдѣланы ефимки рублевые, да ефимки-жъ съ признаками и четвертины, полполтинники, и мѣдные полтинники, и алтынники, и грошевики, и мелкія копѣйки и денги“. Такимъ образомъ въ указѣ оба вида монеты, серебряныя и мѣдныя, поставлены рядомъ, серебряныя даже во главѣ и, очевидно, никакого нѣтъ повода ихъ раздѣлять и обособлять. Затѣмъ идетъ описаніе новыхъ монетъ. На рублевикахъ царское имя, человѣкъ на конѣ, а на другой сторонѣ орелъ двуглавый, а надъ главою надпись: лѣта 7162 (1654), а въ подножіи подпись рубль. Да серебряные-жъ ефимки, на нихъ начеканено копеечнымъ чеканомъ да цифирными словами цѣна имъ, противъ государева указу, по 21 алтыну 2 денги ефимокъ. Серебряные-жъ четвертины по полуполтинѣ: на нихъ человѣкъ на конѣ по сторонамъ надпись „полполтины“, а на другой сторонѣ царское имя. На мѣдныхъ полтинникахъ—царское имя и человѣкъ на конѣ, а на другой сторонѣ орелъ въ клеймѣ, наверху лѣто 7162 (1654) и въ подножіи „полтинникъ“. На мѣдныхъ алтынникахъ и грошевикахъ—человѣкъ на конѣ и надпись: „алтынникъ“ или „четыре денги“, а на другой сторонѣ царское имя. На мѣдныхъ копейкахъ и на денгахъ признаки тѣжъ, что на серебряныхъ копѣйкахъ и денгахъ.

---

1) А. А. Э. IV. № 90, стр. 130. Другая копія этого указа, отъ 8 апрѣля 1657 г., въ П. П. С. З. I. № 204 и повтореніе этого списка въ С. Г. Г. и Д. IV № 9.

За этимъ описаніемъ новыхъ монетъ слѣдуютъ общія опредѣленія, имѣвшія цѣлью дать новымъ монетамъ свойство или силу законныхъ денегъ. Такихъ опредѣленій лишь два, да и тѣ съ ограниченіями. Одно изъ нихъ касается пріема новыхъ монетъ въ платежи казнѣ; другое касается законности платежей, производимыхъ новою монетою частными лицами другъ другу. Первое опредѣленіе гласило такъ: „имати на Москвѣ и въ городѣхъ въ государеву казну у всякихъ чиновъ людей за государевы долговыя деньги и за товары, которые имали въ нынѣшнемъ 164 (1656) г., и за кабацкое питье, и за таможенныя и мытныя всякія пошлины ефимками и четвертинами [1]) и мѣдными, полтинниками и алтынниками и грошевиками, и мелкими копейками и денгами, по государеву указу, то той-же цѣнѣ, почему даваны изъ государевой казны“. Но изъ этого правила сейчасъ-же дѣлается исключеніе. „А за прошлые государевы долговые денги имать въ государеву казну мелкими серебряными денгами“, т. е. копейными и мечевыми. Второе опредѣленіе выражено такъ: „также указалъ государь торговыхъ и всякихъ чиновъ людемъ за всякіе товары, и за хлѣбные и за съѣстные запасы, и за дрова и за лѣсъ, у государевыхъ служилыхъ и у всякихъ чиновъ людей имати серебряными ефимками и четверинами, и мѣдными полтинниками и алтынниками, и грошевиками, и копейками и денгами“. Но и это распоряженіе подвергалось очень любопытному ограниченію: оно не распространялось на Сибирь. Сибирь доставляла тогда устроенной для этаго особой „соболиной казнѣ“ очень много дорогихъ мѣховъ и можно было опасаться ихъ обезцѣненія на мѣдныя денги. Поэтому указывалось: „а торговымъ и служилымъ и всякихъ чиновъ людямъ межь себя въ Сибири указали есмя торговать мѣлкими *серебряными* денгами и ефимками и четвертинами *серебряными-жъ*, а мѣдными ефимками и грошевиками и копѣйными и мѣлкими денгами *въ Сибири торговать не велѣли*, чтобы тѣхъ мѣдныхъ ефимковъ и алтынниковъ и грошевиковъ и копѣекъ и мѣлкихъ *мѣдныхъ денегъ въ Сибирскихъ городѣхъ не было*“.—Засимъ слѣдовали угрозы наказаніями за ослушаніе.

Нетрудно замѣтить коренную неполноту изложеннаго указа: ни въ описательной части, ни въ диспозитивной части ничего не говорится о вѣсѣ новыхъ монетъ. На это обстоятельство до сихъ поръ не

---

1) Любопытно, что въ обоихъ спискахъ указа (3 марта 1656 въ А. Е. Э. IV № 90 и 8 апрѣля 1657 П. С. З. № 204) новая серебряная рублевая монета совсѣмъ не упоминается, когда идетъ рѣчь объ обязательности пріема новыхъ монетъ.

было обращаемо вниманія, потому что въ мѣдной монетѣ 1656 г. усматривали подобіе кредитныхъ денегъ[1]). На дѣлѣ, однако, мѣдныя деньги 1656 г. (да и никакія мѣдныя денги) ничего общаго съ кредитомъ не имѣютъ. Кредитъ былъ бы, еслибъ правительство обязывалось бы обезпечивать цѣну мѣдныхъ денегъ размѣномъ ихъ на серебро. Но ничего подобнаго не было и не бываетъ. Если въ мѣдныхъ денгахъ 1656 г. мѣдь оцѣнивалась очень высоко, то кредитъ при этомъ не игралъ никакой роли, а играло роль только монопольное (регальное) положеніе казны, какъ единственной производительницы монеты; со всякою монополіею связанъ расчетъ на то, что предмету ея можетъ быть дана та или иная высокая, или еще болѣе высокая цѣна. Конечно, при этомъ расчетѣ возможны увлеченія, которыя не оправдываются даже монопольностью положенія. Но это уже не касается существа дѣла и не оправдываетъ отожествленія мѣдныхъ денегъ съ бумажными деньгами. Поэтому никакого опыта, похожаго на опыты съ бумажными денгами, мѣдныя монеты 1656 г. не представляли.

Но дѣйствительно единственный въ своемъ родѣ опытъ денежной политики представляли монеты 1656 г. тѣмъ, что при ихъ установленіи никакой рѣчи не было объ ихъ вѣсѣ. Вѣсъ онѣ, конечно, имѣли, потому что онѣ были изъ серебра и мѣди, которыхъ не бываетъ безъ вѣса. Но ихъ вѣсъ былъ только фактическій, а не положенный по закону: вѣсъ какъ бы случайный, который сегодня—одинъ, но завтра можетъ оказаться другой, послѣ завтра третій и т. д. Это не могло не имѣть послѣдствій, очень неудобныхъ для монетъ.

Даже при полной увѣренности, что вѣсъ новыхъ монетъ 1656 г. не будетъ измѣняться, фактическій ихъ вѣсъ былъ такой, который предвѣщалъ новымъ монетамъ очень неопредѣленную судьбу.

Прежнія серебряныя денги, копейныя и мечевыя, не были упразднены, а остались и сохранили силу даже прямо по указу 1656 г. Осталась въ силѣ серебряная копѣйка въ $10^2/_3$ доли и серебряная денга въ $5^1/_3$ доли, а съ ними серебряный рубль въ 100 копейныхъ или 200 мечевыхъ денги, представлявшій $1066^2/_3$ долей $= 11^1/_9$ золотниковъ серебра. Но рядомъ съ этимъ *счетнымъ* серебрянымъ рублемъ въ 1656 г. появился новый серебряный рубль *уже въ видѣ реальной*

---

1) Такъ, Соловьевъ, Ист. Рос. XI², стр. 239, XII², стр. 343, считаетъ, что мѣдными денгами 1656 г. дѣлается „первая попытка помочь разстроенному состоянію финансовъ выпускомъ своего рода государственныхъ кредитныхъ билетовъ“.

монеты съ опредѣленнымъ рисункомъ и надписями, но съ неопредѣленнымъ вѣсомъ. Какой-же былъ его фактическій вѣсъ? Нумизматы считаютъ его рѣдкостью и полагаютъ что его очень мало чеканили, употребляя для этого, безъ переплавки, иноземные ефимки, на которыхъ еще сохранились слѣды первоначальнаго иноземнаго ефимочнаго рисунка самыхъ разнообразныхъ странъ. Судя по тѣмъ немногимъ экземплярамъ, вѣсъ которыхъ показанъ въ нумизматическихъ каталогахъ, вѣсъ новой рублевой монеты составлялъ 640 долей = $6^2/_3$ золотниковъ [1]). Это не случайный вѣсъ, а средній вѣсъ, ефимка, какъ его тогда покупала казна. Съ XVI в. и въ продолженіи всего XVII в., даже въ началѣ XVIII в. таможнямъ предписывалось покупать ефимки по 7 на гривенку, по 14 ефимковъ на фунтъ. Но такіе тяжелые ефимки встрѣчались рѣдко и предписаніе имѣло только смыслъ указанія, чтобы выбирались только самые тяжелые ефимки различныхъ странъ (нѣмецкихъ, нидерландскихъ, романскихъ), которыхъ на гривенку идетъ 7, въ смыслѣ предѣла, отъ котораго запрещается далеко уклоняться. Выше мы приводили за 1680 г. свѣдѣнія объ очень большой партіи изъ $9728^1/_8$ ефимковъ вѣсомъ 16 пудовъ 35 фунтовъ 94 золотника. Это достаточно прочная почва для сужденія о томъ, какіе ефимки, т. е. крупныя иноземныя серебряныя монеты, покупала казна и сколько ихъ шло на гривенку и на фунтъ. Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что вѣсъ ефимка составлялъ 640 долей = $6^2/_3$ золотниковъ = 28.438 граммовъ. Такихъ ефимковъ на гривенку идетъ $7^2/_5$, на фунтъ $14.\overset{8}{4}$. *Этому-то среднему вѣсу ефимка равняется фактическій вѣсъ новой рублевой монеты 1656 г.*

Это результатъ очень важный, потому что *этимъ-же вѣсомъ отличается рубль, установленный Петромъ Великимъ* въ 1704 г. и сохранившій свой лигатурный вѣсъ $6^2/_3$ золотниковъ до Анны Іоанновны. Нашъ результатъ показываетъ, что Петровскій рубль 1704 г. пытался установить уже царь Алексѣй Михайловичъ, но пытался, какъ увидимъ, неудачно. Попытка дѣлалась въ 1656 г. для той-же цѣли, для которой она была повторена Петромъ Великимъ. Цѣль была фискальная: доставленіе казнѣ выгоды отъ разности между рублемъ въ $11^1/_9$ золотниковъ и рублемъ въ $6^2/_3$ золотниковъ серебра. Ни для какой иной цѣли такія измѣненія не производятся. Изъ 1000 фунтовъ се-

---

1) Reichel № 715; Schubert Catalogue №№ 865—869; у Рейхеля, вѣроятно опечаткою показано 6 золот. 4 доли вмѣсто 6 золотн. 64 доли: вѣсъ 5 экземпляровъ Шуберта 142 грамма, или средній вѣсъ 28.4 граммовъ.

ребра можно начеканить лишь 8640 рублей по $11^1/_9$ золотниковъ и 14400 рублей по $6^2/_3$ золотниковъ, или на 5760 рублей больше при послѣдней монетной стопѣ. И когда въ деньгахъ нуждаются, то ихъ добываютъ и посредствомъ такихъ измѣненій, если иныхъ источниковъ не находятъ.

Въ этихъ средствахъ нуждался и царь Алексѣй Михайловичъ, и естественно, что его совѣтники указали ему и на рубль въ $6^2/_3$ золотника. Но для этого надобно было отказаться отъ всякого иного рубля, какъ и поступилъ Петръ Великій. Царя Алексѣя Михайловича видимо на это нельзя было склонить. Уменьшился рубль при его отцѣ и сильно, на одну четверть; а царь видимо не желалъ, чтобы при немъ рубль опять не только уменьшился, но даже еще сильнѣе, чѣмъ въ 1613 г. На это онъ не далъ согласія, а пожелалъ остаться при рублѣ въ $11^1/_9$ золотниковъ, на которомъ строились серебряная копѣйка и серебряная денга.

Но въ такомъ случаѣ ничего не могло выйти изъ опыта новой рублевой монеты въ $6^2/_3$ золотниковъ. Нельзя же было заставить населеніе считаться съ двумя серебряными рублями, совмѣстно обращающимися, изъ которыхъ одинъ на $^1/_3$ больше другого. Сдѣлать обязательными оба серебряныхъ рубля значило потребовать отъ населенія, чтобъ оно перестало сознавать и чувствовать различіе между большимъ и меньшимъ, даже когда различіе совершенно явно и осязательно. Поэтому новую рублевую монету чеканили очень мало и очень недолго, а въ указѣ 1656 г., въ которомъ она описывается, она не упоминается между монетами, пріемъ которыхъ обязателенъ.

Этихъ объясненій нашей нумизматикѣ недостаетъ для того, чтобъ ея указанія на первое установленіе рублевой монеты при Алексѣѣ Михайловичѣ были правильны.

Другія двѣ новыя серебряныя монеты, установленныя въ 1656 г., представляются обыкновенно, какъ нѣкотораго рода курьезы, которые остается только внѣшнимъ образомъ описать и отвернуться отъ нихъ.

„Ефимки съ признаками“ или „серебряные ефимки“ были тѣми же самыми ефимками, на которыхъ предполагалось надчеканивать рублевый чеканъ, но на которыхъ вмѣсто этого чекана накладывался простой штемпель для отличія ихъ отъ нештемпелеваннаго ефимка. „Ефимокъ съ признаками“ имѣлъ „признакъ“ (штемпель), свидѣтельствовавшій, что ефимокъ *былъ въ казнѣ и изъ нея вышелъ*. Ефимки привозились изъ заграницы и казна добивалась, чтобы всѣ поступали въ казну. Для этого отличный способъ заключался въ наложеніи

штемпеля или „признаковъ“ на каждый ефимокъ поступавшій въ казну, съ тѣмъ, чтобы изъ казны онъ вышелъ *по установленной цѣнѣ*, указываемой штемпелемъ (64 копѣйки). Это обезпечивало казнѣ прибыль отъ продажи ефимка и, слѣдовательно, имѣло прямой фискальный интересъ.

Четвертины были тѣ-же ефимки, разрѣзанные на четыре части и тоже отштемпелеванные.

Помимо фискальнаго интереса, однако, объ эти новыя монеты 1656 г. указываютъ, что въ странѣ смутно чувствовалось, что она выросла изъ старой системы монетъ, въ видѣ серебряной копейной и мечевой денги или серебряной полуденги. Это выражалось въ томъ, что въ нѣкоторые годы (уже въ концѣ XVI в., но чаще въ XVII в.) изрѣдка появлялась серебряная монета въ видѣ двукопѣечника или гроша, или серебряная монета въ видѣ алтына, т. е. серебряныя монеты съ двукратнымъ или троекратнымъ вѣсомъ копейной денги. Страна развивалась и въ ней возникала потребность не только въ серебряной рублевой монетѣ, но и въ серебряныхъ монетахъ тѣхъ различныхъ достоинствъ (какъ полтинникъ, четвертакъ, гривенникъ и т. д.), которыя началъ чеканить Петръ Великій.

Смутнымъ предчувствіемъ этого были и „ефимки съ признаками“ и четвертины 1656 г. Но именно, потому что никакой ясной мысли въ ихъ основаніи не было, они были недолговѣчны и неудачны.

Однако, они имѣли еще одинъ смыслъ. Никакого сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что „ефимки съ признакомъ“ имѣютъ тотъ же вѣсъ 640 долей $= 6^2/_3$ золотниковъ $= 28.438$ граммовъ, который имѣетъ серебряная рублевая монета, какъ Алексѣя Михайловича, такъ и Петра Великаго [1]). Сдѣлать изъ каждаго такого ефимка рубль было невозможно; на это не соглашался царь и это дѣйствительно было неосуществимо безъ пожертвованія рублемъ въ $11^1/_9$ золотниковъ. Но продавать эти ефимки по ихъ стоимости на копѣйки тоже не желали Въ серебряной копѣйкѣ было $10^2/_3$ долей, а въ ефимкѣ 640 долей. Слѣдовательно, ефимокъ собственно стоилъ $640 : 10^2/_3 = 58^2/_{11}$ копѣйки. Чтобъ увеличить прибыль казны, увеличили стоимость ефимка до 64

1) Только каталогъ Шуберта содержитъ вѣсовыя показанія о 24 ефимкахъ съ признаками (№№ 872—895). Ихъ соединенный вѣсъ 675.17 граммовъ; средній вѣсъ 28.13 грам. $= 633$ доли $= 6$ зол. 57 долей. Любопытно чрезвычайное разнообразіе этихъ монетъ: между ними встрѣчаютъ талеры голландскіе, гельддернскіе, брабантскіе, брауншвейгскіе, прусскіе, шлезвигскіе, испанскіе экю и т. д., хотя оффиціально они всѣ назывались „любскими“ (любекскими) ефимками.

копѣекъ. Если 640 долей серебра стоятъ 64 копѣйки, то 1 копѣйка въ ефимкѣ съ признаками представляетъ 11 долей ровно; отсюда разговоры объ 11-дольной денгѣ, хотя копейная денга, какъ реальная серебряная монета, имѣла вѣсъ $10^2/_3$ долей. Сто такихъ копѣекъ или рубль въ ефимкахъ съ признаками или въ четвертяхъ уже представляли 1000 долей или $10^5/_{12}$ золотниковъ серебра, вмѣсто $1166^2/_3$ долей $= 11^1/_9$ золотниковъ въ серебряной копейной монетѣ. А казна при этомъ наживала лишнихъ $5^9/_{11}$ копѣекъ на каждомъ ефимкѣ. Этого могли достигнуть и не штемпелюя ефимковъ, какъ потомъ показалъ опытъ. Оттого ефимки съ признаками и четверти были оставлены.

Обратимся теперь къ новой мѣдной монетѣ 1656 г.

Русское населеніе давно знало мѣдную монету: съ XIII ст., благодаря татарамъ. Когда потомъ началась чеканка серебряной денги, то уже въ первой половинѣ XV в., въ великихъ и удѣльныхъ княжествахъ чеканили довольно тяжелую мѣдную монету, пуло, которая дошла и до насъ. Но удивительно, что въ письменныхъ источникахъ объ ней не упоминается. Чеканилась она и въ XVI ст. Какое было ея отношеніе къ серебряной денгѣ, неизвѣстно.

Послѣ 1613 г. видимо уже интересовались мѣдною монетою, какъ финансовымъ рессурсомъ. Это ясно изъ упоминаній о ней въ разсужденіяхъ бояръ, переговаривавшихся съ англійскимъ посломъ Меррикомъ. Бояре имѣли очень преувеличенное и совершенно неправильное представленіе о значеніи мѣдной монеты въ Западной Европѣ. Ихъ видимо очень прельщала мысль о заимствованіи этого рессурса и его введеніи въ Россіи [1]).

Въ печальное время, предшествовавшее 1656 г., видимо, часто перебиралась мысль и объ мѣдныхъ деньгахъ. Изъ того, что на новыхъ монетахъ 1656 г. повторяется штемпель 1654 г., ясно видно, что два года прошло прежде, чѣмъ удалось уговорить царя Алексѣя Михаиловича и получить его согласіе на изданіе указа 1656 г.

То, что происходило въ Москвѣ и въ Новгородѣ за 200 лѣтъ передъ 1656 г., при Василіи Темномъ, ясно показало, что населеніе

---

1) Возможно, что отъ англичанъ они слышали, что когда въ 1613 г. въ Англіи была допущена мѣдная монета, то чеканка ея была Карломъ I пожалована сначала лорду Гартингтону, а потомъ, въ 1622 г. герцогу Ленноку и маркизу Гамильтону. Она была очень непопулярна въ Англіи. Яковъ I тоже дѣлалъ такія пожалованія. Между 1648—1679 въ Англіи допускалось обращеніе мѣдной монеты, выпущенной частными лицами въ видѣ торговыхъ марокъ (tradesmen's token), хотя съ 1672 казна начала выпускъ настоящей мѣдной монеты.

не только не безучастно, но напротивъ очень ясно и толково умѣетъ разбираться въ особенностяхъ различныхъ денегъ, чутко и правильно вступается за свои интересы и умѣетъ ихъ отстоять. Это въ 1656 г. было забыто и упущено изъ виду.

Этимъ только можно объяснить, что населенію было предъявлено чудовищное требованіе, чтобъ оно забыло о различіи между серебромъ и мѣдью и ихъ уравнило. Мѣдныя копѣйки и денги стали чеканиться съ тѣмъ-же вѣсомъ, какой имѣли серебряныя монеты тѣхъ-же наименованій. Это мы видимъ на мѣдныхъ копѣйкахъ Алексѣя Михаиловича, которыя до насъ дошли [1]). Но любопытно, что мѣдные полтинники легковѣснѣе. Въ 100 мѣдныхъ копѣйкахъ столько-же металла, сколько въ 100 серебряныхъ копѣйкахъ. Такимъ образомъ счетный рубль серебряный и мѣдный счетный рубль ничѣмъ не отличались другъ отъ друга по вѣсу металла. Средній вѣсъ мѣднаго полтинника $17^1/_4$ граммовъ $= 388^1/_3$ долей; слѣдовательно, въ двухъ мѣдныхъ полтинникахъ было мѣди $776^3/_4$ долей. Такимъ образомъ, оказывалось два мѣдныхъ рубля: въ копѣйкахъ онъ содержалъ 1066 долей мѣди, а въ полтинникахъ только 777 долей мѣди, почти на 30% меньше; можетъ быть, это сдѣлано было для того, чтобъ мѣдныя копѣйки предпочитались. А возможно и то, что до насъ дошло слишкомъ мало мѣдныхъ полтинниковъ, чтобъ наше представленіе объ ихъ вѣсѣ могло быть правильное. Во всякомъ случаѣ должно думать, что чеканкѣ мѣдныхъ полтинниковъ видимо не придавали большого значенія, такъ какъ монета столь крупнаго достоинства была для населенія очень непривычной.

Прибыль отъ мѣдной монеты опредѣлялась разницею между цѣною серебра и мѣди въ монетѣ и на рынкѣ, съ одной стороны, и суммою, на которую производилась чеканка мѣдной монеты и другой. Цѣна серебра въ монетѣ, съ которою уравнивалась цѣна мѣдной монеты, составляла въ монетѣ 9 копѣекъ за золотникъ; поэтому за фунтъ 8 р. 64 копѣйки, а за пудъ 345 рублей 60 копѣекъ; на эту-же высоту сразу поднималась цѣна мѣди въ мѣдной монетѣ. Сколько же стоилъ пудъ мѣди на рынкѣ? Объ этомъ точныхъ свѣдѣній нѣтъ. Мейербергъ сообщаетъ, что казна могла за 1 рубль 60 копѣекъ серебромъ

---

1) Рейхель показываетъ ихъ вѣсъ въ 11 долей, но какъ всегда онъ округляетъ и преувеличиваетъ свое показаніе, да у него и мало мѣдныхъ копѣекъ. У Шуберта показанъ (№№ 914 - 928) вѣсъ 59 мѣдныхъ копѣекъ въ $27.^{56}$ граммовъ, слѣдовательно средній вѣсъ $0.^{467}$ грам. $= 10^1/_2$ долей.

купить столько мѣди, сколько было нужно, чтобъ начеканить мѣдной монеты на 100 рублей. Рыночная-же цѣна серебра была $7^1/_2$ копѣекъ за золотникъ (ефимокъ въ $6^2/_3$ золотника за 50 копѣйныхъ денегъ). Отсюда заключаютъ, что серебро было дороже мѣди въ 100: 1.6 = $62^1/_2$ раза, и если рыночная цѣна фунта серебра была $7^1/_2 \times 96 = 7$ рублей 20 копѣекъ и пудъ серебра стоилъ 288 рублей, а мѣдь была въ $62^1/_2$ раза дешевле, то значитъ рыночная цѣна мѣди была 4 р. 60 коп. Этотъ расчетъ [1]) невѣренъ, потому что онъ исходитъ изъ покупной цѣны серебра, которая здѣсь совершенно ни при чемъ, такъ какъ рѣчь идетъ не объ ней, а объ покупной цѣнѣ мѣди. Изъ пуда серебра или мѣди казна чеканила не 288 рублей (которыя она уплачивала при покупкѣ пуда серебра), а 345 рублей 60 копѣекъ. И если мѣдь по показанію Мейерберга была въ $62^1/_2$ раза дешевле монетной, а не рыночной, стоимости серебра, то за пудъ мѣди надо было уплатить 345.6: $62^1/_2 = 5$ рублей 53 копѣйки. А это порядочно преувеличенная цѣна, потому что современникъ той эпохи, тоже тогда случившійся въ Москвѣ, шведскій торговый человѣкъ, Кильбургеръ, показываетъ цѣну пуда мѣди въ 5 рублей, кажется тоже преувеличено. И эту цѣну мы считаемъ невѣроятною, по слѣдующему соображенію. Когда неурядица съ мѣдными денгами окончилась, то 26 іюня 1663 г. вышелъ указъ: [2]) „Великій государь указалъ и бояре приговорили, мѣдныя денги сливать, а не сливъ денгами никому у себя не держать. А похочетъ кто принести въ государеву казну (мѣдныя денги), и денги принимать въ Москвѣ іюня съ 1 числа двѣ недѣли, а въ городѣхъ мѣсяцъ, *а давать за мѣдныя денги за рубль серебряныхъ по двѣ денги*“. Значитъ, кто приносилъ мѣдными денгами рубль, тотъ получалъ серебряными денгами одну копейку. Такъ какъ изъ пуда мѣди чеканили 345 рублей 60 копѣекъ, то, значитъ, тотъ, кто приносилъ мѣдными денгами пудъ ихъ, тотъ получалъ изъ казны серебромъ 3 руб. 45.6 копѣйки. Жестоко уже было, что для этого обмѣна былъ назначенъ чрезвычайно короткій срокъ: двѣ недѣли въ Москвѣ и четыре недѣли въ областяхъ. Приписывать же казнѣ сверхъ того еще явное банкротство и нежеланіе уплатить даже рыночную стоимость мѣди, нѣтъ никакого основанія. Напротивъ, въ назначенной въ 1663 г. выкупной цѣнѣ мы видимъ

---

1) Этотъ расчетъ дѣлаетъ Брикнеръ въ своей монографіи Finanzgeschichtliche Studien Kupfergeldkrisen. Спб. 1867. Это лучшее изслѣдованіе по предмету, очень основательное, хотя и нѣсколько легковѣрное.

2) П. П. С. З. I № 343.

указаніе, что казна на рынкѣ покупала мѣдь по 3 рубля 45.6 копѣйки за пудъ и по этой-же цѣнѣ его обратно выкупала, что она въ монетѣ увеличила цѣну мѣди во сто разъ и отъ этого отходила, когда сдѣланная ошибка была усмотрѣна и надо было публично сознаться, что казна не въ состояніи исполнить обѣщанія, даннаго въ 1656 г. — принимать въ казну мѣдныя денги по той-же цѣнѣ, по которой онѣ изъ казны выданы.

Итакъ, намѣреніе было увеличить цѣну мѣди въ монетѣ противъ ея рыночной цѣны во сто разъ. Съ вопросомъ объ осуществимости такого намѣренія въ тѣснѣйшей связи находится вопросъ: на какую же сумму предполагалось выпустить мѣдной монеты и ея дѣйствительно выпущено. На этотъ вопросъ оффиціальнаго отвѣта нѣтъ, а Мейербергъ сообщаетъ, что тогда было выпущено мѣдной монеты на 20.000.000 рублей. Эту сумму мы тоже считаемъ невѣроятною и разборъ ея очень необходимъ, особенно потому, что онъ, кстати, выяснятъ, почему могло пройти два года прежде, чѣмъ стали замѣчаться печальныя послѣдствія выпуска мѣдной монеты на изложенныхъ основаніяхъ.

Мы уже указали на то, что по всѣмъ вѣроятіямъ мѣдная монета чеканилась, главнымъ образомъ, въ копѣйкахъ и полукопѣйкахъ (денгахъ), остальныя же достоинства были нѣкотораго рода гарнитурою. Вѣдь, мѣдныя деньги назначались, главнымъ образомъ, для удовлетворенія ратныхъ людей, для народа, въ глубь котораго онѣ должны были проникнуть; а для этого требовалось, чтобы онѣ были въ привычныхъ для населенія достоинствахъ копейной и мечевой денги, штемпелями которыхъ онѣ и чеканились.

Но для скорой чеканки монетъ такихъ мелкихъ достоинствъ въ огромныхъ массахъ техника чеканки того времени, какъ она у насъ тогда практиковалась, совсѣмъ не была приготовлена. Въ Западной Европѣ тогдашняго времени въ чеканкѣ монеты дѣлались очень важные успѣхи; но къ намъ они еще не проникли до Петра Великаго. Чеканка у насъ производилась ручнымъ способомъ, какъ ее описываетъ Котошихинъ и какъ она производилась не только въ XVI ст., но и въ Новгородѣ, вѣроятно, уже съ 1447 г., съ того времени, какъ тамъ былъ устроенъ монетный дворъ. Эта чеканка чрезвычайно замедлялась большимъ числомъ монетъ очень мелкихъ достоинствъ, которыя приходилось чеканить, даже когда всѣ монеты, вмѣстѣ взятыя, составляли небольшія суммы. Для 1000 рублей въ копейныхъ и мечевыхъ денгахъ нужно было начеканить 100.000 копейныхъ мо-

нетъ или 200.000 монетъ мечевыхъ денегъ. Чтобы начеканить на 100.000 рублей, необходимо было изготовить 10.000.000 монетъ въ копѣйкахъ или 20.000.000 монетъ въ мечевыхъ денгахъ. Для 200.000 рублей нужно было начеканить вдвое болѣе. Эту работу должны были исполнить только три монетные двора: въ Москвѣ, въ Новгородѣ и въ Псковѣ. Естественно, что съ Ивана Грознаго стали мало чеканить мечевыхъ денегъ: работа чеканки каждой мечевой денги была такая же, какъ работа чеканки каждой копѣйки; но для мечевыхъ денегъ приходилось этой работы сдѣлать вдвое больше. Оттого мечевыя денги чеканились все въ меньшемъ числѣ, а при Алексѣѣ Михайловичѣ уже почти совсѣмъ не чеканились. Для новыхъ монетъ 1656 г. предъявлены были чеканкѣ необычайно широкія требованія. Изъ того, что на крупныхъ монетахъ поставленъ 1654 г., ясно, что къ выпуску ихъ исподволь подготовлялись. Но едвали даже въ два или полтора года между 1654 и 1656 г., когда начался выпускъ мѣдной монеты въ видѣ копѣекъ и мечевыхъ денегъ, было возможно очень много ихъ приготовить. И во всякомъ случаѣ выпускъ былъ неосуществимъ въ предѣлахъ суммы 20.000.000 рублей, о которой говоритъ Мейербергъ, относя эту сумму именно къ одной только мѣдной монетѣ. Вѣдь въ копейныхъ денгахъ на эту сумму нужно было начеканить *два милліарда* монетъ. Даже считая съ 1654 г., вся драма мѣдныхъ денегъ разъигралась въ 9 лѣтъ. Слѣдовательно, на каждый годъ пришлось начеканить по $272^2/_9$ милліоновъ монетъ, или въ 10 разъ больше, чѣмъ приходилось работы на монетные дворы, даже если считать, что при такихъ условіяхъ они ежегодно чеканили монетъ на 200.000 рублей. Мы полагаемъ поэтому, что не только сумма (20.000.000 рублей) выпущенной по показанію Мейерберга (даже лишь впродолженіи одного луструма, то есть, пяти лѣтъ) мѣдной монеты совершенно фантастическая; но даже въ десять разъ меньшей суммы было больше, чѣмъ достаточно для произведенія того дѣйствія, какое оказали мѣдныя денги въ 1658—1663 г.г.

Это же намъ объясняетъ, почему въ 1656 и 1657 гг. мѣдныя денги еще не оказали *сильнаго дѣйствія*. Кромѣ того, народъ состоитъ не изъ однихъ только людей, которые, какъ солома, сразу вспыхиваютъ; онъ многое можетъ перетерпѣвать: между прочимъ и предъявленное требованіе не дѣлать различія между серебромъ и мѣдью, особенно когда потери отъ этого требованія еще не могутъ быть чрезмѣрными, вслѣдствіе медленности, которая была неминуема въ чеканкѣ мѣдной монеты и которая противодѣйствовала скорому и сильному дѣйствію

мѣдной монеты въ первые годы ея выпуска. Конечно, кто имѣлъ серебряныя монеты, уже съ самаго начала ихъ пряталъ и не желалъ ихъ отдавать за равныя имъ мѣдныя. Это очищало мѣсто для мѣдныхъ монетъ, которыхъ вслѣдствіе медленности чеканки еще не могло быть много въ обращеніи. Вотъ почему въ 1656 и 1657 гг. дѣйствіе мѣдныхъ денегъ еще не обнаружилось видимымъ образомъ.

Казна себѣ предоставила право въ уплату старыхъ долговъ (напримѣръ, недоимокъ по податямъ или за проданные казною „заповѣдные“ товары) требовать серебряныя, а не мѣдныя деньги; но казна взяла это право только себѣ, какъ привиллегію [1]); населенію это право не было предоставлено: безсовѣстнымъ людямъ этимъ было предоставлено уплачивать только часть своихъ долговъ. Это, конечно, не могло не деморализовать очень многихъ въ населеніи. Вслѣдствіе этого деморализація, какъ чума, широко распространилась въ населеніи и особенно выразилась въ эпидемическомъ развитіи стремленія чеканить фальшивыя мѣдныя деньги. Всѣ классы населенія приняли участіе въ этомъ стремленіи. Это удостовѣряется указомъ 1663 г., подробно перечисляющимъ участниковъ въ изготовленіи и распространеніи фальшивыхъ мѣдныхъ денегъ [2]). Если при этомъ неудобно было назвать бояръ, то пропускъ восполненъ очевидцами эпохи: Патрикомъ Гордономъ, Мейербергомъ, Котошихинымъ, а громче очевидцевъ обвиняла бояръ народная молва. Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ населеніе уже не въ силахъ было перетерпѣвать увеличивающееся зло. Отъ отрицательнаго отношенія къ мѣднымъ денгамъ, населеніе перешло къ дѣятельному, къ борьбѣ съ ними, очень мирной сначала, но тѣмъ болѣе сильной. „Крестьяне не почали въ городы возить сѣна и дровъ и съѣсныхъ запасовъ и почала быть отъ тѣхъ денегъ на всякіе запасы дороговь великая“. . . „Въ государствѣ серебрянымъ денгамъ учала быть скудость, а на мѣдныя было все дорого и многіе помирали зъ голоду“ [3]). Мѣдныя деньги стремительно стали понижаться въ цѣнѣ. Какъ извѣстно, въ Москвѣ въ іюнѣ 1663 г. дошло до страшнаго бунта. „А за тѣ денги казнено въ тѣ годы смертною казнью больши 7000

1) Впрочемъ этимъ не удовлетворились и уже въ 1656 г. потребовали, чтобъ казнѣ и текущіе доходы уплачивались на $^2/_3$ серебромъ и только на $^1/_3$ мѣдью. А. А. Э. I. № 93, стр. 133.

2) П. П. С. З. I, № 344.

3) Котошихинъ, стр. 82.

человѣкъ, да которымъ отсѣкали руки и ноги и чинено наказаніе и ссыланы въ ссылки больши 15000 человѣкъ, московскихъ и городовыхъ, и уѣздныхъ всякихъ чиновъ людей“ [1]). Конечно, не вслѣдствіе этого мѣдныя денги въ половинѣ 1663 г. не только отставлены, но даже запрещены и выкуплены по рыночной цѣнѣ мѣди. Къ этому пришлось прибѣгнуть, потому что мѣдныя денги потеряли всякую цѣну и приносили одинъ только вредъ казнѣ и населенію. Казны онѣ не только не обогатили, но едва-ли въ какой бы то ни было моментъ своего существованія были сколько-нибудь полезны. Всего вѣроятнѣе, что бояре, по совѣту которыхъ онѣ были установлены, не вѣдали, что творятъ [2]).

Отъ широкихъ новыхъ мѣропріятій, по монетной части, предложенныхъ царю Алексѣю Михаиловичу его совѣтниками, осталось очень мало. Мы видѣли, что хотя съ 1663 г. возобновлена была чеканка серебряныхъ копейныхъ и мечевыхъ денегъ, но ихъ до 1680 г. (включительно) чеканилось ежегодно лишь на скромную сумму 58.315 рублей. Казнѣ стало невыгодно чеканить серебряныя копейныя и мечевыя денги; потому что расходы ихъ чеканки, какъ выше объяснено, отъ очень большого числа монетъ, которыя нужно было чеканить, даже для незначительныхъ суммъ, были большіе; а прибыли было меньше, чѣмъ при выпускѣ новой монеты въ видѣ „ефимковъ съ признаками“, или даже при простой продажѣ изъ казны ефимковъ, хотя бы и не штемпелеванными. Какъ мы сейчасъ покажемъ, казна покупала ефимки по 50 копѣекъ, а продавала ихъ по 64 копѣйки. Считая, какъ тогда было принято, по 7 ефимковъ на гривенку, казна покупала серебро по 3 руб. 50 копѣекъ за гривенку. Когда она перечеканивала это серебро въ копейныя денги, она изъ гривенки начеканивала ихъ на 4 рубля 32 копейныя денги и изъ этой суммы нѣкоторая часть должна была служить для покрытія значительныхъ расходовъ на чеканку 432 серебряныхъ монетъ. Когда-же казна просто перепродавала ефимки, то она за 7 ефимковъ по 64 копѣйки выручала 4 рубля 48 копѣекъ и никакихъ расходовъ на чеканку не имѣла.

1) Котошихинъ, стр. 86. Эти числа повторяетъ Соловьевъ XI², стр. 230.

2) Любопытный примѣръ благоразумнаго установленія мѣдныхъ денегъ показала Франція, гдѣ впервые стали чеканить монету изъ чистой мѣди (de cuivre fin) въ 1575 г. При этомъ было опредѣлено, что частныя лица могутъ ими производить платежи, не превышающія 20 су (Le Blanc, Traité historique des monnaies de France, Paris 1690, p. 337) 20 су составляли одинъ ливръ и въ 1575 г. на русскую монету равнялись 10.₃ копейнымъ денгамъ этой эпохи.

По всѣмъ вѣроятностямъ это уже хорошо знали въ началѣ царствованія Алексѣя Михаиловича. Это должно заключить изъ распоряженій, которыя даются таможнямъ о покупкѣ значительныхъ суммъ ефимковъ, изъ стремленія сосредоточивать въ государской казнѣ по возможности всѣ ефимки, привозимые иноземными торговыми людьми. Для этого была даже учреждена особая Ефимочная Палата. Подъ ефимкомъ понималась всякая иноземная монета крупнаго достоинства, вѣсомъ не менѣе $6^{6}/_{7}$ золотниковъ (по 7 на гривенку въ 48 золотниковъ). Такъ какъ, однако, это было требованіе неосуществимое, то довольствовались, въ среднемъ, вѣсомъ въ $6^{2}/_{3}$ золотниковъ = 640 долей.

Въ наказѣ о таможенныхъ сборахъ, данномъ въ іюнѣ 1649 г. [1]), между прочимъ, говорится: „у которыхъ пріѣзжихъ нѣмецъ будутъ въ привозѣ ефимки, и тѣ ефимки покупать на государя, а мимо государевой казны ефимковъ никому покупать не велѣть“. Въ тоже время дается порученіе: „на государя купити-бъ ефимковъ тысячъ до 30 и до 40, или сколко купить можно“. Казна не довольствовалась покупкою наличныхъ ефимковъ, но покупала ихъ на срокъ, выдавая впередъ денги подъ кабалы за будущіе ефимки, которые ей должны были быть доставлены. Въ томъ же документѣ говорится: „а въ прошломъ 155 (1647) году били челомъ государю Голанцы и Анбурцы гости и торговые люди, чтобъ государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ у Архангелского города ефимкомъ цѣну учинить, какъ на Москвѣ въ государеву казну емлютъ... и государь пожаловалъ велѣлъ .. ефимки... покупать любскіе по полтинѣ, крыжовые по 16 алтынъ (48 копѣекъ) въ вѣсъ, противъ государева прежняго указа любскихъ по 14, а крестовыхъ по 15 ефимковъ на фунтъ. А будетъ кто у города (Архангельска) деньги возметъ, а похочетъ заплатить ефимки на Москвѣ зимою, и тѣмъ людемъ давать за любскіе по 16 алтынъ по 2 денги (по 49 копѣекъ), а за крыжовые по 15 алтынъ по 4 денги (47 копѣекъ)“. Буквальное повтореніе такихъ же распоряженій встрѣчаемъ въ такомъ же наказѣ отъ 1654 г. и позднѣйшихъ лѣтъ. Порученія о покупкѣ ефимокъ простираются на суммы, все болѣе возрастающія [2]).

1) Доп. къ А. И. III, № 55 стр. 189, № 115 стр. 410 и др.

2) Какія неудобныя послѣдствія иногда проистекали отъ покупки ефимковъ на срокъ, показываетъ нижеслѣдующій примѣръ относящійся къ 1654 г.

Въ 160 г. (1652 г.) по государеву цареву указу у Архангельскаго города отдали изъ государевой казны рускимъ и нѣмецкимъ торговымъ людямъ въ ефимки 12168 рублевъ и на тѣхъ людяхъ взяли записи, чтобы имъ за тѣ деньги заплатить 25889 ефим-

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Монетныя преобразованія Петра Великаго.

1698—1724.

Петровской большой перемѣнѣ, произведенной въ русской монетной системѣ, предшествуетъ незначительное, сравнительно, измѣненіе, произведенное въ 1682 г. царевною Софьею. Что перемѣна сдѣлана, на это указываетъ Нартовъ въ запискѣ, на которую мы неоднократно ссылались. Но Нартовъ указываетъ на 1681 годъ, какъ на время, когда перемѣна произведена, а съ этимъ не согласуются сообщаемыя имъ же съ 1681 г. погодныя свѣдѣнія о суммахъ, на которыя чеканились монеты. Въ 1681 г. ихъ начеканено лишь на 170.317 рублей, тогда какъ въ слѣдующіе три года эти суммы составляютъ; въ 1682 году на 312.661 рубль, въ 1683 году на 242.707 рублей и въ 1684 году на 214.720 рублей; въ 3 года на 770.088 рублей, или въ среднемъ ежегодно по 256.696 рублей. Такъ какъ измѣненіе монетной стопы всегда

ковъ съ четью любскихъ въ вѣсъ по 14 ефимковъ въ фунтъ цѣною по 15 алтынъ по 4 денги ефимковъ (по 47 копѣекъ). Въ 161 г. (1653 г.) велѣно за ефимки собрать сполна, а сроковъ (отстрочекъ) въ ефимочномъ платежѣ рускимъ и нѣмецкимъ людямъ отнюдь не давать, чтобъ тѣхъ ефимковъ впередъ ни на комъ въ доимкѣ нисколько не было... И въ нынѣшнемъ во 162 г. (1654 г.) гость Юрьевъ подалъ роспись: собралъ онъ тѣхъ ефимковъ за 10893 рубля долговыхъ 23176 ефимковъ съ полуефимковъ и съ полутретью ефимка любскаго безъ полутретьи деньги, въ вѣсъ по 14 ефимковъ фунтъ, цѣною по 15 алтынъ по 4 деньги ефимокъ. Да въ тожъ число тѣхъ долговыхъ ефимковъ взято на Москву у иноземца у Томаса Келдермана за 200 рублевъ 425 ефимковъ любскихъ. А данныя тѣхъ долговыхъ ефимковъ по записямъ на русскихъ, на торговыхъ, и розныхъ чиновъ на людяхъ 1075 рублевъ, а за тѣ денги взяли на заимщиковъ 2287 ефимковъ съ полуефимкомъ и съ третью любскихъ безъ тѣхъ денегъ въ вѣсъ по 14 ефимковъ въ фунтъ цѣною по 15 алтынъ по 4 денги ефимокъ. А тѣ ефимки остались въ доимкѣ не выбраны, потому что русскіе многіе люди заимщики и ихъ порушники у Архангелскаго города на ярманкѣ не были и тѣхъ ефимковъ собрать было не на комъ; а которые заемщики были у Архангелского города на ярманкѣ сказывали, что ефимковъ купцы не добыли, потому что къ Архангелскому городу въ привозѣ изъ за моря у иноземцовъ ефимковъ предъ прежними годы гораздо было мало, а вмѣсто тѣхъ долговыхъ ефимковъ давали они заимщики денги по полтинѣ за ефимокъ. И гость Ѳедоръ Юрьевъ (таможенный сборщикъ) за долговые ефимки по той цѣнѣ денги взяти не смѣлъ, потому что въ заемныхъ ихъ записехъ написано: будетъ ефимковъ на срокъ во 161 г. (1656) августа въ 15 день не заплотятъ и имъ заемщикомъ [и порутчикомъ ихъ платить въ государеву казну за тѣ ефимки за неотдачю по 20 алтынъ за ефимокъ..... И государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ указалъ... по темъ записямъ ефимки выбрать безъ понороки, чтобъ въ доимкѣ ни на комъ не осталось.

Изъ наказа Таможенному гостю 29 мая 1654 г

Доп. А. И. III, № 116, стр. 427—429.

ведетъ за собою усиленіе чеканокъ, то годы усиленія чеканки ясно указываютъ на время, когда фактически измѣнена монетная стопа. Въ слѣдующіе 5 лѣтъ 1685—89 гг. чеканка простиралась на 856.387 рублей или среднимъ ежегодно опять лишь на 171.277 рублей. Наконецъ въ 4 года съ 1690 по 1693 г. чеканки составляли вмѣстѣ 872.874 рубля или по 218.219 рублей въ годъ [1]).

Перемѣна, произведенная царевной Софьей, заключалась въ уменьшеніи вѣса рубля и копѣйки на $^1/_7$ или $14^2/_7\%$. Изъ гривенки серебра чеканили уже 504 копѣйки (вмѣсто 432 копѣекъ), или изъ фунта 10 рублей 8 копѣекъ; изъ золотника $10^1/_2$ копѣекъ (вмѣсто 9). Серебряная копѣйка упала съ $^1/_9$ золотника до $^2/_{21}$ золотника $= 9^1/_7$ долей (вмѣсто $10^2/_3$). Мечевая денга, на которую все таки еще продолжался денежный счетъ не только въ народѣ, но и во всѣхъ оффиціальныхъ документахъ (въ нихъ все еще всѣ денежныя суммы выражаются въ рубляхъ въ 200 мечевыхъ денегъ, въ алтынахъ въ 6 мечевыхъ денегъ и, наконецъ, въ денгахъ, означающихъ всегда только мечевыя денги, а о копейныхъ никогда не упоминается, какъ еслибъ ихъ не было),—эта мечевая денга уже представляетъ лишь $^1/_{21}$ золотника $= 4^4/_7$ долей серебра. Серебряный рубль уже означалъ лишь $9^{11}/_{21}$ золотниковъ (вмѣсто $11^1/_9$). Серебряныя мечевыя денги чеканила не только Софья, но даже Петръ Великій [2]).

Насколько извѣстіе Нартова касается чеканки по 5 р. 4 к. изъ гривенки или 10 р. 8 к. изъ фунта, оно подтверждается „экстрактомъ“, приложенномъ къ Донесенію изъ коммиссіи по монетному дѣлу въ правительствующій сенатъ отъ 5 сентября 1730 г.; въ этомъ документѣ, между прочимъ, говорится, что до 7256 года (1698) дѣлана монета, а пробою была серебряная противъ ефимка и свыше гораздо *и выходило оныхъ по 1008 копѣекъ изъ фунта* [3]).

По этой монетной стопѣ началъ чеканить и Петръ Великій. Выше приведены данныя, показывающія, что суммы, на которыя простиралась чеканка монетъ въ первые годы царствованія Петра, до 1693 г. не уклонялись сильно отъ уровня 200.000 рублей въ годъ. Съ 1694 г. это измѣняется. Чеканки простирались въ 4 года до 1697 включи-

---

1) Горный Журналъ 1832 г., часть IV, стр. 313, 314.

2) Рейхель №№ 768—9, вѣсъ ихъ показанъ въ 5 долей, Петровскія №№ 876—879 съ вѣсомъ въ 6 долей. По Шуберту Monnaies p. 43 (105) такія же показанія.

3) Вел. Кн. Георгія Михаиловича Монеты царств. Анны Іоанновны докум. № 17.

тельно на 1.791.000 рублей или, въ среднемъ, по 447.750 рублей въ годъ. Въ нихъ уже ясно отражается вліяніе Азовскихъ походовъ; расходы по нимъ покрывались монетою, которой чеканка была усилена, но производилась по монетной стопѣ 1682 г. Чеканка 1698 г. производилась лишь на сумму 471.610 рублей, т. е. на сумму, мало отличающуюся отъ предшествующихъ 4 лѣтъ. Поэтому трудно сказать категорически, что большая перемѣна произошла въ 1698 г. Но съ 1699 г. она уже видна и на суммахъ чеканки.

Перемѣны, произведенныя въ монетной части Петромъ, располагаются въ три періода: отъ 1698 до 1711 г. производятся различныя перемѣны, но на почвѣ чеканки изъ серебра, котораго проба не установлена, какъ это бывало и въ предшествующія эпохи, 2) съ 1711 до 1718 гг. идутъ приготовленія къ установленію пробы монетъ, 3) наконецъ въ 1718 — 24 гг. монетныя преобразованія Петра получаютъ тотъ законченный видъ, въ которомъ онѣ переходятъ къ преемникамъ Петра.

Разсмотрѣніе перемѣнъ, произведенныхъ въ каждомъ изъ этихъ періодовъ, должно заключаться въ разборѣ слѣдующихъ задачъ: 1) когда произошла каждая перемѣна, 2) въ чемъ она заключалась, при чемъ особенно важно выясненіе двухъ вопросовъ: а) въ какомъ порядкѣ шло усложненіе денежной системы введеніемъ новыхъ денежныхъ единицъ въ видѣ монетъ различныхъ достоинствъ? б) какъ поставилъ Петръ въ своей монетной системѣ золотую и мѣдную монету?

Первыя Петровскія распоряженія объ измѣненіи монетной системы до насъ не дошли и поэтому на основаніи ихъ, нельзя съ точностью указать, когда начались монетныя преобразованія: когда произошла даже одна только перемѣна въ монетной стопѣ, когда вмѣсто чеканки 10 рублей 8 копѣекъ изъ фунта начали чеканить по 14 рублей 40 копѣекъ изъ фунта (когда вмѣсто чеканки изъ золотника серебра $10^1/_2$ копѣекъ стали чеканить изъ золотника 15 копѣекъ?). Въ только что приведенномъ оффиціальномъ документѣ отъ 5 сентября 1730 г. категорически говорится, что до 7206 г. (1698) выходило монетъ по 10 рублей 8 копѣекъ изъ фунта. Нартовъ, съ своей стороны, не упоминаетъ ни о какой перемѣнѣ ни подъ 1698, ни подъ 1699 г., ни подъ 1700 г., а лишь подъ 1701 г. категорически говоритъ, „и въ которомъ (1701) году *зачаты* дѣлать по 15 копѣекъ изъ золотника“. На сторонѣ Нартова оказываются историки и современники Петра изъ иностранцевъ. Главнымъ образомъ историки повторяютъ *мнѣ-*

ніе Перри, что послѣ Нарвскаго пораженія Петръ произвелъ перемѣны въ денежной системѣ [1]). Но это мнѣніе ошибочное и указаніе Нартова неправильное. Противуположное ему указаніе приведеннаго документа 1730 г. подтверждается другими очень вѣскими аргументами. Прежде всего оно подтверждается указаніемъ самого Петра. Въ указѣ отъ 18 мая 1701 г., между прочимъ, говорится: „государь... указалъ, по *прежнему* своему великаго государя указу *старою передѣлать* денегъ, *которые дѣланы по 206 г.* (1698), нынѣ и впредь въ расходъ не давать“ [2]). Такимъ образомъ, указу 1701 г. предшествовалъ другой указъ Петра, который предписалъ передѣлать монеты, а монеты предшествовавшаго передѣла (монетной стопы 1682 г.) признать „старыми“; такими „старыми“ признаны совершенно ясно монеты, *чеканившіеся до 7206 г.* или до 1698 г. Если этотъ предшествовавшій указъ до насъ не дошелъ, то до насъ дошли монеты, на его основаніи выпущенныя: не только монеты такихъ наименованій, какія и прежде были или бывали, но и такія, *какихъ прежде совсѣмъ не было и не бывало*. До насъ дошли полтинники 1699 г. [3]); этотъ фактъ рѣшаетъ вопросъ. Но онъ еще подтверждается значительнымъ измѣненіемъ, происшедшимъ съ 1698 г. въ суммахъ, на которыя простирались чеканки и которыя мы будемъ приводить ниже.

Источники, которыя характеризуютъ перемѣну, произведенную Петромъ въ монетной системѣ, говорятъ объ ней, что она состояла въ чеканкѣ по 15 копѣекъ изъ золотника „серебра *неустановичной* пробы“. Констатируются, слѣдовательно, два признака: 1) монетная стопа, 2) качество серебра, изъ котораго изготовляется новая монета. Но двойственность этой характеристики опредѣляется лишь тѣмъ, что она исходитъ отъ дѣятелей XVIII в. Старина отъ Дмитрія Донскаго до конца XVII в. не знала характеристики русской монеты по ея пробѣ. И сами дѣятели XVIII в. даютъ эту характеристику отрицательно, а не положительно: монета, которую начали чеканить съ 1698 г., не даетъ никакого повода къ характеристикѣ ея по пробѣ; въ этомъ отношеніи она еще не отличается отъ монеты предыдущихъ эпохъ, которыя

1) Perry. Der ietzige Staat von Russland etc., Leipzig, 1717, S. S. 398, 399. Мнѣніе Перри повторилъ Schlötzer. Münz-Geld-und Bergwerksgeschichte Russlands Göttingen, 1791, S. 34, а за Шлецеромъ повторяютъ тоже новѣйшіе историки.

2) П. П. С. З. IV. № 1855.

3) Каталогъ Шуберта №№ 1206, 1207; Рейхеля № 691. Эту монету въ 1699 г. показываетъ и. Х. Х. Гиль. Табл. русск. монетъ двухъ послѣд. столѣтій, Спб. 1898, стр. 12, столбецъ $^1/_2$ рубля, годъ 1699.

всѣ были „неустановичной“ пробы. Проба конечно, у монеты всегда была; но она не была установленная, потому что установлять, какую угодно, пробу еще не умѣли. Отдѣлять мѣдь отъ серебра умѣли, но не особенно тщательно: стремились къ тому, чтобы въ монетѣ было поменьше мѣди и поэтому считали русскую денгу почти изъ чистаго серебра; но позднѣйшими химическими анализами монетъ это не подтверждено. По оффиціальной справкѣ Доношенія канцеляріи монетнаго управленія въ кабинетъ ея величества отъ 16 іюля 1734 г. (справка эта потомъ многократно повторялась въ указахъ XVIII ст.), проба допетровскихъ денегъ опредѣлена $85^1/_6$-ая, то-есть на 1 фунтъ лигатурнаго серебра приходится $85^1/_6$ золотниковъ чистаго серебра (0.903) при $10^5/_6$ золотникахъ мѣди [1]).

Такимъ образомъ, въ отношеніи пробы, монеты, которыя Петръ началъ чеканить съ 1698 г., еще не отличались отъ монетъ предъидущихъ эпохъ. Не отличаетъ ихъ отъ предыдущихъ эпохъ и то обстоятельство, что указъ о началѣ ихъ чеканки до насъ не дошелъ. И наконецъ, не отличаетъ ихъ отъ предъидущихъ эпохъ и то, что все, оффиціально извѣстное намъ объ нихъ, ограничивается монетною стопою, по которой онѣ чеканились: указаніемъ, сколько ихъ чеканилось изъ золотника серебра, а стало-быть и изъ гривенки въ 48 золотниковъ, или изъ фунта въ 96 золотниковъ.

Сказать, что изъ золотника серебра будутъ чеканить 15 копейныхъ денегъ, значило сказать, что изъ гривенки будутъ чеканить $15 \times 48 = 720$ копейныхъ денги, а изъ фунта—вдвое болѣе или 1440 копѣекъ; это составляетъ 7 рублей 20 копѣекъ изъ гривенки или 14 руб-

1) Вел. Кн. Георгій Михаиловича, Монеты царствованія императрицы Анны Іоанновны, документы. № 110. Въ XIX ст. результаты анализовъ старинныхъ денегъ опубликовывались два раза: Рейхелемъ и гр. И. И. Толстымъ. Рейхелевскіе результаты слѣдующіе:

Оказалось, что денга

Василія Дмитріевича была	87-й	пробы
Ивана III	$93^1/_3$	»
Ивана IV	$92^1/_2$	»
Тверскія	$92—93^1/_2$	»
Рязанскія	$78^1/_2—92$	»
Другія удѣльныя	61—82	»
Еще »	96	»

По анализу гр. И. И. Толстого новгородской денги до покоренія средняя проба оказалась почти 90-я (отъ 93-й до $79^1/_2$ й). Монеты Великаго Новгорода, стр. 64. Фолленлорфъ считалъ пробу старинныхъ денегъ 82-ую, но это показаніе не подтверждено никакими анализами.

лей 40 копѣекъ изъ фунта. Отъ этого лигатурнаго вѣса Петръ уже не отходилъ и онъ оставался въ силѣ до Анны Іоанновны.

Откуда онъ взялся? На это легко отвѣтить: 7 рублей 20 копѣекъ составляютъ 7.2 ($7^1/_5$) рублей. Столько ефимковъ приходилось на гривенку, когда казна въ XVII ст. покупала на рынкѣ самые тяжелые ефимки. Вѣсъ рубля подсказанъ вѣсомъ ефимковъ. Что это были за ефимки, какихъ странъ, какого времени? На это отвѣта не можетъ быть, потому что никакою страною и никакимъ временемъ въ частности не интересовались. Интересовались иноземною монетою крупнаго достоинства и ее безразлично называли „ефимкомъ", все равно, была ли монета нѣмецкая, или голландская, или испанская. Во второй половинѣ XVII в. обстоятельства такъ сложились, что тѣ иноземныя серебряныя монеты крупныхъ достоинствъ, которыя притекали въ Россію и безразлично назывались ефимками, имѣли въ *среднемъ* вѣсъ $6^2/_3$ золотниковъ, то есть, что ихъ приходилось на гривенку 7.2, а на фунтъ 14.4 [1]). Это подсказало вѣсъ рубля, когда въ 1654 г. его пожелали сдѣлать русскою монетою крупнаго достоинства. И тоже самое повторилось въ 1698 г., когда опять пожелали имѣть рубль въ видѣ большой русской серебряной монеты. Ничего другого, что подсказывало бы вѣсъ рубля, не было; а вѣсъ въ $6^2/_3$ золотниковъ, такъ сказать, мозолилъ глаза, внушался опытомъ, очень продолжительнымъ: его и взяли въ 1698 г. также, какъ въ 1654 г.

Въ 1654 г. взяли и ввели, строя сверху внизъ, не безпокоясь о фундаментѣ, или даже не обращая вниманія на то, что фундаментъ, представляемый копѣйкою, былъ для совсѣмъ другого рубля. Въ 1698 г. поступили иначе: постройку начали снизу, чтобы ввести ее, какъ слѣдуетъ, снизу вверхъ. Поэтому начали не съ рубля и не съ того, что столько-то рублей будетъ идти на фунтъ (хотя и это знали), а начали съ золотника и съ числа копѣекъ или копейныхъ денегъ, которыхъ должно идти на золотникъ серебра.

Это была очень большая перемѣна и необходимо прежде всего разобраться въ данныхъ о томъ, насколько велика была эта перемѣна въ самомъ фундаментѣ, на которомъ предстояло воздвигнуть новую монетную систему. Пока, идетъ рѣчь только о счетномъ рублѣ, то-есть,

1) Всего ближе къ этому среднему вѣсу былъ вѣсъ бургундскихъ талеровъ, называвшихся альбертовскими или львиными (Albert, Löwenthaler). Шлёцеръ в. с. стр. 30 показываетъ ихъ лигатурный вѣсъ въ 584 голландскихъ ассов = $6^2/_3$ золотниковъ; проба ихъ была $83^1/_3$-ья. Впослѣдствіи эти альбертовскіе ефимки были и оффиціально признаны типическими.

о денежной единицѣ, состоящей по казенному счету изъ 100 копѣекъ, а по народному, еще продолжающему, счету изъ 200 (мечевыхъ) денегъ. До чего-же онѣ были доведены въ 1698 г.? Если изъ 48 золотниковъ или 4608 долей чеканятъ 720 копѣекъ, то копѣйка имѣетъ вѣсъ $^1/_{15}$ золотника $= 6^2/_5$ долей, а денга или полукопѣйка вдвое меньше $= ^1/_{30}$ золотника $= 3^1/_5$ доли серебра. Сто такихъ копѣекъ или 200 такихъ денегъ имѣютъ съ 1698 г. вѣсъ $6^2/_3$ золотника и образуютъ тогдашній счетный рубль; сравнительно съ нимъ составляли счетный рубль:

Царевны Софьи съ 1682 г.	$9^{11}/_{21}$ золотниковъ.
Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михаиловича	$11^1/_6$ „
Ивана IV	16 „
Ивана III	$18^6/_{13}$ „

Счетный рубль 1698 г. составляетъ уже только немного болѣе $^1/_3$ счетнаго рубля Ивана III ($^{13}/_{36} = 36\%$ его), порядочно меньше половины ($^5/_{12} = 41^3/_4\%$) счетнаго рубля Ивана IV; порядочно больше половины ($^3/_5 = 60\%$) счетнаго рубля Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича и немного меньше трехъ четвертей (70%) счетнаго рубля царевны Софіи. По широтѣ размаха, перемѣна 1698 г. равняется перемѣнѣ, произведеной при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ 1613 и 1630 гг. Отъ перемѣнъ, произведенныхъ въ XVII ст., съ 1613 до 1698 г., рубль Ивана III уменьшился на 64%, почти на двѣ трети, отъ одного только уменьшенія вѣса мелкой серебряной монеты, копѣйки и денги. Если сравнить перемѣну, происшедшую въ рублѣ въ XVII ст, со включеніемъ Петровской, съ перемѣною, происшедшею при Василіи Темномъ, считая послѣднюю въ томъ видѣ, какъ ее санкціонировалъ Иванъ III, то эти двѣ перемѣны находятся къ первоначальному рублю, въ видѣ рублевой гривенки, т. е. въ 48 золотниковъ, въ отношеніи $1 : 2.6 : 7.2$ то-есть, изъ той-же гривенки, которая первоначально была однимъ рублемъ, при Василіѣ Темномъ и Иванѣ III стало 2.6 рублей, а въ 1698 году 7.20 рублей. Отношеніе-же $7.2 : 2.6 = 2.77$ ясно показываетъ, что XVII столѣтіе сильнѣе измѣнило рубль, чѣмъ даже то, что произошло при Василіѣ Темномъ. Для того, чтобъ перемѣна 1698 г. была такая-же, какъ при Василіи Темномъ и Иванѣ III, изъ гривенки должно было бы въ 1698 г. чеканиться не 7.2 рубля, а лишь 6.76 рубля. Пять гривенокъ серебра составляли съ начала XIV до половины XV в. пять рублей, при Василіѣ Темномъ и Иванѣ III уже 13 рублей, а съ 1698 г. уже 36 рублей.

Перемѣна монетной стопы означаетъ перечеканку монеты; а для

этого необходимо, чтобъ „старая“ монета, то-есть, монеты прежнихъ стопъ, притекала въ казну и въ ней задерживалась. Для этого и былъ изданъ приведенный выше указъ 18 мая 1701 г. Онъ предписываетъ двоякое: 1) „стараго передѣла денегъ, которые дѣланы по 206 г., нынѣ и впредь въ расходъ не давать, а передѣлавъ отсылать; 2) всего московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ указъ сказать, чтобъ они старыя денги для передѣла вновь несли на денежный дворъ и имъ на тѣ денги къ тому числу, сколько ихъ принято, наддачи будетъ дано по гривнѣ на рубль, а за работу никому ничего отъ тѣхъ людей не имать“.

Такимъ образомъ, постановка новаго „передѣла“ или перечеканки монетъ, начавшейся съ 1698 г., существенно отличалась отъ предыдущихъ постановокъ XVII в. Не только воспрещено расходованіе старыхъ монетъ, но ихъ выкупъ обезпеченъ уплатою 10%-наго лажа („наддачи“) на ихъ нарицательную стоимость [1]). Еще существеннѣе новый передѣлъ 1698 г. отличался другою своею стороною: введеніемъ новыхъ номиналовъ или достоинствъ серебряной монеты, крупныхъ и мелкихъ.

Прежніе номиналы въ видѣ серебряной копейной и мечевой денги и полушки (полуденги мечевой) отжили свой вѣкъ. Мечевая денга и ея половинка уже очень мало чеканились съ XVI вѣка, потому что ея чеканка обходилась очень дорого. А когда количество серебра, копейною и мечевою денгою представляемое ($^1/_{15}$ и $^1/_{30}$ золотника съ 1698 г.), стало почти ничтожнымъ, то чеканка ихъ могла имѣть лишь значеніе оффиціальнаго удостовѣренія, что связь съ прошлымъ не порывается окончательно. А что такому удостовѣренію придавали нѣкоторый смыслъ, это ясно видно изъ чеканки копейной денги, которая въ видѣ серебряной денги Петромъ продолжается до 1717 г. Чеканка монеты — область весьма консервативная, въ которой приходится очень много считаться съ народными привычками. И къ нимъ Петръ относится весьма внимательно. Это ясно видно, какъ въ осторожности, такъ и въ той постепенности, съ которою вводятся новыя серебряныя монеты Петра, представляющія новые номиналы, монеты новыхъ достоинствъ. Прежде всего очень характернымъ фактомъ является то, что главнымъ образомъ съ 1698 г. чеканятся копѣйки изъ того-же высокопробнаго серебра, въ которомъ еще никакой перемѣны не сдѣлано. Это оффиціально удостовѣряется документомъ, изъ

1) Lord Withworth, Account of Russia in 1710 pp. 76—77 говоритъ о приплатѣ въ 15%; Куракинъ говоритъ о 12% (Архивъ кн. Куракина I 265).

котораго выше заимствованы свѣдѣнія о пробѣ старинныхъ серебряныхъ денегъ. Съ 1699 г. появляются гривенники въ 10 копѣекъ, совершенно новый номиналъ; но въ высшей степени характеренъ и тотъ фактъ, что съ 1701 г. появляется серебряная монета, которая въ XVIII и XIX вв. была извѣстна, какъ пятачекъ, но у Петра называется иначе; надпись на ней ея номинала гласитъ: „десять *денегъ*“. Московская маловѣсная денга, родившаяся при Василіи Темномъ, продолжаетъ жить въ этой монетѣ и даетъ народу возможность оставаться при привычномъ денежномъ счетѣ, возникшемъ въ половинѣ XV вѣка. Эта монета чеканится въ 1701, 1702 и 1704 гг.; ея чеканка возобновляется въ 1713 и 1714 гг. Съ 1699 г., какъ выше было указано, появляется и полтинникъ. Копѣйки чеканятся непрерывно: это ясно изъ того, что онѣ дошли до насъ съ указаніемъ на нихъ года ихъ чеканки за каждый годъ съ 1698 до 1717 г.; гривенники въ десять копѣекъ до насъ дошли за каждый годъ отъ 1701 до 1709 г. Петровскіе серебряные алтыны до насъ дошли отъ 1704 и 1710—14 гг. Полуполтины (будущіе четвертаки, очень старинная денежная единица, которую уже знала древнѣйшая Русь во время Святослава, и которая сопровождала также старинный рубль) появляются въ 1701 г. и чеканятся каждый годъ до 1707 г., а потомъ въ 1710 и 1713 гг. Наконецъ, Петровскіе рубли появляются въ 1704 г. и чеканятся въ 1705, 1707, 1710, 1712 и 1714 гг. Все это монеты, которыя уподобляются старымъ тѣмъ, что онѣ всѣ—„неустановичной“ пробы. Онѣ чеканятся изъ одинаковаго серебра и на одномъ общемъ основаніи, которое ихъ объединяетъ въ систему: въ каждой изъ нихъ копѣйка $= 1/15$ золотника серебра. Это подтверждается ихъ вѣсомъ; но само собою разумѣется не вѣсомъ каждой отдѣльной монеты, даже крупныхъ достоинствъ, а нѣкотораго ихъ числа, хотя бы и не большого (10—15) для крупныхъ достоинствъ. Юстировка (или вывѣрка вѣса каждой отдѣльной монеты) еще долго не удавалась монетнымъ дворамъ въ XVIII ст. Естественно, что и иностранцы, говоря о русской монетѣ, указывали на ея разновѣсность[1]). Но это касается только отдѣльныхъ монетъ; въ массѣ, хотя бы и не большой, средній вѣсъ скорѣе былъ больше, чѣмъ меньше требованій монетной стопы.

Но изложеннымъ не исчерпывалась новая монетная система Петра въ томъ ея первоначальномъ видѣ, въ которомъ она уже съ 1699 г. постепенно слагалась изъ значительнаго уже числа серебряныхъ мо-

1) Напр., lord Withworth, An account of Russia as it was in 1710, 1756, p. 82.

нетъ мелкихъ и крупныхъ достоинствъ. По существу она отличалась отъ старой монетной системы тѣмъ, что не только число монетъ мелкихъ увеличивалось алтынною и десятиденежною монетою, но появились сверхъ нихъ двѣ крупныя монеты: полтинникъ и рубль. Но алтынъ и рубль пытались чеканить уже и предшественники Петра; введеніе ихъ, да и другихъ номиналовъ, было не принципіальнымъ измѣненіемъ старой монетной системы, а лишь ея развитіемъ и дополненіемъ. Но старая монетная система, построенная на *серебряной* денгѣ, неминуемо должна была подвергнуться принципіальному измѣненію вслѣдствіе того, что эта коренная ея основа отжила свой вѣкъ. Основою монетной системы предшественниковъ Петра была съ Василія Темнаго *московская маловѣсная денга* (по рисунку на ней мечевая съ 1535 г.). И вотъ она то съ 1698 г. стала такою незначительною, что объ ней, а тѣмъ болѣе объ ея половинкѣ, полушкѣ, какъ о серебряной монетѣ, чеканка которой продолжается, уже не могло быть рѣчи. Въ 1698—1717 г.г. Петръ еще полагалъ, что въ этой роли наименьшей *серебряной* монеты мечевую денгу можетъ замѣнить копейная денга или копѣйка. Но это лишь доказываетъ, какъ крѣпко Петръ стоялъ на исторической почвѣ и очень медленно отъ нея отрывался. Только въ 1717 г. онъ убѣдился, что и копѣйка, какъ наименьшая серебряная монета, стала невозможною. И вотъ разставаясь съ (мечевою) денгою, исключая ее изъ системы серебряныхъ монетъ, Петръ очень своеобразно отнесся къ ней. Съ одной стороны, онъ всетаки какъ-бы оставилъ ее, строя на ней, а не на копѣйкѣ, другія двѣ новыя наименьшія серебряныя монеты. Народъ зналъ алтынъ, какъ монету въ шесть денегъ, и чеканкою серебряного алтына Петръ оставлялъ населенію возможность продолжать старый денежный счетъ. Чеканкою-же серебряной монеты въ 10 *денегъ* Петръ прямо показывалъ, что онъ не желаетъ насильно искоренять этотъ счетъ.

Но вмѣсто серебряной (мечевой) денги и полушки все таки было необходимо создать что-нибудь новое. Это ставилъ себѣ задачею указъ 11 марта 1700 г о дѣланіи *мѣдныхъ денегъ, полушекъ и полуполушекъ*[1]). Послѣ несчастнаго опыта 1656—1663 г. съ мѣдными деньгами оффиціально признавалось возможнымъ возобновленіе чеканки ихъ уже лишь въ видѣ „денежекъ“ и частей денежки (полушки и бывшей четверетцы). „Великій государь указалъ дѣлать мѣдныя денежки, и полушки, и полуполушки, *для того,* (что) во многихъ низовыхъ и

1) П. П. С. З. IV № 1776.

иныхъ городѣхъ, *за скудостью денежекъ*, на размѣну въ мелкихъ торгахъ, *пересѣкаютъ серебряныя копѣйки на двое и на трое* и торгуютъ ими вмѣсто денежекъ на размѣнъ; а въ Калугѣ и въ иныхъ городахъ, вмѣсто серебряныхъ денежекъ торгуютъ-же кожаными и иными жеребьями. И *для соблюденія серебряныхъ копѣекъ*, чтобъ въ городахъ, за умаленіемъ серебряныхъ копѣекъ и денегъ, не сѣкли и кожаными и иными жеребьями не торговали: нынѣ и впредь на Москвѣ и въ городѣхъ, и въ уѣздѣхъ, и въ селѣхъ, и въ деревняхъ по всякимъ торжкамъ, и на перевозѣхъ, ходить и торговать и въ пошлинный сборъ имать . . . безъ всякаго прекословія мѣдными денежками и полушками". — За этимъ слѣдуютъ обстоятельныя описанія новыхъ мѣдныхъ монетъ и указаніе способа сдѣлать ихъ общеизвѣстными. Запрещая дальнѣйшее обращеніе прежнихъ „сѣченыхъ копѣекъ", указъ предписываетъ изъятіе ихъ изъ обращенія и обмѣнъ ихъ на мѣдную монету, а равно размѣнъ серебряныхъ копѣекъ на „ту монету: и на копѣйку по двѣ денежки, по четыре полушки, по осьми полуполушекъ, а буде гдѣ есть серебряныя печатныя денежки, а не сѣченыя, и тѣмъ ходить и торговать ими по прежнему съ мѣдними за едино". Указъ кончается угрозами государевой опалы и великихъ наказаній за его нарушеніе.

Изъ этого указа [1]) мы узнаемъ, какъ населеніе изворачивалось, когда для него или очень мало, или совсѣмъ не чеканили мечевыхъ денегъ или полушекъ: оно разсѣкало копейную денгу на двѣ или четыре части и „сѣченыя денги" замѣняли недостававшія монеты. Такъ поступали и въ другихъ странахъ, напр. въ Англіи [2]) въ началѣ XI ст., да и въ домонгольской Руси: клады съ куфическими монетами очень часто состоятъ въ значительной долѣ изъ ломанныхъ монетъ, которыя наши нумизматы-оріенталисты всегда объясняли намѣреннымъ разсѣченіемъ монетъ. „Кожанныя и иныя жеребья" тоже служили для этого, замѣняя всякаго рода марки (напримѣръ, въ Англіи изъ олова), которыя выпускались богатыми людьми въ однородныхъ обстоятельствахъ. Само собою разумѣется, что коренная причина, побудившая къ выпуску мѣдной монеты въ 1700 г., была та-же, которая вызывала всю Петровскую перемѣну въ монетной части съ 1698 г. и

1) Ему предшествовалъ указъ 1 іюня 1680 г., тоже запрещавшій сѣченыя копѣйки („въ Смоленскѣ на кружечномъ дворѣ собирается тѣхъ сѣченыхъ денегъ рублевъ по сту и по 200 и больше") П. П. С. З. II. № 825.

2) Andrew. A numismatic history of Henry 1 (Numismatic chronicle 1901.) p. 5, 10, 12. Ломанныя монеты вышли изъ употребленія при Эдуардѣ I.

которая заключалась въ фискальной нуждѣ. Но приступъ къ чеканкѣ мѣдной монеты въ 1700 г. дѣлался подъ болѣе благовиднымъ предлогомъ. Для выпуска мѣдной монеты въ 1700 г. ссылались на то, что правительство чеканило для населенія мало монетъ наименьшихъ достоинствъ и принуждало населеніе довольствоваться „сѣченными денгами". Удовлетвореніе-же этой потребности серебряною монетою стало затруднительнымъ. Когда копѣйка представляла уже только $^1/_{15}$ золотника серебра, то денежка должна была бы въ серебрѣ представлять $^1/_{30}$ золотника, полушка $^1/_{60}$ золотника, а полуполушка $^1/_{120}$ золотника $= ^4/_5$ доли. Такія серебряныя монеты физически невозможны.

Изъ этого слѣдуетъ, что включеніе мѣдныхъ денегъ въ монетную систему было неминуемо и безъ всякаго фискальнаго мотива. Но неминуема была только мѣдная монета, въ видѣ частей копейки (денежки, полушки и полуполушки), о которыхъ только и говоритъ указъ 1700 г. Но фискальный мотивъ введенія мѣдной монеты въ денежную систему обнаруживается нумизматическимъ фактомъ, что до насъ дошли *мѣдныя копѣйки,* которыя, начиная съ 1704 г., чеканились ежегодно, безъ перерыва, до 1719 г. Объ этихъ мѣдныхъ копѣйкахъ указъ 1700 г. умалчиваетъ и никакого иного распоряженія объ нихъ мы не знаемъ [1]). До 1718 г. онѣ какъ бы конкуррируютъ съ серебряными копѣйками, а съ 1718 г. серебряныя копѣйки окончательно исчезаютъ и мѣдныя копѣйки остаются единственными копѣйками. Едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что странное положеніе мѣдной копѣйки въ первыя 14 лѣтъ ея существованія довольно ясно указываетъ на фискальныя ея основы.

Новая мѣдная монета дѣлалась въ 1700 и 1701 г.г. по 12 р. 80 коп. изъ пуда, въ 1702 и 1703 г.г. по 15 рублей 40 коп. съ пуда, а съ 1704 по 1717 г. по 20 рублей изъ пуда [2]). По свѣдѣніямъ Миниха съ 1704 г. до 1717 мѣдныхъ монетъ начеканено на $2^1/_5$ милліона рублей, или въ среднемъ ежегодно на 157.140 рублей.

Общему, консервативному, характеру перваго періода Петровскихъ преобразованій монетной системы соотвѣтствуетъ постановка въ ней золотой монеты. Мы уже упоминали, что съ Ивана Грознаго входитъ

---

1) Только коротенькій (въ три строчки) указъ 28 марта 1712 г. (П. П. С. З. IV № 2509) о нихъ говоритъ: „сенатъ приговорили на мѣдныхъ денежныхъ дворахъ мѣдныя копѣйки дѣлать по прежнему". О серебряныхъ копѣйкахъ до 1718 г. см. Reichel № № 795—875; Schubert Catal. № № 1421—1507.

2) Эти свѣдѣнія приводятъ Storch и Pansner, не указывая ихъ источника; они взяты у Шлецера, Münz-Geld-Bergwerkgeschichte p. 81, который ссылается на сообщенный ему изъ Петербурга документъ Миниха. Свѣдѣнія Шлецера подтверждаетъ Нартовъ (Горный Журналъ 1832 г.; III стр. 241).

въ обычай раздача золотыхъ медалей за военныя услуги и для этого служатъ сначала иноземныя болѣе или менѣе значительныя золотыя монеты (которыя прикрѣпляются къ шапкѣ или къ рукаву), а потомъ подраженія червонцамъ, чеканка которыхъ начинается и въ Москвѣ. До насъ дошли такіе червонцы Ѳеодора Іоанновича, Бориса Годунова, Василія Шуйскаго, Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича, Ѳеодора Алексѣевича и Іоанна Алексѣевича вмѣстѣ съ Петромъ и Софьею. Такія золотыя монеты, служившія медалями для наградъ, чеканились не только въ видѣ червонцевъ, но въ видѣ получервонцевъ и даже четвертей червонцевъ, а также въ видѣ золотыхъ и даже позолоченныхъ копейныхъ и мечевыхъ денегъ. Червонцы имѣли приблизительно вѣсъ венгерскихъ (угорскихъ) [1]).

Къ этой категоріи монетъ, служащихъ медалями, принадлежатъ и первые червонцы, которые Петръ I чеканилъ въ 1701—4, въ 1706, 1707 и 1711 гг. (въ остальные годы съ 1698 по 1711 г. золотыхъ монетъ совсѣмъ не чеканили). Что червонцы этого періода еще не составляютъ монетъ и совершенно одинаковы съ червонцами предшественниковъ Петра, ясно изъ того, что они нарицательной цѣны еще совсѣмъ не имѣютъ и составляютъ одинъ изъ предметовъ казенной (царской) торговли. Какъ извѣстно, уже новоторговымъ уставомъ 1665 г. предписывалось: „имать съ продажныхъ заморскихъ товаровъ въ государеву казну въ таможнѣ у Архангельскаго города пошлины золотыми и ефимками, съ вѣсчихъ товаровъ по 10 денегъ съ рубля (5%), а не съ вѣсчихъ по 8 денегъ (4%) съ рубля. А принимать за пошлину золотые угорскіе по рублю золотой, а ефимки по полтинѣ въ довѣсъ“ [2]). Вѣсъ ефимковъ и золотыхъ при этомъ тщательно былъ указанъ: „чтобъ въ денежное дѣло годились, ефимки полнаго вѣса чтобъ были по 14 ефимковъ въ фунтѣ и тѣ примать съ довѣсомъ, а цѣною по полтинѣ ефимокъ; а золотые добрые угорскаго вѣса, которые вѣсомъ будутъ противъ московской гирьки, каковая послана съ Москвы въ 193 (1685 году): во 100 золотыхъ по 83 золотника, а цѣною

---

1) См. напр. въ каталогѣ Рейхеля — червонцы: Ѳеодора Іоанновича 78 долей (№ 487), Василія Шуйскаго (80 долей, № 592), Михаила Ѳеодоровича (60 долей № 638), Алексѣя Михаиловича (№ 673), Ѳеодора Алексѣевича (80 долей № 743), Іоанна, Петра и Софьи (78 долей №№ 774,775). Получервонцы: Михаила Ѳеодоровича (41 доля № 639), Іоанна, Петра и Софьи (40 долей № 774). Четверти червонца: Алексѣя Михаиловича (20 долей №№ 674—6), Іоанна Петра и Софьи (21 доля № 774). Золотыя копейныя и мечевыя денги: №№ 640 (Михаила Ѳеодоровича). 677 и 679 (Алексѣя Михаиловича) и т. д.

2) П. Ц. С. З. I № 408 ст. 48, 50.

по рублю золотой“ [1]). Такимъ образомъ уже въ 1685 г. была разослана по таможнямъ образцовая гирька (эксагій) для повѣрки вѣса червонцевъ, которыхъ сто штукъ должны были имѣть вѣсъ 83 золотниковъ; или червонецъ долженъ былъ имѣть вѣсъ 79.68 долей = 0.83 золотника. На фунтъ ихъ приходилось 96 : 0.83 = 115$^{15}/_{83}$ и стоилъ казнѣ этотъ фунтъ червонцевъ 115 р. 67$^{1}/_{2}$ копѣекъ. А сама казна въ 1701—11 гг. чеканила изъ фунта 118 червонцевъ и ихъ продавала по 2 рубля 25 копѣекъ (по свѣдѣніямъ монетнаго двора). Фискальное значеніе этой чеканки очевидно.

Погодныя свѣдѣнія о суммахъ, на которыя простиралась чеканка монетъ въ разсмотрѣнномъ періодѣ до насъ дошли въ слѣдующемъ видѣ:

въ	1699	году	на	671.861	въ	1706	году	на	645.492
»	1700	»	»	1,992.877	»	1707	»	»	507.596
»	1701	»	»	2,559.885	»	1708	»	»	753.958
»	1702	»	»	4,533.194	»	1709	»	»	1,271.426
»	1703	»	»	2,613.223	»	1710	»	»	1,482.827
»	1704	»	»	1.428.374	»	1711 (до 20 августа)			573.648
»	1705	»	»	700.444					19,734.805

Въ первыя шесть лѣтъ монетнаго преобразованія чеканка монетъ очень сильно увеличилась и простиралась во всѣ эти шесть лѣтъ, вмѣстѣ взятыя (съ 1699 по 1704 г.), почти на 13,800.000 р. или почти по 2,300.000 рублей въ годъ. Въ слѣдующія же 6$^{1}/_{2}$ лѣтъ съ 1705 по 20 августа 1711 г. (до предполагаемаго установленія пробы монетъ), начеканено новыхъ монетъ въ 2$^{1}/_{3}$ раза меньше, на 5,935.000 р., или ежегодно лишь на 913.100 рублей. Во всѣ 12$^{1}/_{2}$ лѣтъ съ 1699 по 20 августа 1711 г. чеканки простирались на 19$^{3}/_{4}$ милліоновъ рублей. Но даже когда чеканка такъ сильно ослабѣла, она все таки вдвое превышала усиленныя чеканки для азовскихъ походовъ, а до-Петровскія чеканки превышала во много разъ.

О томъ, какъ велика была прибыль отъ монетныхъ операцій 1698—1711 г., господствуютъ очень преувеличенныя представленія; главнымъ образомъ эти представленія распространяли иностранцы, служившіе Петру, несомнѣнно пострадавшіе отъ Петровскихъ монетныхъ операцій и поэтому распространявшіе объ нихъ всякія небылицы, между прочимъ, и ту, что прибыль казны тогда доходила чуть-ли не до 100% [1]). Мы теперь въ состояніи имѣть объ этомъ предметѣ

1) II. II С. З. III № 1687 (мая 1699 г.) и IV № 1795 (2 іюня 1700 г.).

2) Этому съ голоса Перри вѣритъ даже Шлецеръ главнымъ образомъ потому, что ефимокъ, содержащій тѣ-же 6$^{2}/_{3}$ золотниковъ серебра, какъ и Петровскій рубль

правильныя представленія, благодаря новымъ свѣдѣніямъ, которыя П. Н. Милюковъ нашелъ въ Государственномъ Архивѣ и напечаталъ въ своемъ трудѣ „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII в.“ Къ сожалѣнію, эти свѣдѣнія не охватываютъ всего $12^1/_2$ лѣтняго періода, о которомъ выше приведенны данныя Нартова, а только время съ 1701 до 1709 г. Соединяя вмѣстѣ монетные передѣлы Большой Казны и Приказа военнаго и морского, П. Н. Милюковъ получаетъ слѣдующія суммы чеканокъ и прибыль отъ нихъ [1]).

	Чеканки:	Прибыль:
въ 1701 году	2.559.885 руб.	791.729 руб.
» 1702 »	4 986.348 »	1.296.978 »
» 1703 »	2.627.022 »	738.647 »
» 1704 »	1.443.373 »	396.801 »
» 1705 »	861.244 »	312.807 »
» 1706 »	765.712 »	228.684 »
» 1707 »	580.000 »	161.320 »
» 1708 »	675.631 »	158 589 »
» 1709 »	1.323.103 »	353.967 »
	15.822.318 руб.	4 439.522 руб.

Прибыль составляетъ лишь 28% суммы чеканокъ: она оказывается въ 4 раза меньше, чѣмъ ее считали. Очень любопытныя данныя, приводимыя П. Н. Милюковымъ, о томъ, сколько было въ 1701—9 гг. перечеканено „старыхъ денегъ“. За всѣ 9 лѣтъ ихъ сплавлено только на 6.342.680 рублей и изъ нихъ начеканено на 9.076.117 рублей или лишь 57% суммы всѣхъ новыхъ монетъ за то-же время. Это намъ объясняетъ, почему самъ Петръ и его преемники до Екатерины II такъ усиленно хлопотали объ привлеченіи въ казну „старыхъ денегъ“ (времени до 1698 г.): народъ не удовлетворялся „наддачею“ или лажемъ въ 10—15%, который на нихъ платила казна до 1711 г.

при взиманіи таможенныхъ пошлинъ, зачитывался за полтинникъ. Но Шлецеръ упускалъ изъ виду, что сами таможенныя пошлины тогда засчитывались только за $4^1/_2$% для того, чтобы можно было принимать ефимокъ за полтину; достаточно ихъ считать въ 9% (что тоже очень мало) и тогда ефимокъ по цѣнѣ уравнивается съ рублемъ и вся „прибыль“ на ефимкахъ улетучивается; конечно, реальная прибыль не отъ такихъ зачетовъ зависитъ. Какъ хитроумно тогда вычислялась таможенная пошлина, уплачивавшаяся ефимками, объ этомъ интересныя свѣдѣнія сообщаетъ Marperger's Moskowitischer Kaufmann Luebek 1705, ss, 118—119.

1) П. Н. Милюковъ Гос. хоз. стр. 203. Любопытно, что если изъ итога чеканокъ показываемыхъ Нартовымъ, исключить суммы за тѣ годы, о которыхъ П. Н. Милюковъ не даетъ свѣдѣній, то итогъ Нартовскихъ суммъ чеканокъ 1701—9 гг. составляетъ 15.013.592, то-есть меньше итога суммъ П. Н. Милюкова, можетъ быть потому что Нартовскія суммы касаются только серебряныхъ чеканокъ, оставляя въ сторонѣ золотыя и мѣдныя.

Приведенныя выше данныя показываютъ, что уже съ 1707 г. монетная операція Петра стала сильно ослабѣвать, а нужда въ деньгахъ не только не ослабѣвала, но сильно возрастала. Въ 1711 г. Петръ объяснялъ Сенату, что „денги суть артерія войны“ [1]) и уже задумывалъ планъ новой монетной операціи. Прямо опять уменьшить вѣсъ только что перечеканенной старой монеты и снова ее перечеканить, Петръ не рѣшался. Опытъ однако показалъ, что рядомъ, со „старыми денгами“ въ монетной операціи очень большую роль, лишь немногимъ меньшую, чѣмъ роль старыхъ денегъ, играетъ новое серебро, купленное и серебро (ефимки), поступавшее въ таможенныя пошлины или въ уплату за проданные казенные товары. Поэтому Петръ задумалъ *увеличить прибыль по монетной операціи отъ будущихъ чеканокъ* (независимо отъ перечеканки старой монеты). Для этого лигатурный вѣсъ монеты оставленъ прежній: изъ фунта лигатурнаго серебра по прежнему предполагалось продолжать чеканить монету на 14 рублей 40 копѣекъ. Но въ 96 золотникахъ лигатурнаго фунта серебра число золотниковъ чистаго серебра предполагалось уменьшить. Прежде (до 1613 г.) въ 96 золотникахъ лигатурнаго фунта приходилось чистаго серебра 88, до 90 и даже 92 золотниковъ. Но въ XVII в. это количество сильно уменьшилось и въ концѣ XVII в. оно уже не превышало 84 золотника (нѣкоторые говорятъ, даже лишь 82 золотника). Иностранцы, служившіе Петру и сердившіеся на него за то, что уменьшеніе вѣса монеты сократило ихъ содержаніе, клеветали на Петровскую серебряную монету, которая чеканилась съ 1698 г., и увѣряли, что она не только уменьшеннаго вѣса, но и ухудшенной пробы; это никакими позднѣйшими анализами монетъ не подтверждено. Но въ 1711 г. та же горькая необходимость, которая до этого времени принуждала къ эксплуатаціи монетной регаліи только посредствомъ уменьшенія вѣса монеты, въ первый разъ принудила Петра обратиться къ мысли объ эксплуатаціи той-же регаліи посредствомъ ухудшенія качества монеты, ея пробы, то-есть, посредствомъ уменьшенія количества содержавшагося въ ней чистаго серебра. Оставляя лигатурный вѣсъ прежнимъ, Петръ очевидно задумалъ замѣнить мѣдью то количество чистаго серебра, на которое уменьшалось содержаніе его въ монетѣ.

Какъ велико было при этомъ ухудшеніе, предполагавшееся въ монетѣ, мы въ точности не знаемъ, потому что мы знаемъ въ точ-

1) Указъ 23 апрѣля П. П. С. З. III № 2351.

ности только пробу, которую Петръ чрезъ нѣсколько лѣтъ установилъ, но въ точности не знаемъ той пробы, которая предшествовала „установичной“ или установленной Петромъ. Примемъ эту прежнюю пробу за 84-ую: она тогда считалась въ Европѣ хорошею и очень была распространена (кромѣ Англіи, гдѣ со времени англо-саксовъ оставалась и остается въ силѣ 88.8-ая). При 84-ой пробѣ въ фунтѣ лигатурнаго серебра содержится 84 золотника = 8064 долей чистаго серебра. Слѣдовательно, при чеканкѣ до 1711 года 14 рублей 40 копѣекъ изъ лигатурнаго фунта серебра 84-ой пробы, рубль имѣлъ лигатурный вѣсъ $6^2/_3$ золотниковъ = 640 долей, а чистаго серебра въ немъ было $5^5/_6$ золотниковъ = 560 долей. А при предполагавшейся новой 70-ой пробѣ, въ лигатурномъ фунтѣ серебра было уже чистаго серебра лишь 70 золотниковъ = 6720 долей, или на $^1/_6$ = $16^2/_3$ % меньше. Поэтому, если изъ такого фунта лигатурнаго серебра чеканили тѣ-же 14 рублей 40 копѣекъ, то на рубль при прежнемъ лигатурномъ вѣсѣ въ $6^2/_3$ золотниковъ уже приходилось чистаго серебра лишь $4^{31}/_{36}$ золотниковъ = $466^2/_3$ долей. Рубль, задуманный около 1711 г., уже былъ лишь $^5/_6$ рубля, чеканившагося съ 1704 г.; или 5 рублей, чеканившихся съ 1704 г., равнялись 6 рублямъ новымъ; 100 рублей, чеканившихся съ 1704 г., равнялись 120 рублямъ новымъ [1]).

Въ этомъ заключался смыслъ установленія Петромъ пробы русской монеты. Проба не была новостью въ русской монетѣ; но новостью было установленіе и использованіе ея въ интересахъ казны. И въ этой новости заключался смыслъ второго періода въ исторіи того преобразованія, которому Петръ желалъ подвергнуть и потомъ подвергнулъ русскую монету.

Если считать, что 84-ая проба была присуща монетамъ всего XVII в., то рубль царевны Софьи, остававшійся въ силѣ въ 1682—97 гг., содержалъ чистаго серебра $8^1/_3$ золотниковъ = 800 долей, а Петровскій рубль 84-й пробы составлялъ $^7/_{12}$ этого рубля. Рубль Алексѣя Михаиловича и Михаила Ѳеодоровича (по 8 рублей 64 коп. на лигатурный фунтъ) содержалъ чистаго серебра $9^{13}/_{18}$ золотниковъ = $933^1/_3$ долей. Петровскій рубль, содержавшій чистаго серебра: съ 1704 года $5^5/_6$ золотниковъ, а при 70-ой пробѣ при уже лишь $4^{31}/_{36}$ золотниковъ, составлялъ при 70-й пробѣ $^7/_{10}$ рубля Софьи, а сравнительно съ рублемъ Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича Петровскій

---

1) Отсюда толки Шлёцера о старомъ и новомъ рублѣ Петра Великаго, хотя ему не удалось разобраться, въ чемъ собственно было различіе между ними.

рубль 1704 г. составлялъ лишь $\frac{21}{35}$ его, при 70-й же пробѣ онъ составлялъ уже ровно половину этого рубля. Въ XVI ст., судя по анализу монетъ этого вѣка, пробу ихъ можно считать 88-ою; поэтому рубль Ивана Грознаго, имѣвшій лигатурный вѣсъ 16 золотниковъ, содержалъ чистаго серебра $14^{2}/_{3}$ золотниковъ, а рубль Ивана III при лигатурномъ вѣсѣ въ $18^{6}/_{13}$ золотниковъ содержалъ чистаго серебра $16^{12}/_{13}$ золотниковъ. Сравнительно съ ними, по содержанію чистаго серебра рубль Петра составлялъ: съ 1704 года $^{2}/_{5}$ рубля Ивана IV и $^{1}/_{3}$ рубля Ивана III, а при 70-й пробѣ $^{1}/_{3}$ рубля Ивана IV и немного больше $^{1}/_{4}$ ($28.{}_{7}\%$) рубля Ивана III.

Для того, чтобы правильно разсудить, насколько велико было фискальное значеніе установленія пробы серебряной монеты въ 1711 году, очень важное значеніе имѣетъ правильное представленіе о томъ, какъ велики были выгоды казны отъ чеканки серебряной монеты въ томъ-же 1711 году до установленія пробы. Для этого необходимо знать, по какимъ цѣнамъ казна тогда покупала серебро. Данныя объ этомъ сообщаетъ указъ 12 мая 1711 г. Серебро „плавленое, самое доброе по 13 рублей, ефимки и старыя денги по 12 рублей, левковое серебро по 8 рублей по 16 алтынъ по 4 денги (8 руб. 50 коп. за фунтъ), а которое серебро ниже ефимка и выше левка 5 золотниками по 10 рублей“ [1]). Ограничимся только разсмотрѣніемъ цѣны чистаго серебра по 13 рублей за фунтъ и цѣны ефимковъ и „старыхъ денегъ“ (чеканенныхъ до 1698 г.) по 12 рублей за фунтъ. Приведенныя цѣны показываютъ, что въ 1711 г. подъ вліяніемъ Петровскихъ монетныхъ преобразованій цѣна серебра сильно возвысилась и казна покупала серебро довольно дорого.

Если казна за чистое серебро въ слиткахъ платила 13 рублей за фунтъ, то серебро 84-й пробы, изъ которой она чеканила монету, ей обходилось въ $^{84}/_{96} \times 13 = 11$ рублей $37^{1}/_{2}$ копѣекъ; а такъ какъ она чеканила изъ фунта 84-й пробы 14 рублей 40 копѣекъ, то на расходы чеканки и на прибыль у нея оставалось $14.40 - 11.375 = 3$ рубля $2^{1}/_{2}$ копѣйки или $26^{1}/_{2}\%$ на израсходованныя 11 руб. $37^{1}/_{2}$ копѣекъ.

Если, далѣе, казна платила 12 рублей за фунтъ серебра въ ефимкахъ, которыхъ она считала 14 на фунтъ, то значитъ ефимокъ при покупкѣ его по вольной цѣнѣ обходился казнѣ въ $85^{5}/_{7}$ копѣекъ, а совсѣмъ не въ 50 копѣекъ, какъ считали въ таможняхъ; даже если принять во вниманіе, что фактически на фунтъ выходило 14.4 ефим-

1) П. П. С. З. IV № 2371.

ковъ, то казнѣ ефимокъ обходился при его покупкѣ въ $83^1/_3$ копѣекъ; а такъ какъ ефимокъ перечеканивался въ рубль, то на расходы и на прибыль казнѣ оставалось въ этомъ случаѣ уже лишь $16^2/_3$ копѣйки или $20^0/_0$ на израсходованныя $83^1/_2$ копѣйки.

Но особенно любопытна цѣна 12 рублей за фунтъ серебра въ старыхъ денгахъ. По указу 18 мая 1701 г. „наддача“ къ нарицательной цѣнѣ старыхъ денегъ была „по гривнѣ на рубль“. Слѣдовательно, за 6 рублей денгами Ивана Грознаго или Бориса Годунова, чеканившихъ по 6 рублей изъ фунта серебра 88-й пробы, уплачивали съ 1701 г. денгами 1698 года 6 рублей 60 копѣекъ; а по указу 12 іюня 1711 г. за тотъ-же фунтъ серебра въ старыхъ денгахъ Ивана Грознаго и Бориса Годунова уплачивали уже 12 рублей. Слѣдовательно, „наддача“ составляла не гривну, а цѣлый рубль, на рубль; за 6 рублей Грознаго или Годунова уплачивали 12 рублей Петра Великаго 84-й пробы; вмѣсто $10^0/_0$ лажъ былъ $100^0/_0$. На это вліяла проба лишь въ пропорціи 88 : 84 или 22 : 21, а главнымъ образомъ вліяла перемѣна въ монетной стопѣ. Грозный и Годуновъ изъ фунта серебра 88-й пробы чеканили 6 рублей, а Петръ изъ фунта серебра 84-й пробы чеканилъ 14 рублей 40 копѣекъ. Уплачивая маловѣсными денгами за денги крупнаго вѣса, Петръ конечно долженъ былъ согласиться на большую наддачу. И Петръ на это не могъ скупиться. По внутренней цѣнѣ фунтъ монетъ Грознаго или Годунова въ денгахъ Петра стоилъ въ сложной пропорціи перемѣнъ въ пробѣ и монетной стопѣ: перемѣна въ пробѣ была въ пропорціи 88 : 84, то-есть, по пробѣ 84-й денегъ Грознаго выходило изъ фунта $6 \times {}^{88}/_{84} = 6^2/_7$ рубля или 6 рублей $28^4/_7$ копѣйки; перемѣна-же въ монетной стопѣ была въ пропорціи 14.4 : 6 = 2.4, то-есть, Петръ чеканилъ изъ фунта въ 2.4 раза больше рублей, чѣмъ Грозный. Слѣдовательно, чтобъ перевести фунтъ денегъ Грознаго въ фунтъ денегъ Петра, необходимо выведенные $6^2/_7$ рубля взять 2.4 раза; $6^2/_7 \times 2.4 = 15$ рублей $8^4/_7$ копѣйки выражаютъ стоимость фунта монетъ Грознаго въ Петровскихъ денгахъ, чеканившихся съ 1698 г. И также точно, когда Петръ чеканилъ по 14 рублей 40 копѣекъ изъ фунта серебра 84-й пробы, то изъ фунта серебра 88-й пробы онъ получалъ больше въ ${}^{88}/_{84}$ раза, а $14.40 \times {}^{88}/_{84} = 15$ рублей $8^4/_7$ копѣекъ. Но изъ нихъ Петръ уплачивалъ за купленныя денги Грознаго и Годунова лишь 12 рублей; остальныя 3 руб. $8^4/_7$ копѣйки, которыя недоуплачивались продавцамъ старыхъ денегъ, составляли прибыль казны. Номинальная цѣна фунта старыхъ денегъ Грознаго и Годунова была 6 рублей; цѣна,

по которой ихъ покупалъ Петръ, была 12 рублей. Потеря продавцевъ старыхъ денегъ (3 руб. $8^4/_7$ коп.) была 51.43% на 6-рублевую нарицательную стоимость старыхъ денегъ Грознаго и Годунова. А прибыль казны (тѣ-же 3 р. $8^4/_7$) составляетъ $25^5/_7$% на израсходованные для покупки старыхъ денегъ 12 рублей. Изъ этой прибыли 2 рубля 40 коп., или 20% составляетъ разность между 14 руб. 40, которыя казна чеканила изъ фунта лигатурнаго серебра 84-й пробы, и 12 рублями, которые казна израсходовала на покупку старыхъ денегъ; остальныя же $68^4/_7$ копѣйки или добавочные $5^5/_7$% на тѣ-же 12 рублей, казна имѣла отъ того, что въ этомъ случаѣ казна, въ денгахъ Грознаго и Годунова, покупала серебро 88-й пробы, изъ котораго она могла начеканить своей монеты не на 14 р. 40 к., а на 15 р. $08^4/_7$ коп., или больше на тѣ-же $68^4/_7$ копѣйки.

Конечно, на старыя денги Михаила Ѳеодоровича или Алексѣя Михаиловича, чеканившіяся по 8 руб. 64 коп. изъ фунта 84-й пробы наддача была меньше, а именно 12—8.64 = 3.35 рубля или $38^4/_5$% нарицательной цѣны монетъ этой эпохи. На монеты, которыя чеканились съ 1682 по 1698 г. по 10 рублей 8 коп. изъ фунта 84-й пробы, наддача была еще меньше или 12—10.08 = 1.92 рубля или 19% нарицательной стоимости покупаемыхъ монетъ. О невысокомъ лажѣ въ 10% или даже 15% уже не было помину. Прибыль же казны на старыхъ монетахъ XVII в. была 14.40—12 = 2 руб. 40 коп. или 20% на израсходованные 12 рублей.

Указомъ 19 іюня 1711 г. назначается новая цѣна на золото: „а золото на Москвѣ и на ярманкахъ покупать по рублю по 26 алтынъ по 4 денги и по рублю по 23 алтына по 2 денги за золотникъ“, смотря по золоту [1]) (по 1 руб. 80 коп.—1 руб. 70 коп.). Эта цѣна золота—тоже значительно повышена сравнительно съ выше приведенною рублевою цѣною червонцевъ, которыхъ идетъ 100 на 83 золотника. Считая червонцы въ 93-ю пробу, 100 ихъ содержатъ $80^{13}/_{32}$ золотниковъ чистаго золота (при лигатурномъ вѣсѣ одного червонца въ 0.88 золотн.), или одинъ золотникъ чистаго золота считается въ 1 руб. 24 к. Эта цѣна повышена до 1 руб. 80—1 руб. 70 коп., если относить эти цѣны къ чистому золоту. Но и въ такомъ случаѣ эта цѣна совсѣмъ не высокая. Ибо при цѣнѣ 1 руб. 75 коп. за золотникъ чистаго золота и при

1) Тамъ же № 2378. Любопытно, что въ этомъ, какъ и въ предшествующемъ указѣ, счетъ все еще идетъ на мечевую денгу, а объ счетѣ на копѣйку еще нѣтъ и помину.

цѣнѣ 13 рублей за фунтъ чистаго серебра, слѣдовательно за золотникъ чистаго серебра $13^{13}/_{24}$ копѣекъ, золото дороже серебра въ 12.92 раза, тогда какъ въ западной Европѣ тогда считали золото въ $15^{1}/_{5}$ раза дороже серебра [1]). Золото слишкомъ низко цѣнилось въ Россіи и поэтому еще не могло въ ней обращаться въ видѣ монеты.

Серебро было еще очень дорого въ Россіи: это было препятствіемъ къ тому, чтобъ и золото въ ней могло цѣниться достаточно высоко. И это же препятствовало высокой доходности монетной регаліи. Естественно, что мысль о пробѣ, какъ о способѣ поднять эту доходность сильно занимала Петра.

Какъ нерѣшительно, однако, Петръ дѣйствовалъ въ дѣлѣ установленія пробы серебряной монеты видно изъ весьма продолжительнаго періода времени, на который затянулось это дѣло. Въ 1711 г. указъ 11 мая опредѣляетъ: „на денежномъ и монетномъ дворахъ мелкихъ серебряныхъ денегъ, которыя нынѣ дѣлаются, впредь не дѣлать; а дѣлать вмѣсто тѣхъ мелкихъ денегъ монеты: рублевики, полтинники, полуполтинники, гривенники, *пятикопѣшники*, алтынники и вѣсомъ тѣмъ же, какія дѣлаютъ нынѣ. А которыя мелкія деньги до сего указа сдѣланы и тѣмъ быть и ходить свободно“ [2]). Очень трудно изъ этого указа разобрать, чеканка какихъ мелкихъ денегъ временно пріостанавливается, такъ какъ имъ предписывается продолженіе чеканокъ по прежнему, слѣдовательно, безъ пробы, серебряныхъ монетъ не только крупныхъ достоинствъ (рублевиковъ и полтинниковъ) но и мелкихъ новыхъ достоинствъ: гривенниковъ, пятикопѣшниковъ и даже алтынниковъ. И едва ли дѣло подвигается ближе къ цѣли указомъ 16 августа 1711 г.: „дѣлать мелкія денги по прежнему, изъ золотника по пяти алтынъ и пробою противъ левка“ [3]). Это первое упоминаніе о пробѣ; но оно относится только къ мелкимъ деньгамъ, а какія деньги считаются мелкими, (только-ли старыя), не объяснено.

Очевидно, что примѣненіе пробы только къ мелкимъ деньгамъ, если къ нимъ согласно съ указомъ 11 мая 1711 г. не относить гривенниковъ, пятикопѣчниковъ и алтынниковъ, очень ограниченное. И сама

---

1) Soetbeer Edelmetallproduction p. 129 Въ указѣ 21 іюня 1711 г. (№ 2883) цѣна 1 р. 80 к. подтверждена за золотникъ „добраго“ золота китайскаго. Новое подтвержденіе этихъ цѣнъ въ указѣ 3 іюля 1711 г. (№ 2393), при чемъ указана и цѣна „мѣди дощатой“ въ 6 рублей съ полтиною, каковая цѣна совпадаетъ съ цѣною, которую показываетъ и Marperger, Der moskowitische Kaufmann, Lübeck 1705.

2) Тамъ же, № 2359.

3) Тамъ же № 2416.

проба указана ссылкою на пробу левка, который считался 62-ою [1]). Но 62-ая проба совсѣмъ не дѣлаетъ монету низкопробною: при ней въ монетѣ содержится чистаго серебра почти на $^2/_3$ ея вѣса. Но всего замѣчательнѣе, что чрезъ два мѣсяца по установленію 62-ой пробы, она уже не удовлетворяла Петра. Указомъ 16 октября 1711 г. она была отмѣнена и вмѣсто нея назначена 70-я. Новый этотъ указъ опредѣляетъ: „*мелкія* серебряныя денги... дѣлать до указа, приводя пробою, чтобы въ тѣхъ денгахъ было чистаго серебра въ фунтѣ 70 золотниковъ“ [1]). Опять въ указѣ идетъ рѣчь *только* о мелкихъ, неизвѣстно какихъ именно, денгахъ. О рубляхъ, полтинникахъ и полуполтинникахъ со всѣмъ еще не упоминается въ 1711 г., когда рѣчь идетъ о пробѣ.

Такимъ образомъ Петръ очень нерѣшительно подходилъ въ новому сильному измѣненію, которымъ несомнѣнно было бы установленіе 70-й пробы для крупной серебряной монеты, имъ же учрежденной еще незадолго предъ тѣмъ. Это опять показываетъ, что Петръ совсѣмъ не былъ такимъ охотникомъ до поспѣшныхъ насильственныхъ ломокъ существующаго; у него была смѣлость и на такія ломки, но онъ обращался къ нимъ совсѣмъ не поспѣшно, а, напротивъ, очень осторожно и медленно: по крайней мѣрѣ въ монетномъ дѣлѣ это очень явственно видно, какъ на періодѣ до 1711 г., такъ и на періодѣ съ 1711 по 1718 г. Въ лицѣ Петра Россія „просвѣщалась“ въ монетномъ дѣлѣ, то-есть начинала сознательно разбираться въ такихъ подробностяхъ монетнаго дѣла, которыхъ прежде и не подозрѣвали, хотя въ теченіи всего XVII ст. съ ними приходили уже даже въ близкое соприкосновеніе. Къ числу этихъ подробностей принадлежало, напримѣръ, очень важное различіе между двумя видами финансовой эксплоатаціи монетной регаліи, какъ рессурсомъ экстраординарнымъ и какъ рессурсомъ ординарнымъ. Въ качествѣ экстраординарнаго рессурса монетная регалія можетъ служить лишь отъ времени до времени, чрезъ болѣе или менѣе продолжительные промежутки, когда измѣняется монетная стопа (лигатурный или валовой вѣсъ монеты), или когда измѣняется содержаніе (вѣсъ) чистаго серебра въ монетѣ,

---

1) „Левковое“ серебро, какъ низкопробное, упоминается уже въ указѣ 13 февраля 1700 г. о торговлѣ вещами изъ серебра. Въ указѣ 11 декабря 1711 г. (№ 2460) повторены слѣдующія опредѣленія о пробѣ: „серебру учинить 3 пробы: первую, плавленному чистому серебру, въ которой бы ни мало примѣсу не было; вторую противъ ефимка, въ которомъ бы было чистаго серебра 82 золотника; третья, левковому, чтобъ было чистого же серебра по 62 золотника въ фунтѣ.

1) П. П. С. З. IV, № 2444.

ея проба: когда для этой перемѣны должна быть подвергнута перечеканкѣ вся обращающаяся въ странѣ старая монета и успѣхъ операціи зависитъ отъ того, насколько успѣшно идетъ эта перечеканка, а не только отъ того, какъ идетъ чеканка по новой стопѣ или по новой пробѣ монеты изъ новаго серебра, прежде не состоявшаго въ обращеніи въ видѣ монеты. Совсѣмъ иное дѣло монетная регалія въ качествѣ ординарнаго финансоваго рессурса, которымъ она можетъ служить изъ года въ годъ въ зависимости отъ того, болѣе-ли менѣе значительны суммы, на которыя ежегодно чеканится новая монета изъ новаго серебра, покупаемаго или (какъ было въ Россіи въ XVII и XVIII, отчасти даже въ XIX ст.) поступающаго въ казну, какъ таможенныя пошлины или отъ продажи предметовъ казенныхъ монополій. Въ качествѣ ординарнаго источника ежегоднаго дохода монетная регалія болѣе или менѣе производительна въ зависимости отъ цѣны золота и серебра и въ зависимости отъ пробы, опредѣляющихъ норму прибыли казны отъ чеканки монеты [1]).

Опыта, который выяснялъ бы разнообразныя подробности много-

---

1) Пусть, напримѣръ, монетная стопа выражается въ чеканкѣ изъ фунта серебра 14 рублей 40 копѣекъ, какъ было при Петрѣ. Очевидно, что для того, чтобы отъ чеканки монеты казна получала прибыль, необходимы два условія: чтобы цѣна фунта чистаго серебра не была больше 14 рублей 40 копѣекъ и чтобы монета не чеканилась изъ чистаго серебра. Если для упрощенія оставить въ сторонѣ расходы чеканки и взять крайній случай, что и стоимость фунта чистаго серебра тоже 14 рублей 40 коп., то очевидно, что отъ чеканки монеты можетъ быть прибыль казнѣ лишь тогда, когда на чеканку фунта серебряной монеты расходуется меньше фунта чистаго серебра, напр. не всѣ 96 золотниковъ фунта, а лишь 95 золотниковъ; тогда остающій 1 золотникъ чистаго серебра отъ каждаго купленнаго фунта серебра составляетъ прибыль казны, а нормою прибыли будетъ отношеніе этого остатка къ расходуемымъ 95 золотникамъ, а это же отношеніе опредѣляетъ и пробу. Возьмемъ другой случай, болѣе близкій къ тому положенію, въ которомъ находилась чеканка монеты въ 1711 году. Монетная стопа $= 14^{2}/_{5}$ рублей, а цѣна фунта чистаго серебра $=$ 13 рублей. Очевидно, что при этомъ казна могла имѣть прибыль въ $14^{2}/_{5} - 13 = 1^{3}/_{5}$ рубля или $12^{4}/_{13}\%$ на израсходованные 13 рублей, даже еслибъ она чеканила рубли изъ чистаго серебра. Но казна не желала довольствоваться нормою прибыли въ $12^{4}/_{13}\%$. Положимъ, что она хотѣла получить 50% на свою затрату на серебро для чеканки фунта монеты на 14 рублей 40 копѣекъ. Этому требованію должна соотвѣтствовать цѣна серебра, которая опредѣляется изъ равенства $14._{40} - X = {}^{1}/_{2}\,X$, откуда $X = 9^{3}/_{5}$ рублей, или иначе: требовалось, чтобы на чеканку фунта монеты на 14 рублей 40 копѣекъ было израсходовано чистаго серебра лишь такое число золотниковъ, которое стоитъ $9^{3}/_{5}$ рублей или 9 рублей 60 коп., потому что при этомъ условіи прибыль составляетъ $14._{40} - 9._{60} = 4._{80}$ или 4 рубля 80 копѣекъ, составляющіе 50% на затраченные для фунта монеты 9 рублей 60 копѣекъ. Но тогда отношеніемъ 9 рублей 60 копѣекъ (или цѣны чистаго серебра, затрачиваемаго на фунтъ монеты въ 14 рублей 40 копѣекъ) къ 13 рублямъ (или цѣлому фунту чистаго серебра въ 96 золотниковъ) опредѣляется проба монеты, которой чеканка даетъ казнѣ 50% прибыли. Отношеніе это $9^{3}/_{5} : 13 = 70^{58}/_{65} : 96$. Слѣдовательно, такая монета должна быть 70-й (съ дробью) пробы.

численныхъ вопросовъ, вызываемыхъ новою сложною денежною системою, созданною Петромъ Великимъ, въ его распоряженіи еще не было. Поэтому естественно, что онъ медлилъ. Даже на установленіе различія между высокопробною и низкопробною (размѣнною) серебряною монетою онъ въ 1711 г. рѣшился замѣчательно осторожно, оставшись при прежней („неустановичной") пробѣ для новыхъ серебряныхъ монетъ крупныхъ и мелкихъ достоинствъ и допустивъ для старыхъ серебряныхъ монетъ 70-ую пробу, т. е., такую высокую пробу, при которой мелкія монеты совсѣмъ не были низкопробными.

Въ такомъ положеніи прошло все семилѣтіе съ 1711 по 1718 г. Чеканка серебряной монеты очень сильно замедлилась. Такъ, рубли чеканились только въ 1712 и 1714 г.г., а въ 1711, 1713 и 1715—17 г.г. не чеканились. Полтины чеканились только въ 1712 г.; полуполтины только въ 1713 г.; гривенники, пятикопѣечники — только въ 1713 и 1714 г.г.; алтыны только въ 1711—14 г.г. [1]). Поэтому суммы, на которыя простиралась чеканка серебряной монеты, еще сильнѣе уменьшились, чѣмъ даже въ 1705—11 годахъ, когда она въ $2^1/_3$ раза была меньше, чѣмъ въ предшедшіе 6 лѣтъ съ 1699 до 1704 г. Какъ выше показано, въ эти 6 лѣтъ чеканка простиралась на сумму 13.799.400 р. или ежегодно по 2.300.000 рублей; въ слѣдующія $6^1/_2$ лѣтъ съ 1705 г. до августа 1711 г. она простиралась на 5.935.390 рублей или ежегодно лишь по 913.000 рублей. Наконецъ въ $6^1/_2$ лѣтъ съ августа 1711 г. до конца 1717 г. она не превышала 3.578.548 рублей или ежегодно уже лишь по 550.546 рублей.

Въ 1718 г., видимо, обстоятельства уже не допускали нерѣшительности. Нартовъ утверждаетъ, что монеты 70-й пробы чеканились уже въ 1711, 1715 и 1717 г.г., а также что въ 1713 г. дѣланы пятикопѣечники, алтынники и круглыя копѣйки изъ серебра 38-й пробы по $7^5/_{96}$ копѣйки изъ золотника, но ихъ сдѣлано въ 1713 г. лишь на 342 руб. 51 коп., а въ 1714 г. уже на 87.750 руб. 71 коп. Незначительность этой суммы только подтверждаетъ, что очень явно выступать съ 38-ю пробою еще не рѣшались. Вѣроятно и показаніе о чеканкѣ монетъ 70-й пробы въ 1711, 1715 и 1717 г.г. относится только къ старымъ достоинствамъ монетъ и основывается на указѣ 26 октября 1711 г. Совсѣмъ иной духъ обнаруживается въ лаконическомъ указѣ 14 февраля 1718 г. „Рублевики, полтинники и гривенники дѣлать изъ серебра противъ 70-й пробы; алтынники и копѣйки дѣлать

1) По Х. Х. Гилю.

съ мѣдью противъ 38-й пробы, а двухрублевики дѣлать изъ золота противъ 75 пробы и чтобы не было въ серебряныхъ деньгахъ серебра вышеписанной пробы выше или ниже у фунта одного золотника, а въ золотой матеріи противъ пробы у фунта же ниже или выше полузолотника подопасеніемъ за то казни, и велѣть мастеровымъ людямъ во всемъ въ той работѣ быть послушными“ [1]). Повидимому этому указу предшествовало однородное устное приказаніе, о которомъ упоминаетъ и предшествовавшій приведенному указу 14 февраля 1718 г. другой указъ 24 генваря 1718 г.: „мелкихъ денегъ не чеканить, а дѣлать тисненныя, а именно: копѣйки и алтынники противъ пробы съ мѣдью, какъ состоялся указъ въ Петербургѣ и здѣсь подтвержденъ въ бытіе наше на денежномъ дворѣ, а гривенники, полтинники и рублевики дѣлать изъ чистаго серебра противъ пробы“. Эти указы дополняются еще указомъ 9 апрѣля 1719 г.: „Великій государь указалъ публиковать въ народъ, дабы нового россейскаго дѣла тисненные золотые и серебряныя рублевики, полтиники и другія мелкія монеты, которыя велѣно чеканить по указу, состоявшемуся въ 1718 г. февраля въ 7 числѣ, въ народѣ ходили по назначенныхъ на онымъ подписямъ *обыкновенными деньгами* безъ всякаго спору“ [1]).

Въ первый разъ въ 1719 г. появляется у насъ опредѣленіе закона, что такое въ Россіи деньги, „обыкновенныя деньги“. Это, во-первыхъ, не только серебряныя, но и золотыя; мѣдныя пропущены, но ихъ должно подразумѣвать, потому что въ указахъ 1718 г. придется констатировать и другіе существенные признаки, которыхъ нельзя не подразумѣвать. Такъ, совсѣмъ не упоминается монетная стопа, по которой чеканится серебряная и золотая монета: сколько той и другой монеты чеканится изъ лигатурнаго фунта серебра и золота указанныхъ пробъ. Очевидно, подразумѣвать нужно, что для серебряной монеты сохранило силу опредѣленіе о ея чеканкѣ по 15 копѣекъ изъ лигатурнаго золотника, или $15 \times 96 = 14$ рублей 40 копѣекъ изъ фунта лигатурнаго серебра; для золотой монеты подразумѣвается то число (100) новыхъ золотыхъ монетъ, которое на монетномъ дворѣ чеканится изъ лигатурнаго фунта золота, и которое подтверждается позднѣйшими указами. И также точно во всѣхъ другихъ случаяхъ пропусковъ: умолчаніе указа не означаетъ отмѣны.

Итакъ, съ 1718 г. мы имѣемъ, если не биметаллизмъ, то па-

---

1) П. П. С. З. V № 3164
2) П. С. З. V №№ 3148, 3164 и 3347.

раллельную систему обращенія золотой и серебряной монеты. Но это сдѣлано еще весьма неумѣло. Новые золотые двухрублевики чеканились въ числѣ 100 штукъ изъ фунта лигатурнаго золота 75-й пробы, или 100 штукъ изъ 75 золотниковъ чистаго золота, слѣдовательно, въ каждомъ золотомъ двухрублевикѣ содержалось чистаго золота $^3/_4$ золотника, а въ немъ каждый изъ его двухъ золотыхъ рублей представлялъ по $^3/_8$ золотника чистаго золота. А въ Петровскомъ серебряномъ рублѣ 70-й пробы, какъ мы выше выяснили, содержалось чистаго серебра $4^{31}/_{36}$ золотника. Слѣдовательно, отношеніе золотого рубля къ серебряному рублю было, какъ $^3/_8 : 4^{31}/_{36} = 1:12^{26}/_{27}$ или почти 1: 13. Золото цѣнилось Петромъ слишкомъ дешево, гораздо дешевле, чѣмъ тогда оно цѣнилось въ Лондонѣ и въ Гамбургѣ, гдѣ за золото платили болѣе дорогую цѣну [1]); естественно, что въ такомъ случаѣ ему предстояло въ будущемъ только на бумагѣ быть русскою монетою. Мы увидимъ, что такъ оно и было.

Петровскіе указы 1718 г. содержатъ и другія любопытныя особенности. Для крупной серебряной монеты окончательно принята 70-ая проба; но съ одной стороны, изъ числа крупныхъ серебряныхъ монетъ исключенъ полуполтинникъ; а съ другой стороны въ обоихъ указахъ 1718 г., отъ 24 января и 14 февраля, повторяется, что изъ серебра 70-й пробы чеканятся и гривенники. Петръ пожелалъ дать народу мелкую монету полнопробную, не отличающуюся по пробѣ отъ рублевой и полтиничной монеты. И вообще Петръ какъ будто стѣсняется, когда идетъ рѣчь о новой постановкѣ монетныхъ достоинствъ, предназначенныхъ для народа. Совсѣмъ упразднить серебряныя копѣйки и серебряные алтыны Петръ какъ будто не рѣшается и, оставляя ихъ, даетъ имъ 38-ю пробу. А между тѣмъ на дѣлѣ, фактически, какъ разъ съ 1718 г. совсѣмъ прекращается чеканка копѣекъ и алтыновъ, какъ серебряной монеты какой бы то ни было пробы. Чеканятся уже съ 1718 г. одни только мѣдные алтыны и копѣйки, также какъ денежки, полушки и полуполушки.

Этимъ въ 1718 г. прекращаетъ свое существованіе старинная русская денежная система, насколько она выражалась въ мелкихъ серебряныхъ монетахъ. Какъ выше объяснено, при чеканкѣ изъ фунта серебра 70-й пробы 14 рублей 40 копѣекъ, рубль содержалъ чистаго серебра $4^{31}/_{36}$ золотника $= 466^2/_3$ долей. Слѣдовательно, копѣйка, какъ

---

1) Отношеніе въ 1711—20 г г. было въ среднемъ 1: 15.$_1$. Soetbeer Edelmetallproduction, S. 129.

сотая часть этого рубля, представляла уже лишь $^{7}/_{144}$ золотника $= 4^{2}/_{3}$ доли чистаго серебра. При чеканкѣ изъ фунта серебра 38-й пробы мелкой серебряной монеты на 14 рублей 40 копѣекъ, мелкая монета на одинъ рубль представляла уже лишь $2^{23}/_{36}$ золотника $= 253^{1}/_{3}$ доли; и каждая копейка въ мелкой монетѣ представляла $^{19}/_{720}$ золотника $= 2^{8}/_{15}$ доли чистаго серебра. [1]) Конечно, о чеканкѣ подобной серебряной монеты, даже низкопробной, не могло быть рѣчи: она и задумана была съ лигатурнымъ вѣсомъ $6^{2}/_{5}$ долей, или сотой части лигатурнаго вѣса рубля (640 долей); на $6^{2}/_{5}$ долей лигатурнаго вѣса копѣйки вѣсъ содержащагося въ ней чистаго серебра $2^{8}/_{15}$ долей и составляетъ $^{38}/_{96}$. На практикѣ такая монета оказалась неосуществимою и ее совсѣмъ не чеканили. А въ этомъ и выразилось, что копѣйка, какъ серебряная монета, отжила свой вѣкъ; постепенно уменьшаясь, она, такъ сказать, вся израсходовалась и истлѣла. Продолжать свое существованіе она уже могла, лишь какъ мѣдная монета.

Чеканка серебряной монеты, не очень значительная уже въ 7-лѣтіе съ 1711 по 1717 г. (всего на 3.578.548 рублей), въ слѣдующее 7-лѣтіе съ 1718 по 1724 г. простиралось до 4.892.440 руб., то есть, въ среднемъ она ежегодно достигала лишь 698.920 руб., противъ 511.220 руб. въ предшедшее 7-лѣтіе. Новые петровскіе рубли и полтинники 70-й пробы чеканились съ 1718 г. ежегодно до смерти Петра; гривенники же чеканились только четыре года въ 1718, 1719, 1720 и 1723 гг. [2]).

Какъ показываютъ приведенныя суммы чеканокъ серебряныхъ монетъ въ 1718—24 годахъ, Петръ Великій не извлекъ много фискальныхъ выгодъ отъ установленія 70-й пробы для крупной серебряной монеты. На новую перечеканку всей монеты онъ не соглашался, хотя подвергалъ большой опасности болѣе высокопробную серебряную монету, чеканенную до 1718 г., принуждая ее обращаться рядомъ съ 70-пробною. А для того, чтобы извлекать много финансовыхъ выгодъ только отъ чеканки новой серебряной монеты по 70-ой пробѣ, необходимо было имѣть очень большія оборотныя средства для очень большихъ покупокъ серебра. Средствъ же этихъ въ распоряженіи Петра не имѣлось.

Была и другая причина замедленія серебряныхъ чеканокъ, гораздо болѣе важная. Выше мы объясняли, что̀ собственно побудило

1) Даже въ наши дни наименьшая низкопробная серебряная монета, пятачекъ, содержитъ чистаго серебра $10^{1}/_{8}$ долей, а лигатурный ея вѣсъ $20^{1}/_{4}$ долей.

2) Х. Х. Гильъ признаетъ только гривенники 1718—20 гг., серебряныя копѣйки только 1713, 1714, 1718 гг.; серебряные алтыны только 1704 и 1718 г.; но онъ очень строгъ и сильно расходится съ другимъ нумизматами.

Петра Великаго къ установленію 70-й пробы: онъ желалъ получать отъ монетной регаліи бо́льшую прибыль, значительно превышавшую ту, которую онъ прежде получалъ. Говоря о „прибыли отъ монетной операціи", мы выражались языкомъ XIX и XX вв., болѣе понятнымъ современному читателю. Но въ XVIII и предшествующихъ столѣтіяхъ эта „прибыль" называлась иначе, да и была совсѣмъ иное. Мы видѣли, что когда установлялась 70-ая проба, то Петръ расчитывалъ на то, что при покупкахъ казною серебра по вольной (рыночной) цѣнѣ онъ можетъ покупать по 13 рублей за фунтъ чистаго серебра, или по $13^{13}/_{24}$ копѣекъ за золотникъ. А при монетной стопѣ въ 14 рублей 40 копѣекъ изъ фунта серебра 70-й пробы, на каждый изъ 70 золотниковъ чистаго серебра пробы приходится $14{,}40 : 70 = 20^{4}/_{7}$ копѣйки; 96 золотниковъ или фунтъ чистаго серебра въ монетѣ (монетная цѣна фунта чистаго серебра) составляетъ $20^{4}/_{7} \times 96 = 19$ рублей $74^{6}/_{7}$ копѣйки. Слѣдовательно, въ основѣ всего этого расчета лежало, что фунтъ чистаго серебра, какъ предметъ вольной продажи, имѣетъ рыночную цѣну 13 рублей; а тотъ-же фунтъ чистаго серебра въ монетѣ получаетъ монетную цѣну (mint price) 19 рублей $74^{6}/_{7}$. Разность между этими двумя цѣнами $19.{}_{74}{}^{6}/_{7} - 13 = 6.{}_{74}{}^{6}/_{7}$ мы называли прибылью, доходящею въ нашемъ примѣрѣ до $51^{86}/_{91}\,\%$ на расходуемые 13 рублей. Дѣйствительно-ли эта разность составляетъ только прибыль на затраченный капиталъ? Казна покупаетъ фунтъ или 96 золотниковъ чистаго серебра за 13 рублей; но въ каждомъ изъ этихъ 13 рублей содержится только $4^{31}/_{36}$ золотниковъ чистаго серебра [1]), а во всѣхъ 13 рубляхъ содержится чистаго серебра $13 \times 4^{31}/_{36} = 63^{7}/_{36}$ золотниковъ чистаго серебра. Казна обмѣниваетъ 96 золотниковъ чистаго серебра на $63^{7}/_{36}$ золотниковъ чистаго серебра, то есть, не додаетъ $32^{29}/_{36}$ золотниковъ чистаго серебра. На какомъ основаніи? Почему люди соглашаются отдавать большее за меньшее? Потому что они отдаютъ серебро-матерьялъ за серебро-издѣліе. Серебро въ ложкахъ дороже серебра въ кускахъ (слиткахъ) той же чистоты. А серебро въ художественномъ произведеніи Бенвенуто Челлини гораздо дороже серебра матерьяла, изъ котораго изготовлено это произведеніе. Обладатель произведенія Бенвенуто Челлини находится въ положеніи монополиста и можетъ за него требовать очень высокую цѣну. А монета

1) Изъ 70 золотниковъ чистаго серебра казна чеканитъ 14 рублей 40 копѣекъ 70-й пробы или $14^{2}/_{5}$ рублей; слѣдовательно, на каждый рубль приходится $70 : 14^{2}/_{5} = 4^{31}/_{36}$ золотниковъ чистаго серебра.

тоже производится (чеканится) государствомъ на почвѣ монополіи, на которой оно можетъ въ силу своей регаліи требовать, какую оно желаетъ, цѣну за свое произведеніе.

Когда на почвѣ монополіи предъявляется требованіе очень высокой цѣны, то всякій понимаетъ, что идетъ рѣчь не только о цѣнѣ: монопольная цѣна не можетъ быть отожествляема съ вольною цѣною. Подъ видомъ цѣны на почвѣ монополіи предъявляется требованіе, которое имѣется возможность поддержать принужденіемъ. Такое требованіе уплаты, опирающееся на возможное принужденіе, даже когда оно имѣетъ внѣшній видъ цѣны, на дѣлѣ составляетъ налогъ, какъ и принято думать въ такихъ случаяхъ. Поэтому, въ XVIII и предшествовавшихъ столѣтіяхъ не принято было говорить о „прибыли отъ монетной операціи", когда шла рѣчь о разности между монетною цѣною серебра (цѣною серебра въ монетѣ) и рыночною (вольною) цѣною серебра (въ слиткахъ). Говорили о монетной пошлинѣ (droit de la monnaie, Schlagschatz), о налогѣ на серебро, или золото, или мѣдь, изъ котораго чеканится монета.

Но для того, чтобы этотъ налогъ былъ возможенъ, а особенно для его высокой доходности необходимо одно условіе: чтобъ владѣльцы серебра-матеріяла предпочитали имѣть его въ видѣ монеты, чтобъ имъ это было настоятельно необходимо, очень настоятельно, такъ настоятельно, что они готовы уступить свое серебро - матерьялъ по самой дешевой цѣнѣ, лишь бы имѣть монету, хотя бы и по дорогой цѣнѣ. А если такой настоятельности нѣтъ? Тогда, очевидно, государство должно будетъ пойти на уступки. Его монопольное положеніе уже не полновластное. И оно можетъ оказаться даже совсѣмъ не властнымъ, когда въ странѣ достаточно начеканенной монеты, или потому что въ предшедшее время монетъ было начеканено достаточно, или потому что измѣняется взглядъ на назначеніе монетной регаліи.

Въ теченіи очень многихъ вѣковъ государства полагали, что назначеніе монетной регаліи—служить источникомъ выгодъ для фиска, для казны. Только очень немногія государства (какъ Голландія, Англія) лишь рѣдко раздѣляли этотъ взглядъ. И хотя въ XVIII в. еще почти всѣ государства его раздѣляли, но его несостоятельность уже стала теоретическою аксіомою; а въ XIX столѣтіи эта несостоятельность стала и практическою аксіомою. Монетная регалія осталась; но она для серебра и золота въ XIX ст. стала бездоходною, а для XX в. бездоходною стала регалія чеканки золотой монеты. Назначеніе

монетной регаліи измѣнилось: она служитъ уже не интересамъ фиска, а интересамъ народнаго хозяйства; она нужна для поддержанія порядка въ денежномъ отношеніи, а не для выгодъ казны.

Вотъ для этой перемѣны намѣчались основанія уже при Петрѣ Великомъ, въ послѣдніе годы его царствованія. Уже при Петрѣ Великомъ повидимому были люди, которые, если не сознавали, то предчувствовали эту перемѣну. А такъ какъ указы, по которымъ мы это узнаемъ, издавалъ Петръ, то и онъ, видимо, останавливалъ свое вниманіе и на новой сторонѣ предмета. Мы это заключаемъ изъ сенатскаго указа 29 іюля 1723 г. [1]), оглашающемъ распоряженіе, сдѣланное Петромъ 7 апрѣля 1723 г. „объ отдачѣ всѣмъ на денежные дворы, кто похочетъ, серебра и золота въ передѣлъ“, т. е. для перечеканки въ монету; при этомъ объ 13 рубляхъ за фунтъ чистаго серебра уже нѣтъ и помину. Цѣна серебра назначена новая: въ пудѣ серебра разныхъ пробъ различная, но всѣ цѣны объединяются, конечно, тѣмъ, что пудъ чистаго серебра назначенъ въ 768 рублей 8 копѣекъ; слѣдовательно, фунтъ чистаго серебра назначенъ (вмѣсто 13 рублей) въ 19 рублей $20^1/_5$ копѣйки; золотникъ чистаго серебра при этомъ выходитъ въ $20^1/_{480}$ копѣекъ. Такъ какъ монетная стопа осталась прежняя, 14 рублей 40 копѣекъ за фунтъ серебра 70-й пробы, то неизмѣнилась монетная цѣна фунта чистаго серебра 19 рублей $74^6/_7$ копѣйки. Въ такомъ случаѣ оказывается, что разность между цѣною фунта чистаго серебра въ монетѣ и вольною цѣною серебра составляетъ уже лишь $19.74^6/_7 - 19.20^1/_5 = 0.53^{23}/_{35}$, $53^{23}/_{35}$ копѣйки, или лишь 2.72% на уплачиваемые казною 19 рублей $20^1/_5$ копѣйки. За покрытіемъ расходовъ чеканки и содержанія учрежденій по монетной части едва-ли что-нибудь оставалось для казеннаго дохода отъ этихъ 2.72%.

Монетная цѣна золотника чистаго серебра составляла $20^4/_7$ копѣйки, а вольная цѣна выходила $20^1/_{20}$ копѣйки; разность составляла на золотникъ лишь $^{79}/_{140}$, немного больше полукопѣйки. Мы ниже увидимъ, что преемники Петра еще долго (до 1803 г.) не въ состояніи были удержаться на этой высотѣ. Отречься отъ фискальной эксплоатаціи серебряной чеканки они еще не могли.

Въ томъ же указѣ 29 іюля 1723 г. за фунтъ чистаго золота назначена цѣна въ 249 рублей 60 копѣекъ, слѣдовательно, за золотникъ чистаго золота 2 рубля 60 копѣекъ; а такъ какъ золотнику чистаго серебра назначена цѣна въ 20 копѣекъ, то значитъ золото

1) П. П. С. З. VII № 4278.

еще считалось лишь въ 13 разъ дороже серебра. Но въ Гамбургѣ, т.-е. центральномъ рынкѣ той эпохи, оно въ 1723 г. было въ $15^1/_5$ разъ дороже серебра. Въ Россію привозить золото было убыточно и его чеканка могла идти только очень медленно.

Такимъ образомъ, на почвѣ чеканки серебряной монеты доходъ казны отъ денежной регаліи могъ быть только скудный. Оставалось возлагать всѣ надежды на мѣдную монету.

А мѣдная монета имѣла въ системѣ Петра наименѣе опредѣленное положеніе, почти контрабандное, потому что открыто показывать, что съ нею связывали большія фискальныя требованія, Петръ не рѣшался. Мѣдная монета и осталась слабѣйшею частью монетной системы Петра Великаго.

Какъ относились къ этому предмету ближайшіе совѣтники Петра и самъ онъ въ послѣдній періодъ его жизни, объ этомъ можно судить по указу 28 февраля 1721 г., состоявшемуся въ сенатѣ на докладные пункты Бергъ-Коллегіи [1]). Бергъ-Коллегія была, между прочимъ, того мнѣнія, что „нѣсть полезно нынѣ много (мѣдныхъ) денегъ дѣлать, понеже отъ того въ государствѣ уже многія суммы обрѣтаются, и хотя кажется якобы сіе на денежномъ дворѣ великую прибыль чинитъ, однакожъ коммерціи великой ущербъ содѣлываетъ, когда пропорція мѣдной монеты противъ серебряной монеты гораздо болѣе будетъ, умалчивая, что мѣдныя деньги великими суммами тяжело возить... Полезно есть копѣйки и полушки изъ мѣди чеканить, токмо-жъ бы ихъ неизлишно, но по опредѣленной пропорціи противъ серебреныхъ дѣлать, а именно 10 часть мѣдныхъ... Не худо бы было алтынники отставить, а вмѣсто ихъ пятикопѣшники по 70 пробѣ дѣлать, ибо такіе отъ фальшивыхъ скорѣе отличить, нежели нынѣшняго дѣла, которыя по 38-й пробѣ дѣлаются“. Бергъ-Коллегія, очевидно, боялась излишества въ чеканкѣ мѣдной и низкопробной монеты. На приведенныя ея пожеланія Петръ положилъ слѣдующую резолюцію: „мѣдныхъ денегъ не дѣлать, а дѣлать только полушки и то противъ серебряныхъ десятую часть“. То-есть, искренно и прямо Петръ не пожелалъ отвѣтить на вопросъ Бергъ-Коллегіи, которая, видимо, знала, что уже задумываются мѣдные пятикопѣечники и напоминала Петру,

---

1) П. П. С. З. VI № 3748. До 1719 г. особаго учрежденія, вѣдавшаго монетную часть, не было, а она поручалась отдѣльнымъ лицамъ. (Покупки золота и серебра уже съ Алексѣя Михаиловича вѣдала Ефимочная Палата, которую съ 1711 г. смѣнила Купецкая Палата). Съ 1719 г. все дѣло (съ монетными дворами и купецкою палатою) вѣдала Камеръ-Коллегія, а съ 1720 г. Бергъ-Коллегія, а въ ней Монетная Контора.

что самъ онъ началъ чеканить пятикопѣечники въ видѣ серебряной десятиденежной монеты. Конечно, еслибъ онъ оставилъ эту монету въ ея первоначальномъ видѣ и еслибъ ей дана была 70-я проба, какъ гривенникамъ, то дано было-бы обезпеченіе противъ ея неумѣреннаго выпуска. Но связывать себя такимъ обезпеченіемъ Петръ не желалъ. Положеніе государственнаго казначейства было слишкомъ тяжелое, чтобы Петръ могъ давать обѣщанія, за исполненіе которыхъ онъ не въ состояніи былъ поручиться. А положеніе государственнаго казначейства, вѣроятно, было очень тяжелое, если приходилось издавать указъ 9 февраля 1723 г.: „давать приказнымъ людямъ и имъ подобнымъ въ жалованье вмѣсто денегъ сибирскими и прочими казенными товарами кромѣ служилыхъ людей и мастеровыхъ“ [1]). Естественно, что скоро послѣ этого изданъ былъ указъ 28 іюня 1723 г. о томъ, чтобы начеканено было мѣдныхъ пятикопѣечниковъ на 500,000 р., „а если возможно, то и больше, въ *которыхъ бы весомъ было противъ нынѣшнихъ пяти копѣекъ* вполы“, то-есть не по 20, а по 40 рублей изъ пуда. Очень скоро, однако, Петръ указомъ 20 декабря 1723 ограничилъ выпускъ этотъ, предписавъ его дѣлать только изъ наличной мѣди, „а вновь (мѣди) не покупать и не подряжать“ [2]). Этимъ выпускъ мѣдныхъ пятикопѣечниковъ 1723 г. былъ ограниченъ предѣломъ суммы 500,000 рублей, а слова перваго указа „а если возможно, то и больше“, ослаблены.

Для того, чтобъ свести всѣ Петровскія чеканки въ одинъ общій итогъ, необходимо принять во вниманіе, что Петръ Великій чеканилъ свои серебряныя монеты по тремъ различнымъ монетнымъ стопамъ. Сначала съ 1690 г. по 1698 г. онъ чеканилъ по стопѣ царевны Софьи, по 5 руб. 04 копѣйки изъ гривенки серебра „неустановичной“ пробы, которую мы считали 84-ою; по этой стопѣ въ 9 лѣтъ начеканено на 3.135.475 рублей. Потомъ, съ 1699 до 1710 г. Петръ чеканилъ по 14 рублей 40 копѣекъ изъ фунта серебра той-же „неустановичной“, или 84-й, пробы и по этой стопѣ начеканилъ въ 12 лѣтъ на 19.161.155 рублей. Съ 1711 по 1717 г. начеканено 4.240.491 рублей, но остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ въ точности, чеканили-ли въ это время по стопѣ 1699—1710 гг., или по стопѣ 1717—1724 гг. Наконецъ, съ 1718 по 1724 г. Петръ чеканилъ по 14 рублей 40 коп. изъ фунта серебра 70-ой пробы и по этой стопѣ начеканилъ 4.921.172 рубля. Та-

1) П. П. С. З. VII № 4161.
2) П. П. С. З. VII №№ 4258 и 4393.

кимъ образомъ, „рубли“ Петра Великаго были очень различные въ различныя части его продолжительнаго царствованія: сначала рубль означалъ $8^1/_3$ золотника чистаго серебра, потомъ уже только $5^5/_6$ золотниковъ чистаго серебра, потомъ онъ или оставался $5^5/_6$ золотниковъ, или измѣнился въ $4^{31}/_{36}$ золотниковъ, наконецъ о послѣднемъ періодѣ мы уже въ точности знаемъ, что тогда рубль означалъ $4^{31}/_{36}$ золотниковъ чистаго серебра. Очевидно, что это дѣлаетъ приведенныя суммы чеканокъ числами различныхъ наименованій, которыхъ нельзя складывать. Сначала ихъ нужно привести къ одному наименованію, сдѣлать однородными, выражающими *одинаковые* рубли, и только тогда изъ нихъ посредствомъ сложенія можетъ быть полученъ правильный итогъ. Для этого необходимо каждую изъ четырехъ приведенныхъ суммъ чеканокъ выразить въ количествахъ чистаго серебра, которыя уже легко выразить въ рубляхъ любой монетной стопы. Всего удобнѣе для этого взять монетную стопу 1718 г., остававшуюся въ силѣ до Екатерины II. Тогда всѣ чеканки, Петровскія и его преемниковъ до Екатерины II, выражаются въ однородныхъ числахъ. Такъ какъ для 1711—1717 гг. мы не знаемъ въ точности, производились-ли чеканки по стопѣ, дѣйствовавшей до 1711 г., или по стопѣ, дѣйствовавшей съ 1718 г., то ихъ необходимо перечислить по той и другой монетной стопѣ. Отсюда—два нижеслѣдующіе свода, въ которыхъ сгруппированы результаты нашихъ перечисленій: въ I сводѣ для 1711—17 гг. принята стопа 1699 — 1710 гг., и во II сводѣ для 1711 — 17 гг. принята стопа 1718 — 24 гг.

	Число лѣтъ.	Нарицат. суммы чеканокъ въ рубл. каждаго періода.	Монетная стопа, выраж. въ стоим. пуда чист. серебра.	Чистаго серебра.		Рублей 1718 г. по $4^{31}/_{36}$ золотниковъ чистаго серебра.	
				Пудовъ.	Гривенокъ.	Чеканки всего періода.	Среднія годовыя.
Сводъ I. Періоды.							
1690 — 1698 . . .	9	3.135.485	460$^4/_5$ р.	6.804.$_{437}$	544.355	5.375.505	597.278
1699 — 1710 . . .	12	19.161.155	658$^2/_7$ »	29.107.$_{638}$	2 328.612	22.995.060	1.916.355
1711 — 1717 . . .	7	4.240.491	658$^2/_7$ »	6.441.$_{718}$	515.337	5.088.957	722.994
1718 — 1724 . . .	7	4.921.172	790 »	6.229.$_{332}$	498.346	4.921.172	703.025
1690 — 1724 . .	*35*	—	—	*48.583.$_{145}$*	*3.886.650*	*38.380.694*	*1.096.591*
Сводъ II. Періоды.							
1690 — 1698 . . .	9	3.135.485	460$^4/_5$ р.	6.804.$_{437}$	544.355	5.375.505	597.278
1699 — 1710 . . .	12	19 161.155	658$^2/_7$ »	29.107.$_{659}$	2.328.612	22.995.060	1.916.255
1711 — 1717 . . .	7	4.240.491	790 »	5.367.$_{710}$	429 417	4.240 491	605.785
1718 — 1724 . . .	7	4 921 172	790 »	6.229.$_{332}$	498 346	4.921.172	703.025
1690 — 1724 . .	*35*	—	—	*47.509.$_{137}$*	*3.800.730*	*37.532 228*	*1.072.350*

Показанія свода I мы считаемъ болѣе вѣроятными; а по нимъ общій итогъ чеканокъ серебряной монеты при Петрѣ Великомъ въ 35 лѣтъ достигалъ 38.380.694 рублей 1718 г. (по $4^{31}/_{36}$ золотника чистаго серебра въ каждомъ). Изъ нашего свода видно, что 60% всѣхъ Петровскихъ чеканокъ серебряной монеты относятся къ 1799—1710 гг., когда среднимъ числомъ серебряныя чеканки простирались на сумму до 2 милліоновъ рублей въ годъ. Въ остальные періоды чеканка была почти втрое слабѣе.

Чеканки золотой монеты при Петрѣ Великомъ не превышали 706.236 рублей.

Наконецъ, чеканки мѣдной монеты при Петрѣ Великомъ тоже держались еще въ умѣренныхъ предѣлахъ и за все царствованіе простирались на 4.354.142 рубля.

Общій итогъ всѣхъ чеканокъ монеты, серебряной, золотой и мѣдной, при Петрѣ Великомъ достигалъ 43.441.072 рублей.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Петровскій рубль при его преемникахъ.

1726—1762.

Время ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго объединяется тѣмъ, что до Екатерины II въ существѣ сохраняется денежная система Петра. Измѣненія, которыя въ нее желаютъ внести, или не удаются, или не имѣютъ существеннаго значенія и Петровскій рубль оставляютъ неприкосновеннымъ. Но та часть денежной системы Петра, которая была слабѣйшею уже при немъ, еще болѣе ухудшается при Екатеринѣ I, при Петрѣ II и при Елисаветѣ; разстройство обращенія мѣдной монеты становится хроническимъ явленіемъ всей указанной эпохи, которая кончается тѣмъ, что изъ за этого разстройства ухудшается и серебряный рубль Петра Великаго.

Большая опасность угрожала денежной системѣ Петра отъ „новой инвенціи“ Меньшикова, которую желали осуществить указомъ 25 мая 1726 г.[1]) „Инвенція“ или изобрѣтеніе Меньшикова заключалось въ томъ, чтобы превратить всѣ (крупныя и мелкія) русскія серебряныя монеты не просто въ низкопробныя, а въ очень низкопро-

1) П. П. С. З, VII № 4890.

бныя. Такъ какъ эта затѣя не осуществилась, то на ней не стоитъ останавливаться [1]).

Болѣе серьезное значеніе для серебряной монеты имѣетъ то, что сдѣлано при Аннѣ Іоанновнѣ указами 22 января и 23 марта 1731 г. Установляя въ 1718 г. для крупной серебряной монеты 70-ую пробу, Петръ Великій уклонился отъ перечеканки крупной и мелкой серебряной монеты, которая до 1711 и до 1718 г. чеканилась по болѣе высокой пробѣ. Это было очень невыгодно для страны, потому что худшая монета вытѣсняла лучшую за границу. Повидимому, это уразумѣли при Аннѣ Іоанновнѣ и, кажется, по почину Остермана, въ видахъ объединенія обращавшейся серебряной монеты предполагалось произвести общую перечеканку этой монеты. Но такъ какъ ничего не было сдѣлано для того, чтобъ заинтересовать населеніе въ этой перечеканкѣ, то ей подверглась только старая монета, поступавшая въ казну. При этомъ содержаніе чистаго серебра въ Петровскомъ рублѣ не было измѣнено, но проба его изъ 70-й превращена въ 77-ую. Указомъ 23 марта 1731 г. повелѣно „рублевики, полтинники и гривенники дѣлать изъ пуда по 633 рубля по 60 копѣекъ, а изъ фунта по 15 рублей по 84 копѣйки въ 77-ую пробу“ [2]). Петръ Великій чеканилъ 14 рублей 40 копѣекъ изъ фунта или 96 золотниковъ лигатурнаго серебра 70-й пробы, или тѣ-же 14 рублей 40 копѣекъ чеканились изъ 70 золотниковъ чистаго серебра. Поэтому лигатурный вѣсъ его рубля былъ $96 : 14.4 = 6^{2}/_{3}$ золотника, а содержаніе чистаго серебра въ его рублѣ было $70 : 14.4 = 4^{31}/_{36}$ золотниковъ. По указу 23 марта 1731 г. изъ фунта лигатурнаго серебра 77-й пробы чеканили 15 руб. 84 коп. или тѣ-же 15 рублей 84 коп. чеканили изъ 77 золотн. чистаго серебра. Слѣдовательно, лигатурный вѣсъ рубля Анны Іоанновны былъ $96 : 15.84 = 6^{2}/_{33}$ золотника, а содержаніе чистаго серебра въ немъ какъ и при Петрѣ, осталось $77 : 15.84 = 4^{31}/_{36}$ золотниковъ. Содержаніе чистаго серебра въ рублѣ осталось прежнее, $4^{31}/_{36}$ золотниковъ, потому что рубль основывается на одной и той-же монетной цѣнѣ

---

1) Документы объ ней собраны въ изданіи Великаго Князя Георгія Михайловича Монеты Екатерины I и Петра II». Спб. 1904. См. также Сборникъ И. Рус. Историч. Общ., т. 53 (документы Верховнаго Тайнаго Совѣта). При Екатеринѣ I чеканили не только рубли, полтинники, четверти и гривенники, но серебряные алтыны и гроши (двукопѣечники). При Петрѣ II чеканили только рубли и полтины, а изъ мелкихъ серебряныхъ монетъ въ 1729 г. чеканена копѣйка. (По Х. Х. Гилли).

2) П. П. С. З. VII №№ 5667 и 5816.

золотника чистаго серебра въ $20^4/_7$ копѣекъ ($14.4 : 70 = 15.84 : 77 = 20^4/_7$) [1]), а слѣдовательно и фунта чистаго серебра ($20^4/_7 \times 96 = 19$ рублей $74^6/_7$ копѣйки). Измѣнился только валовой (лигатурный) вѣсъ рубля, уменьшившійся съ $6^2/_3$ до $6^2/_{33}$ золотниковъ, то-есть на $^1/_{11}$, отъ соразмѣрнаго уменьшенія лигатуры (мѣди) въ рублѣ.

Но перечеканка серебряной монеты 1731 г. имѣла и фискальное значеніе. Это явствуетъ изъ цѣны серебра, назначенной указомъ 23 марта: „по 18 копѣекъ чистаго золотникъ". А чеканила казна изъ золотника чистаго серебра $20^4/_7$ копѣекъ. Разность въ $20^4/_7 - 18 = 2^4/_7$ копѣйки составляетъ $14^2/_7\%$ на расходуемыя 18 копѣекъ и должна была служить для расходовъ чеканки и прибыли казны. Это не было большою прибылью, но не свидѣтельствовало также объ отреченіи отъ нея, даже когда монетная операція клонилась къ улучшенію монетной системы.

Такимъ образомъ, серебряный рубль Петра Великаго, нѣсколько обновленный, продолжалъ существовать, оставаясь съ тѣмъ-же содержаніемъ чистаго серебра, которое было установлено въ 1718 г. Въ такомъ видѣ онъ просуществовалъ царствованія Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны. Мелкія серебряныя монеты при Аннѣ Іоанновнѣ были такой-же пробы, какъ и крупныя; а при Елисаветѣ ихъ проба была въ 1741 — 6 годахъ 72-я, а съ 1746 г. опять 77-я.

Казна покупала серебро при Екатеринѣ I, Петрѣ II и Аннѣ Іоанновнѣ по 18 копѣекъ за золотникъ чистаго [2]). Но даже уже въ началѣ царствованія Анны Іоанновны было трудно получать серебро по этой цѣнѣ; указомъ 8 іюля 1741 г. цѣна была повышена до 19 копѣекъ за золотникъ чистаго серебра; но секретно уже въ 1732 г. разрѣшено было платить даже $19^1/_2$ копѣекъ [3]).

Чеканка серебряной монеты въ царствованія Екатерины I и Петра II (въ 5 лѣтъ) простиралась до 5.157.670 Петровскихъ рублей; въ царствованіе Анны Іоанновны она въ $10^2/_3$ л. составляла 20.094.975 Петровскихъ рублей; въ царствованіе императрицы Елисаветы она доходила до 32.317.799 рублей [4]).

За оба царствованія императрицъ Анны Іоанновны и Елисаветы

1) Вслѣдствіе этого-же $20^4/_7 \times 70 = 14$ руб. 40 коп., а $20^4/_7 \times 77 = 15$ руб. 84 коп.

2) П. П. С. З. №№ 4829, 5428, 5456, 5677, 5726, 6763 (7 іюля 1735 г.)

3) Тамъ-же №№ 8395, 9187, 9751.

4) По изданіямъ Вел. Кн. Георгія Михаиловича: Монеты царствованій Екатерины I и Петра II. Спб. 1904 г.; Монеты царствованія и-цы Анны Іоанновны. Спб. 1901 г.; Монеты царствов. императрицы Елисаветы. Спб. 1896 г.

Петровны мы имѣемъ уже данныя о чеканенныхъ монетахъ по ихъ достоинствамъ. Сводя ихъ въ общіе итоги, мы изъ нихъ видимъ, что въ означенные два царствованія начеканено:

рублей	44.730.215	рублей.
полтинъ	4.005.643	»
полуполтинъ	1.787.704	»
гривенниковъ	1.383.068	»
пятикопѣечниковъ	506.144	»
	52.412.774	рублей.

Въ серебряной монетѣ до-Петровской Руси не замѣтно было, кому она служитъ, состоятельнымъ или бѣднымъ: она была копѣечная, полукопѣечная и еще меньшая, и была какъ-бы прямо расчитана на населеніе, въ которомъ еще не произошло видимаго разслоенія на болѣе и менѣе состоятельныхъ. На дѣлѣ это разслоеніе, конечно, уже очень давно произошло въ до-Петровской Руси; но оно не находило себѣ видимаго выраженія въ денежной системѣ. Съ Петра Великаго это измѣняется. Серебряныя деньги становятся деньгами болѣе состоятельныхъ слоевъ населенія; для бѣдныхъ служатъ мѣдныя деньги. А болѣе состоятельнымъ нужны рубли, гораздо меньше нужны полтины и полуполтины и очень мало нужны гривенники и пятачки. Оттого 85% всѣхъ монетъ приходится на рублевики, только 11% на полтины и четвертаки и лишь 4% на гривенники и пятачки.

Къ приведеннымъ суммамъ серебряныхъ чеканокъ необходимо еще прибавить: на чеканки 1741—42 г. (Іоанна Антоновича) 1.111.387 рублей и Петра III на 643.000 рублей. Слѣдовательно, общій итогъ серебряныхъ чеканокъ отъ смерти Петра Великаго до Екатерины II достигалъ 59.324.831 Петровскихъ рублей 1718 г.

Чеканки серебряной монеты Петра Великаго за 35 лѣтъ съ 1690 до конца 1724 г. простирались на сумму 38.380.694 рублей 1718 г. а его преемниковъ до Екатерины II на 59.324.831 такихъ-же рублей; тѣ и другіе въ 70 лѣтъ на 97.605.525 Петровскихъ рублей. Сбрасывая съ нихъ 47.6 милліоновъ рублей (почти половину) на перечеканки и уплывъ заграницу, находимъ, что въ первой половинѣ XVIII в. монетный капиталъ Россіи увеличился на 50 милліоновъ тогдашнихъ рублей. По монетной цѣнѣ той эпохи (790 рублей за пудъ чистаго серебра) это составляетъ 63.300 пудовъ серебра = 2.532.000 фунтовъ = 5.064.600 гривенокъ серебра или рублей XIV столѣтія въ 70 лѣтъ. Это даетъ на средній годъ 72.350 гривенокъ серебра или рублей XIV столѣтія. Какъ ни бѣдна была древняя (допетровская) Русь, но она

за одну рублевую эпоху, съ началѣ XIV столѣтія до конца XVII столѣтія, въ теченіи 400 лѣтъ хлопотала о серебрѣ, старалась его имѣть и добивалась его. Слѣдовательно, нѣкоторый запасъ его она успѣла накопить. Какъ великъ могъ быть этотъ запасъ, унаслѣдованный отъ до-Петровской Руси? Объ этомъ мы можемъ судить только по даннымъ о первыхъ 70 годахъ Петровской Россіи. Допуская, что это накопленіе шло въ до Петровской Руси гораздо-гораздо (почти втрое) медленнѣе, чѣмъ въ Петровской, въ самомъ ея началѣ, мы принимаемъ, что въ среднемъ ежегодно монетный капиталъ могъ увеличиваться на 25.000 гривенокъ. Въ такомъ случаѣ весь запасъ серебра, который могъ накопиться въ древней Руси въ 4 столѣтія до конца XVII в., не превышалъ 10.000.000 гривенокъ или рублей XIV вѣка. Это не похоже на преувеличенную сумму, особенно если принять во вниманіе, что иностранцы, бывавшіе въ XVI и XVII вв. въ московскомъ государствѣ, не замѣчали въ немъ особенной скудости серебра. А въ деньгахъ первой половины XVIII вѣка 10.000.000 гривенокъ серебра составляли около 100.000.000 Петровскихъ рублей серебромъ. Въ эту сумму мы и принимаемъ монетный капиталъ, унаслѣдованный отъ древней Руси. Съ прибавленіемъ 50.000.000 Петровскихъ рублей, образовавшихся въ первой половинѣ XVIII вѣка, весь монетный капиталъ Россіи ко времени вступленія на престолъ Екатерины II могъ составлять по меньшей мѣрѣ 150.000.000 Петровскихъ рублей.

Мы говоримъ: по меньшей мѣрѣ, потому что наша оцѣнка унаслѣдованнаго отъ до-Петровской Руси монетнаго капитала скорѣе преуменьшена, чѣмъ преувеличена. Возможно, что сумма въ 200.000.000 Петровскихъ рублей или 20.000.000 гривенокъ серебра была-бы ближе къ истинѣ. Даже если считать, что монетный капиталъ Россіи ко времени воцаренія Екатерины II составлялъ 200.000.000 Петровскихъ рублей или 20.000.000 гривенокъ-рублей XIV вѣка (250.000 пудовъ серебра), то это очень мало сравнительно съ той огромною массою серебра, которая была привезена въ Европу изъ Америки и ею поглощена съ конца XV вѣка до половины XVIII вѣка. За 253 года съ 1493 по 1745 г. Европою поглощено 4.790.550 пудовъ серебра [1]) (383.244.000 гривенокъ); въ этой массѣ русскіе 250.000 пудовъ составляютъ 5%. Сравнительно съ другими странами Россія и при обла-

1) И. И. Кауфманъ, Свѣдѣнія о производствѣ золота и серебра на земномъ шарѣ 1493—1892. Спб. 1894 (Временникъ Центр. Статист. Комитета, 1894 г. № 23).

даніи монетнымъ капиталомъ въ 250.000 пудовъ серебра продолжала быть очень небогатою серебромъ. Отъ того серебро цѣнилось въ Россіи еще весьма дорого и это обстоятельство было сильнымъ препятствіемъ для проникновенія золота въ Россію. А золото, какъ разъ въ XVIII очень вздорожало противъ прежнихъ вѣковъ: оно уже стоило съ лишнимъ въ 15 разъ дороже серебра. Къ этому у насъ никакъ не могли приноровиться.

При Екатеринѣ I и Петрѣ II въ 1725—29 гг. непрерывно чеканились золотые (Андреевскіе) двухрублевики по 100 штукъ изъ фунта 75-й пробы, то есть, съ лигатурнымъ вѣсомъ въ $^{24}/_{25}$ золотника, на которые приходилось $^{3}/_{4}$ золотника чистаго золота; золотникъ чистаго золота въ этой монетѣ стоилъ 2 р. $66^{2}/_{3}$ копѣйки, а такъ какъ золотникъ чистаго серебра въ серебряной монетѣ стоилъ $20^{4}/_{7}$ копѣйки, то при этихъ монетныхъ цѣнахъ золота и серебра золото было дороже серебра, какъ при Петрѣ Великомъ, въ $266^{2}/_{3} : 20^{4}/_{7} = 12^{26}/_{27}$ разъ. Съ 1718 до октября 1728 г. Андреевскихъ двухрублевиковъ было начеканено лишь 334.338 монетъ на 668.676 рублей [1]). Въ 1729 г. чеканка ихъ прекратилась, потому что они были очень убыточны для казны (при 18 копѣйкахъ за золотникъ чистаго серебра, золотникъ чистаго золота стоилъ не менѣе 2 р. 70 коп.). Поэтому по воцареніи Анны Іоанновны золотая монета чеканилась только въ видѣ червонцевъ, еще не имѣвшихъ нарицательной цѣны, установленной закономъ. Чеканка эта производилась на небольшія суммы, только для нуждъ двора да и то лишь въ 1730, 1738 и 1739 гг. Но уже съ самаго начала царствованія Анны Іоанновны понято было, что золото слишкомъ дешево цѣнится въ русской монетѣ. Поэтому указомъ 23 декабря 1730 г. повелѣно „дѣлать россійскіе червонцы пробою и вѣсомъ противъ голландскихъ, какъ и наперед сего по 718 г., такожь и въ 729 г. дѣланы и тѣмъ вновь сдѣланнымъ и прежнимъ русскимъ тойже доброты и вѣсу въ народѣ ходить и въ казну принимать по 2 рубля 20 копѣекъ“ [2]). Этимъ указомъ червонцы въ первый разъ сдѣланы настоящею монетою и деньгами. Ихъ чеканили 118 штукъ изъ фунта золота 93-й пробы; поэтому ихъ лигатурный вѣсъ былъ $78^{6}/_{59}$ долей, а чистаго золота въ нихъ содержалось $75^{39}/_{59}$ долей. А такъ какъ ихъ нарицательная цѣна была 2 рубля 20 копѣекъ, то зо-

1) Велик. Кн. Георгія Михайловича, Монеты Екат. I и Петра II, докум. № 10, и монеты Анны Іоанновны, докум. № 17.

2) П. П. С. З. VIII, № 5660.

лотникъ чистаго золота въ нихъ стоилъ 2 рубля $79^{13}/_{93}$ копѣекъ, а содержаніе чистаго золота золотого рубля въ червонцѣ уменьшилось до $34^{254}/_{649}$ долей (противъ 36 долей въ рублѣ адреевскаго золотого двухрублевика). А такъ какъ золотникъ чистаго серебра въ монетѣ оставался $20^{4}/_{7}$ копѣекъ, то отношеніе цѣнъ золота и серебра въ русской монетѣ измѣнялось въ $279^{13}/_{93} : 20^{4}/_{7} = 13^{53}/_{93} : 1$; то-есть, оно возвышалось, но все еще было слишкомъ благопріятно для серебра. Это тѣмъ болѣе странно, что указъ 23 марта 1731 г., установлявшій новую 77-ую пробу для серебряной монеты, опредѣляя цѣну серебра для покупки его въ 18 копѣекъ за золотникъ чистаго, въ тоже время назначилъ для покупокъ золота цѣну въ 2 р. 52 коп. за золотникъ чистаго; а эти двѣ цѣны исходятъ изъ того, что золото дороже серебра въ $252 : 18 = 14$ разъ. Изъ одного, дошедшаго до насъ документа той эпохи ясно видно, что тогда вполнѣ понимали опасность, угрожавшую русской золотой монетѣ отъ слишкомъ низкой оцѣнки золота: что отъ этой причины „изъ Россіи золотую монету и въ досталь вывезутъ“ [1]).

При Елисаветѣ Петровнѣ тоже много интересовались болѣе правильною постановкою золотой монеты; но дѣло впередъ очень мало подвинули. Сначала, съ 1742 до 1749 г. чеканили только червонцы по 118 штукъ изъ фунта 93-й пробы стоимостью въ 2 р. 20 коп. Потомъ указомъ 7 іюля 1749 проба червонцевъ повышена въ $94^{2}/_{3}$-ью [2]); но въ 1753 г. чеканка этихъ червонцевъ совсѣмъ прекращена, а 2 мая 1794 г. ихъ нарицательная цѣна повышена до 2 рублей 30 копѣекъ [3]). Отъ этого золотой рубль въ червонцѣ представлялъ уже лишь $32^{1216}/_{1357} = 32.^{896}$ долей, то-есть, отношеніе цѣнъ золота и серебра въ русской монетѣ поднялось до $32^{1216}/_{1357} : 4^{31}/_{36} = 1 : 14.^{186}$. Тѣмъ-же указомъ 2 мая 1754 г. цѣна, по которой казна покупала золото, повышена до 2 руб. 60 коп. за золотникъ чистаго. А такъ какъ тогда казна покупала серебро по 19 копѣекъ за золотникъ чистаго, то въ этихъ цѣнахъ мы опять встрѣчаемся съ пропорціею $19 : 260 = 1 : 13^{13}/_{19}$, то-есть, особенно твердо не придерживаются взгляда, по которому признавалось необходимымъ возвысить оцѣнку золота. Это вполнѣ подтверждается указомъ 12 ноября 1755 г., установляющимъ новую

1) В. К. Георгія Михаиловича. Монеты Анны Іоанновны, докум. № (экстрактъ, приложенный къ донесенію 5 сентября 1730 г. въ Сенатъ изъ Коммиссіи по монетному дѣлу).

2) П. П. С. З. XIII, №№ 9644, 9648.

3) Тамъ-же, № 10219.

золотую монету въ видѣ имперіяловъ и полуимперіяловъ [1]). Новое названіе монеты было передѣлкою и приспособленіемъ къ русскому императорскому титулу названія золотой-же монеты, давно уже существовавшей во Франціи и въ Англіи, *роаяля и полу-роаяля*. Установленію новой золотой монеты придавалось особое значеніе. „Понеже, говорилось въ указѣ, въ нашей имперіи ходячія серебряныя и мѣдныя монеты... нынѣ благополучно въ безопасности и пользѣ нашихъ подданныхъ установлены, того ради мы наше матернее попеченіе и далѣе простирать намѣрились, дабы ходячія наши и золотыя монеты также добрымъ порядкомъ къ пользѣ коммерціи установлены были, и не токмо противъ нашихъ серебряныхъ монетъ, но и противъ чужестранныхъ такихъ-же монетъ *исправную пропорцію имѣли*". Для этого предписывалось дѣлать отнынѣ имперіялы и полуимперіялы въ 10 и 5 рублей 88-й пробы, имперіялы съ лигатурнымъ вѣсомъ въ 3 золотника 85 долей, а полуимперіялы съ лигатурнымъ вѣсомъ въ одинъ золотникъ и 90 долей; червонцамъ опять установлялась цѣна въ 2 рубля 25 копѣекъ; андреевскіе же золотые двухрублевики совсѣмъ демонетозировались („отнынѣ въ народѣ никакого хожденія не имѣть и оные въ народъ не выпускать"); но особымъ указомъ [2]) установлены новые золотые рублевики и двухрублевики, 88-й пробы, вѣсомъ рублевики 36 долей, а двухрублевики 73 доли. Особенностью этихъ монетъ является то, что онѣ не построены на одномъ и томъ-же золотомъ рублѣ. Имперіялъ имѣетъ лигатурный вѣсъ 373 доли, а чистаго золота въ немъ $341^{11}/_{12}$ долей и, слѣдовательно, въ немъ каждому рублю соотвѣтствуютъ 37.3 долей золота 88-й пробы, а чистаго золота $34^{23}/_{120}$ доли. Въ полуимперіялѣ лигатурнаго вѣса 186 долей, а чистаго золота въ немъ $170^{1}/_{2}$ долей; слѣдовательно, рублю въ немъ соотвѣтствуетъ $37^{1}/_{5}$ долей, а чистаго золота 34.1 долей. Въ золотомъ двухрублевикѣ лигатурнаго вѣса 73 доли, а чистаго золота $66^{11}/_{12}$ долей. Слѣдовательно, одному золотому рублю въ немъ соотвѣтствовало $36^{1}/_{2}$ долей золота 88-й пробы и $33^{11}/_{24}$ доли чистаго золота. Наконецъ въ золотомъ рублевикѣ лигатурный вѣсъ 36 долей, а чистаго золота въ немъ 33 доли. Но этотъ недостатокъ не очень важный. Гораздо важнѣе было то, что если считать золотой рубль по полуимперіялу, занимающему среднее положеніе между новыми золотыми монетами,

---

1) П. П. С. З. XIII, № 10483. Срв. В. К. Георгія Михаиловича. Монеты Елисаветы Петровны, документы №№ 206, 207, 208 и 209.

2) П. П. С. З. XIV, № 10576, 21 іюня 1755 г.

то въ немъ содержится 34.1 долей чистаго золота, а въ серебряномъ рублѣ того-же времени было $466^2/_3$ долей чистаго серебра, слѣдовательно, отношеніе между оцѣнкою золота и серебра въ новой золотой монетѣ было 1 : 13.685, то-есть, опять возвращалось къ отношенію при Аннѣ Іоанновнѣ.

Такъ какъ на открытомъ рынкѣ золото тогда было болѣе чѣмъ въ 15 разъ дороже серебра, то конечно на почвѣ отношенія $1 : 13^2/_3$ или даже 1 : 14.1 упроченіе золотой монеты въ Россіи было еще невозможно.

Чеканка золотой монеты при Екатеринѣ I и Петрѣ II въ 5 лѣтъ не превышала 145.558 рублей. При Аннѣ Іоанновнѣ она еще болѣе уменьшилась и за 10 лѣтъ не превышала 176.652 рублей. Такъ какъ при Петрѣ Великомъ чеканки золотой монеты простирались на сумму 706.236 рублей, то въ общемъ итогѣ отъ Петра I до Елисаветы золотыя чеканки не превышали 1.028.426 рублей. Не смотря на всѣ старанія увеличить эти чеканки, онѣ и при Елисаветѣ не очень сильно увеличились и достигали лишь 1.524.142 рублей [1]). Слѣдовательно, всего до Екатерины II золотыя чеканки въ Россіи не превышали 2.552.687 рублей.

Въ теченіи всего разсматриваемаго времени обращеніе мѣдной монеты было хронически разстроено. Это принято объяснять неумѣренною фискальною эксплоатаціею чеканки мѣдной монеты. Но это едва-ли вполнѣ правильно даже въ примѣненіи къ 5-лѣтію царствованій Екатерины I и Петра II и вполнѣ правильно только въ примѣненіи къ послѣднему 5-лѣтію царствованія Елисаветы Петровны; но въ остальныя 25 лѣтъ разсматриваемаго періода не только никакой неумѣренной чеканки мѣдной монеты не было, но были непрерывныя и настоятельныя заботы о приведеніи въ порядокъ обращенія мѣдной монеты, — заботы, которыя, однако, большою успѣшностью не отличались. Отчасти это объясняется тѣмъ, что правильное устройство обращенія мѣдной монеты тогда было очень трудною задачею. Какъ мы видѣли, для народа чеканили очень мало серебряной мелкой монеты (едва-ли даже на $2^1/_2$ милліона рублей за все время отъ смерти Петра до смерти Елисаветы). Серебро еще было очень дорого; цѣны на все

---

1) Въ томъ числѣ было: червонцевъ на 480.168 рублей, имперіаловъ на 523.700 рублей, полуимперіаловъ на 324.190 рублей, двухрублевиковъ на 14.1246 рублей, рублевиковъ на 44.368 рублей и полтинниковъ на 10.500 рублей. По изданію Вел. Кн. Георгія Михаиловича, Монеты имп. Елисаветы.

покупное, хотя и сильно возвышенныя противъ уровня предъидущихъ столѣтій, все таки находились подъ гнетомъ этой высокой стоимости серебра. Неудивительно, что Посошковы, Аврамовы и другіе, впервые пытавшіеся обобщать явленія русской экономической жизни, были поклонниками мѣдной монеты не въ интересахъ только фиска. Мѣдной монетѣ предстояло еще довольно продолжительное время играть замѣтную роль въ денежномъ обращеніи Россіи.

При Екатеринѣ I и Петрѣ II усердно чеканили мѣдную монету по 40 рублей изъ пуда и начеканили ея на 3.988.330 рублей въ то время, когда серебряной монеты было начеканено на 5.157.670 рублей. При Петрѣ Великомъ чеканка мѣди составляла немного болѣе $^1/_{10}$ суммы серебряныхъ чеканскъ; а при ближайшихъ его двухъ преемникахъ чеканки мѣди составляли уже болѣе $^3/_4$ чеканокъ серебра; относительно, чеканка мѣди увеличилась почти въ 7 разъ, но абсолютно увеличеніе еще не было значительное. Такъ какъ техника чеканки мѣди была еще очень несовершенная, то это при очень высокой цѣнѣ мѣди въ монетѣ вызвало опять сильное распространеніе фальшивой мѣдной монеты, чеканившейся и въ Россіи, и заграницею; говорятъ, что при воцареніи Анны Іоанновны въ Россіи обращалось столько-же фальшивой мѣдной монеты, сколько было выпущено казною. Чеканились: полушки, копѣйки, гроши (2 копѣйки), а всего больше—пятикопѣечники, прямо расчитанные на фискальное использованіе народной потребности въ мелкой монетѣ. Императрица Анна Іоанновна понизила до 10 рублей цѣну мѣди въ монетѣ и чеканила только полушки и денежки, да и тѣхъ въ 1732 и 1733 гг. не чеканили. За все время царствованія Анны Іоанновны мѣдной монеты, которой много старой было изъято изъ обращенія, новой начеканено лишь на 2,936.482 рубля. При Елисаветѣ Петровнѣ борьба съ излишествомъ въ мѣдной монетѣ сначала тоже велась энергично. До 1754 г. мѣдная монета чеканилась по 10 рублей изъ пуда и чеканились только полушки и денежки. Съ 1755 до 1757 г. чеканились только копѣйки даже лишь по 8 рублей изъ пуда мѣди. Но съ 1757 г. потребность въ средствахъ для покрытія чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ вызвала „необходимость“ для покрытія этихъ расходовъ обратиться къ чеканкѣ не только полушекъ, денежекъ и копѣекъ, но и двукопѣечниковъ и пятикопѣечниковъ изъ мѣди по 16 рублей пудъ. Всего было начеканено при Елисаветѣ до 1757 г.: по 10 рублей изъ пуда на 3.071.695 рублей и по 8 рублей изъ пуда на 1.072.669 рублей, всего на 4.144.364. Съ 1757-же года по 16 рублей изъ пуда было начеканено на 10.977.349

рублей. Такимъ образомъ, при одной только Елисаветѣ было начеканено мѣдной монеты на 15,121.713 рублей, тогда какъ предъ нею при Петрѣ Великомъ, Екатеринѣ I, Петрѣ II и Аннѣ было начеканено въ 40 лѣтъ лишь на 10.628.954 рубля. Чеканки Елисаветы въ 5 — 6 лѣтъ съ 1756 г. превышали чеканки въ 40 лѣтъ съ 1701 по 1740 г.

Выпускъ мѣдной монеты въ короткое время 5—6 лѣтъ съ 1757 г. на огромную для той эпохи сумму, почти 11.000.000 рублей, былъ первымъ случаемъ такой значительной эксплоатаціи монетной регаліи для нуждъ казны, да еще въ наихудшемъ ея видѣ. Вѣдь едва-ли даже при Алексѣѣ Михайловичѣ, за столѣтіе передъ тѣмъ, чеканка мѣдной монеты для казенныхъ нуждъ простиралась на сумму, даже вдвое меньшую. Естественно, что поэтому уже въ концѣ царствованія императрицы Елисаветы очень сильно были озабочены вопросомъ объ изъятіи изъ обращенія мѣдной монеты, выпускавшейся съ 1757 года. Главный дѣятель по этой части въ ту эпоху былъ графъ П. И. Шуваловъ. Уже въ 1760 г. Шуваловъ придумалъ хитрый планъ увеличить средства государственнаго казначейства для значительныхъ военныхъ расходовъ того времени посредствомъ чеканки мѣдной монеты не по 16, а по 32 рубля изъ пуда мѣди и посредствомъ выпуска новой мѣдной монеты на 32 милліона рублей (считая въ томъ числѣ часть для замѣны мѣдной монеты, чеканенной по 16 руб. изъ пуда). Выпущенныя этимъ способомъ мѣдныя деньги Шуваловъ предполагалъ изъять изъ обращенія въ теченіе 21 года выкупомъ ихъ на серебро. Для этого онъ предполагалъ часть мѣдныхъ денегъ употребить для ссудъ помѣщикамъ, а проценты и погашеніе этихъ ссудъ должны были уплачиваться серебромъ. Кромѣ того Шуваловъ для полученія серебра предлагалъ новую перечеканку серебряной монеты по новой ухудшенной монетной стопѣ. Шуваловъ полагалъ, что его планъ „приведетъ въ состояніе продолжать войну превосходящими силами и преимуществовать въ войнѣ воюющихъ неистощимымъ богатствомъ“ [1]).

Предположенія гр. П. И. Шувалова при императрицѣ Елисаветѣ не осуществились; но императору Петру III они понравились и 17 января 1762 г. онъ надписалъ „быть по сему“ на сенатскомъ докладѣ

---

1) Вел. кн. Георгія Михайловича. Монеты царств. имп. Елисаветы Петровны, документы №№ 323, 327, 328, 331, 334, 335.

объ этихъ предположеніяхъ [1]). Осуществленіе, однако, получила только перечеканка мѣдной монеты, по которой было приступлено къ исполнительнымъ дѣйствіямъ при Петрѣ III; по перечеканкѣ же серебряной монеты ничего не успѣли сдѣлать при Петрѣ III.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Рубль Екатерины II.

1764—1796.

Вступивъ на престолъ, Екатерина II отмѣнила распоряженіе Петра III по мѣдной монетѣ и опять возстановила чеканку по 16 рублей изъ пуда мѣди. Предположеніе же Шувалова объ измѣненіи серебряной монеты были приведены въ связь съ новыми мѣрами по золотой монетѣ и осуществлены въ 1764 г.

Это дѣлаетъ необходимымъ разсмотрѣніе измѣненій, предложенныхъ Шуваловымъ по серебряной монетѣ, въ связи съ тѣми перемѣнами въ серебряной монетѣ, которыя предшествовали Шуваловскимъ проектамъ.

Петръ Великій началъ въ 1704 г. чеканку серебрянаго рубля по 14 рублей 40 копѣекъ изъ фунта или по 15 копѣекъ изъ золотника лигатурнаго серебра, которое считалось „неустановичной“ пробы, но котораго проба была на дѣлѣ не выше 84-ой. При 84-ой пробѣ первые рубли Петра Великаго чеканились на основѣ оцѣнки золотника чистаго серебра по $14._{40} : 84 = 17^1/_7$ копѣекъ, а фунта чистаго серебра въ $96 \times 17^1/_7 = 16$ рублей $45^5/_7$ копѣекъ. Содержаніе чистаго серебра въ рублѣ при этомъ было $5^5/_6$ золотниковъ, при лигатурномъ вѣсѣ рубля въ $6^2/_3$ золотниковъ. Это положеніе Петръ Великій самъ измѣнилъ въ 1718 г., произведя уменьшеніе пробы до 70-й, съ оставленіемъ прежней оцѣнки фунта лигатурнаго серебра. Уравнявъ цѣну лигатурнаго фунта серебра 70-й пробы съ цѣною лигатурнаго фунта серебра 84-й и строя эту цѣну въ томъ и другомъ случаѣ въ 14 рублей 40 копѣекъ за фунтъ или по 15 копѣекъ за золотникъ, — Петръ Великій этимъ въ 1718 г. возвысилъ монетную цѣну чистаго серебра: золотника до $14._{40} : 70 = 20^4/_7$ копѣекъ, а фунта до $20^4/_7 \times 96 = 19$ руб-

---

1) Вел. кн. Георгія Михайловича. Монеты Петра III, документы № 2.

лей $74^{6}/_{7}$ копѣйки. Возвышеніе на 20% было первымъ измѣненіемъ, произведеннымъ самимъ Петромъ Великимъ въ серебряномъ рублѣ, который онъ началъ чеканить какъ крупную монету, въ 1704 году. Сохраняя прежній лигатурный вѣсъ $6^{2}/_{3}$ золотниковъ, Петровскій рубль съ 1718 г. уже содержалъ чистаго серебра лишь $4^{31}/_{36}$ золотниковъ, вмѣсто $5^{5}/_{6}$ золотниковъ, содержавшихся въ серебряномъ рублѣ 1704 г., или уменьшеніе сдѣлано на $^{1}/_{6}$. По содержанію чистаго серебра Петровскій рубль 1718 г. составлялъ $^{5}/_{6}$ рубля 1704 года.

Этотъ Петровскій рубль 1718 г. уже въ послѣдствіи не измѣнялся до Екатерины II. Императрица Анна, измѣняя пробу рубля въ 77-ю, оставила его содержаніе чистаго серебра безъ измѣненія въ $4^{31}/_{36}$ золотника; она только убавила содержавшуюся въ Петровскомъ рублѣ 1718 г. лигатуру (мѣдь) и этимъ уменьшила лигатурный вѣсъ рубля на $^{1}/_{11}$. Неизлишне напомнить при этомъ, что измѣнять пробу монетъ можно двоякимъ путемъ: 1) измѣняя отношеніе между содержаніемъ чистаго металла и лигатуры въ монетѣ, но не измѣняя цѣны чистаго металла въ монетѣ, 2) измѣняя отношеніе между содержаніемъ чистаго металла и лигатуры въ монетѣ при одновременномъ измѣненіи цѣны чистаго металла въ монетѣ. Только перваго рода измѣненія пробы не измѣняютъ существенно монету и дѣлаются для ея улучшенія; къ ихъ категоріи принадлежало измѣненіе Анны Іоанновны. Напротивъ, измѣненія пробы второй категоріи прямо ухудшаютъ монету и производятся всегда для того, чтобъ посредствомъ ухудшенія монеты извлекать изъ чеканки ея фискальныя выгоды.

Къ этой категоріи принадлежала и Шуваловская перемѣна въ серебряномъ рублѣ. Шуваловъ предложилъ—чеканить рубль изъ серебра 72 пробы съ тѣмъ, чтобъ лигатурный фунтъ серебра этой пробы получилъ монетную цѣну 17 р. $06^{2}/_{3}$ копѣекъ, или чтобъ золотникъ серебра 72-й пробы въ монетѣ стоилъ $17^{7}/_{9}$ копѣйки (вмѣсто 15 копѣекъ при Петрѣ и $16^{1}/_{2}$ копѣекъ съ Анны Іоанновны). Это значитъ, что Шуваловъ предлагалъ, чтобъ золотникъ чистаго серебра въ монетѣ стоилъ $1706^{2}/_{3} : 72 = 23^{19}/_{27}$ копѣекъ (вмѣсто $20^{4}/_{7}$ копѣекъ съ 1718 г., не измѣнившихся и при Аннѣ Іоанновнѣ). Фунтъ чистаго серебра въ монетѣ, съ 1718 г. стоившій безъ измѣненія 19 рублей $74^{4}/_{7}$ копѣйки, по мысли Шувалова, долженъ былъ уже стоить $23^{19}/_{27} \times 96 = 22$ рубля $75^{4}/_{9}$ копѣйки.

Какія выгоды Шуваловъ ожидалъ отъ этой перемѣны, мы знаемъ

по собственному разсчету Шувалова, до насъ дошедшему [1]). „Когда чистое серебро, покупаемое по $19^1/_2$ копѣекъ передѣлать въ монету 72-й пробы по 17 р. $6^2/_3$ к. изъ фунта, то выйдетъ изъ пуда такого серебра 910 р. $22^2/_3$ к. Изъ онаго числа должно вычитать покупную цѣну серебра, по $19^1/_2$ к. за золотникъ, 748 р. 80 к. За прибавляемую мѣдь для привода въ указную 72-ю пробу, 13 фунт. 32 золотника, по 6 рублей пудъ, 2 рубля. За угаръ по приводѣ въ указанную пробу, а именно, по половинѣ золотника чистаго серебра у каждаго лигатурнаго фунта, что учинить $26^2/_3$ золотника по передѣльной цѣнѣ на 6 рублей 32 коп. За передѣлъ съ угаромъ по 14 рублей съ лигатурнаго пуда 18 руб. $66^1/_2$ коп. Всего русходовъ 775 руб. $78^1/_2$ коп. Затѣмъ остается прибыли 134 руб. $43^3/_4$ коп. Учинитъ на 100 р. по $14^3/_4{}^0/_0$“. По этому „расчисленію“ прибыль выведена несовсѣмъ точно, потому что она взята по отношенію къ 910 руб. $22^3/_4$ коп., которые казна должна чеканить изъ пуда чистаго серебра; тогда какъ прибыль правильно взять по отношенію къ покупной цѣнѣ, которую казна должна израсходовать на пудъ чистаго серебра, въ данномъ случаѣ 748 руб. 80 коп. Если израсходовавъ 780 р. 80 к. на покупку пуда чистаго серебра, казна изъ него чеканитъ монетъ на 910 р. $22^3/_4$ к., то получается разность въ 161 руб. $42^3/_4$ коп., составляющія $21.55^0/_0$ на израсходованные 748 руб. 80 коп. Изъ этой разности на расходы чеканки идутъ 26 руб. 99 коп., а остальные 134 р. $43^3/_4$ к. или $17.95^0/_0$ на израсходованные 748 р. 80 к. составляютъ чистую прибыль казны; расходовъ чеканки приходится $3.60^0/_0$ на покупную цѣну серебра.

Шуваловъ предлагалъ также пріохотить частныхъ людей къ перечеканкѣ серебряной монеты тѣмъ, чтобъ имъ была обѣщана половина казенной прибыли отъ этой перечеканки.

Шуваловскія предположенія были приведены въ связи съ выяснившеюся необходимостью построить, наконецъ, цѣны золотой монеты, то есть, импѐріаловъ и полуимпѐріаловъ на правильно взятомъ отношеніи между стоимостью золота и серебра. Мы уже указывали на то, что въ первой половинѣ XVIII в. золото въ Западной Европѣ было съ лишнимъ въ 15 разъ дороже серебра. У насъ только въ началѣ царствованія Екатерины II съ этимъ фактомъ освоились. Въ Шуваловскомъ новомъ серебряномъ рублѣ содержалось чистаго серебра $4^7/_{32}$ золотника $= 405$ долей. Слѣдовательно, если золотую монету

1) Вел. Кн. Георгія Михаиловича монеты царствов. импер. Елисаветы I докум. № 328 (‹расчисленіе› помѣчено 17 января 1761 г.), стр. 248.

желали чеканить считая чистое золото въ 15 разъ дороже серебра. то золотой рубль въ монетѣ долженъ былъ представлять 405 : 15 = 27 долей = $^{9}/_{32}$ золотника чистаго золота. Поэтому въ пятирублевой золотой монетѣ должно было содержаться $5 \times 27 = 135$ долей = $^{45}/_{32}$ золотника чистаго золота, а въ десятирублевой золотой монетѣ должно было содержаться 270 долей = $^{45}/_{16}$ золотника чистаго золота. При 88-й пробѣ лигатурный вѣсъ имперіала долженъ былъ составить $2^{13}/_{16}$ золотника = $294^{6}/_{11}$ долей, а лигатурный вѣсъ полуимперіала составлялъ $1^{13}/_{32}$ золотника = $147^{3}/_{11}$ долей. Эти опредѣленія осуществлены указомъ 30 марта 1764 г. [1]). Указъ этотъ важенъ главнымъ образомъ тѣмъ, что въ немъ отношеніе между цѣнами золота и серебра въ русской монетѣ впервые ясно установляется *въ законѣ*. Конечно, во всякой странѣ, въ которой чеканятся изъ обоихъ драгоцѣнныхъ металловъ монеты съ установленными ихъ нарицательными цѣнами, въ въ этихъ же цѣнахъ выражается и опредѣленное отношеніе между ними. Но въ теченіи многихъ вѣковъ, и въ числѣ ихъ въ XVIII ст., не придавали еще значеніе тому, чтобъ это отношеніе получило выраженіе въ законѣ. Кажется, самый ранній законъ, въ которомъ впервые отношеніе между стоимостью золота и серебра въ монетѣ было ясно и опредѣленно установлено, былъ Екатерининскій указъ 30 марта 1764 г. Когда Екатерина II разсматривала представленный ей 18 декабря 1763 г. сенатомъ докладъ объ измѣненіяхъ, которыя должны быть сдѣланы въ монетѣ, то императрица положила пространную собственноручную резолюцію, въ которой, между прочимъ говорилось: „принявъ въ разсужденіе, что золотая имперіальная и полуимперіальная монета понынѣ дѣлана была не въ такой противъ серебряной пропорціи, какъ то во всей Европѣ есть въ употребленіи, и что посему и оную неотмѣнно въ ту-же пропорцію установить должно, а именно, какъ одинъ противъ пятьнадцати“, императрица повелѣвала чеканить такъ золотыя монеты, чтобы „внутренняя ихъ доброта состояла точно въ пятьнадцатеро противъ передѣльной цѣны серебра“ [2]). Эти слова резолюціи государыни буквально повторены въ указѣ 30 марта 1764 г.

Слѣдуетъ-ли изъ установленія этимъ указомъ пропорціи 1:15, что Екатерина II въ 1764 г. установила въ Россіи биметаллизмъ? Отнюдь нѣтъ. Ибо, съ одной стороны, одной только пропорціи для биметал-

1) П. П. С. З. XVI № 12116.

2) Вел. Кн. Георгія Михайловича, Монеты Екатерины II т. I докум. № 74.

лизма еще мало. А съ другой стороны, мы и до Екатерины II имѣли не только то, что даетъ биметаллизмъ, но больше. Въ Россіи въ то время всякій имѣлъ право производить платежи на неограниченную сумму не только золотою и серебряною, но и мѣдною монетою. Мы имѣли трметаллизмъ, такъ сказать. А для биметаллизма недоставало права свободной чеканки частными лицами на неограниченную сумму золотой и серебряной монеты. Это право было монополіею казны въ интересахъ фиска. Частныя лица должны были *продавать* золото и серебро казнѣ по установленной покупной цѣнѣ, а казна уже *отъ себя* перечеканивала купленное золото по передѣльной (монетной) цѣнѣ. Поэтому ни о какомъ биметаллизмѣ до XIX в. нигдѣ никакой рѣчи не можетъ быть.

При Екатеринѣ II создалось многое, что впослѣдствіи очень долго держалось. Но едва-ли многія изъ созданій той эпохи держались такъ долго, какъ серебряный рубль въ 405 долей = 4 золотника 21 доля чистаго серебра и золотой рубль въ 27 долей чистаго золота, какъ пятая часть полуимперіяла въ 135 долей чистаго золота или десятая часть имперіяла въ 270 долей чистаго золота. Серебряный рубль въ 405 долей или 4 золотника 21 доля еще продолжаетъ жить въ наши дни. А содержаніе чистаго золота продолжало до конца 1885 года оставаться въ имперіялѣ и полуимперіялѣ такимъ, какимъ оно было установлено указомъ 30 марта 1764 г.: 270 долей въ имперіялѣ и 170 долей въ полуимперіялѣ.

Это значитъ другими словами, что съ 1764 г. казна уже не пользовалась въ Россіи измѣненіями чистаго серебра или золота въ монетѣ для извлеченія финансовыхъ выгодъ изъ измѣненій. Поэтому и монеты могли уже не измѣняться въ своемъ существѣ. Исторія ихъ, насколько она выражалась въ перемѣнахъ, въ монетахъ-же происходившихъ, какъ бы пріостановилась. Но исторія денегъ въ Россіи не прекратилась въ 1764 г., а только измѣнила свое направленіе, и насколько она выражала движеніе по новому руслу, она именно этимъ фактомъ косвенно отражалась на монетѣ и на ея положеніи въ денежной системѣ Россіи.

Съ 1769 г. начинается исторія бумажныхъ денегъ въ Россіи. Рядомъ съ монетною регаліею въ половинѣ XVIII въ Россіи возникла новая регалія, въ видѣ монополіи выпуска бумажныхъ денегъ, параллельной монополіи чеканки звонкой монеты. Обѣ эти монополіи составили новую, болѣе сложную, чѣмъ старая монетная регалія, *денежную* регалію. Этою-то новою регаліею весьма разносторонне восполь-

зовалась Екатерина II. Всего нагляднѣе нижеслѣдующія суммы показываютъ, какъ воспользовались новою, осложненною, денежною регаліею въ $34^1/_2$-лѣтнее царствованіе Екатерины II съ 28 іюня 1762 г. до 6 ноября 1796 г.

Начеканено монеты:

золотой	16.052.338 [1]	
серебряной	70.942.614 [2]	
		86.994.952
мѣдной		79.965.040
выпущено ассигнацій		157.703.640
		324.663.632

Установленіе чеканки рубля въ 4 золотника 21 долю чистаго серебра было вмѣстѣ съ тѣмъ перечеканкою серебряной монеты, которая чеканилась до Екатерины II. Насколько старая монета поступала въ казенные доходы, ея перечеканка по новой монетной стопѣ сама собою подразумѣвается. Но приняты были прямыя мѣры для ея привлеченія на монетные дворы къ перечеканкѣ по новой монетной стопѣ. Для этого указъ 27 января 1763 г. опредѣлилъ, что на монетныхъ дворахъ, серебряную монету будутъ принимать „съ наддачею сверхъ $19^1/_2$ за золотникъ на каждый рубль по 10% прибыли“ [3]). Слѣдовательно, напримѣръ, тотъ, кто приносилъ Петровскій рубль 1718 г. содержавшій чистаго серебра $4^{31}/_{36}$ золотника, получалъ за него $4^{31}/_{36} \times 19^1/_2 = 94.79$ копѣйки и „наддачи“ еще 10 копѣекъ, или всего приноситель Петровскаго рубля 1718 г. за него получалъ 1 рубль 4.79 копѣйки новою монетою. А сама казна чеканила съ 1763 г. новую монету, считая по $23^{13}/_{27}$ копѣйки изъ золотника чистаго серебра. Петровскій рубль въ 1718 г. въ $4^{31}/_{36}$ золотниковъ чистаго серебра казна

---

1) Въ томъ числѣ: имперіяловъ на 11.121.290 рублей, полуимперіяловъ на 4.669 300 рублей и червонцевъ на 261.748 рублей. Чеканились еще золотые рублевики и полтинники, но не какъ монеты, а какъ марки для карточной игры императрицы.

2) Въ томъ числѣ начеканено:

рублей	53.490.540
полтинъ	1.376.125
25 копѣечниковъ	3 982.666
20 »	4.902.982
15 »	3.435.812
10 »	3.754.679
	70 942.614

Свѣдѣнія заимствованы изъ изданія В. К. Георгія Михайловича, Монеты царств. имп. Екатерины II, Спб. 1894 г., I 335—341, съ отнесеніемъ 1796 г. къ Екатеринѣ II.

3) П. П. С. З. XVI, № 11741.

перечеканивала въ 1 рубль 15.23 копѣйки. Отдавая изъ нихъ 1 р. 04.79 к. приносителю Петровскаго рубля 1718 г., казна еще сохраняла 10.44 коп. на рубль. Если принимался Петровскій рубль 1704 г., содержавшій чистаго серебра, какъ мы до сихъ поръ считали, $5^5/_6$ золотника, то казна за него уплачивала $5^5/_6 \times 19^1/_2 = 1$ рубль $13^3/_4$ копѣйки и „наддачи“ 10 копѣекъ, а всего 1 руб. $23^3/_4$ копѣйки. Сама-же казна его перечеканивала въ $23^{19}/_{27} \times 5^5/_6 = 1$ рубль $38^2/_5$ копѣйки, изъ которыхъ она уплачивала за принесенный рубль 1 руб. $23^3/_4$ коп. и ей оставалось чистой прибыли 15 копѣекъ на рубль. Конечно, Петровскихъ рублей 1704 г. приносили, вѣроятно, не много, потому что много ихъ ушло за границу, а еще больше было перечеканено при Аннѣ Іоанновнѣ и Елисаветѣ Петровнѣ. Но рубли Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны содержали чистаго серебра $4^{31}/_{36}$ золотника, какъ рубли 1718 г., и ихъ, конечно, шло много въ перечеканку съ 1763 г. И если сумма всѣхъ чеканокъ серебряной монеты при Екатеринѣ II (въ $34^1/_2$ года всего на 70.942.614 руб. или въ среднемъ ежегодно на 2.114.300 рублей) *кажется* большою, то на дѣлѣ едва-ли ее можно считать очень значительною. Казна тогда продолжала получать таможенныя пошлины ефимками или русскою монетою и вѣроятно не менѣе, а болѣе половины всѣхъ чеканокъ производилось на серебро изъ этого источника [1]) и изъ купленнаго серебра. Въ составѣ новыхъ чеканенныхъ Екатерины II могло быть, поэтому, совсѣмъ новыхъ чеканокъ казеннаго и купленнаго серебра до 40—45 милліоновъ рублей. Выше мы видѣли, что запасъ серебряной монеты въ странѣ ко времени воцаренія Екатерины II могъ достигать 150—200 милліоновъ Петровскихъ рублей 1718 г. (по 790 рублей изъ пуда чистаго серебра), или 175—230 милліоновъ Екатерининскихъ рублей (по 910 рублей изъ пуда чистаго серебра). Отъ прибавленія новыхъ 40—45 милліоновъ рублей за Екатерининское время запасъ могъ бы достигать 215—275 милліоновъ рублей, еслибъ въ послѣдней части царствованія Екатерины II не начался сильный уплывъ звонкой монеты изъ Россіи подъ вліяніемъ все усиливавшагося пониженія ассигнацій. Но это явилось уже, такъ сказать, окончательнымъ результатомъ, который лишь постепенно

---

1) Storch, Hist.-statist. Gemälde d. Russ. Reichs, Supplementband ad V, VI, VII содержитъ между прочимъ таблицу, въ которой показаны поступленія по таможеннымъ пошлинамъ, въ томъ числѣ и ефимками, которые показаны вѣсомъ. Мы подвели ихъ итогъ за Екатерининское время съ 1763 по 1796 г. Всего оказывается 42.418 пудовъ однихъ ефимковъ, по 910 рублей за пудъ, на 38.600.000 рублей.

могъ выясниться. Отчасти это выражается въ постепенномъ ходѣ уменьшенія чеканокъ серебряной монеты, составлявшихъ

въ 10-лѣтіе	1762—71 гг.	24.359.676 рублей.
» »	1772—81 »	21.421.128 »
» »	1282—91 »	17.237.763 »
» 5-лѣтіе	1792—96 »	7.924.046 »
		70.942.613 рублей.

Но хотя чеканки серебряной монеты все болѣе и болѣе уменьшались, онѣ тѣмъ не менѣе составили замѣтный итогъ и свидѣтельствуютъ о томъ, что онѣ еще играли роль фискальнаго рессурса.

Перечеканка золотой монеты не играла роли финансоваго рессурса, потому что по указу 27 января 1763 г. монетный дворъ долженъ былъ за приносимую старую золотую монету „за вычетомъ задѣльныхъ и угара отдавать (новую) золотую монету со всею прибылью, сколько оной быть можетъ“, т. е. уплачивая за золото по монетной цѣнѣ (считая золотой рубль = 27 долямъ чистаго золота или золотникъ чистаго золота = 3 рубля $55^5/_9$ копѣйки).

Огромное значеніе при Екатеринѣ II получила чеканка мѣдной монеты, которой выпущено почти на 80.000.000 рублей. [1]) Со смерти Петра Великаго до Екатерины II всего было начеканено мѣдной монеты 22.046.000 рублей въ 37 лѣтъ и даже если прибавить 4.354.000 руб., на которые Петръ Великій выпустилъ мѣдной монеты, то получается итогъ лишь въ 26.400.000 рублей или лишь $^1/_3$ той чудовищной суммы, которую начеканила Екатерина II. Это увеличеніе въ 3 раза знаменуетъ, конечно, большую финансовую нужду, которая принуждала къ тому, чтобъ не очень разборчиво относиться къ средствамъ для удовлетворенія настоятельныхъ и значительныхъ требованій обстоятельствъ. Но преувеличенное значеніе мѣдной монеты при Екатеринѣ II повидимому близко было связано съ тою выдающеюся ролью, которую тогда же стали играть ассигнаціи. Конечно, Екатерина II от-

1) По изд. Вел. Кн. Георгія Михаиловича, Монеты Екатерины II. Въ составъ показаннаго итога (нами выведеннаго) входятъ слѣдующія слагаемыя. Начеканено:

въ Спб. и Москвѣ	8.906.868 рублей.
» Екатеринбургѣ	58.904.906 »
» Крыму	51.151 »
» Аннинскомъ	4 371.060 »
» Колывани	6.733.182 »
и еще	997.877 »
Всего	79.965.039 рублей.

лично понимала, что въ качествѣ финансоваго рессурса, новая денежная регалія, возникшая въ возможности выпусковъ ассигнацій, гораздо сильнѣе и важнѣе для казенныхъ нуждъ при производствѣ большихъ чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ, чѣмъ монетная регалія. Даже въ смыслѣ экстраординарнаго рессурса, доступнаго только, какъ исключеніе, въ чрезвычайные періоды для значительныхъ расходовъ по войнѣ, никакая перечеканка серебряной и золотой монеты и никакая чеканка мѣдной монеты не въ состояніи давать поступленія въ казну, начисляющіяся въ сотняхъ милліоновъ рублей. Только ассигнаціи годились для этого. Но во время Екатерины II этого изъ опыта еще не знали. Поэтому многіе изъ сотрудниковъ Екатерины II еще очень боялись большихъ выпусковъ ассигнацій и отстаивали умѣренность [1]), особенно когда ассигнаціи стали понижаться въ цѣнѣ и серебряная монета вмѣстѣ съ золотою стала въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Екатерины II уплывать заграницу. А между тѣмъ именно въ это десятилѣтіе чрезвычайные расходы предъявляли увеличенныя требованія денегъ. Для удовлетворенія этихъ-то требованій приводили въ сочетаніе увеличенные выпуски ассигнацій съ увеличенными чеканками мѣдной монеты; тѣхъ и другихъ произведено при Екатеринѣ на сумму свыше 235 милліоновъ рублей.

Въ этомъ итогѣ преобладали ассигнаціи, потому что ихъ легче было выпускать: они вѣдь почти ничего не стоили казнѣ и почти на всю свою сумму представляли своего рода прибыль казны отъ операціи.

Очень неудобно было, что онѣ падали въ цѣнѣ и вызывали дороговизну; но понижались въ цѣнѣ и вызывали дороговизну всѣ новыя монеты, возникавшія отъ перечеканокъ и новыхъ чеканокъ на почвѣ пониженія монетной стопы. И если паденіе ассигнацій вызывало другое неудобство въ видѣ исчезновенія изъ обращенія золотой и серебряной монеты,—то именно этотъ фактъ какъ бы оправдывалъ

---

1) О ходѣ ассигнаціонныхъ выпусковъ при Екатеринѣ II можно судить по слѣдующимъ даннымъ:

Періоды.	Число лѣтъ.	Сколько выпущено.	Состояло въ концѣ періода.
1769—74	6	20.010.000	20.000.000
1775—80	6	4.500.000	24.500.000
1781—86	6	21.672.000	46.172.000
1787—96	10	111.531.640	157.703.640
	28	157,703.640	

усиленную чеканку мѣдной монеты: нельзя же было оставлять страну безъ всякой звонкой монеты.

Въ концѣ царствованія Екатерины II, однако, начало обнаруживаться, что паденіе ассигнацій начинаетъ пагубно отражаться и на мѣдной монетѣ, которой чеканка не только переставала давать казнѣ „прибыль“, но становилась даже убыточной, вызывала потери казны. Мѣдная монета чеканилась по 16 рублей изъ пуда [1]). Прибыль же отъ нея зависѣла отъ рыночной цѣны мѣди. Дороговизна, вызванная паденіемъ ассигнацій, коснулась, конечно, и мѣди, вызвала повышеніе и ея цѣны. Когда цѣна возвысилась до 10 рублей за пудъ, то расходъ казны на чеканку мѣдной монеты, составлялъ $^{10}/_{16} = {}^{5}/_{8}$ монетной цѣны мѣди, а прибыль казны проистекала отъ остальныхъ $^{3}/_{8} = 38^{1}/_{4}\%$ той-же монетной цѣны мѣди. Народъ считалъ мѣдную монету въ одной цѣнѣ съ ассигнаціями; ассигнаціонный рубль стоилъ 100 копѣекъ мѣдными деньгами и наоборотъ. Когда ассигнаціи стали падать, то съ ними стала падать въ народной оцѣнкѣ и мѣдная монета противъ серебра. Когда ассигнаціонный рубль понизился на 40%, то на эти 40% понизилась и стоимость мѣдной монеты, то-есть, изъ ея цѣны изчезли не только тѣ $38^{1}/_{4}\%$, которые должны были составить казенную прибыль отъ чеканки мѣдной монеты, но еще больше, а именно еще $1^{3}/_{4}\%$, составившіе прямой убытокъ казны отъ чеканки мѣдной монеты [1]). Въ концѣ царствованія Екатерины II это впервые явно обнаружилось въ 1795 г.. за годъ до ея смерти и было однимъ изъ наслѣдій, оставлявшихся будущему.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Серебряный рубль и упадокъ ассигнацій.

1797—1853.

Екатерина II пользовалась ассигнаціями въ самомъ ихъ началѣ. Поэтому и потому, что она ими усиленнѣе воспользовалась лишь въ

---

1) При Екатеринѣ II мѣдная монета чеканилась въ видѣ полушекъ, денежекъ, копѣекъ, грошевиковъ (въ 2 копѣйки) и пятикопѣечниковъ. Въ 1763—81 г.г. чеканилась еще особая сибирская монета по 25 руб. изъ пуда, тѣхъ же достоинствъ, но съ прибавленіемъ мѣдныхъ гривенниковъ (десятикопѣечниковъ).

1) Storch, Cours d'économie politique. Pétersbourg 1815. Tome VI, note XIII pp. 84 sq. et tabl. № VII.; П. А. Шторхъ, Матеріялы для исторіи денежныхъ знаковъ въ Россіи, Спб. 1868, стр. 18—21.

послѣдніе 10 лѣтъ своей жизни, да и всего воспользовалась ими на сумму менѣе 160 милліоновъ рублей, она еще въ состояніи была почувствовать ихъ неудобства въ болѣе слабой степени, чѣмъ ея преемники. Это сильно измѣнилось въ слѣдующія 15 лѣтъ. Павелъ и Александръ I унаслѣдовали ассигнаціи не только уже сильно ослабленными (въ 1796 году 100 рублей серебромъ уже стоили 142 рубля ассигнаціями), но вытѣснявшими серебряную и золотую монету изъ обращенія. А нужды для расходовъ по войнамъ тогда въ Россіи, какъ повсюду, были очень велики, достигая такой высоты, какой они никогда прежде не достигали. И все таки какими бы то ни было измѣненіями въ монетной стопѣ, по которой чеканились серебряныя и золотыя монеты, ровно ничего не было бы достигнуто. О серебряной и золотой монетѣ послѣ того, какъ ассигнаціи ее вытѣснили изъ обращенія, совсѣмъ забыли бы, если бы волею-неволею не приходилось объ ней вспоминать при платежахъ заграницу, а еще болѣе — тогда, когда вслѣдствіе происшедшаго новаго сильнаго паденія ассигнацій не менѣе сильно возвышался лажъ на монету. Только это значеніе золотая и серебряная монеты еще сохранили въ Россіи въ концѣ XVIII вѣка. Она превратилась въ нѣкотораго рода барометръ, указывающій на то, въ какомъ состояніи находится денежная атмосфера страны. Этотъ-то барометръ пришелъ въ сильное движеніе въ годъ смерти Екатерины II. Поэтому противъ его слишкомъ откровенныхъ показаній пришлось принять рѣшительную мѣру. Чрезъ 3 мѣсяца послѣ воцаренія императора Павла изданъ былъ указъ 20 января 1797 г., признавшій за благо „вмѣсто существующей до сего серебряной монеты 72-й пробы, содержащей въ рублѣ внутренняго достоинства $36^1/_2$ штиверовъ, повелѣть бить монету превосходнѣйшую, а именно $83^1/_3$ пробы, содержащую въ рублѣ внутренняго достоинства 50 штиверовъ и съ долями и соразмѣрно тому прочія серебряныя монеты“ [1]). Это значило, что возстановляется рубль Петра Великаго 1704 г., по 14 рублей $41^3/_4$ коп. за фунтъ серебра $83^1/_3$-й пробы [2]). Или иначе говоря, казна понижала монетную цѣну фунта чистаго съ 22 рублей 75 коп. (по этой цѣнѣ рубль чеканился съ 1764 г.) до 16 рублей 60 копѣекъ. Этотъ указъ, однако, былъ неосуществимъ, потому что не существовало такаго дешеваго серебра для его осуществленія. Насколько указу при-

1) П. П. С. З. XXIV № 17748.

2) См. Фоллендорфъ, Соврем. состояніе монетнаго дѣла въ Россіи и въ Запад. Европѣ, Спб. 1883.

давали практическое значеніе, можно судить по тому, что чрезъ мѣсяцъ послѣ его изданія, 26 февраля 1797 г., былъ изданъ другой указъ [1]), назначившій цѣну ефимка (который былъ тождественъ съ Петровскимъ рублемъ 1704 г.) въ 2 руб. 50 коп., конечно, ассигнаціями. Неудивительно, поэтому, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ 3 октября 1797 г. указъ о возстановленіи Петровскаго рубля 1704 г. былъ отмѣненъ и опять возстановленъ рубль Екатерины II, содержавшій чистаго серебра 4 золотника 21 долю = 405 долей = $4^{7}/_{32}$ золотника [2]). Но проба въ немъ сохранена Павловская, $83^{1}/_{3}$-я; то-есть, монетная цѣна чистаго серебра оставлена Екатерининская: по $23^{19}/_{27}$ копѣекъ за золотникъ или 22 рубля $75^{5}/_{9}$ копѣекъ за фунтъ [3]); но Екатерининскій рубль перестроился на фунтѣ лигатурнаго серебра $83^{1}/_{3}$-й пробы, въ 19 рублей $74^{25}/_{81}$ копѣекъ, или лигатурный вѣсъ рубля уменьшенъ до $466^{14}/_{25}$ долей = $4^{43}/_{50}$ золотника.

Технически это, можетъ быть, было и правильно; но финансовой выгоды это никакой не могло принести никому, ни казнѣ, ни странѣ; особенно тогда, когда изъ за ассигнацій никакая серебряная монета не могла оставаться въ странѣ. Въ качествѣ финансового рессурса монополія чеканки золотой и серебряной монеты для одной только казенной „прибыли“ потеряла свое прежнее значеніе. Какъ выше было указано, эта прибыль въ сущности была налогомъ (droit de monnaie, Schlagschatz) на золото и серебро въ монетѣ. И вотъ этотъ налогъ потерялъ доходность и долженъ былъ сойти съ исторической сцены. По случайному совпаденію, это въ одно и тоже время произошло у насъ и въ западной Европѣ. Повсюду монетная регалія измѣняла свой характеръ: государственное монопольное право чеканки монеты изъ финансового рессурса превращалось въ условіе благоустройства монетной части, допускаемое только въ интересахъ народнаго хозяйства, отнюдь не въ интересахъ фиска. Но въ западной Европѣ эта пере-

---

1) П. П. С. З. XXIV № 17842.

2) Тамъ же № 18178.

3) Цѣна въ 2 р. 50 к. ассигнаціями за ефимокъ, который былъ $83^{1}/_{3}$-й пробы имѣлъ лигатурный вѣсъ $6^{2}/_{3}$ золотника, чистаго серебра содержалъ $5^{85}/_{108}$ золотниковъ соотвѣтствовала цѣнѣ рубля въ 405 долей чистаго серебра въ 1 рубль $82^{1}/_{4}$ копѣйки ассигнаціями, то есть, ассигнаціонный рубль считался въ таможнѣ въ 55 копѣекъ серебромъ. Указъ 13 октября 1797 г. (№ 18202), маскировалъ этотъ фактъ тѣмъ, что переназначалъ цѣну ефимка въ 1 рубль 40 копѣекъ; но эта цѣна выражена въ русской с е р е б р я н о й монетѣ, а не въ ассигнаціяхъ; по содержанію чистаго серебра ($5^{85}/_{108}$ золотниковъ) ефимокъ стоилъ на русскую серебряную монету, содержавшую въ рублѣ 4 золотника 21 долю, 1 рубль 37 копѣекъ, которые и округлены до 1 руб. 40 коп.

мѣна въ началѣ XIX вѣка происходила подъ вліяніемъ успѣховъ культуры, политической и гражданской, во имя требованій экономической науки. А у насъ ту-же перемѣну вызвали: паденіе ассигнацій и потеря страною монетнаго запаса, который она очень медленно накапливала впродолженіи полутысячелѣтія исторіи рубля съ начала XIV до конца XVIII столѣтія. Въ началѣ царствованія Александра I и у насъ много интересовались Адамомъ Смитомъ; а такъ какъ въ то-же время хорошо понимали, что при упавшихъ въ цѣнѣ ассигнаціяхъ сколько-нибудь замѣтная прибыль казны отъ чеканки золотой и серебряной монеты стала невозможною,—то этою прибылью пожертвовали во имя начала свободной чеканки въ интересахъ народнаго хозяйства.

Начало свободной чеканки заключается въ предоставленіи всякому права приносить на государственный монетный дворъ на неограниченную сумму или только золото, или только серебро, или оба металла, для даровой или платной перечеканки въ монету по установленной закономъ нарицательной цѣнѣ монеты, безъ всякихъ иныхъ вычетовъ въ пользу казны. Въ зависимости отъ того, въ какомъ видѣ законодательство отдѣльныхъ странъ усвоиваетъ себѣ начало свободной чеканки, и въ зависимости отъ того, допускаетъ-ли законъ производство платежей на неограниченную сумму только въ золотой монетѣ, или только въ серебряной, или-же какъ золотою, такъ и серебряною монетою,—строится монетная система страны, какъ система золотого или серебряного монометаллизма, или биметаллизма. Это то начало свободной чеканки, чуждое прошлымъ вѣкамъ монетной исторіи, впервые было признано французскимъ законодательствомъ въ 1798 г. въ видѣ предоставленія каждому права приносить на неограниченную сумму на государственный монетный дворъ, какъ золото, такъ и серебро для ихъ перечеканки въ монету по нарицательнымъ цѣнамъ монеты въ серебрѣ и въ золотѣ на почвѣ установленнаго закономъ отношенія между этими цѣнами [1]).

---

1) Во Франціи франкомъ названа была серебряная монета, содержащая $4^1/_2$ грамма чистаго серебра, а такъ какъ законъ призналъ въ то-же время, что золото дороже серебра въ $15^1/_2$ разъ, то этимъ опредѣлился золотой франкъ въ видѣ $4^1/_2 : 15^1/_2 = {}^9/_{31}$ грамма чистаго золота; отсюда французская золотая 20-франковая монета содержитъ чистаго золота ${}^9/_{31} \times 20 = 5^{25}/_{31}$ граммовъ — $130^2/_3$ долей. Этимъ и началомъ свободной чеканки золотой и серебряной монеты на неограниченную сумму, при правѣ производства платежей на неограниченную же сумму, какъ золотою, такъ и серебряною монетою, установленъ въ Франціи биметаллизмъ.

Въ Россіи раньше, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ, Екатерининскій указъ 30 марта 1764 г. сдѣлалъ отношеніе между цѣнами золота и серебра въ русской монетѣ ясно установленнымъ по закону; для этого золото признано въ 15 разъ дороже серебра. Но биметаллизма этимъ не было установлено, потому что право чеканить золотую и серебряную монету казна сохраняла за собою для извлеченія прибыли отъ разности между цѣною золота и серебра въ монетѣ и покупною цѣною золота и серебра. Это измѣнилось въ началѣ царствованія Александра I. Указомъ 23 декабря 1803 г. опредѣляется: „желая предоставить *каждому, кто пожелаетъ или надобность находитъ*, ближайшій и удобнѣйшій способъ вымѣнивать на ходячую монету имѣющееся у него золото или серебро въ слиткахъ, въ дѣлѣ или не въ дѣлѣ, или же въ лому, выжигѣ и монетѣ, разумѣя кромѣ россійской монеты, соизволяемъ, чтобы *всякій* таковой, россійскій или иностранный, *имѣлъ свободу оное приносить на монетный дворъ*, получая за то, по приведеніи въ указную пробу, за вычетомъ угара и передѣльныхъ на расходы денегъ, *настоящее достоинство* принесеннаго отъ него золота или серебра *по передѣльной цѣнѣ* россійскою золотою или серебряною монетою“ [1]). Для большей ясности къ указу приложена „таблица“, указывающая, сколько выдается золотою или серебряною монетою разныхъ достоинствъ въ зависимости отъ пробы приносимаго золота или серебра. По этой таблицѣ, напримѣръ, приноситель фунта чистаго золота (96-й пробы) получаетъ монетою 338 рублей $59^1/_2$ копѣекъ. Такъ какъ въ имперіяльной монетѣ золотой рубль = 27 долямъ чистаго золота, то въ фунтѣ чистаго золота, содержащемъ 9216 долей, законъ даетъ этому фунту теоретическую цѣну 9216 : 27 = 341 рубль $33^1/_3$ копѣйки, или лишь на 2 рубля $73^5/_6$ копѣекъ больше, чѣмъ назначено для выдачи приносителямъ. За пудъ чистаго серебра приносителямъ выдается 887 рублей 65 копѣекъ вмѣсто 910 рублей $22^5/_9$ копѣекъ или меньше на 22 рубля $57^5/_9$ копѣекъ. Эти небольшія недоплаты очевидно покрываютъ расходы на угаръ, опробованіе и т. п.

Едва-ли тогда кому бы то ни было приходило на мысль—установить въ Россіи биметаллизмъ, который тогда не могъ имѣть практическаго значенія, когда въ Россіи никакая звонкая монета не въ состояніи была оставаться, вытѣсняемая за границу умножавшимися и обезцѣнивавшимися ассигнаціями. Начало свободной чеканки вводилось, какъ улучшеніе и украшеніе монетнаго законодательства

2) П. П. С. З. XXVII № 21.099.

на бумагѣ. На самомъ дѣлѣ оно очень скоро получило совсѣмъ другое значеніе, котораго при его установленіи никто не могъ предвидѣть. Оно оказалось первымъ шагомъ въ дѣлѣ созданія новыхъ условій, благодаря которымъ серебряный рубль въ состояніи былъ не только бороться съ неблагопріятными для него условіями, но въ концѣ концовъ даже совсѣмъ ихъ побороть.

Конечно, чеканка монеты, золотой и серебряной, продолжалась, но золотая и серебряная монета никакого практическаго значенія для народнаго и государственнаго хозяйства не имѣла уже при Павлѣ и Александрѣ I до 1810 г., когда никакихъ мѣръ противъ ассигнацій не предпринимали и ассигнаціи успѣшно вытѣсняли изъ обращенія золотую и серебряную монету. Въ какихъ числахъ выражалась чеканка новой монеты, не только серебряной и золотой, но и мѣдной, а также, какъ велики были новые выпуски ассигнацій при Павлѣ и при Александрѣ I до 1810 г., видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

Сдѣлано монетъ:	при Павлѣ *1797—1800*	при Александрѣ I *1801—1810*	Итого *1797—1810*
Золотой	2.054.597	6.576.114	8.630.811
Серебряной	10.018.471	24.353.268	34.371.739
Всего	12.073.068	30.929.382	43.012.450
Мѣдной	4.828.910	11.711.031	16.539.941
Всего монеты . .	16.901.978	42.640.413	59.542.391
Новыхъ ассигнацій . .	54.985.695	366.684.545	421.670.240
Итого	71.887.673	409.324.958	481.212.631

Сильное преобладаніе того значенія, которое въ эту эпоху получили ассигнаціи, очевидно изъ этихъ данныхъ, да и общеизвѣстно: наши числа только наглядно иллюстрируютъ этотъ фактъ. Конечно, числа наростали до указанныхъ размѣровъ постепенно и по мѣрѣ наростанія суммы выпущенныхъ ассигнацій ихъ цѣна падала все ниже и ниже, особенно съ 1807 г. А когда въ 1810 г. сумма новыхъ ассигнацій выпущенныхъ при Павлѣ и при Александрѣ I до этого времени, наросла до 421.670.240 рублей и присоединившись къ ассигнаціямъ, которыя на 157.703.640 рублей были выпущены при Екатеринѣ, дала общій итогъ ихъ, состоявшихъ въ обращеніи на чудовищную для того времени сумму 579.373.880 рублей, то наконецъ разразился кризисъ; рубль ассигнаціями въ декабрѣ 1810 и въ январѣ 1811 г. уже стоилъ только $^1/_5$ часть своей цѣны или бумажный рубль равнялся серебряному двугривенному.

Сильное паденіе ассигнацій до незначительной части ихъ нари-

цательной цѣны не осталось безъ крупнаго вліянія и послѣдствій, притомъ двоякаго рода: съ одной стороны, внизу, въ населеніи, а съ другой — вверху, въ правительственныхъ кругахъ. Особенно любопытны явленія, въ которыхъ выразилось, какъ населеніе реагировало на упадокъ ассигнацій. Въ сущности реагированіе населенія началось уже задолго до 1810 г., въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II, подъ вліяніемъ неумѣренныхъ чеканокъ мѣдной монеты. На эти чеканки населеніе отвѣчало уравненіемъ ассигнацій и мѣдной монеты, то-есть—распространеніемъ на мѣдную монету того пониженія, которому подвергались ассигнаціи. Это повело за собою, какъ послѣдствіе, что мѣдь, какъ товаръ, могла стоить на ассигнаціи дороже, чѣмъ мѣдь въ монетѣ, только потому, что мѣдь въ монетѣ падала также сильно, какъ ассигнаціи. Когда правительство начало чеканить мѣдную монету по 16 рублей изъ пуда, то оно исходило изъ того, что эти 16 рублей ничѣмъ не должны отличаться отъ *серебряныхъ* 16 рублей. Но когда пудъ мѣди въ штыкахъ возвысился до 16 рублей ассигнаціями, потерявшими половину своей цѣны и, слѣдовательно, составлявшими лишь 8 рублей серебромъ, то никакой прибыли казна уже не могла получить отъ чеканки мѣдной монеты. А всякое дальнѣйшее пониженіе ассигнацій дѣлало чеканку мѣдной монеты все болѣе и болѣе убыточною и даже вело за собою вывозъ мѣдной монеты, какъ товара, заграницу. Это было неминуемое послѣдствіе *бытового факта,* что населеніе смотритъ на мѣдную монету, какъ на ассигнаціи, а на ассигнаціи, какъ на мѣдную монету. Подобные бытовые факты не могутъ не возникать, когда населеніе не можетъ не реагировать на такія необыкновенныя явленія, какимъ несомнѣнно былъ уже выпускъ мѣдной монеты при Екатеринѣ II почти на 80.000.000 рублей (тогда какъ отъ начала чеканки мѣдной монеты Петромъ Великимъ до воцаренія Екатерины II ея было выпущено лишь на 26.400.000 рублей [1]). А когда, послѣ Екатерины II, мѣсто огромныхъ выпусковъ мѣдной монеты заняли еще болѣе значитель-

---

1) Мѣдной монеты начеканено:

При Петрѣ Великомъ	4.354.142
» Екатеринѣ I и Петрѣ II	3.988.330
» Аннѣ Іоанновнѣ	2 936.482
» Елизаветѣ	15.121.713
До Екатерины II	26.400,667
При » »	79.965.039
» Павлѣ и Алекс. I до 1810 г.	16.539.941

ные выпуски ассигнацій, то единственная область, въ которой населеніе только и можетъ реагировать на подобныя вліянія, обозначилась еще яснѣе и опредѣленнѣе. Такою областью является та, въ которой властно одно только населеніе и въ которой никакая сила не можетъ его побороть: область *оцѣнки* того, что населенію приходится принимать. Въ *этой* области русское населеніе въ состояніи было обнаружить свою силу и найти выходъ изъ большихъ затрудненій уже при Василіѣ Темномъ. Въ *этой* же области оно быстро покончило съ мѣдными деньгами при Алексѣѣ Михаиловичѣ; въ ней-же населеніе нашло способъ реагировать противъ мѣдныхъ денегъ Екатерины II. И въ этой-же области населеніе *рѣшило судьбу ассигнацій* послѣ того, какъ онѣ подверглись очень сильному кризису въ концѣ 1810 г. По существу, упадокъ ассигнацій былъ лишь повтореніемъ того, что произошло при Василіѣ Темномъ почти за 370 лѣтъ до 1810 г.: подобно тому, какъ тогда „денга“ изъ $^1/_{216}$ полуфунта серебра превратилась въ $^1/_{576}$ того-же полуфунта серебра, такъ въ 1810 году бумажный рубль (ассигнаціями) который долженъ былъ составлять $^5/_{57}$ полуфунта серебра, уменьшился въ пять разъ и сталъ цѣнностью въ $^1/_{57}$ полуфунта серебра. Въ половинѣ XV вѣка „денга“ стала маловѣсною отъ уменьшенія въ $2^2/_3$ раза ($576 : 216 = 2^2/_3$); а въ началѣ XIX вѣка сталъ малосильнымъ бумажный рубль отъ уменьшенія въ пять разъ. Естественно, что населеніе реагировало на это паденіе въ половинѣ XV в. и въ началѣ XIX в. совершенно одинаково. Подобно тому, какъ въ половинѣ XV в. оно *извѣрилось* въ большой рубль, въ гривенку серебра, и *фиксировавшись на маловѣсной московской „ходячей“ деньгѣ*, стало считать *только* на эту *маловѣсную* московскую денгу, а потомъ цѣпко держалось за этотъ *счетъ* до Петра Великаго и даже еще при немъ,— такъ точно населеніе потомъ, въ началѣ XIX вѣка, *извѣрилось* и въ рубль, даже уменьшенный до 4 золотниковъ 21 доли чистаго серебра, или до $^4/_{91}$ фунта серебра, признало этотъ рубль лишь идеальною величиною „цѣлковаго“ и *стало считать на маломѣрный „ассигнаціонный рубль“*; эта новая, созданная населеніемъ, денежная единица, получила народную оцѣнку въ одну четверть идеальнаго „цѣлковаго“, то-есть, въ $^1/_{91}$ фунта чистаго серебра, и счетъ по равенству: 4 рубля ассигнаціями = одному рублю серебромъ *глубоко вошелъ въ народные нравы* и крѣпко держался въ теченіи всей первой половины XIX в.

Возникновеніе этой новой денежной единицы было однимъ изъ послѣдствій кризиса конца 1810 г.; мы ниже еще остановимся на обстоятельствахъ, вслѣдствіе которыхъ новая денежная единица укоре-

нилась и долго держалась. Въ значительной степени это обусловливалось воздѣйствіемъ, которое на правительство оказало непрерывное паденіе ассигнацій еще до наступленія кризиса. Въ началѣ 1807 г. ассигнаціи сохраняли еще $^2/_3$ своей цѣны, а въ 1808 и 1809 гг. онѣ потеряли половину и этого остатка и къ 1810 г. уже стоили лишь $^1/_3$ своей цѣны. Угрожавшая опасность отъ дальнѣйшаго пониженія была уже достаточно явная, да и происшедшее до этого паденіе слишкомъ чувствительно отразилось на уменьшеніи покупной силы казны, насколько эта сила зависѣла отъ государственныхъ доходовъ, поступавшихъ въ обезцѣненныхъ ассигнаціяхъ. Необходимость большихъ финансовыхъ реформъ достаточно выяснилась уже въ 1809 г. и среди этихъ реформъ видное мѣсто занимали мѣры по борьбѣ съ упадкомъ ассигнацій. Не останавливаясь на подробностяхъ этихъ реформъ и мѣропріятій [1]), мы должны здѣсь отмѣтить, что несмотря на паденіе ассигнацій, въ правительственныхъ кругахъ тогда не было страха за судьбу ассигнацій, а напротивъ господствовала вѣра въ то, что ассигнаціи могутъ не только поправиться, но даже вполнѣ возстановиться вплоть до уравненія въ цѣнѣ съ серебряною монетою. Именно поэтому большое значеніе придавалось „новому устройству монетной системы", которому и посвящены были два манифеста среди многочисленныхъ законодательныхъ актовъ 1810 года.

Манифестъ 20 іюня 1810 г. „о новомъ устройствѣ монетной системы" [2]) представляетъ первую попытку обобщенія основныхъ началъ нашего монетнаго законодательства и установленія принциповъ, на которыхъ строится монетная *система* въ Россіи, или (точнѣе) первую попытку построенія такой системы для Россіи. Но въ смыслѣ обобщенія тѣхъ правовыхъ фактовъ, которые сохраняли силу, попытку 1810 г. едва ли можно считать удачною. Да и новаго въ ней было очень немного, а то, что было ново, отличалось сбивчивостью и малою жизнеспособностью. Пробѣловъ-же и недочетовъ оставалось въ монетномъ законодательствѣ 1810 г. едва-ли многимъ меньше, чѣмъ было до того. Большое значеніе тогда, какъ и впослѣдствіе, придавалось тому, что новое законодательство 1810 г., давало будто бы, ясное опредѣленіе русской монетной единицѣ (Währung, валютѣ). Манифестъ

1) Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ нихъ читатель можетъ найти въ нашихъ книгахъ: «Кредитные билеты, ихъ упадокъ и возстановленіе», Спб. 1888, стр. 196—207, и «Изъ исторіи бумажныхъ денегъ въ Россіи; Спб. 1909, стр. 22—36.

2) П. П. С. З. XXXI № 24261.

20 іюня даетъ это опредѣленіе въ § 1 слѣдующими словами: „Главною непремѣняемою и законною мѣрою (монетною единицею) всѣхъ монетъ обращающихся въ государствѣ, установляется *серебряный рубль настоящаго достоинства*, а именно: вѣсомъ во стѣ рубляхъ пять фунтовъ и шесть золотниковъ лигатурнаго серебра $83^1/_3$-й пробы". Опредѣленіе этому придавалось очень большое значеніе особенно потому, что имъ русская монетная система объявлялась *системою серебрянаго монометаллизма*. Что дѣйствительно таково было намѣреніе законодателя въ 1810 г., въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, потому что этотъ смыслъ только и можетъ имѣть, какъ приведенное опредѣленіе манифеста, такъ и другія, въ немъ содержащіяся. Указывая на то, что въ русской монетной системѣ рублемъ называется то количество *серебра*, которое составляетъ одну сотую часть пяти фунтовъ и шести золотниковъ лигатурнаго серебра $83^1/_3$-й пробы (т. е. признавая рублемъ то количество чистаго серебра, которое было установлено Екатериною II, при той его пробѣ, которая была установлена Павломъ), манифестъ 20 іюня 1810 г. объявляетъ этотъ серебряный рубль законною мѣрою (монетною единицею) [1]) *всѣхъ монетъ, обращающихся въ государствѣ*. То-есть, всѣ монеты, обращающіяся въ Россіи, имѣютъ цѣну, которая измѣряется, а потому и выражается въ рубляхъ „настоящаго достоинства", представляемаго 4 золотниками 21 долею чистаго *серебра* въ каждомъ рублѣ. Для устраненія всякаго сомнѣнія за этимъ опредѣленіемъ манифеста идетъ другое: „всѣ прочія серебряныя монеты *прежнихъ* пробъ и вѣса, такъ какъ и монеты золотыя, оставляются въ *свободномъ* обращеніи по сравнительному ихъ достоинству къ *настоящему серебряному* рублю". Это опредѣленіе особенно любопытно тѣмъ, что оно ставитъ золотую монету на одну доску съ серебряною монетою „прежнихъ пробъ и вѣса", которыя объявляются имѣющими лишь свободное, а не обязательное обращеніе, и лишь свободную, а не обязательную цѣну, такую цѣну, которая на рынкѣ устанавливается „по сравнительному достоинству къ *настоящему серебряному*, рублю". Неудовлетворяясь пренебреженіемъ, которое выражено золотой монетѣ въ § 2 манифеста, манифестъ идетъ еще дальше и въ § 3 совсѣмъ исключаетъ золотую монету изъ перечисленія русскихъ металлическихъ монетъ: „россійская металлическая монета, впредь издаваемая, имѣть будетъ *три* слѣдующія раздѣленія: 1) монета банковая или торговая, *серебряный* рубль и полтина, 2) монета *серебряная*, размѣнная

1) Скобки въ манифестѣ.

въ 20, 10 и 5 копѣекъ, 3) монета *мѣдная*, размѣнная въ 2 копѣйки, въ 1 копѣйку и въ $^1/_2$ копѣйки или въ одну деньгу". Это очень рѣшительное опредѣленіе, несомнѣнно указывающее на то, что законодатель такъ категорически желалъ установленія въ Россіи *серебряного* монометаллизма, что для этого даже готовъ былъ пожертвовать чеканкою золотой монеты и не включилъ ея въ число монетъ, которыя „впредь" будутъ выдаваемы. А это едва-ли даже требовалось для самаго рѣшительнаго серебряного монометаллизма И это не соотвѣтствовало дѣйствительности: въ томъ-же 1810 г., какъ до него и послѣ него, продолжали чеканить червонцы для заграничныхъ платежей, а съ 1817 года возобновлена чеканка полуимперіаловъ.—Очень ясно и департаментъ экономіи государственнаго совѣта при предварительномъ обсужденіи основаній новаго устройства монетной системы тоже категорически высказался принципіально за серебряный монометаллизмъ. Департаментъ экономіи полагалъ, что „во всякой доброй монетной системѣ должна быть *одна* монетная единица" .. „Поелику двѣ монетныя единицы въ правильной монетной системѣ существовать *не могутъ* и поелику золото по малому у насъ онаго количеству *нельзя* признать монетною единицею, то золотую монету оставить въ настоящемъ ея *относительномъ къ серебру* достоинству и *свободномъ* обращеніи, *какъ предметъ торговли*, коего цѣна опредѣляется количествомъ и потребностью... Истинною-же монетною единицею въ Россіи признать *серебряный* рубль" [1]). Эти сужденія, какъ и приведенныя выдержки изъ манифеста 20 іюня 1810 г., устраняютъ всякія сомнѣнія относительно того, какія намѣренія имѣлъ законодатель въ 1810 г. при „новомъ устройствѣ монетной системы". Новое устройство заключалось въ *серебряномъ монометаллизмѣ.*

Не если это намѣреніе—внѣ всякого сомнѣнія, то его осуществленіе, какъ оно выражалось въ законоположеніяхъ о монетѣ 1810 г. и непосредственно слѣдовавшихъ за нимъ годовъ, было еще очень несовершенно. Очень опасно было исключеніе золотой монеты изъ числа монетъ, которыя „впредь" будутъ выдаваемы. А еслибъ онѣ „впредь" все-таки чеканились бы? Государственный совѣтъ желалъ ихъ поставить, „какъ предметъ торговли", который можетъ быть оставленъ „въ свободномъ обращеніи" и котораго „цѣна опредѣляется количествомъ и потребностью". Еслибъ это намѣреніе государственнаго со-

1) Архивъ Госуд. Сов., изд. Госуд. Канцеляріи, т. IV, часть 1, 545, 547.

вѣта осуществилось-бы въ опредѣленіи, что впредь золотая монета будетъ чеканиться только съ надписью на ней ея названія (червонецъ, имперіялъ, полуимперіялъ), но безъ означенія на ней какой бы то ни было нарицательной суммы (десять рублей, пять рублей),—то это была-бы ясная постановка золотой монеты въ системѣ серебряного монометаллизма. Но это было упущено, а съ 1817 г. возобновлена была чеканка золотой монеты съ надписью на ней старой цѣны: пять рублей. Этого было достаточно для того, чтобы въ теченіе всего XIX ст. надпись на полуимперіялѣ многими понималась въ смыслѣ пяти *золотыхъ* рублей, какъ еслибъ рядомъ съ серебрянымъ рублемъ, какъ монетной единицею, существовалъ золотой рубль, особою монетною единицею. А государственный совѣтъ желалъ установить, что „двѣ монетныя единицы въ правильной монетной системѣ существовать не могутъ“. Значитъ, наша монетная система не была правильна? Указанное обязательство не было единственнымъ, вносившимъ недоумѣніе въ нашу монетную систему серебряного монометаллизма. Мы видѣли, что указъ 23 декабря 1803 г. провозгласилъ у насъ начало свободной чеканки серебряной и золотой монеты. Для системы серебрянаго монометаллизма это было слишкомъ много; достаточно было бы начала свободной чеканки только серебряной монеты, особенно при предположеніи, что золотая монета впредь не будетъ чеканиться. Манифестъ 29 августа 1810 г. [1]). „о новой серебряной и мѣдной монетѣ“ съ этимъ какъ будто вполнѣ согласуется. Онъ вводитъ у насъ новое начало даровой чеканки серебряной монеты и для этого постановляетъ: „всѣ расходы при дѣлѣ *серебряной* монеты пріемлются насчетъ казны; цѣна *серебра* отъ передѣла его въ монету ничѣмъ не увеличивается въ сравненіи съ цѣною его въ слиткахъ“. Говорится только о серебрѣ; о золотѣ умалчивается. Соотвѣтственно этому въ слѣдующей статьѣ начало свободной чеканки формулируется какъ будто въ примѣненіи только къ серебру. Говорится: „на семъ основаніи принимаемо будетъ отъ всѣхъ вольноприносящихъ *серебро* въ слиткахъ или въ дѣлѣ, и въ то же самое время, по содержанію пробы и вѣса, возвращаемо имъ будетъ въ *серебряной* монетѣ банковой или размѣнной, безъ всякаго за передѣла вычета“. Все, какъ будто, въ духѣ серебрянаго монометаллизма. Но вслѣдъ за приведенными словами въ томъ-же § 4 цитируемаго манифеста говорится: „тоже самое правило распространяется и на пе-

1) П. П. С. З. XXXI № 24834.

редѣлъ золота, которое также безъ вычета возвращаемо будетъ въ монетѣ". А слѣдующій § 5, учреждающій „для удобности таковыхъ *частныхъ передѣловъ*" пробирныя палатки въ Петербургѣ, Москвѣ и Ригѣ, уже безразлично говоритъ, что онѣ открываются, „дабы приносимое въ нихъ *золото* и серебро въ слиткахъ или въ дѣлѣ возвращаемо было съ вѣрностью и безъ малѣйшаго умедленія". Очевидно, въ то время еще не очень ясно понимали значеніе, которое для той или другой монетной системы (серебрянаго или золотого монометаллизма) имѣетъ начало неограниченной чеканки того или другого драгоцѣннаго металла, или ихъ обоихъ. А еще менѣе въ то время понимали значеніе, которое для различныхъ монетныхъ системъ имѣетъ начало допущенія платежей на неограниченную сумму тою или иною монетою или разными видами монеты. Вслѣдствіе этого оба манифеста 1810 года, 20 іюня и 29 августа, совершенно умалчиваютъ объ этомъ предметѣ, то-есть, допускаютъ, что платежи на неограниченную сумму могутъ быть производимы не только серебряною (и, конечно, золотою) монетою, но и мѣдною. Ограниченіе мѣдныхъ платежей тремя рублями у насъ вошло въ законъ лишь чрезъ 50 лѣтъ; а до этого нашъ серебряный монометализмъ хромалъ не только изъ-за золота, но и изъ-за мѣди.

Недоумѣніе внесено было также въ монетную систему раздѣленіемъ серебряной монеты на банковую и размѣнную. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи это раздѣленіе коренилось въ томъ, что банковою называлась высокопробная серебряная монета, а размѣнная монета была низкопробная. Но у насъ оба манифеста 1810 г. никакой низкопробной серебряной монеты не допускали; ея ни до 1810, ни въ теченіи 57 лѣтъ послѣ 1810 г. въ Россіи совсѣмъ не было. Манифестъ 29 августа 1810 г. различалъ серебряныя монеты крупныхъ достоинствъ (въ рубль и полтину) отъ серебряной монеты мелкихъ достоинствъ лишь тѣмъ, что первая была $83^1/_3$-й пробы, а вторая—72-й. Но это различіе было уничтожено указомъ 21 августа 1813 г.[1]). Поэтому различіе между банковой и размѣнной монетою, какъ лишенное существеннаго основанія, у насъ въ жизни не привилось.

Въ видахъ уменьшенія убыточности чеканки для казны мѣдной монеты манифестъ 29 августа 1810 г. возвысилъ (съ 16 рублей) до 24 рублей цѣну пуда мѣди въ монетѣ. Но эти 24 рубля были рубли ассигнаціями и иными въ 1810 г. быть не могли. А по народной оцѣнкѣ

1) П. П. С. З., XXXII, № 25437.

24 рубля ассигнаціи послѣ 1810 г. шли уже за 6 цѣлковыхъ; а пудъ мѣди въ штыкахъ стоилъ больше 6 цѣлковыхъ. Поэтому и новая постановка мѣдной монеты не много могла измѣнить въ положеніи дѣла.

Всего важнѣе было то, что ближайшаго практическаго значенія новыя монетныя законоположенія 1810 г. имѣть не могли. Для того, чтобы эти законоположенія могли имѣть практическое значеніе, необходимо было, чтобы въ обращеніи могла опять появиться золотая и серебряная монета. А что-бы то ни было сдѣлать въ этомъ направленіи, правительство совершенно лишено было всякой возможности.

Мало того: уже при Сперанскомъ въ 1811 году, а еще болѣе послѣ того, какъ онъ впалъ въ немилость и въ началѣ 1812 года былъ высланъ изъ Петербурга, выяснилось, что единственная мѣра, которою правительство въ состояніи сдѣлать что-нибудь существенное для возвышенія цѣны ассигнацій, заключалась въ предоставленіи имъ принудительнаго курса. До этого времени ассигнаціи отличались тѣмъ, что для населенія не была обязательна ихъ нарицательная цѣна и не былъ обязателенъ даже ихъ пріемъ. Онѣ получили широкое распространеніе *только въ силу обычая*, опиравшагося на то, что ими можно было производить платежи въ казну и что онѣ были удобнѣе тяжеловѣсной мѣдной монеты. Въ манифестѣ 2 февраля 1810 г. [2]), которымъ объявлялось, что „новый выпускъ ассигнацій отнынѣ пресѣкается“, указывалось и на то, что „ассигнаціи сохранили свободный и обширный ихъ ходъ“, т. е. лишены были всякой обязательности. Поэтому были мѣстности (особенно въ западной полосѣ Имперіи) и были обороты, въ которыхъ ассигнаціями пользовались мало. Могло поэтому казаться, что предоставленіе обязательности ассигнаціямъ, „расширивъ ихъ ходъ“, увеличитъ спросъ на нихъ и будетъ содѣйствовать подъему ихъ курса или противодѣйствовать ихъ паденію. Такъ думали въ то время повсюду въ Европѣ; не могли не думать такъ и у насъ. Но обязательность могла быть предоставлена ассигнаціямъ лишь ограниченная. Можно было сдѣлать обязательнымъ пріемъ ассигнацій при производствѣ платежей, чтобы платежъ ими не могъ быть „отринутъ“. Но невозможно было сдѣлать обязательною ихъ нарицательную цѣну. Въ 1812 г. уже для всѣхъ стало очевиднымъ фактомъ, что нарицательная цѣна ассигнацій потеряла всякое практическое значеніе; въ народѣ и въ казну онѣ принимались, считая 4 рубля ассигнаціями за одинъ рубль серебромъ.

2) П. П. С. З. XXXI, № 24116.

Около этого равенства могли происходить колебанія. Но самое равенство никѣмъ не упускалось изъ виду; оно стало незыблемою основою всѣхъ денежныхъ расчетовъ, въ которой никакой законъ ничего измѣнить не могъ. Мирясь съ этимъ фактомъ, манифестъ 9 апрѣля 1812 г. предписывая, чтобъ всѣ счеты и платежи, въ казну, изъ казны и между частными лицами „основывались на ассигнаціяхъ", въ то-же время предоставилъ „контракты, закладныя, купчія крѣпости, векселя, заемныя письма и всякаго рода обязательства и сдѣлки, между частными лицами на волю ихъ заключать и писать *на ассигнаціи или серебро* по добровольному согласію; но платежъ по онымъ не можетъ быть отринутъ ассигнаціямъ *по промѣну на серебро въ день платежа*". Обязательнымъ сдѣланъ *ходячій промѣнъ на серебро:* биржевой курсъ, гдѣ есть биржа, а гдѣ ея нѣтъ всѣ иные способы „промѣна".

Это постановленіе министромъ финансовъ того времени считалось чѣмъ-то въ родѣ привиллегіи, предоставленной ассигнаціямъ, преимуществомъ, которое дано ассигнаціямъ и которое онѣ имѣли предъ серебряною монетою. Въ силу этого министерство финансовъ считало себя не только въ правѣ, но и *обязаннымъ* требовать, чтобъ всѣ платежи въ казну, налоги, подати, пошлины, откупные взносы и всякаго рода суммы по договорамъ и сдѣлкамъ съ казною — вносились *непремѣнно ассигнаціями, но отнюдь не монетою;* и не только министерство финансовъ, но и всякое другое вѣдомство (напримѣръ, почтовое) имѣло ту-же обязанность. Уклоненіе отъ этого, то-есть, допущеніе платежа не ассигнаціями, а серебряною монетою, считалось допустимымъ не иначе, какъ въ силу особаго распоряженія комитета министровъ или государственнаго совѣта, удостоеннаго Высочайшаго утвержденія. Если какое-нибудь вѣдомство не такъ строго понимало манифестъ 9 апрѣля 1812 г. „о введеніи повсемѣстнаго единообразнаго обращенія ассигнацій", то министерство финансовъ чрезъ сенатъ внушало ему правильную точку зрѣнія на соблюденіе этого манифеста. Въ самомъ-же министерствѣ финансовъ даже было заведено особое дѣло „о неприниманіи въ государственные доходы золотой и серебряной монеты" [1]).

Такимъ образомъ, съ двухъ сторонъ, сверху и снизу, обстоятельства такъ складывались, чтобъ вмѣсто денежнаго счета на серебряный рубль („цѣлковый") или *равный* ему ассигнаціонный рубль,

1) См. объ этомъ нашу книгу «Изъ исторіи бумажныхъ денегъ въ Россіи», Спб. 1909 г. стр. 46 - 49.

въ употребленіе входилъ новый денежный счетъ. Сверху, въ интересахъ охраны ассигнаціи признавалось необходимымъ санкціонировать ходячій курсъ ассигнаціи; а снизу населеніе, въ интересахъ противодѣйствія новымъ сильнымъ колебаніямъ ассигнаціи, тоже предпочитало мириться съ ихъ ходячимъ курсомъ, но такимъ, который былъ поближе къ нисшему уровню, до котораго понизились ассигнаціи (совершенно такъ, какъ населеніе поступило при Василіи Темномъ). На этой-то почвѣ складывался денежный счетъ на ассигнаціонный рубль („рубль ассигнаціями“) въ одну четверть, какъ серебрянаго рубля, такъ и нарицательнаго достоинства ассигнацій. Исходя изъ различныхъ побужденій, стремясь къ различнымъ цѣлямъ и заботясь о различныхъ интересахъ, правительство сверху и населеніе снизу приходили другъ другу навстрѣчу, тѣмъ, что они одинаково благопріятствовали новому денежному счету, который тогда началъ распространяться — одновременно — по силѣ обычая и по силѣ закона.

Совпаденіе это, однако, было только внѣшнее; оно могло способствовать успѣшному распространенію новаго денежнаго счета „на ассигнаціи“; но въ основѣ его все таки лежали противоположные интересы. Правительство должно было желать возвышенія курса ассигнацій, потому что война и ея расходы еще продолжались, продолжались и выпуски ассигнацій для этихъ расходовъ; отъ возвышенія курса ассигнацій зависѣло увеличеніе покупной силы казны, производительность государственнаго бюджета, даютъ-ли рубли государственныхъ доходовъ больше или меньше. А въ интересахъ государственнаго кредита финансовое управленіе не могло не мечтать объ уравненіи ассигнаціоннаго рубля съ серебрянымъ: о какомъ-же маломальски сносномъ состояніи государственнаго кредита можетъ быть рѣчь, когда государственныя бумажныя деньги теряютъ три четверти своей цѣны? Такимъ образомъ, для правительства „счетъ на ассигнаціи“ былъ счетомъ, который долженъ былъ вести къ возвышенію ассигнацій. А для населенія тотъ-же „счетъ на ассигнаціи“ имѣлъ совершенно противоположный смыслъ, потому что интересы населенія были совершенно противоположные: всѣ слои населенія, высшіе, нисшіе и средніе, всѣ боялись возвышенія ассигнаціи, какъ новаго кризиса, еще болѣе страшнаго, чѣмъ тотъ, который страна пережила, когда ассигнаціи упали до одной пятой своей цѣны. Ниже по другому поводу намъ придется привести отзывы нѣкоторыхъ современниковъ той эпохи, показывающіе, какъ тогда всѣ считали сильное возвышеніе цѣны ассигнацій очень опаснымъ для страны новымъ кризисомъ. Въ

населеніи, во всѣхъ его слояхъ, всего напряженнѣе ощущалась потребность въ устойчивости курса ассигнацій, чтобъ ихъ цѣна возможно менѣе сильно измѣнялась, а если она установилась на уровнѣ 25% нарицательной цѣны ассигнаціи, то чтобъ она возможно меньше отклонялась въ ту или другую сторону отъ этого уровня.

При такой противуположности интересовъ, только снаружи прикрытыхъ общимъ сочувствіемъ новому денежному счету „на ассигнаціи", — окончательный результатъ долженъ былъ зависѣть отъ того, у какой стороны окажется больше силы для защиты своихъ интересовъ. Больше силъ этихъ оказалось внизу и интересы населенія восторжествовали. Но вверху этого долго не замѣчали и даже не сознавали; а когда стали замѣчать, то повели безуспѣшную борьбу, въ которой приходилось дѣлать въ теченіи долгаго времени уступку за уступкою и въ концѣ-концовъ совсѣмъ сложить оружіе.

Новый денежный счетъ входилъ въ обыкновеніе, когда отечественная война была въ разгарѣ и, слѣдовательно, продолжались выпуски ассигнацій. Хотя эти выпуски производились секретно, но посвященные объ нихъ знали и очень боялись дальнѣйшаго ихъ упадка: напримѣръ, „Аракчеевъ опасался, что ассигнаціи упадутъ до гривенника" [1]). Такихъ боязливыхъ, вѣроятно, было тогда не мало. Но случилось то, чего никто не могъ предвидѣть и что люди могли бы считать чудомъ. Ассигнаціи колебались въ цѣнѣ; но колебались не только внизъ, но и вверхъ; новаго-же упадка ихъ не произошло вплоть до окончанія наполеоновскихъ войнъ, когда уже не могло быть повода бояться упадка.

Это было дѣйствіе новаго денежнаго счета „на ассигнаціи", на ассигнаціонный рубль въ одну четверть „цѣлковаго". Денежный счетъ не такая простая и невинная вещь, какъ можетъ казаться, и заключается онъ не въ однихъ только ариѳметическихъ дѣйствіяхъ. Денеж-

---

1) Богдановичъ. Исторія Александра I, т. VI, стр. 143, примѣчаніе. Австрійскія ассигнаціи въ декабрѣ 1810 г. упали до $10^2/_3$% ихъ нарицательнаго достоинства. Для того, чтобы судить о дѣйствіи, выпусковъ нашихъ ассигнацій въ различные періоды на ихъ курсъ, полезно имѣть въ виду, что при Екатеринѣ II и Павлѣ выпущено ассигнацій на 216.689.335 рублей. При императорѣ же Александрѣ I выпущено:

въ 1801— 4 г.г. въ	4 года	. . . . .	47.969.215 рублей
» 1805—10 » »	6 лѣтъ	. . . . .	318.720.339 »
» 1811—16 » »	6 »	. . . . .	256.621.111 »
	16 лѣтъ	. . . . .	623.310.665 рублей

а съ выпущенными до Александра I 836.000.000 руб.

ный счетъ всегда заключается прежде всего въ *оцѣнкѣ*: въ данномъ случаѣ онъ заключался въ *переоцѣнкѣ нарицательной стоимости ассигнаціоннаго рубля* въ 25 копѣекъ серебромъ. Слѣдовательно, по новому денежному счету вся масса обращавшихся въ 1810 г. ассигнацій на 579.373.880 рублей, въ этой суммѣ имѣла только выраженіе ея нарицательной стоимости; дѣйствительная-же ея стоимость по новому денежному счету была въ 4 раза меньше и не превышала 144.843.470 рублей серебромъ. А при такой, болѣе скромной, ихъ оцѣнкѣ ассигнаціи могли сохранить свою новую, также скромную, оцѣнку, даже когда ихъ масса опять нѣсколько увеличивалась. Ибо по новой оцѣнкѣ, по новому денежному счету, увеличенія отъ новыхъ выпусковъ были въ 4 раза меньше, чѣмъ могло казаться по нарицательнымъ суммамъ выпусковъ. Такъ въ 1812 г. произведено новыхъ выпусковъ ассигнацій на $64^1/_2$ милліоновъ рублей нарицательныхъ, которые по новому денежному счету составляли лишь 16.12 милліоновъ рублей серебромъ. Въ 1813 г. нарицательная сумма новыхъ выпусковъ составляла 103.44 милліоновъ, которые по новой оцѣнкѣ не превышали 25.86 милл. рублей. Въ 1814 г. даже нарицательная сумма выпусковъ составляла уже 48.92 милл. руб.; дѣйствительная-же сумма по новой оцѣнкѣ была лишь 12.23 милл. рублей. Наконецъ въ 1815 г. выпущено новыхъ ассигнацій на 27.57 милл. рублей нарицательныхъ, которые по новой оцѣнкѣ составляли лишь 6.39 милл. рублей серебромъ. При новомъ денежномъ счетѣ оказывалось, что ассигнацій состоитъ въ обращеніи гораздо меньше, чѣмъ оффиціально считалось, и ихъ увеличеніе, пока продолжалась война, тоже выражалось въ значительно меньшихъ суммахъ, чѣмъ оффиціально считали А такъ какъ и оцѣнка ассигнацій, по новому денежному счету, въ $^1/_4$ цѣлковаго, была тоже скромная, то она могла не подвергаться сильнымъ измѣненіямъ, даже пока продолжалась война и для нея производились новые выпуски ассигнацій.

Это было естественное послѣдствіе того, что новый денежный счетъ былъ *не только* счетомъ „на ассигнаціи“, но одновременно и счетомъ *на серебро*. Въ этомъ и заключалось существо новаго денежнаго счета: это былъ счетъ не на нарицательное (бумажное) достоинство ассигнаціи, которое *потеряло всякое значеніе и никѣмъ не принималось во вниманіе,* а на ассигнацію *по установленной обычаемъ оцѣнкѣ ея на серебро*. А такъ какъ эта оцѣнка не превышала $^1/_4$ нарицательной стоимости ассигнацій, то она вліяла *уменьшающимъ* образомъ на всякую сумму, выраженную въ ассигнаціяхъ по ихъ нарицательной цѣнѣ,

сокращая ее на $^3/_4$. Въ этомъ направленіи она вліяла также на суммы обращавшихся ассигнацій и на суммы новыхъ ихъ выпусковъ. А этимъ она *ослабляла дѣйствіе* и значеніе означенныхъ суммъ въ четыре раза. Изъ значительныхъ она ихъ превращала въ незначительныя, какъ бы разоблачая ихъ внутреннее безсиліе, насколько оно было имъ присуще, и приводя въ извѣстность незначительную силу, у нихъ остававшуюся, которою онѣ уже не въ состояніи были производить дурныхъ дѣйствій.

Но указанное вліяніе, сравнительная устойчивость цѣны ассигнацій во время отечественной войны, было не единственнымъ дѣйствіемъ новаго денежнаго счета. Еще болѣе замѣчательно было другое его дѣйствіе.

Паденіе ассигнацій на $^1/_4$ или $^1/_3$ ихъ цѣны было достаточно для того, чтобы онѣ вытѣснили изъ обращенія звонкую монету, серебряную и золотую. И пока ассигнаціи сохраняли не только $^3/_4$ или $^2/_3$, но даже половину или даже лишь $^2/_5$ ихъ нарицательной цѣны, этого при очень значительной суммѣ, на которую онѣ были выпущены, и при сильныхъ колебаніяхъ ихъ курса было достаточно, чтобъ препятствовать звонкой монетѣ вновь проникать во внутреннее обращеніе. Эти условія самымъ кореннымъ образомъ измѣнились, когда ассигнаціи во время отечественной войны окончательно потеряли $^3/_4$ ихъ нарицательной стоимости, а новый денежный счетъ фиксировалъ ихъ цѣну на уровнѣ послѣдней четверти, сдѣлавъ ее дѣйствительною ихъ стоимостью, и замкнувъ ихъ колебанія въ узкіе предѣлы. Когда, еще во время отечественной войны, ассигнацій оказалось въ обращеніи, по новому денежному счету, сначала лишь на сумму около 145 милл. рублей серебромъ, а потомъ 160, 180 и до конца войны чувствительно менѣе 200 милльоновъ рублей, а курсъ ассигнацій довольно твердо установился на обычномъ уровнѣ 25 копѣекъ серебромъ, то очевидно возвратъ золотой и серебряной монеты приходилъ въ тѣснѣйшую зависимость отъ того, въ какомъ соотношеніи находилась сумма состоявшихъ въ обращеніи ассигнацій, по новому денежному счету, къ суммѣ звонкой монеты, серебряной и золотой, которую онѣ вытѣснили изъ обращенія до окончательнаго упадка ассигнацій, или до кризиса въ концѣ 1810 г.?

Выше мы на основаніи данныхъ о чеканкахъ исчисляли, что къ концу царствованія Екатерины II, въ обращеніи могло состоять одной серебряной монеты отъ 215 до 275 милльоновъ рублей. Съ прибавленіемъ половины чеканокъ при императорѣ Павлѣ и при Александрѣ I

до 1810 г., а также золотой монеты, можно полагать, что запасъ серебряной и золотой монеты, который ассигнаціи вытѣснили изъ обращенія, могъ простираться отъ 250 до 300 милл. рублей. Этотъ запасъ значительнѣйшею частью ушелъ заграницу, а нѣкоторою частью скрылся въ странѣ, но пока ассигнаціи были въ силѣ, не могъ обнаруживаться. Но когда ассигнаціи стали безсильными, тогда ихъ оказалось гораздо меньше, чѣмъ было той монеты, которая ими была вытѣснена. Монетѣ какъ бы очистилось большое свободное мѣсто и она снова могла начать обратный притокъ въ страну или выйти изъ мѣстъ, въ которыя она спряталась.

Это дѣйствительно произошло уже во время отечественной войны и это тоже не могло бы произойти безъ новаго денежнаго счета. Ибо только благодаря ему могло стать ощутительнымъ, что мѣсто, которое занималъ болѣе значительный запасъ звонкой монеты (по нашему исчисленію отъ 250 до 300 милльоновъ рублей), заняли ассигнаціи, сначала лишь на 145 милл. рублей серебромъ, а потомъ лишь постепенно увеличивавшіяся на сравнительно небольшія суммы.

О возвратѣ монеты, начавшемся еще во время отечественной войны, мы знаемъ по тому факту, что уже во время войны въ различныхъ частяхъ страны оказалась монета, которою населеніе желало производить платежи въ казну. А по окончаніи войны монета оказалась повсюду, не только въ мѣстностяхъ западной окраины, но и въ губерніяхъ коренной Россіи, центральныхъ, восточныхъ и южныхъ. Повсюду населеніе желало платить подати и налоги серебряною монетою. Этотъ фактъ сталъ бы менѣе извѣстенъ, еслибъ онъ не подалъ повода къ любопытному противодѣйствію финансоваго управленія. Выше упоминалось, что финансовое управленіе считало себя блюстителемъ строгого исполненія манифеста 9 апрѣля 1812 г. о повсемѣстномъ обращеніи ассигнацій. Оно поэтому смотрѣло на появленіе серебряной монеты, какъ на незаконное вторженіе серебряной монеты въ закрытую для нея область и сначала повела борьбу противъ этого вторженія, считая его недопустимымъ. Но въ 1818 г. оно само признало, что должно сдѣлать населенію нѣкоторую уступку и допустить, чтобъ хоть нѣкоторые платежи казнѣ производились серебряною монетою. Въ представленіи, которое по этому поводу министръ финансовъ дѣлалъ въ государственный совѣтъ, говорилось, между прочимъ: „наконецъ появилось у насъ въ обращеніи знатное количество звонкой монеты не только въ главныхъ городахъ, какъ-то, въ Петербургѣ,

Москвѣ, Одессѣ и проч., но и въ самыхъ отдаленныхъ великороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ прежде, какъ извѣстно, она была весьма рѣдка и однѣ ассигнаціи служили средствомъ обращенія“ [1]). Это-же самое удостовѣряютъ данныя объ усилившейся чеканкѣ монеты. Въ царствованіе императора Александра I, въ 1801—10 г.г. за всѣ 10 лѣтъ серебряной монеты было начеканено на 24.353.289 рублей, а въ одно только пятилѣтіе 1811—15 г.г. было начеканено серебряной монеты почти столько же, на 24.255.000 рублей, а въ слѣдующее пятилѣтіе 1816—1820 г.г. почти вдвое больше, на 45.616.000 рублей; или въ десятилѣтіе съ 1811 до 1820 г. начеканено было серебряной монеты на 69.871.000 рублей, или почти столько-же, сколько было начеканено въ продолжительное 35-лѣтнее царствованіе Екатерины II. Золотой монеты въ 1801—10 г.г. было начеканено на 6.576.114 руб., а въ 1811—15 г.г. на 11.185.935 рублей, а въ 1816—20 г.г. даже на 17.170.508 рублей, или всего въ 10 лѣтіе 1811—20 г.г. на 24.353.289 рублей, не очень многимъ меньше, чѣмъ въ Россіи было начеканено золотой монеты отъ начала ея чеканки Петромъ Великимъ до 1810 г. (27.234.375 руб.). Всего-же въ 1811—20 г.г. образовался новый запасъ серебряной и золотой монеты почти на 100 милліоновъ рублей (на 98.227.443 рубля). Такая усиленная чеканка серебряной и золотой монеты и скорое образованіе замѣтнаго запаса ея были бы невозможны, еслибъ въ 1803 г. не было признано, а въ 1810 г. подтверждено, начало свободной чеканки серебряной и золотой монеты. Къ образовавшемуся въ 1811—20 г.г. новому запасу, конечно, присоединилась нѣкоторая часть золотой и серебряной монетъ, которая исчезла изъ обращенія, но оставалась въ самой странѣ, а при благопріятныхъ условіяхъ опять могла обнаружиться. А обстоятельства тогда очень благопріятствовали появленію серебра и золота въ Россіи, потому что балансъ международныхъ платежей въ 1811—20 г.г. складывался необычайно выгодно для Россіи. Сначала, пока продолжалась отечественная война, это коренилось въ необычайномъ положеніи, занятомъ Россіею во время такъ называемой континентальной системы, когда Россія стала главнымъ складочнымъ мѣстомъ колоніяльныхъ и англійскихъ товаровъ; товары эти свозились въ русскіе порты, сѣверные (преимущественно Архангельскъ) и южные, чтобъ чрезъ русскія сухопутныя границы проникать въ Пруссію, Австрію, Германію и далѣе вплоть до Франціи. Естественно, что это вызывало большой притокъ иностранныхъ капиталовъ въ Россіи и

1) Архивъ Гос. Сов., изд. Гос. Канц. IV, 583.

дѣлало для нея балансъ платежей весьма благопріятнымъ [1]). Когда окончились Наполеоновскія войны, то возникла другая причина, по которой опять балансъ внѣшнихъ платежей сдѣлался для Россіи чрезвычайно благопріятнымъ. Въ Западной Европѣ, вслѣдствіе большихъ неурожаевъ, настало голодное время; цѣны на хлѣбъ поднялись очень высоко; спросъ на русскій хлѣбъ весьма усилился и русскій хлѣбный отпускъ впервые сталъ принимать обширные размѣры.

Все это были обстоятельства, благопріятствовавшія тому, чтобъ усиленно чеканившаяся въ 1811—20 годахъ серебряная и золотая монета оставалась въ Россіи. Впрочемъ происходившій тогда сильный притокъ серебра въ Россію былъ общеизвѣстнымъ фактомъ и объ немъ упоминаетъ и Тукъ въ своей знаменитой „Исторіи цѣнъ“ [2]).

Такимъ образомъ, внѣ всякаго сомнѣнія, что уже во время отечественной войны началось, а по окончаніи наполеоновскихъ войнъ энергически продолжалось, возстановленіе металлическаго обращенія въ Россіи въ 1811—20 годахъ. Но этотъ фактъ былъ совершенно исключительный, не укладывавшійся ни въ какую изъ господствовавшихъ экономическихъ теорій, проистекавшій отъ сильнаго упадка ассигнацій и нуждавшійся въ опорѣ на этотъ упадокъ, исчезновеніе и ослабленіе котораго было бы гибельно и для возстановлявшагося обращенія серебряной и золотой монеты.

Совмѣстное обращеніе этой монеты и ассигнацій, потерявшихъ около $^3/_4$ своей нарицательной стоимости, было равносильно тому, какъ еслибъ произведена была девальвація ассигнацій на $^3/_4$ ихъ на-

1) Любопытно, что какъ разъ во время вторженія Наполеона въ Россію этотъ балансъ особенно улучшился и вызвалъ такое возвышеніе вексельныхъ курсовъ, которое представляетъ совершенно исключительный примѣръ, какого нигдѣ больше никогда не видѣли. Какъ разъ предъ вторженіемъ Наполеона въ Россію иностранный спросъ на товары русскаго экспорта очень усилился и это вызвало усиленное сосредоточеніе въ русскихъ портахъ колоніяльныхъ и англійскихъ товаровъ. Иностранцы торговцы расчитывали, что продажею этихъ товаровъ въ Россію и сосѣднія съ нею страны, они оплатятъ вывезенныя изъ Россіи предметы ея отпуска. Но вторженіе Наполеона въ Россію разстроило эти расчеты: русскія сухопутныя границы оказались закрытыми и чрезъ нихъ ничего провозить нельзя было; а сбытъ въ Россіи тоже разстроился вслѣдствіе вторженія. Такимъ образомъ товарами оплатить русскій отпускъ было невозможно; вексельный курсъ на Лондонъ оттого повысился съ 13 пенсовъ за рубль до $23^1/_2$ пенсовъ или на 88%, а вексельный курсъ на Гамбургъ поднялся съ 11 шиллинговъ банко до 17 шиллинговъ или на $54^1/_2$%. «Несмотря на привозъ золота и серебра на много милліоновъ, вексельный курсъ продолжалъ подниматься». Это слова современника той эпохи. Jacob, Ueber Russlands Papiergeld, Halle 1817, SS. 46—49.

2) Tooke, A history of prices, vol. II p. 143.

рицательнаго достоинства. Если народное обыкновеніе фиксировало цѣнность ассигнацій, принимая ихъ въ $^1/_4$ серебромъ, то этимъ самымъ населеніе выражало согласіе на девальвацію еще раньше, чѣмъ его объ этомъ спрашивали. Населеніе даже шло дальше этого: оно взяло на себя, какъ починъ по снабженію страны новымъ запасомъ золотой и серебряной монеты, такъ и всѣ расходы по образованію этого запаса, не требуя для этого никакихъ пожертвованій отъ бюджетныхъ избытковъ или государственныхъ займовъ.

Но для обезпеченія странѣ образовывавшагося новаго запаса звонкой монеты было настоятельно необходимо, чтобъ и правительство примирилось съ упадкомъ ассигнацій и согласилось на денежную реформу. Реформа эта не требовала отъ правительства никакихъ денежныхъ средствъ, а единственно лишь освященія совершившагося факта. О девальваціи тогда не принято было говорить; вмѣсто нея принято было говорить о „фиксаціи курса“ ассигнацій, понимая подъ „фиксаціею“ законодательное признаніе, что ассигнаціонный рубль сохранилъ лишь $^1/_4$ своего нарицательнаго достоинства, или около того. Фиксація дала бы возможность обмѣнить всю массу ассигнацій на новыя бумажныя деньги, которыхъ нарицательная сумма могла быть въ четыре раза меньше и которыхъ размѣнъ на звонкую монету легко было бы поддерживать, а этимъ устойчивость ихъ курса была-бы вполнѣ обезпечена.

По окончаніи наполеоновскихъ войнъ эти мысли не только носились въ воздухѣ но открыто выражались. Съ большою ясностью и полнотою, подкрѣпляемою сильною аргументаціею въ ихъ защиту, ихъ высказалъ харьковскій профессоръ политической экономіи Якобъ [1]). Изъ русскихъ дѣятелей той эпохи открыто стоялъ за нихъ Н. И Тургеневъ. Свое сочувствіе девальваціи Н. И. Тургеневъ уже въ 1818 г. ясно выражалъ въ своемъ „Опытѣ теоріи налоговъ“, аргументируя за несправедливость оплаты ассигнацій звонкою монетою по ихъ нарицательной цѣнѣ [2]).

Но денежной реформѣ въ смыслѣ „фиксаціи курса“ ассигнацій не сочувствовалъ тогдашній министръ финансовъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что Императоръ Александръ I былъ противъ девальваціи ассигнацій. Поэтому естественно, что немедленно по возстановленіи мира министръ финансовъ возобновилъ свои предположенія о воз-

1) Iacob, Ueber Russlands Papiergeld, Halle 1817, особ. pp. 57 — 94.

2) Н. И. Тургеневъ, Опытъ теоріи налоговъ, 2-е изд., Спб. 1819, стр. 318 — 20

вышеніи ассигнацій и ихъ уравненіи съ серебромъ; объ этихъ предположеніяхъ онъ переписывался со Сперанскимъ, совѣтуясь съ нимъ о возвращеніи къ планамъ и мыслямъ 1810 г. [1]).

Къ осуществленію этихъ предположеній было приступлено очень скоро на основаніи манифеста 10 апрѣля 1817 г. [2]). По этому манифесту предполагается извлекать ассигнаціи изъ обращенія постепенно до того времени, „пока оныя не приблизятся къ достоинству звонкой монеты"; для этого ежегодно назначаются особыя суммы не менѣе 30 милл. рублей, а „для скорѣйшаго уменьшенія количества ассигнацій въ обращеніи имѣютъ быть открываемы займы; извлекаемыя-же ассигнаціи должны быть публично сожигаемы".

Такимъ образомъ, правительство давало вопросу объ дальнѣйшей роли ассигнацій въ денежномъ обращеніи страны направленіе, прямо противуположное тому, въ которомъ тотъ-же вопросъ рѣшался въ народномъ хозяйствѣ. И правительство дѣйствовало не менѣе энергично, чѣмъ шло развитіе дѣла помимо его вліяній. Съ 1818 г. началось, главнымъ образомъ на средства, полученныя отъ внѣшнихъ займовъ, изъятіе ассигнацій, и ихъ изъято и уничтожено: въ 1818 г. на 38.023.875 р., въ 1819 году на 80.229.030 рублей, въ 1820 году на 35.614.105 рублей, въ 1821 году на 37.242.410 рублей и въ 1822 году на 44.968.230 рублей; всего въ пять лѣтъ на 236.077.650 рублей. Къ этому итогу прибавилась еще сумма 4.146.040 рублей, составившая прибыль, оказавшуюся вслѣдствіе объявленнаго въ 1819 г. обмѣна ассигнацій прежняго образца на новый образецъ, при чемъ обнаружилось, что нѣкоторая часть ассигнацій потерялась и не явилась къ обмѣну. Всего для изъятій изъ обращенія имѣлось 240.223.690 рублей и этимъ ограничилось уменьшеніе ассигнацій на основаніи манифеста 16 апрѣля 1817 г.

Это уменьшеніе сопровождалось всеобщимъ порицаніемъ не потому, что сожалѣли объ уничтожаемыхъ ассигнаціяхъ, а потому что не сочувствовали цѣли уничтоженія, не вѣрили въ возможность ея достиженія, сожалѣли о расходуемыхъ средствахъ. Результаты уничтоженія ассигнацій, дѣйствительно, совсѣмъ не соотвѣтствовали ожиданіямъ. Ассигнаціонный рубль, стоившій при началѣ этихъ опе-

---

1) Сперанскій тогда былъ губернаторомъ въ Пензѣ; о перепискѣ съ нимъ Гурьева въ 1816 г. см. Корфъ, Сперанскій, II, 144 слѣд.

2) П. П. С. З. т. XXXIV, уставъ коммиссіи погашенія госуд. долговъ особ. §§ 69—73.

раціи 26 копѣекъ серебромъ, въ концѣ ихъ стоилъ 27 копѣекъ серебромъ; къ уравненію „съ достоинствомъ серебра“ онъ очень мало приблизился [1]).

Въ 1822 г. операціи этого рода были пріостановлены; это принято объяснять ихъ неудачею и тѣмъ, что онѣ были явно неправильны. Допустимо, однако, и другое объясненіе, на которое наводитъ сопоставленіе суммы изъятыхъ въ 1818—22 гг. изъ обращенія ассигнацій съ суммами ихъ выпусковъ въ 1811—16 гг. Какъ выше было объяснено, до 1810 г. было выпущено ассигнацій на 579.373.880 рублей и манифестомъ 2 февраля 1810 г. было объяснено, что „новый выпускъ ассигнацій отнынѣ пресѣкается“. Но событія послѣдующихъ лѣтъ устранили возможность исполненія этого обѣщанія; новые выпуски все таки производились, всего ихъ произведено на 256.626 120 рублей. Но выпуски, произведенные послѣ 1810 г., были секретные; было много людей, даже пользовавшихся довѣріемъ императора Александра I, которые искренно вѣрили, что послѣ 1810 г. никакихъ новыхъ ассигнацій уже не выпускали [2]). Естественно, что по окончаніи войны императоръ Александръ I могъ желать, чтобъ прежде были изъяты изъ обращенія тѣ суммы ассигнацій, которыя были выпущены вопреки манифесту 2 февраля 1810 г. И это дѣйствительно сдѣлано изъятіями 1818—1822 гг. Въ обращеніи осталась сумма ассигнацій въ 595.776.310 рублей, очень близкая къ той, которая была выпущена до 1810 г.

Возможно, впрочемъ, что было усмотрѣно внутреннее противорѣчіе, которымъ страдали операціи 1818 — 1822 г.г. по изъятію ассигнацій для возвышенія ихъ цѣны. По своей цѣли операціи выражали взгляды, противуположные девальваціи, стремясь къ уравненію ассигнацій съ серебромъ. Средство-же, которымъ только и могли пользоваться даже только для стремленія къ этой цѣли, могло заключаться лишь въ выкупѣ ассигнацій по курсу, ибо о выкупѣ ассигнацій по нарицательной ихъ цѣнѣ никто и не помышлялъ и помышлять не могъ. Считая по среднему курсу ассигнацій въ 1818 — 1822 г. (377 рублей ассигнаціями за 100 рублей серебромъ), изъятіе ассигнацій на 236.077.650 рублей нарицательныхъ обошлось казнѣ въ 62.620.100 рублей серебромъ, или разность на курсѣ составляла 173.457.450 рублей,

---

1) Всего сильнѣе порицалъ старанія возвысить цѣну ассигнацій Н. И. Тургеневъ, сочувствовавшій девальваціи. См. его книгу La Russie et les russes, vol. II pp. 406—412, 423—432, 535.

2) См. напр. Storch, Cours, VI, 245, особ. примѣч.; Якобъ тоже ихъ не знаетъ, Н. И. Тургеневъ въ „Опытѣ теоріи налоговъ“ тоже.

которые образовали прибыль казны отъ девальваціи изъятыхъ ассигнацій. Уйдти отъ девальваціи не представлялось возможности. даже когда, во имя отрицанія ея, производились операціи для уравненія ассигнацій съ серебромъ. Операціи не могли не быть пріостановлены.

Но въ такомъ случаѣ перевѣсъ оказывался на сторонѣ того, что происходило помимо правительственныхъ взглядовъ, дѣйствій и вліяній. Побѣждалъ серебряный рубль. Бороться съ возстановлявшимся обращеніемъ звонкой монетою и съ курсомъ ассигнацій, фиксированнымъ хотя бы лишь народнымъ обыкновеніемъ, не было возможности. Напротивъ, даже операціи по изъятію изъ обращенія ассигнацій 1818—1822 г.г. не только не ослабили, но еще болѣе укрѣпили тѣ стремленія, которыя „сами собою“ обнаруживались „внизу“, въ населеніи.

Съ одной стороны даже уничтоженіе ассигнацій на $240^1/_4$ милліоновъ рублей не очень сильно отклонило ихъ курсъ отъ стоимости по 25 копѣекъ серебромъ за ассигнаціонный рубль. А съ другой стороны, уходъ изъ обращенія ассигнацій на $240^1/_4$ мил. рублей только очищало мѣсто звонкой монетѣ. Въ обращеніи оставалось ассигнацій уже лишь на 595.776,330 рублей нарицательныхъ, которыя по народной оцѣнкѣ составляли меньше 150 милльоновъ рублей серебромъ, то-есть, представляли ослабленное препятствіе, менѣе мѣшавшее проникновенію серебряной и золотой монеты въ денежное обращеніе страны.

Съ 1823 г. во главѣ финансоваго управленія сталъ Е. Ф. Канкринъ, также мало, какъ его предшественникъ, сочувствовавшій тому, что происходило въ странѣ для улучшенія денежнаго обращенія. Подобно графу Гурьеву, и графъ Канкринъ не благожелательно относился къ тому, что населеніе, увеличивая обращеніе серебряной и золотой монеты, стремилось возможно больше ею пользоваться для платежей въ казну. И оба министра одинаково враждебно относились къ денежной реформѣ посредствомъ „фиксаціи курса“ ассигнацій, то-есть, ихъ девальваціи. Когда гр Гурьевъ въ 1818 г. дѣлалъ первую уступку требованіямъ населенія и соглашался на разрѣшеніе, чтобъ хоть немногіе платежи въ казну производились серебряною монетою, то онъ объяснялъ государственному совѣту: „разрѣшеніе сіе не можетъ быть общее, то есть, онаго нельзя распространить на платежъ всѣхъ налоговъ вообще. Если серебро допустить въ уплату не токмо всѣхъ податей безъ ограниченія, но даже половины оныхъ,

то сіе произведетъ неизбѣжно пониженіе ассигнацій“ [1]). И также точно разсуждалъ гр. Канкринъ, полемизируя съ мѣстными властями (генералъ-губернаторами), когда они, представляя о неудобствахъ, испытываемыхъ населеніемъ, ходатайствовали о допущеніи платежей въ казну звонкою монетою всѣхъ налоговъ. „Сіе весьма важное и затруднительное дѣло“, писалъ гр. Е. Ф. Канкринъ, „подлежитъ особеннымъ соображеніямъ, поелику при дозволеніи принимать серебро въ уплату государственныхъ повинностей предстоитъ опасность, что звонкая монета совершенно вытѣснитъ изъ обращенія и остальныя ассигнаціи“ [2]). Поэтому гр. Канкринъ, какъ его предшественникъ, уступалъ медленно и по немногу. Такъ какъ, однако, поле уступокъ не отличалось обширностью, то при всей ихъ медленности все-таки къ началу 1830-хъ годовъ населеніе могло уже производить почти всѣ платежи въ казну серебряною монетою Тѣмъ не и менѣе по указу 5 января 1831 г. еще допускались ограниченія, а золотая монета и совсѣмъ еще не принялась въ казну [3]). Для золотой монеты потребовалась отдѣльная уступка и она допущена въ платежи казнѣ указомъ 10 мая 1833 г. „принимая во вниманіе, что въ народномъ обращеніи находится въ *значительномъ количествѣ* золотая россійская монета“.

Гораздо менѣе уступчивымъ гр. Канкринъ оказался въ вопросѣ о „фиксаціи курса“ ассигнаціи. Будучи самымъ лучшимъ финансистомъ въ Россіи и однимъ изъ самыхъ лучшихъ финансистовъ въ Европѣ, гр. Канкринъ, конечно, отлично понималъ, что вопросъ объ ассигнаціяхъ не можетъ получить рѣшенія инымъ способомъ, кромѣ девальваціи. Но у него не было желанія соединить свое громкое имя съ такимъ способомъ и онъ предпочиталъ оставить рѣшеніе задачи въ наслѣдіе своему преемнику. Для экономической жизни Россіи, однако, это была очень жестокая отсрочка. Денежная система, съ которою приходилось мириться и отъ которой министръ финансовъ не желалъ отказаться, была одна изъ самыхъ неудовлетворительныхъ. Она соединяла недостатки разстроеннаго обращенія звонкой монеты и недостатки разстроеннаго обращенія бумажныхъ денегъ, которыхъ нарицательная цѣна потеряла всякое значеніе и никѣмъ во вниманіе

---

1) Архивъ Гос. Сов. по изд. Гос. Канц., т. IV стр. 586.

2) И. И. Кауфманъ, Изъ исторіи бумажныхъ денегъ въ Россіи, Спб. 1909, стр. 59.

3) Вт. П. С. З. т. VI № 4241 и т. II № 1528; ходъ постепенныхъ уступокъ разсказанъ въ нашей книгѣ „Изъ исторіи бумажныхъ денегъ въ Россіи“, стр. 61—68.

не принималась. Новый денежный счетъ на ассигнаціонный рубль, установившійся во время отечественной войны, былъ, какъ раньше уже было отмѣчено, одновременно и счетомъ на серебро, но по условной цѣнѣ, установленной народнымъ обыкновеніемъ. Этотъ денежный счетъ установился для ограниченія колебаній ассигнацій возможно болѣе узкими предѣлами, чего онъ и достигъ. Но колебанія, хотя и лишь въ узкихъ предѣлахъ, все-таки происходили; и этимъ колебаніямъ подвергались не только ассигнаціи, но и звонкая монета, обращавшаяся вмѣстѣ съ ассигнаціями. А гдѣ есть колебанія, тамъ неминуемо возникаетъ лажъ, какъ поправка того ущерба, который производятъ колебанія. А такъ какъ вся денежная система строилась на довольно шаткой почвѣ народнаго обыкновенія, то и лажи окрасились цвѣтомъ этой почвы и были „простонародными лажами“. Имя имъ было легіонъ. Всякая монета имѣла свой лажъ (тогда обращалось много золотой и серебряной монеты, не только русской, но и иностранной, и одно время, въ 1834 г., даже разрѣшено было иностранною золотою монетою производить платежи и въ казну). И не только на ассигнаціи вообще тоже былъ лажъ, но на ассигнаціи различныхъ достоинствъ (пятирублевки, десятирублевки и т д.) были различные лажи. Эти лажи въ различныхъ мѣстностяхъ были различные. И они колебались непрерывно, измѣняясь изо дня въ день. Положеніе было такое же, какъ еслибы пудъ и фунтъ, сажень и аршинъ, десятина и ведро, стали неуловимыми величинами, непрерывно измѣняющимися и въ разныхъ мѣстахъ различныя. Денежный счетъ сталъ мудреннымъ, сложнымъ и затруднительнымъ, дѣломъ, въ которомъ теоретики-экономисты 1830-хъ годовъ разбирались, какъ въ метафизическихъ проблемахъ[1]); но хозяевами въ немъ были кулаки, нещадно обиравшіе простодушныхъ людей на множество ладовъ. Безконечные жалобы по этому поводу раздавались повсюду и губернаторы въ своихъ отчетахъ часто доводили о нихъ до свѣдѣнія императора Николая Павловича.

На одномъ изъ такихъ отчетовъ Государь положенной резолюціею въ мартѣ 1837 г. потребовалъ, чтобы вопросъ о денежной реформѣ былъ поставленъ на очередь.

Этимъ судьба ассигнацій была рѣшена. Графъ Канкринъ, при всемъ несочувствіи денежной реформѣ, тѣмъ не менѣе признавалъ,

1) Подробное изложеніе этого предмета дано въ нашей книгѣ „Изъ исторіи бумажныхъ денегъ въ Россіи“ стр. 56, 57, 68—87.

что если ожидать уравненія ассигнаціоннаго рубля съ серебромъ, то судя по указаніямъ опыта, это можетъ наступить не ранѣе какъ черезъ 180 лѣтъ. Но когда самъ Государь принялъ очень дѣятельное участіе въ подготовительныхъ работахъ по преобразованію, то это существенно измѣнило дѣло. Императоръ Николай Павловичъ и государственный совѣтъ очень щадили министра финансовъ и считались со всѣми его многочисленными возраженіями; но это только нѣсколько удлинило срокъ, потребовавшійся для преобразованія. Начатое въ 1837 г., оно въ 1839 г. было окончено лишь на половину; но уже къ этому времени всѣ принципіальные вопросы были рѣшены; окончательное осуществленіе оттянулось до 1843 г.

Насколько преобразованіе касалось переустройства условій обращенія въ Россіи бумажныхъ денегъ, оно выходитъ за предѣлы предмета этого изслѣдованія [1]). Мы здѣсь должны остановиться только на той его части, въ которой оно касалось непосредственно обращенія монеты.

На той почвѣ, которая была дана сильнымъ упадкомъ ассигнацій послѣ 1810 г., серебряный рубль сталъ побѣждать ассигнаціи уже во время отечественной войны; а послѣ нея еще болѣе усилилось его положеніе. Только потому, что серебряный рубль боролся съ противникомъ, на сторонѣ котораго было финансовое управленіе, онъ не могъ окончательно побороть этого противника. Коренной смыслъ преобразованія ассигнацій заключался въ томъ, что окончательная побѣда серебрянаго рубля получила оффиціальное, законодательное признаніе.

Это очень прямо призналъ манифестъ 1 іюля 1839 г. „объ устройствѣ денежной системы“. Онъ начинался слѣдующимъ знаменательнымъ вступленіемъ:

„Разныя перемѣны, временемъ и силою обстоятельствъ въ нашей денежной системѣ произведенныя, имѣли послѣдствіемъ не только присвоеніе ассигнаціямъ *вопреки* первоначальному ихъ назначенію *первенства надъ серебромъ, составляющимъ основную имперіи нашей монету,* но и возрожденіе, чрезъ то самое многообразныхъ лажей, въ каждой почти мѣстности различныхъ. Убѣждаясь въ необходимости положить конецъ симъ колебаніямъ, мы... признали за благо принять рѣшительныя мѣры къ пресѣченію происходящихъ отъ сего неудобствъ... Вслѣд-

1) Всѣ подробности, касающіяся этой стороны дѣла, нами обстоятельно изложены въ книгѣ „Изъ исторіи бумажныхъ денегъ“ стр. 98—148.

ствіе того, по подробномъ обсужденіи всѣхъ принадлежащихъ сюда вопросовъ въ государственномъ совѣтѣ, постановляемъ нижеслѣдующее: 1) въ *возстановленіе* правила манифеста 20 іюня 1810 г. *серебряная* россійскаго чекана монета отнынѣ впредь установляется главною государственною платежною монетою, а *серебряный рубль настоящаго достоинства* и съ настоящими его подраздѣленіями главною непремѣняемой законною мѣрою (монетною единицею [1]) обращающихся въ государствѣ денегъ; соотвѣтственно чему всѣ подати, повинности и сборы, а также разные платежи и штатные расходы въ свое время имѣютъ быть исчислены на *серебро*. 2) При такомъ установленіи *серебра* главною платежною монетою, ассигнаціи остаются *вспомогательнымъ* знакомъ цѣнности *съ опредѣленіемъ имъ отнынѣ единожды навсегда* постоянная и непремѣняемаго на *серебро* курса, *считая серебряный рубль*, какъ въ крупной, такъ и въ мелкой монетѣ, въ *три рубля пятьдесятъ копѣекъ ассигнаціями*".

Въ этомъ была суть денежной реформы: въ возстановленіи серебряного рубля, какъ главной основы денежной системы, и въ фиксаціи курса ассигнацій въ $1 : 3^1/_2 = {}^2/_7$ серебрянаго рубля.

Серебряный рубль возстановлялся реформою 1839 г. въ духѣ „правила манифеста 20 іюня 1810 г." А мы видѣли, что это „правило". въ смыслѣ принципа монетной системы, которая строилась манифестомъ 20 іюня 1810 г., выражало *серебряный монометаллизмъ*. Этотъ то серебряный монометаллизмъ возстановлялся въ Россіи въ 1839 г. Во всей денежной реформѣ 1839—1843 гг., это былъ, можетъ быть, единственный пунктъ, авторомъ и единственнымъ защитниковъ котораго былъ графъ Канкринъ. На серебряномъ монометаллизмѣ строились тогда монетныя системы Пруссіи, Австріи и другихъ нѣмецкихъ государствъ, странъ средняго благосостоянія. Золотой монометаллизмъ считался пригоднымъ только для очень богатой Англіи; а на биметаллизмъ могла претендовать менѣе богатая, но все таки богатая Франція. Поэтому наше мѣсто было около нѣмецкихъ государствъ средняго благосостоянія.

Однако, при обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ вопроса, въ какомъ видѣ слѣдуетъ возстановить серебряный рубль, одинъ изъ членовъ, адмиралъ А. С. Грейгъ, глубоко и очень основательно освоившійся съ предметомъ, былъ того мнѣнія, что слѣдуетъ такъ возстановить серебряный рубль, чтобы онъ ничего не измѣнилъ въ на-

1) Эти два слова—въ скобкахъ и въ манифестѣ.

родныхъ счетныхъ привычкахъ: чтобъ всѣ денежныя суммы могли не подвергаться никакимъ измѣненіямъ, то-есть, чтобъ реформа не потребовала никакихъ перечисленій. А для этого, по мысли А. С. Грейга, было необходимо сдѣлать серебрянымъ рублемъ тотъ самый ассигнаціонный рубль, по которому всѣ слои населенія уже 30 лѣтъ привыкли производить свой денежный счетъ. Этотъ ассигнаціонный рубль первоначально составлялъ $^1/_4$ Екатерининскаго рубля, когда народное обыкновеніе его установило на почвѣ равенства: 100 рублей (Екатерининскихъ) серебромъ = 400 рублямъ ассигнаціямъ. Если съ теченіемъ времени (въ 30 лѣтъ) ассигнаціонный рубль исправился и это равенство измѣнилось въ другое, по которому 100 рублей (Екатерининскихъ) серебромъ = 350 рублямъ ассигнаціями, то это лишь означало, что рубль ассигнаціями составляетъ уже не $^1/_4$, а $^2/_7$ серебрянаго (Екатерининскаго) рубля. Въ 30 лѣтъ онъ поправился на $^1/_{28}$ своего нарицательнаго достоинства [1]). Исходя изъ ассигнаціоннаго рубля, котораго фиксація производилась реформою, А. С. Грейгъ и предлагалъ Екатерининскій серебряный рубль совсѣмъ упразднить, а вмѣсто него создать новый серебряный рубль, *равный фиксированной цѣнѣ ассигнаціоннаго рубля.* Слѣдовательно, если ассигнаціонный рубль получалъ цѣну $^2/_7$ Екатерининскаго серебрянаго рубля или $^2/_7 . 405 = 115^5/_7$ долей чистаго серебра, то по мысли адмирала Грейга изъ этихъ $115^5/_7$ долей слѣдовало сдѣлать новый серебряный рубль. Эти предложенія были отвергнуты не потому, что противъ нихъ были приведены серьезные аргументы [2]); а потому только, что министръ финансовъ первоначально противъ нихъ возражалъ, хотя потомъ онъ самъ признавалъ необходимымъ предварить государственный совѣтъ, что Екатерининскій рубль (въ 4 золотника 21 долю чистаго серебра) „какъ единица цѣлковаго имѣетъ нѣкоторое неудобство, что она *нѣсколько велика*; отъ сего и отъ самой перемѣны системы сначала могутъ возникать въ цѣнахъ вещей

---

1) Если ассигнаціонный рубль, первоначально составлявшій $^1/_4 = ^7/_{28}$ серебрянаго рубля, чрезъ 30 лѣтъ увеличился до $^2/_7 = ^8/_{28}$ серебрянаго рубля, то при такомъ увеличеніи на $^1/_{28}$ въ 30 лѣтъ ему было необходимо для увеличенія еще на $^{20}/_{28}$, то-есть, для уравненія съ его нарицательнымъ достоинствомъ, $20 \times 30 = 600$ лѣтъ, а не 180 лѣтъ, какъ думалъ гр. Е. Ф. Канкринъ.

2) Соединенные департаменты отвергли предложеніе адмирала Грейга, ссылаясь на то, что оно повредило бы внѣшней торговлѣ и внѣшнему кредиту (хотя кредитъ и торговля никогда и нигдѣ не зависѣли отъ длины аршина и величины денежной единицы) и что не было гарантіи, что и новый серебряный рубль не придется когда нибудь измѣнить (такая гарантія не существовала и для Екатерининскаго рубля).

нѣкоторыя несоразмѣрности, которыхъ теперь въ подробности предугадать нельзя" [1]). На самомъ дѣлѣ „перемѣна системы", т. е. перечисленіе цѣнъ съ ассигнаціонныхъ рублей на Екатерининскіе рубли вызвало не только *„нѣкоторыя* несоразмѣрности", а *очень многочисленныя* несоразмѣрности и всеобщія жалобы въ 1840-хъ годахъ. „Несоразмѣрности"-же заключались въ томъ, что цѣны товаровъ, вещей и имуществъ отъ перечисленія изъ ассигнаціонныхъ въ Екатерининскіе рубли, которые были въ $3^1/_2$ раза болѣе значительные, уменьшились не въ $3^1/_2$ раза, какъ слѣдовало, а гораздо меньше. Поэтому раздавались многочисленныя жалобы, что отъ возстановленія Екатерининскаго рубля произошла дороговизна и вообще жизнь стала дороже. Это-то предусматривалъ и желалъ предупредить своимъ предложеніемъ адмиралъ Грейгъ. Населеніе отъ этого предложенія несомѣнно выиграло-бы. Но также несомнѣнно, что государственной казнѣ былъ выгоднѣе большой серебряный рубль въ 405 долей = 18 граммовъ чистаго серебра, равный 4 серебрянымъ франкамъ, чѣмъ сильно уменьшенный рубль въ $115^5/_7$ долей = 5.14 граммовъ чистаго серебра (стоющій 1 франкъ $14^1/_4$ сантимовъ на французскую серебряную монету). Этотъ аргументъ вѣроятно и рѣшилъ вопросъ въ пользу возстановленія Екатерининскаго серебрянаго рубля.

Выше было выяснено, что серебряный монометаллизмъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ установленъ манифестомъ 20 іюня 1810 г. принадлежалъ къ тому роду, который принято называть „хромымъ", и что хромалъ онъ вслѣдствіе неправильной постановки въ монетной системѣ, какъ золотой, такъ и мѣдной монеты. Хотя это было принято во вниманіе при возстановленіи серебряного монометаллизма манифестомъ 1 іюля 1839 г., но внесенныя имъ поправки не были удачными. Коренная причина неправильности въ постановкѣ золотой монеты заключалась въ означеніи на ней нарицательной цѣны, („пять рублей", „десять рублей"), которую не имѣлось въ виду сдѣлать обязательною ни для казны, ни для частныхъ лицъ, въ 1839 г. также точно, какъ въ 1810 г. А между тѣмъ эта надпись была въ 1839 г. оставлена на полуимперіалахъ и имперіалахъ, но съ оговоркою въ манифестѣ, что „золотая монета въ казну и въ кредитныя установленія принимается и изъ нихъ выдается 3% выше нарицательной ея цѣнности, именно имперіалъ въ 10 рублей 30 копѣекъ, и полуимперіалъ

1) Матеріалы по устр. денеж. системы изд. Госуд. Канцеляр. въ 1896 г. стр. 228 и 247.

въ 5 рублей 15 копѣекъ *серебромъ*". Смыслъ этого опредѣленія можетъ быть лишь одинъ: что означенные на имперіяльной монетной „десять рублей", „пять рублей", суть *неопредѣленные* рубли, которые еще требуютъ опредѣленія ихъ оцѣнкою *на серебро*, какъ „главной непремѣняемой мѣры всѣхъ денегъ въ государствѣ". Въ 1839 г. законъ опредѣлялъ, что „пять рублей" на полуимперіялѣ означаютъ 515 копѣекъ серебромъ; но законъ могъ назначить 510 копѣекъ, или 520 копѣекъ, или иное число копѣекъ серебромъ; законъ не постановлялъ разъ и навсегда, что „пять рублей" на полуимперіялѣ означаютъ 500 копѣекъ, какъ было въ 1764 г. при Екатеринѣ II. Екатерина II назначила цѣну полуимперіяла въ 5 рублей, исходя изъ того, что золото въ пятьнадцатеро дороже серебра; поэтому она при серебряномъ рублѣ въ 405 долей чистаго серебра положила на пятую часть полуимперіяла 405:15 = 27 долей чистаго золота, а полуимперіалу, содержавшему чистаго золота $5 \times 27 = 135$ долей, она назначила цѣну въ 5 рублей. Но во второй половинѣ 1830-хъ годовъ золото было дороже серебра *больше чѣмъ въ 15 разъ*. У насъ считали, что золото на 3% больше, чѣмъ въ 15 разъ, или въ 15.45 разъ дороже серебра. Поэтому при томъ-же Екатерининскомъ рублѣ въ 405 долей чистаго серебра золотой рубль уже равнялся не 27 долямъ чистаго золота, а $405 : 15.45 = 26^{22}/_{103}$ долей. Для того, чтобъ полуимперіялъ сохранилъ свою цѣну на серебро равную надписью на немъ, „пять рублей", необходимо было, чтобъ содержаніе чистаго золота въ немъ не превышало $5 \times 26^{22}/_{103} = 131^{7}/_{103}$ долей; но уменьшить содержаніе чистаго золота въ золотой монетѣ не желали; въ полуимперіялѣ желали оставить 135 долей чистаго золота. Поэтому его цѣну на серебро должны были назначить $135 : 26^{22}/_{103} = 5$ руб. 15 копѣекъ. Золотой рубль составлялъ не $^1/_5$ нарицательнной цѣны полуимперіяла, выраженной надписью на немъ, не $^1/_5$ чистаго золота, содержащагося въ немъ, а $^1/_5$ *оцѣнки его на серебро*, не $^1/_5$ пяти рублей, а $^1/_5$ пяти рублей 15 копѣекъ, не 27 долей чистаго золота, а $26^{22}/_{103}$ долей, соотвѣтствовавшихъ оцѣнкѣ золота на серебро. А такъ какъ эта оцѣнка не была закономъ фиксирована „единожды навсегда", то это выразилось двояко 1) нашъ законъ уже ни на какую пропорцію, выражающую отношеніе между стоимостью золота и серебра, не указывалъ, 2) онъ прямо оговаривалъ, что на нарицательную цѣну золотой монеты, выраженную надписью на ней не только возможенъ, но допускается „лажъ", или, иначе говоря, что стоимость золотой монеты выражаемая не однимъ, а двумя элементами: 1) нарицательною цѣною, 2) лажемъ; только

первый элементъ неизмѣнный, а второй по своему существу измѣняющійся.

Это, конечно, была еще сложная и запутанная постановка золотой монеты въ русской монетной системѣ, даже въ ея переустроенномъ въ 1839 г. видѣ. Въ тѣ времена, однако, она не возбуждала недоумѣній. Не только въ Россіи, но и заграницею ее понимали въ томъ смыслѣ, что русская монетная система есть система серебрянаго монометаллизма; но въ ней отведено мѣсто и золотой монетѣ, которая однако по закону не имѣетъ неподвижной и неизмѣнной цѣны и которой цѣна измѣняется въ зависимости отъ отношенія стоимости золота къ стоимости серебра [1]). Эта-же система тогда была, впрочемъ, въ дѣйствіи также въ Пруссіи и въ Австріи.

Не лучше дѣло обстояло съ мѣдною монетою. Правильная ея постановка заключается въ томъ, что казна обязана принимать платежи мѣдною монетою на всякую монету безъ ограниченія. А частнымъ лицамъ предоставляется принимать мѣдную монету лишь на очень ограниченную сумму. Это единственная гарантія противъ чрезмѣрныхъ чеканокъ мѣдной монеты, которая при указанныхъ условіяхъ скучивается въ казнѣ, если она чрезмѣрно выпускается. У насъ-же до манифеста 1 іюля 1839 г. было въ порядкѣ прямо противуположное положеніе: частныя лица обязаны были принимать мѣдную монету безъ ограниченія, а казна предоставляла себѣ принимать мѣдную монету только въ ограниченныхъ предѣлахъ. Напримѣръ, еще въ 1839 г. въ кондиціяхъ на питейные откупа одно изъ условій требовало, чтобы откупщики не вправѣ были по откупнымъ суммамъ платить казнѣ больше 10% мѣдною монетою [2]). Манифестъ 1 іюля 1839 г. допускаетъ пріемъ въ казну мѣдной монеты „во всякомъ количествѣ, кромѣ тѣхъ платежей, гдѣ количество взноса сей монеты опредѣленно въ самыхъ контрактахъ“ (напримѣръ, по питейнымъ откупамъ). Что-же касается частныхъ лицъ, то общаго правила объ ограниченіи обязательности мѣдной монеты извѣстною суммою и манифестъ 1 іюля 1839 г. еще не содержитъ, но онъ предоставляетъ частнымъ лицамъ „обоюдныя соглашенія“ о количествѣ, въ которомъ они обязываются принимать мѣдную монету. Это своеобразное опредѣленіе, однако, обширнаго примѣненія никогда на имѣло.

---

1) Что именно такъ понимали русскую монетную систему компетентнѣйшіе знатоки дѣла въ ту эпоху, особенно ясно въ статьѣ Мишеля Шевалье въ старомъ изданіи Dictionnaire d'économie politique Гильльомена (1854 г.) v. II p. 224.

2) Вт. П. С. З. IX, №№ 7248, 7260.

По самому существу денежной реформы, какъ она понималась уже въ первые годы по окончаніи наполеоновскихъ войнъ, фиксація курса ассигнацій должна была сопровождаться обмѣномъ ихъ на новыя бумажныя деньги, размѣнныя на серебро. Въ работахъ по установленію типа этихъ новыхъ бумажныхъ денегъ императору Николаю Павловичу принадлежитъ руководящая роль и можно сказать, что этотъ типъ въ видѣ кредитныхъ билетовъ, донынѣ обращающихся, всецѣло принадлежитъ мысли Государя [1]). Первоначально по мысли гр. Канкрина на основаніи указа 1 іюля 1839 г. выпускались только „депозитные билеты“ *въ обмѣнъ* за серебряную монету, вносившуюся въ открытую для этого „депозитную кассу“, слѣдовательно, обезпеченные рубль за рубль монетою; потомъ на основаніи указа 1 іюля 1840 г. начали выпускаться кредитные билеты для подкрѣпленія кассъ казенныхъ банковъ: Петербургской и Московской Сохранной Казны и Заемнаго Банка. На эти учрежденія возложенъ былъ постоянный и безостановочный размѣнъ депозитныхъ и кредитныхъ билетовъ безъ ограниченія суммы. Непосредственную связь съ нашимъ предметомъ имѣютъ тѣ опредѣленія указовъ 1839 г. и 1840 г., которыя установляли валюту этихъ новыхъ денегъ и указывали, на какую монету долженъ производиться ихъ размѣнъ. Въ этомъ отношеніи особенно важно двоякое. Во-первыхъ, какъ депозитнымъ билетамъ, такъ и кредитнымъ билетамъ данъ былъ, по основнымъ объ нихъ указамъ, принудительный курсъ. Это сдѣлано формулою: депозитнымъ билетамъ, по указу 1 іюля 1839 г., а кредитнымъ билетамъ по указу 1 іюля 1839 г. „присвояется хожденіе по всей имперіи наравнѣ съ *серебряною* монетою“ [2]). Почему только „наравнѣ съ серебряною“, а не съ золотою монетою? Потому что только серебряная монета имѣла обязательный курсъ въ *полномъ* смыслѣ: то-есть, не только пріемъ ея былъ обязателенъ, но и цѣна, по которой всѣ ее обязаны были принимать, была обязательная, неизмѣнная и опредѣленная. Рублемъ назывались 4 золотника 21 доля или 405 долей чистаго серебра; это было „настоящее достоинство“ серебряной монеты, по которому всѣ были обязаны ее принимать. А золотой рубль такого „настоящаго достоинства“ не имѣлъ, потому что законъ его не установилъ, а поставилъ въ зависимость отъ цѣны полуимперіяла на серебро, то-есть,

---

1) См. объ этомъ въ нашей книгѣ „Изъ исторіи бумажныхъ денегъ въ Россіи“, стр 125—134.

2) Вт. П. С. З. XIV, № 12498, ст. 5 и т. XVI, № 14700, ст. IV.

отъ отношенія между стоимостью золота и серебра. Когда это отношеніе было 1 : 15, то золотой рубль означалъ 27 долей чистаго золота; а когда отношеніе было 1 : 15.45, то золотымъ рублемъ стали $26^{22}/_{103}$ долей чистаго золота; а при отношеніи 1 : 15.65 золотымъ рублемъ были уже $25^{7}/_{8}$ долей чистаго золота. И т. д. Это видимо совершенно ясно сознавалось и поэтому вполнѣ правильно и согласно съ началомъ серебрянаго монометаллизма былъ выраженъ и принудительный курсъ депозитныхъ билетовъ и кредитныхъ билетовъ только въ *серебряной валютѣ*.

Во-вторыхъ, текстъ депозитныхъ и кредитныхъ билетовъ тоже былъ согласованъ съ началомъ серебрянаго монометаллизма и поэтому гласилъ, что такая-то касса „немедленно по предъявленіи“ билета выдаетъ такую-то сумму *серебряною* монетою“ [1]). О золотой совсѣмъ не упоминалось совершенно правильно, потому что это не было необходимо для полной опредѣленности суммы, которая подлежала выдачѣ. Однако, производить платежи кассы вправѣ были не только серебряною, но и золотою монетою по силѣ пункта 10 манифеста 1 іюля 1839 г. объ устройствѣ денежной системы, по которому „золотая монета въ казну и въ кредитныя установленія принимается и *изъ нихъ выдается*“, считая по 5 р. 15 коп. полуимперіялъ и по 10 р. 30 к. за имперіялъ.

Когда публика привыкла къ депозитнымъ и кредитнымъ билетамъ, то по силѣ манифеста 1 іюня 1843 г. кредитными билетами были замѣнены не только депозитные билеты, но и ассигнаціи по фиксированному ихъ курсу и къ нимъ присоединены кредитные билеты, выпущенные въ 1840 г. Кромѣ того государственнымъ кредитнымъ билетамъ предоставлено служить населенію для того же, для чего до 1843 г. служили депозитные билеты, то-есть, для выпуска ихъ въ обмѣнъ за вносимую серебряную и золотую монету [2]).

На кредитныхъ билетахъ, выпускавшихся съ 1843 г. по манифесту 1 іюня 1843 г. и по уставу „экспедиціи государственныхъ кредитныхъ билетовъ“ [3]), —изданнаго при указѣ 1-го-же іюня 1843 г. и вошедшаго потомъ въ Сводъ Законовъ,—текстъ кредитныхъ билетовъ былъ измѣненъ противъ первоначальнаго въ томъ отношеніи, что въ немъ го-

---

1) Вт. П. С. З. т. XV. №№ 13220, 13628, 13784, 14666.

2) Вт. П. С. З. т. XVIII № 16903.

3) Эта экспедиція учреждена манифестомъ 1 іюня 1843 г., какъ особое государственное кредитное учрежденіе, которое вѣдало только эммиссіонную операцію.

ворилось о платежахъ по билетамъ *„золотою или* серебряною монетою". Это лишь болѣе ясно распространяло на кредитные билеты опредѣленіе манифеста 1 іюля 1839 г. о *правѣ* казны (какъ и частныхъ лицъ) производить платежи не только серебряною, но и золотою монетою. *Обязанности* производить платежи золотою монетою русское законодательство съ 1839 г. *не признавало ни за кѣмъ*, ни за частными лицами, ни за казною. Существо серебрянаго монометаллизма (какъ впрочемъ даже и биметаллизма), между прочимъ, въ томъ и заключается, что *никто ни у кого не имѣетъ права требовать платежа золотомъ*. Это право признается только при золотомъ монометаллизмѣ. Впрочемъ въ отношеніи кредитныхъ билетовъ уставъ экспедиціи кредитныхъ билетовъ, изданный въ 1843 г., устранялъ всякія недоразумѣнія. Въ § 22 онъ совершенно ясно и категорически опредѣлялъ валюту кредитныхъ билетовъ, какъ серебряную, слѣдующими словами: „государственные кредитные билеты имѣютъ быть выпускаемы слѣдующихъ достоинствъ: въ 100, 50, 25, 10, 5, 3 и 1 рубль *серебра* настоящей цѣнности, то есть, заключающей въ себѣ *чистаго серебра четыре золотника двадцать одну долю*". Платежи-же казна себѣ предоставила производить всякою звонкою монетою уже по кредитнымъ билетамъ 1841 г. [1]) Да это необходимо вытекало изъ пункта 10 манифеста 1 іюля 1839 г. о преобразованіи денежной системы, что казна принимаетъ и выдаетъ золотую монету по установленной цѣнѣ. Но что золотая монета при этомъ имѣетъ лишь субсидіярное значеніе, ясно установлялъ и манифестъ 1 іюня 1843 г. о замѣнѣ ассигнацій кредитными билетами, оговаривая, что обмѣнъ кредитныхъ билетовъ на металлическую монету, то есть, серебряную и золотую, производится *„съ соблюденіемъ указнаго между сими деньгами отношенія"*. Слѣдовательно, напр., за 500 рублей въ кредитныхъ билетахъ никто не имѣлъ права требовать 100 полуимперіяловъ ни 50 имперіяловъ. За 100 полуимперіяловъ или 50 имперіяловъ требовалось дать 515 рублей кредитными, то есть, серебряными рублями. И еслибъ указное отношеніе было измѣнено и полуимперіялъ принимался бы въ казну и выдавался изъ нея за 5 руб. 20 к., то за 50 имперіяловъ или 500 рублей золотомъ приходилось бы уплатить 520 рублей серебромъ или кредитными билетами. Кредитный рубль съ самаго своего рожденія равнялся *серебряному* рублю, но *не равнялся*

1) Манифестъ 1 іюля 1841 г. пунктъ III: «кредитные билеты обезпечиваются.. безостановочнымъ во всякое время размѣномъ оныхъ на звонкую монету».

золотому рублю. Кредитный рубль не могъ равняться золотому рублю, потому что золотой рубль не былъ постоянною величиною, а могъ измѣняться. Задача же денежной реформы 1839—1843 гг. была въ томъ, чтобъ дать кредитному рублю неизмѣнное выраженіе.

Въ первой половинѣ XIX ст., какъ въ теченіи тысячелѣтій до того, вѣрили въ серебро, а не въ золото. Только за серебромъ признавалось постоянство. На золотой монометаллизмъ, введенный у себя Англіею въ 1816 г., смотрѣли, какъ на своего рода капризъ богачей, а на французскій биметализмъ, какъ на ошибочный расчетъ, построенный на жадности къ драгоцѣннымъ металламъ. Напротивъ серебряный монометаллизмъ считался единственный серьезнымъ, прочнымъ и благоразумнымъ основаніемъ правильно построенной монетной системы. Поэтому его ввели и у насъ въ 1839 г. и на немъ основали кредитные билеты въ 1843 г.

Взгляды теоретиковъ и практиковъ первой половины XIX в. на золото и серебро впослѣдствіи оказались слишкомъ абсолютными и преувеличенными, а потому и неправильными. Для Россіи особенно эта неправильность—не только историческій фактъ, потерявшій значеніе, а фактъ практическій, съ послѣдствіями котораго еще долго впослѣдствіи приходилось считаться.

Для образованія достаточнаго запаса серебряной монеты, мы должны были добывать серебро заграницею. Наше собственное производство серебра было слишкомъ недостаточно. А такъ какъ въ серебро больше вѣрили и его предпочитали, то золотомъ даже готовы были жертвовать и его цѣнили ниже, чѣмъ оно стоило, лишь бы имѣть серебро. Такъ было у насъ въ XVIII ст., такъ было и въ первой половинѣ XIX в. Нѣкоторое время при Екатеринѣ II мы цѣнили золото дороже, чѣмъ оно стоило въ Западной Европѣ: считая его въ 15 разъ дороже серебра, когда (въ 1761—90 г.г.) оно заграницею было лишь въ 14.74 раза дороже; у насъ оно было дороже на $1^3/_4\%$; 135 долей чистаго золота въ полуимперіялѣ стоили въ Гамбургѣ не столько чистаго серебра, сколько содержится въ 5 рубляхъ, а столько, сколько содержится въ 4 руб. $91^2/_3$ коп. Мы переплачивали за золото и его чеканки отъ этого при Екатеринѣ II приняли болѣе значительные размѣры. Но съ послѣдняго десятилѣтія XVIII вѣка это измѣнилось: золото въ Западной Европѣ стоило уже больше, чѣмъ въ 15 разъ. Въ 1791—1800 г.г. оно стоило въ 15.42 разъ дороже серебра, въ 1801—10 г.г. въ 15.66 разъ, въ 1811—20 г.г. въ 15.51 разъ, въ

1821—30 г.г. въ 15.80 раза и въ 1831—40 г.г. въ 15.75 раза [1]). Это значитъ, что на открытомъ рынкѣ 135 долей чистаго золота, содержащіяся въ полуимперіалѣ, стоили: въ 1791—1800 г.г. 5 руб. 14 коп., въ 1801—10 г.г. 5 р. 20$^1/_3$ к., 1821—30 г.г. 5 р. 17 к., въ 1831—40 г.г. 5 р. 25 к. [2]). Это объясняетъ, почему у насъ пятирублевая цѣна полуимперіяла потеряла значеніе: при ней золотая монета совсѣмъ не могла оставаться въ странѣ. Еслибъ мы отдавали полуимперіялъ за 5 рублей серебромъ, когда за границею за него отдавали серебра на 5 руб. 25 коп., то выгоднѣе было бы удовлетворять насъ серебромъ на 5 рублей, привозить серебро и увозить золото. Чтобъ этому помѣшать, установленъ былъ 3% лажъ на золото и 5 рублямъ, написаннымъ на полуимперіялѣ, назначена цѣна въ 5 руб. 15 коп. Но и эта цѣна показывала, что преимущественно привлекается къ намъ серебро. Была причина, однако, по которой у насъ особенно съ конца 1820-хъ годовъ не считали необходимымъ особенно гнаться за заграничнымъ золотомъ. У насъ начало бойко развиваться собственное добываніе золота. Это какъ разъ происходило въ то время, когда южноамериканскія страны, прежде дававшіе всего больше золота, стали его давать меньше, и отъ этого золото и вздорожало. Уже въ 1821—30 гг. Россія заняла первое мѣсто среди странъ, производящихъ золото: все міровое производство золота тогда не превышало 869 пудовъ въ годъ, среднимъ числомъ; въ томъ числѣ 206 пудовъ или немного меньше $^1/_4$ приходилось на Россію. Въ слѣдующее десятилѣтіе 1831—40 годовое производство золота на всемъ земномъ шарѣ поднялось до 1239 пудовъ; но русская часть въ немъ поднялась до 430 пудовъ или почти 35%. Но какъ ни почетно было это положеніе, собственное наше производство золота отставало отъ спроса на него, который предъявлялся у насъ-же. Объ этомъ можно судить по чеканкамъ новой монеты.

Въ десятилѣтіе 1811—20 гг., когда у насъ началось образованіе новаго запаса серебряной и золотой монеты вмѣсто того, который образовывался вѣками и вытѣсненъ былъ ассигнаціями, вслѣдствіе совершенно исключительныхъ обстоятельствъ, очень благопріятство-

---

1) Soetbeer. Edelmetallproduction, S. 130.

2) Для того, чтобъ знать цѣну на серебро 135 долей чистаго золота въ полуимперіялѣ, соотвѣтствующую всякой пропорціи между серебромъ и золотомъ, необходимо число, показывающее, во сколько разъ золото дороже серебра, помножить на 135 и произведеніе раздѣлить на 405 (долей чистаго серебра въ рублѣ). Но такъ какъ $135 : 405 = {}^1/_3$, то достаточно взять $^1/_3$ числа, показывающаго, во сколько разъ золото дороже серебра, и полученный результатъ будетъ давать искомое выраженіе.

вавшихъ сильному притоку къ намъ драгоцѣнныхъ металловъ, могло быть начеканено: серебряной монеты на 69.871.000 руб. и золотой на 28.356.443 рубля. Въ слѣдующее десятилѣтіе 1821—30 гг. притокъ серебра порядочно ослабѣлъ и новой серебряной монеты начеканено на 34.616.028 рублей; напротивъ, чеканка золотой монеты, вѣроятно, въ связи съ развившимся добываніемъ русскаго золота, простирается на 37.766.214 рублей. Въ десятилѣтіе 1831—40 гг. чеканка серебряной монеты, несмотря на поощренія ея, еще болѣе уменьшается и за все время составляетъ лишь 25.952.671; чеканка-же золотой монеты принимаетъ уже солидные размѣры и простирается на 67.594.096 рублей.

За все время съ 1816 до 1840 г. все русское производство золота считаютъ въ 6519 лигатурныхъ пудовъ [1]), которое принято считать по 88-й пробѣ въ 5.976 пудовъ чистаго золота; по 13.650 рублей за пудъ ихъ стоимость достигаетъ 81½ милліоновъ рублей. А чеканки золотой монеты въ 1816—40 гг. достигали 122.530.000 рублей. Ясно, что чеканилось не только русское золото, но и притекавшее къ намъ иностранное, за которое населеніе видимо было готово платить болѣе дорогую цѣну, чѣмъ казна. Положителсно извѣстно, что въ 1820-хъ и 1830-хъ годахъ къ намъ дѣйствительно притекало много иностранной золотой монеты, для перечеканки которой въ русскую золотую монету допущено было производство ею платежей въ казну.

Съ того времени, какъ началось въ Россіи образованіе новаго запаса звонкой монеты, до денежной реформы, въ 1811—40 гг., чеканки серебряной монеты простирались на сумму 130.439.699 рублей, и золотой 133.716.753 рубля, тѣ и другія вмѣстѣ составили 264.156.452 рубля. А потерянный страною изъ за ассигнацій старый запасъ звонкой монеты составлялъ 250—300 милліоновъ рублей. Слѣдовательно уже ко времени денежной реформы 1839—43 гг. дѣло возобновленія этого запаса было почти сдѣлано, хотя правительствомъ для этого никакихъ мѣръ не принималось и никакихъ финансовыхъ жертвъ не приносилось. Все сдѣлала сама страна, починомъ и на средства населенія и его народнаго хозяйства.

Естественно, что это дѣло еще успѣшнѣе подвинулось впередъ, когда правительство ему помогло денежною реформою 1839—1843 г., то-есть, устраненіемъ обстоятельствъ, препятствовавшихъ успѣшности стремленій народнаго хозяйства.

Въ 1841—1855 годахъ, въ 15 лѣтъ послѣ реформы, чеканка се-

1) **Bulletin russe de statistique financière, v. V (1898) pp. 94, 95.**

ребряной монеты составила 59.807.333 рубля. Съ серебряною монетою, начеканенною въ 1811—40 годахъ новый запасъ ея могъ уже простираться до 190.247.032 рубля. Обстоятельствъ, въ силу которыхъ приходилось бы допускать, что нѣкоторая часть этой монеты ушла изъ страны, не было. Напротивъ, новый запасъ серебряной монеты образовался при запретительной таможенной системѣ и при особенномъ попеченіи о привлеченіи серебра въ Россію. Поэтому позволительно думать, что эти $190\frac{1}{4}$ милліоновъ рублей въ серебряной менетѣ сполна состояли въ обращеніи къ половинѣ 1850-хъ годовъ.

Что-же касается золота, то отечественное производство въ 1841—55 годахъ считается въ 21.028 пудовъ лигатурныхъ или (по 88-й пробѣ, какъ принято считать) въ 19.276 пудовъ чистаго золота по 13.650 рублей за пудъ на 263.117.000 рублей. Чеканки же новой золотой монеты въ 1841—55 годахъ простирались лишь на 248.139.523 рубля. Слѣдовательно, нѣкоторая часть золота уходила изъ страны въ видѣ слитковъ. Но и вся золотая монета, конечно, тоже не могла оставаться въ странѣ: она для этого явно была слишкомъ значительная. Вся чеканка новой золотой монеты съ 1811 до 1855 г. въ 45 лѣтъ простиралась на огромную сумму 381.856.276 рублей. Если мы допустимъ, что только $\frac{1}{3}$ ея осталась въ странѣ, а $\frac{2}{3}$ ушли заграницу, то къ 190 милліонамъ рублей серебряной монеты необходимо будетъ прибавить золотой монеты на 130 милліоновъ рублей. Въ такомъ случаѣ весь запасъ серебряной и золотой монеты въ половинѣ 1850-хъ годовъ необходимо принять въ 320 милліоновъ рублей.

Это очень правдоподобное вычисленіе, а большаго отъ такихъ вычисленій никто не требуетъ. Оно отличается скромностью прежде всего. Очень вѣроятно даже, что оно слишкомъ скромное. Объ этомъ можно судить по слѣдующему обстоятельству. Къ 1 января 1853 года въ размѣнномъ фондѣ кредитныхъ билетовъ состояло: золотой монеты 58.317.374 руб., а серебряной 49.796.645 руб., кромѣ того слитковъ золота и серебра на 15.593.361 руб. Распредѣляя эти слитки пропорціонально монетѣ, мы находимъ, что въ размѣнномъ фондѣ состояло: золота на 66.737.789 рублей и серебра на 56.969.591 рубль. Сверхъ того въ размѣнномъ фондѣ находилось еще процентныхъ бумагъ на 23.087.468 руб., пріобрѣтенныя на средства размѣннаго фонда. Мы желаемъ вычислить наибольшее (максимальное) отношеніе серебра въ размѣнномъ фондѣ къ запасу серебряной монеты въ странѣ и поэтому будемъ считать за наличное серебро и часть монеты процентныхъ бумагъ, пропорціональную серебряной монетѣ въ размѣнномъ фондѣ. Тогда наибольшая

сумма серебра въ размѣнномъ фондѣ составляетъ 64.612.453 рубля. А запасъ серебряной монеты въ странѣ мы приняли въ 190.000.000 рублей. Слѣдовательно, въ размѣнномъ фондѣ состояло не больше $^1/_3$ всего серебрянаго денежнаго запаса страны. А наличнаго золота, въ монетѣ и слиткахъ (не считая бумагъ) въ размѣнномъ фондѣ было 66.737.789 рублей. Если запасъ золота въ денежномъ обращеніи составлялъ не больше 130.000.000 рублей, то значитъ больше половины его находилось въ размѣнномъ фондѣ. А между тѣмъ внѣ всякаго сомнѣнія, что если кредитные билеты такъ полюбились населенію, если оно съ самаго зарожденія кредитныхъ билетовъ въ 1841—53 гг. охотно вносило въ экспедицію кредитныхъ билетовъ очень много монеты, чтобы за нее получить эти билеты, то, конечно, свои удобства и преимущества билеты имѣли предъ тяжеловѣсною серебряною, а не предъ сравнительно легкою золотою монетою. И если населеніе, несмотря на эти удобства, все таки $^2/_3$ серебряной монеты оставляло у себя, то по меньшей мѣрѣ столько же оно оставляло у себя и золотой монеты. А если золото, состоявшее въ размѣнномъ фондѣ, въ монетѣ и слиткахъ, на 66.737.783 рублей составляло $^1/_3$ всего запаса денежнаго золота страны, то весь этотъ запасъ достигалъ слишкомъ 200.000.000 рублей. Эта-то сумма намъ представляется болѣе вѣроятною, чѣмъ приведенная выше, слишкомъ умѣренная. Съ прибавленіемъ запаса денежнаго серебра въ 190.000.000 рублей весь запасъ золота и серебра для денежныхъ цѣлей наканунѣ крымской войны могъ достигать 390.000.000 рублей.

Этотъ запасъ отлично уживался съ кредитными билетами.

Мы видѣли, что отъ операцій гр. Гурьева для возвышенія цѣны ассигнацій сумма ихъ съ 836.000.000 рублей парицательныхъ уменьшилась въ 1818—23 годахъ до 595 776.310 рублей. Эта сумма неизмѣнною оставалась съ 1823 по 1843 г. По манифесту 1 іюля 1839 г. курсъ ассигнацій былъ фиксированъ въ $^2/_7$ серебрянаго рубля и означенная сумма ассигнацій превратилась въ 170.221.802 рубля серебромъ; изъ этой суммы затерялась и не была предъявлена къ обмѣну на кредитные билеты часть въ 3.304.851 руб. серебр., такъ что осталось 166.916.951 руб. сереб. Къ этой суммѣ „фиксированныхъ“ ассигнацій присоединились еще кредитные билеты сохранныхъ казенъ, выпущенные на 10.952.300 рублей на основаніи манифеста 1 іюля 1841 г., такъ что за счетъ казны всего состояло въ обращеніи ассигнацій и первоначальныхъ кредитныхъ билетовъ на 177.869 251 рубль, которые и обмѣнены въ 1843 г. на равную сумму государственныхъ кредитныхъ билетовъ. Кромѣ того къ 1843 г. состояло въ обращеніи на 48.548.976

рублей „депозитныхъ билетовъ“, выпущенныхъ съ 1839 до 1843 г. въ обмѣнъ за золотую и серебряную монету, вносившуюся въ „Депозитную Кассу“ и въ ней хранившуюся. Эти депозитные билеты въ 1843 г. тоже обмѣнены на государственные кредитные билеты, а равная имъ сумма золотомъ и серебромъ (на 48.548.976 рублей) была передана учрежденной въ 1843 г. Экспедиціи кредитныхъ билетовъ и первоначально составила самую значительную часть размѣннаго фонда. Другую его часть должна была составить монета, которую правительство обязалось внести въ размѣнный фондъ въ размѣрѣ $^1/_6$ части суммы ассигнацій, обмѣненныхъ на кредитные билеты. Наконецъ, съ 1843 до 1853 г. Экспедиція продолжала операціи Депозитной Кассы: принимала золото и серебро, въ монетѣ и слиткахъ, отъ частныхъ лицъ и публичныхъ учрежденій, а взамѣнъ выдавала кредитные билеты; она-же производила и обратный размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, когда публика ее требовала. Въ 1843—53 годахъ было внесено звонкой монеты 182.371.292 рубля, а вытребовано 97.413.938 рублей, или больше внесено на 84.957.354 рубля, которые тоже вошли въ размѣнный фондъ, соотвѣтствуя равной суммѣ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе за счетъ размѣннаго фонда. Если эти 84.957.354 руб. соединить съ 48.548.976 руб., которые перешли въ размѣнный фондъ отъ бывшей Депозитной Кассы, то всего въ размѣнномъ фондѣ находилось золота и серебра на 133.506.330 рублей, внесенныхъ публикою взамѣнъ кредитныхъ билетовъ, которые публика желала имѣть и которые за счетъ размѣннаго фонда были выпущены на тѣ же 133.506.330 рублей. Но въ размѣнномъ фондѣ 1 Января 1853 г. состояло 146.794.848 рублей или больше на 13.288.518 рублей. Эти 13.288.518 рублей были внесены казною въ счетъ обезпеченія кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ взамѣнъ ассигнацій. Такъ какъ отъ этого на равную сумму кредитные билеты перешли въ счетъ выпущенныхъ подъ размѣнный фондъ, то на тѣ-же 13.288.518 руб уменьшились кредитные билеты, выпущенные на 177.869.251 рубль за счетъ государственнаго казначейства взамѣнъ ассигнацій и кредитныхъ билетовъ 1841 г. и означенная сумма уже составляла лишь 164 580.733 рубля.

Такимъ образомъ 1 января 1853 г. состояло въ обращеніи кредитныхъ билетовъ: выпущенныхъ за счетъ государственнаго казначейства (взамѣнъ ассигнацій и т. д.) на 164.580.733 рубля и выпущенныхъ за счетъ размѣннаго фонда на 146.794.848 рублей, а всего на 311.375.581 рубль. Въ размѣнномъ фондѣ, который эту сумму обезпечивалъ, находилось: золота не 66.737.789 руб., серебра на

56.969.591 руб., а всего золота и серебра на 123.707.380 рублей; кромѣ того въ фондѣ было легко реализуемыхъ государственныхъ процентныхъ бумагъ на 23.087.478 рублей; общій итогъ всѣхъ суммъ размѣннаго фонда достигалъ 146.794.648 рублей. То есть, размѣнный фондъ обезпечивалъ 47% кредитныхъ билетовъ; больше половины кредитныхъ билетовъ, состоявшихъ въ обращеніи, были лишены обезпеченія въ размѣнномъ фондѣ; это происходило отъ того, что единственная жертва, которую понесло государственное казначейство для денежной реформы 1839—43 гг., заключалось въ 13.288.518 руб., внесенныхъ въ размѣнный фондъ для обезпеченія кредитныхъ билетовъ на 177.869.261 р. выпущенныхъ въ замѣнъ ассигнацій и кредитныхъ билетовъ 1841 г. По манифесту казна должна была обезпечить эту часть кредитныхъ билетовъ фондомъ въ $^1/_6$, но дѣйствительно даны были лишь упомянутые 13.528.518 рублей, составлявшіе не $^1/_6$, а меньше половины этого, лишь $^3/_{40}$ суммы кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ за казенный счетъ. Обезпеченіемъ въ $^1/_6$ удовлетворились при обсужденіи денежной реформы въ 1839—42 гг., потому что размѣнный фондъ въ $^1/_6$ считали достаточнымъ для „безостановочности размѣна“, особенно когда могли расчитывать, что рядомъ съ кредитными билетами, выпущенными за казенный счетъ и обезпеченными на $^1/_6$, будутъ обращаться кредитные билеты, выпущенные за счетъ публики и обезпеченые монетою, которую публика вносила рубль за рубль. Этотъ расчетъ и оправдался вполнѣ. Публика такъ много потребовала кредитныхъ билетовъ и такъ много внесла за нихъ серебряной и золотой монеты, что вся масса обращавшихся кредитныхъ билетовъ отъ этого оказалась обезпеченною размѣннымъ фондомъ почти на половину, на 47%. Для „безостановочности размѣна“ это и было вполнѣ достаточно. Но для прочности почвы, на которой происходилъ, „безостановочный размѣнъ“, это было недостаточно, потому что кредитные билеты, выпущенные въ обращеніе за счетъ государственнаго казначейства на 177.869.251 руб., имѣли подъ собою слабый фундаментъ въ 13.288.518 рублей, вошедшихъ въ составъ размѣннаго фонда, а на остальные 164.580.733 руб. они представляли безпроцентный долгъ государственнаго казначейства, лишенный спеціально ему служащаго обезпеченія. Въ мирное время этотъ долгъ былъ безопасенъ. Но на случай военнаго времени онъ угрожалъ тѣми-же опасностями, которыми ассигнаціи Екатерины II угрожали ассигнаціямъ Павла и Александра I. По суммѣ кредитные билеты, состоявшіе въ обращеніи за счетъ государственнаго казначейства наканунѣ

Крымской войны (на 164.580.733 руб.) лишь немногимъ превышали ассигнаціи, выпущенные при Екатеринѣ II (на 157.703.640).

Для того, чтобъ составить себѣ представленіе объ денежномъ механизмѣ, который работалъ въ Россіи наканунѣ Крымской войны, необходимо изъ всего запаса золотой и серебряной монеты, который мы исчислили въ 390 милліоновъ рублей, вычесть ту часть его, которая входила въ размѣнный фондъ суммою, которую можно округлить до 125 милліоновъ. Это даетъ остатокъ 265 милліоновъ серебряною и золотою монетою, которыя обращались вмѣстѣ съ кредитными билетами, выпущенными на 310 милліоновъ рублей. Слѣдовательно, всего было въ обращеніи металлическихъ и бумажныхъ денегъ на 575 милліоновъ рублей. Составъ этой суммы можно представить и въ другомъ видѣ. Всѣхъ кредитныхъ билетовъ было на 310 милліоновъ рублей, изъ которыхъ звонкую монету размѣннаго фонда замѣняли 125 милліоновъ рублей, и лишь остальные 185 милліоновъ непокрытыхъ звонкою монетою кредитныхъ билетовъ имѣли самостоятельное значеніе. Прибавивъ къ нимъ запасъ звонкой монеты страны въ 390 милліоновъ рублей, мы получимъ тотъ же итогъ въ 575 милліоновъ рублей.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Кредитные билеты и упадокъ серебрянаго рубля.

1853—1900 г.

Обстоятельства второй половины XIX вѣка менѣе благопріятствовали обращенію въ Россіи золотой и серебряной монеты, чѣмъ обстоятельства первой половины того-же вѣка. Выражаясь языкомъ манифеста 1 іюля 1839 г. объ устройствѣ денежной системы, причина заключалась въ „возобладаніи“ бумажныхъ денегъ, вслѣдствіе чего онѣ получили „первенство надъ серебромъ“.

Въ первой половинѣ XIX вѣка серебряному рублю все-таки удалось отстоять себя и онъ возродился, даже приведенный въ „систему“, въ основу которой онъ былъ положенъ въ качествѣ выразителя серебрянаго монометаллизма. А во второй половинѣ XIX ст. серебряный рубль кончилъ тѣмъ, что онъ долженъ былъ себя признать побѣжденнымъ, положить оружіе, прекратить борьбу за „первенство“ и вмѣстѣ съ тѣмъ окончить продолжительную исторію своей первенствующей роли.

Врагомъ, осилившимъ серебряный рубль, оказались не однѣ только бумажныя деньги, но сверхъ того еще и золото. Оба эти врага серебрянаго рубля во второй половинѣ XIX в. имѣли на своей сторонѣ болѣе благопріятныя обстоятельства.

Бумажныя деньги, во второй половинѣ XIX вѣка, въ видѣ кредитныхъ билетовъ, были сильнѣе, чѣмъ въ первой половинѣ въ видѣ ассигнацій, потому что пользованіе ими для финансовыхъ цѣлей, для покрытія чрезвычайныхъ военныхъ расходовъ расположилось болѣе благопріятно во времени. Собственно говоря, кредитные билеты должны были во второй половинѣ XIX вѣка доставить государственному казначейству для чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ столько-же, сколько доставили ассигнаціи: для Крымской войны въ 1854—57 гг. около 423 милл. и для Турецкой войны въ 1876—80 гг. 417 милл. руб. а всего 840 милл. руб. (ассигнацій всего было выпущено на 836 милліоновъ рублей). Но дѣйствія наибольшей части ассигнаціонныхъ выпусковъ на наизначительнѣйшія суммы болѣе сгустились на короткомъ промежуткѣ времени, впродолженіи котораго они и могли обрушиться всею своею тяжестью, всею силою своихъ 836 милліоновъ. Отъ этого ассигнаціи такъ остро обнаружили свою сокрушительную силу, которая, скоро подѣйствовавъ, скоро же истощилась. Напротивъ, къ кредитнымъ билетамъ финансовыя требованія были предъявлены въ два пріема, изъ которыхъ каждый недалеко удалялся отъ 400 милліоновъ, т. е. отъ суммы, вдвое болѣе слабой, чѣмъ та, на которую дѣйствовали ассигнаціи, и сверхъ того одинъ пріемъ отъ другого отдѣлялся продолжительнымъ промежуткомъ въ 20 лѣтъ. Отъ этого борьба съ бумажными деньгами во второй половинѣ XIX в. была труднѣе, чѣмъ въ первой. Относительно ассигнацій уже въ 1810 г. было ясно, что съ ними никогда нельзя будетъ покончить иначе какъ девальваціею. Это опредѣлялось, какъ глубиною ихъ паденія, такъ и значительностью ихъ суммы для той эпохи. Такого дѣйствія выпуски кредитныхъ билетовъ во вторую половину XIX в. уже не производили и не могли производить. Россія кредитныхъ билетовъ очень сильно измѣнилась сравнительно съ Россіею ассигнацій. Сумма выпущенныхъ на 600 милліоновъ рублей ассигнацій въ 1810 г. была страшнѣе, чѣмъ сумма кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ половинѣ 1850-хъ годовъ на такую-же сумму; сумма въ кредитныхъ билетахъ, можетъ быть, должна была бы быть въ полтора или два раза больше суммы ассигнацій, чтобъ произвести одинаковое съ ассигнаціями дѣйствіе. А выпущено было въ 1853—57 годахъ новыхъ кредитныхъ билетовъ

не на 900 или 1200 милліоновъ рублей, а лишь на 400 милліоновъ. Поэтому съ кредитными билетами борьба была труднѣе. Они медленнѣе и въ сравнительно лишь болѣе слабой степени обезцѣнивались, неоднократно очень высоко поднимались въ цѣнѣ, хотя всегда были ниже своей нарицательной цѣны по меньшей мѣрѣ на 15%, а чаще всего больше этого, въ послѣднюю-же четверть XIX в. значительно больше этого. Поэтому о намѣренной девальваціи кредитныхъ билетовъ никогда не было рѣчи. А это означало, что борьба съ кредитными билетами возможна лишь съ помощью весьма значительныхъ и сложныхъ финансовыхъ операцій на многія сотни милліоновъ рублей. Такъ, уже послѣ Крымской войны бороться съ кредитными билетами, значило ставить вопросъ о ликвидаціи безпроцентнаго государственнаго долга по кредитнымъ билетамъ въ размѣрѣ 164 милліоновъ рублей, унаслѣдованныхъ отъ предыдущей эпохи, и еще новыхъ 423 милліоновъ рублей, прибавившихся отъ расходовъ по Крымской войнѣ, а всего на 587 милліоновъ рублей, не говоря о нѣкоторыхъ побочныхъ обстоятельствахъ, тогда еще усложнявшихъ дѣло и расширявшихъ его еще на 100—150 милл. руб. А послѣ войны 1877—78 гг. дѣло усложнилось еще на новые 417 милліоновъ рублей. Борьба съ кредитными билетами пришла въ прямую зависимость отъ состоянія средствъ государственнаго казначейства: заключаются ли государственные бюджеты дефицитами или избытками, процвѣтаетъ-ли или прозябаетъ государственный кредитъ. Въ началѣ XIX в. серебряный рубль самъ справился съ обезсиленными ассигнаціями, не требуя никакой помощи и жертвъ государственнаго казначейства. Во второй половинѣ XIX в. серебряный рубль самъ уже ничего не въ состояніи былъ сдѣлать въ борьбѣ съ кредитными билетами безъ союзника въ видѣ большихъ финансовыхъ средствъ государственнаго казначейства.

Но, помимо кредитныхъ билетовъ, сохранявшихъ во второй половинѣ XIX в. наиболѣе значительную часть своей стоимости, а слѣдовательно и силы для борьбы съ серебрянымъ рублемъ, обстоятельства складывались менѣе благопріятно для серебрянаго рубля еще по другой причинѣ. Не только въ концѣ второй половины XIX вѣка, но уже въ началѣ ея золото, повсюду, но особенно въ Россіи, выступило конкуррентомъ серебра въ такихъ новыхъ условіяхъ, при которыхъ серебряный рубль потерялъ-бы свое первенствующее положеніе, даже еслибъ никакихъ кредитныхъ билетовъ не было бы.

До половины XIX вѣка золото не могло играть преобладающей роли, потому что его производилось недостаточно много: съ половины

XVI до половины XVII вѣка его производилось менѣе 500 пудовъ въ годъ, а въ слѣдующее столѣтіе все еще менѣе 800 пудовъ въ годъ. За 200 лѣтъ съ половины XVI до половины XVIII в. его произведено лишь 127.300 пудовъ. На нынѣшнія наши золотые рубли это составило почти 2700 милліоновъ рублей. Въ тѣ-же 200 лѣтъ Европа получила новаго серебра съ лишнимъ $4^1/_2$ милліона пудовъ на 4150 милліоновъ рублей. Серебро сильно подешевѣло сравнительно съ временемъ до XVI в., но независимо отъ этого спросъ на золото превышалъ его предложеніе и оно сильно вздорожало: до XVI в. оно было лишь 10—12 разъ дороже серебра, а съ начала XVII в. оно уже было въ 14 разъ, а въ концѣ XVII в. уже и въ 15 разъ дороже серебра. Въ Европѣ усиленно развивались крупные торговые обороты, нуждавшіеся въ золотой монетѣ для своихъ крупныхъ платежей. Съ половины XVIII до половины XIX в. значительное усиленіе производства золота и серебра играетъ очень большую роль въ тѣхъ необыкновенныхъ успѣхахъ, торговыхъ и промышленныхъ, которые Западная Европа сдѣлала въ это время: успѣхами этими Западная Европа въ немалой мѣрѣ обязана тому, что въ 100 лѣтъ, съ 1745 по 1845 г., она получила почти столько-же золота и серебра, сколько она получила въ предшествующія 200 лѣтъ [1]). Усиленіе спроса обнару-

1) Данныя о производствѣ и стоимости золота и серебра со времени открытія Америки до 1908 г. сгруппированы нами въ слѣдующей таблицѣ:

ПЕРІОДЫ.	Число лѣтъ.	ПРОИЗВОДСТВО				СТОИМОСТЬ	
		золота		серебра		золота въ рублях въ $^1/_{15}$ имперіяла, по 21160 рублей за пудъ.	серебра въ рубляхъ по 4 золот. 21 доля (210 рубл. за пудъ).
		ежегодное.	во всемъ періодѣ.	ежегодное.	во всемъ періодѣ.		
		пудовъ					
1493—1545 .	53	395	20 294	4.370	231.520	443.000.000	210.680.000
1546—1645 .	100	485	48 369	22.715	2.271.261	1.023.000.000	2.066.850.000
1646—1745	100	790	78.942	22.880	2 287.734	1.670 000.000	2.081.840.000
1746—1845 .	100	1.200	119.863	41.200	4 117.987	2 536.000.000	3.747 870.000
1846 1908 .	63	14 600	919.649	163.000	10 452.460	19.460.000.000	9.512.200.000
1546—1746 .	*200*	*640*	*127.311*	*22.800*	*4.558.995*	*2.693 000 000*	*4.148 690.000*
1546—1846 .	*300*	*825*	*247.174*	*28.925*	*8 676.982*	*5.229.060.000*	*7.896.560.000*
1493—1846 .	*353*	*760*	*268.098*	*25.235*	*8.908.502*	*5.672.000.000*	*8.107 240 000*
1493—1908 .	*416*	*2.855*	*1.187.747*	*46 540*	*19.360 962*	*25 132.000.000*	*17 619.340.000*
въ частности							
1846—1850 .	5	4.1 2	20 561	47.640	238.215	435.000 000	216.975.000
1851—1870 .	20	11.923	238.461	64.579	1.291.585	5 045.800.000	1.175.340 000
1871—1890 .	20	10 243	204 859	162.015	3.240 309	4.334.800.000	2.943.680.000
1891—1908 .	18	25.320	455.768	315.690	5.682.352	9.644.000.000	5.171.270 000

живалось то на сторонѣ серебра, то на сторонѣ золота, но въ общемъ потребности въ новой золотой и серебряной монетѣ были повсюду такъ значительны, что усиленіе производства золота и серебра въ 1745—1845 гг. даже не ощущалось, какъ усиленіе, только потому, что все таки серебро продолжало преобладать и могло сохранять свое преобладающее положеніе въ континентальной Европѣ. За 353 года отъ открытія Америки до 1845 г. Европа получила новаго золота 268.100 пудовъ на 5670 милліоновъ рублей и 8.908.500 пудовъ серебра на 8107 милліоновъ рублей. Изъ этихъ количествъ много ушло на Востокъ и на нужды искусствъ и обихода, церковнаго и гражданскаго; остатокъ послужилъ на монетныя цѣли такъ, что одна только Англія могла въ 1816 г. устроить свою монетную систему на почвѣ золотого монометаллизма и только Франція и Голландія включили золото въ свою систему биметаллизма. Прочія страны строили свои монетныя системы на почвѣ серебряного монометаллизма, относясь къ золоту, какъ къ предмету терпимому, потому что безъ него нельзя обходиться въ странѣ, желающей быть причастной къ крупной торговлѣ и промышленности.

Въ этомъ положеніи открытіе золотыхъ розсыпей въ концѣ 1840-хъ годовъ въ Калифорніи и нѣсколько позже въ Австраліи произвело неожиданный переворотъ, впослѣдствіи подкрѣпленный открытіемъ новаго африканскаго золота. Въ 63 года съ 1846 г. до 1908 г. произведено новаго золота въ $3^1/_2$ раза больше, чѣмъ въ предшествовавшіе 353 года: 919.649 пудовъ на 19.460 милліоновъ рублей. Серебра-же въ эти 63 года произведено количество, тоже превышавшее то, которое было произведено въ предшествовавшіе 353 года, 10.452.000 пудовъ на $9^1/_2$ милліардовъ рублей Послѣдствіемъ этого огромнаго увеличенія производства явилось, съ одной стороны, такое удешевленіе серебра, что оно должно было потерять свое первенствующее положеніе въ монетныхъ системахъ, въ которыхъ оно имъ пользовалось, а съ другой стороны—такая увеличившаяся доступность золота, что оно повсюду могло занять мѣсто серебра, отошедшаго на задній планъ.

Конечно, это могло выясняться лишь постепенно. Но уже въ 1850-хъ совершенно ясно было, что Калифорнія и Австралія кореннымъ образомъ измѣнили условія снабженія Европы золотомъ; золото сильно подешевѣло и тогда говорили даже объ его депрессіяціи (обезцѣненіи). Такъ какъ при этомъ производство серебра, хотя и увеличилось, но въ размѣрахъ, далеко не соотвѣтствовавшихъ требова-

ніямъ на него до половины 1860-хъ годовъ, а какъ разъ въ 1850-хъ и въ началѣ 1860-хъ очень усилились требованія серебра для отправленія на Востокъ,—то серебро въ это время (до половины 1860-хъ годовъ) вздорожало. Послѣдствіемъ этихъ обстоятельствъ былъ сильный отливъ его отовсюду, гдѣ было много серебра, на дальній Востокъ: преимущественно серебро шло изъ Франціи, Германіи и Россіи.

Это никакого отношенія къ кредитнымъ билетамъ не имѣло. Во Францію посылали новое калифорнское и австралійское золото, вмѣсто котораго выбирали изъ обращенія серебро для отсылки его въ Индію, Китай и Японію. Также точно выбирали серебро изъ Германіи. Вытянули его и изъ Россіи въ 1850-хъ годахъ, такъ сказать, на общихъ основаніяхъ [1]). Кредитные билеты выступили со своимъ вліяніемъ лишь на то, что произошло, когда серебро ушло. Повсюду, въ другихъ странахъ, въ которыхъ денежное обращеніе было въ порядкѣ, уходъ серебра сопровождался замѣною его золотомъ. Очевидно, то-же самое произошло бы и въ Россіи, еслибъ у насъ денежное обращеніе состояло въ порядкѣ, какъ оно устроилось послѣ реформы 1839—1843 гг. и продолжало оставаться до конца Крымской войны. А то обстоятельство, что Россія принадлежала къ странамъ, которыя производятъ золото, что она до появленія калифорнскаго золота стояла во главѣ этихъ странъ и только съ появленія калифорнскаго и австралійскаго золота заняла третье мѣсто, но все-таки продолжала производить гораздо больше золота, чѣмъ ей было нужно для собственныхъ потребностей,—эти обстоятельства уже въ 1850-хъ и 1860-хъ годахъ ставили Россію въ особое, болѣе благопріятное положеніе. Такъ какъ тогда никто не предусматривалъ, что въ условіяхъ производства серебра предстоитъ такая-же коренная перемѣна, какая произошла въ производствѣ золота, а на лицо была только послѣдняя, то повсюду считались только съ нею. Поэтому во Франціи явились противники биметаллизма, а въ Германіи и Австріи противники серебряного монометаллизма [2]); повсюду золотой монометаллизмъ находилъ себѣ защитниковъ, полагавшихъ, что Европѣ нѣтъ надобности оспаривать серебро у странъ дальняго Востока, когда открылся обильный источникъ золота, лучше соотвѣтствующаго монетнымъ нуждамъ Запада, состоящаго изъ странъ крупнаго капитала. Но въ этихъ странахъ

1) См. объ этомъ: И. И. Кауфманъ, Вексельные курсы Россіи за 50 лѣтъ 1841—90. Спб. 1892 (Врем. Ц. Стат. Ком. М. В. Д. № 22) стр. XVII—XIX.

2) Мишель Шевалье, Де-Парія, Зетбееръ, Вамбергеръ фонъ Гокъ.

имѣлся еще очень большой запасъ серебряной монеты, накопленной вѣками и очень мало уменьшенный уплывомъ изъ него нѣкоторой части, когда серебро въ 1850-хъ и въ началѣ 1860-хъ годахъ вздорожало. А съ другой стороны уже во второй половинѣ 1860 хъ, а еще болѣе въ 1870-хъ и 1880-хъ годахъ производство золота не только не продолжало увеличиваться, но даже немного уменьшилось [1]). Могло поэтому казаться, что если всѣ бросятся на золото, то его на всѣхъ не хватитъ и произойдетъ „борьба за золото". Въ Германіи, однако, этого не убоялись и уже въ началѣ 1870-хъ годовъ перешли къ золотому монометаллизму, хотя и „хромавшему" изъ-за большого запаса имѣвшагося серебра. Однородное положеніе создалось во Франціи. Но въ Россіи уже въ 1850-хъ годахъ положеніе было гораздо болѣе благопріятное для лучшаго исхода. Большого запаса серебряной монеты мы не имѣли; къ половинѣ 1850-хъ годовъ онъ не превышалъ 190 милліоновъ и если тогда вздорожаніе серебра у насъ отняло треть его, то его оставалась лишь такая сумма, которая никакой вліятельной роли въ устройствѣ монетной системы играть не могла. И въ то-же время для насъ было совершенно безразлично, какъ идетъ производство золота въ Калифорніи и въ Австраліи: у насъ производилось золота гораздо больше, чѣмъ было необходимо для собственныхъ монетныхъ нуждъ. Поэтому создавшееся въ 1850-хъ и въ началѣ 1860-хъ годовъ положеніе для Россіи ставило вопросъ о монетной системѣ въ слѣдующемъ видѣ: оспаривать ли серебро у странъ дальняго востока и войти-ли въ ихъ кругъ, или удовлетворяться собственнымъ золотомъ и остаться въ кругу странъ западно-европейской культуры? Едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, въ какомъ направленіи жизнь разрѣшила бы у насъ этотъ вопросъ, если бы обстоятельства не воспрепятствовали бы его постановкѣ.

Мы считали не излишнимъ остановиться на изложенныхъ обстоятельствахъ, потому что у насъ многіе думаютъ, что возникшій у насъ въ концѣ XIX в. золотой монометаллизмъ составляетъ какое-то чуждое намъ новшество, внезапно возникшее и теоретически, въ кабинетѣ созданное. Этотъ взглядъ ошибочный. Условія, вызывавшія необходимость перехода отъ серебрянаго къ золотому монометаллизму создались у насъ, когда русская золотопромышленность стала прини-

---

1) Какъ видно изъ нашихъ данныхъ на стр. 218, въ 20 лѣтъ 1851—70 гг. произведено 238.460 пудовъ золота на 5045½ милліоновъ рублей, а въ слѣдующіе 20 лѣтъ 1871—90 гг. произведено лишь 204.859 пудовъ на 4334½ милліоновъ рублей.

мать большіе размѣры; а въ 1850-хъ и 1860-хъ годахъ и внѣшнія обстоятельства сложились такъ, что Россія уже тогда поставлена была бы въ необходимость отмѣнить свой серебряный монометаллизмъ, еслибъ этому не воспрепятствовало разстройство денежнаго обращенія, происшедшее отъ выпуска кредитныхъ билетовъ для расходовъ по Крымской войнѣ.

До этой войны у насъ состояло въ обращеніи: серебряной и золотой монеты на 265 милліоновъ рублей и кредитныхъ билетовъ на 310 милліоновъ рублей; всего въ странѣ денегъ было на 575 милліоновъ рублей; кромѣ того въ размѣнномъ фондѣ имѣлось еще серебряной и золотой монеты на 125 милліоновъ рублей для „безостановочнаго размѣна", защищавшаго нарицательную цѣну кредитнаго рубля отъ ущерба и этимъ охранявшаго и самую монету, обращавшуюся въ странѣ. Это положеніе очень существенно измѣнилось къ 1 января 1858 г., когда въ обращеніи однихъ кредитныхъ билетовъ оказалось на 735.297.000 рублей, т. е. на 160 милліоновъ рублей больше, чѣмъ до войны обращалось кредитныхъ билетовъ и звонкой монеты. Въ маѣ 1859 г. кредитный рубль въ первый разъ сильно понизился, теряя 20% своей нарицательной цѣны. Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ о совмѣстномъ обращеніи кредитныхъ билетовъ и звонкой монеты уже не могло быть рѣчи. Звонкая монета быстро стала уплывать за границу, особенно серебряная. Возникла опасность, что страна потеряетъ даже свою размѣнную серебряную монету. Вслѣдствіе этого министръ финансовъ въ 1859 г. вошелъ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ объ уменьшеніи чистаго серебра въ размѣнной серебряной монетѣ. Государственный совѣтъ призналъ, что эта мѣра дѣйствительно необходима и 22 марта 1860 г. состоялся указъ о новой размѣнной серебряной монетѣ, а 18 іюня 1860 г. состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей монетнаго устава [1]). По этимъ законоположеніямъ впервые въ Россіи создавалась низкопробная серебряная монета. Рядомъ съ Екатерининскимъ рублемъ, содержащимъ чистаго серебра 4 золотника 21 долю создавался новый рубль въ размѣнной монетѣ (въ видѣ двугривенныхъ, пятиалтынныхъ, гривенниковъ и пятачковъ); этотъ новый рубль содержалъ чистаго серебра на 15% меньше, чѣмъ полнопробный рубль, или лишь три золотника $56^1/_4$ долей. Въ полнопробной монетѣ фунтъ чистаго серебра оставался

1) П. П. С. З т. XXXV №№ 35586 и 35949.

22 руб. $75^{5}/_{9}$ коп., какъ съ Екатерины II, а золотникъ $23^{19}/_{27}$ копѣйки; въ новой низкопробной серебряной монетѣ цѣна фунта чистаго серебра возвышена до 26 рублей $77^{19}/_{153}$ копѣйки, а цѣна золотника поднята до $27^{407}/_{459}$ копѣйки. При этомъ проба новой размѣнной монеты считалась 72-й, или какъ выражался законъ, въ ста рубляхъ размѣнной монеты было 4 фунта $94^{1}/_{48}$ золотника серебра 72-й пробы.

Это уменьшеніе содержанія чистаго серебра въ размѣнной монетѣ на 15% построено было на ожиданіи, что кредитные билеты больше, чѣмъ на 15% не понизятся въ своей цѣнѣ; ибо при пониженіи кредитныхъ билетовъ болѣе, чѣмъ на 15%, и новая размѣнная монета не была обезпечена отъ уплыва заграницу. Но въ то время финансовое управленіе различными палліативами непрерывно боролось съ пониженіемъ кредитныхъ билетовъ и лишь съ начала 1864 г. прекратило эту безуспѣшную борьбу, на которую были израсходованы весьма значительныя суммы. Въ сентябрѣ и октябрѣ 1864 г. кредитные билеты падали до 312 франковъ за 100 рублей, то есть, теряли уже почти $^{1}/_{4}$ своего нарицательнаго достоинства. Въ 1865 г. кредитные билеты не понижались ниже $322^{1}/_{2}$ франковъ за 100 рублей; но въ іюнѣ 1866 г. ихъ постигло тяжкое паденіе до 266 франковъ за 100 кредитныхъ рублей. Опасность уплыва заграницу не только угрожала, но дѣйствительно возникла для новой размѣнной монеты, которой въ 1860—66 годахъ было начеканено на 37.019.462 рубля. Въ 1866 г. министръ финансовъ опять вошелъ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ о необходимости новаго уменьшенія содержанія чистаго серебра въ размѣнной монетѣ. На этотъ разъ министръ и государственный совѣтъ признавали необходимымъ обезпечить странѣ размѣнную серебряную монету и воспрепятствовать ея уплыву заграницу, даже еслибы кредитные билеты временами понижались до половины своей нарицательной стоимости [1]). Вслѣдствіе того указъ 21 марта 1867 г. опредѣлилъ: чеканить размѣнную серебряную монету, „съ пониженіемъ внутренняго достоинства сей монеты на 50% противъ нарицательной ея цѣны“. Другими словами: въ размѣнной монетѣ пудъ чистаго серебра у насъ имѣетъ нарицательную стоимость 1820 рублей $44^{4}/_{9}$ копѣйки, фунтъ чистаго серебра = 45 руб. $51^{1}/_{9}$ коп., золотникъ чистаго серебра = $47^{11}/_{27}$ копѣйки. Рубль въ размѣнной монетѣ содержитъ чистаго серебра лишь 2 золотника $10^{1}/_{2}$ долей. Указы 22 марта и 18 іюня 1860 г. и 21 марта 1867 г. имѣютъ большое прин-

1) II, П. С. З. т. XLII № 44373.

ципіальное значеніе въ нашемъ монетномъ законодательствѣ; они впервые вводятъ начало, по которому производство платежей размѣнною монетою между частными лицами ограничено тремя рублями, тогда какъ казна обязывается принимать ту-же монету на всякую сумму, неограниченно. Это единственное реальное обезпеченіе противъ чрезмѣрныхъ чеканокъ размѣнной монеты. Другое обезпеченіе установлено въ томъ, что чеканка ея разрѣшается лишь на сумму 6 милліоновъ рублей и всякая дальнѣйшая чеканка ея на новые 6 милліоновъ рублей должна разрѣшаться въ законодательномъ порядкѣ.

Эти начала указомъ 21 марта 1867 г. распространены на мѣдную монету, чеканка которой, однако, ограничена суммою въ 3 милліона рублей съ тѣмъ, чтобъ всякая ея дальнѣйшая чеканка разрѣшалась тоже въ законодательномъ порядкѣ.

Такимъ образомъ съ половины 1860-хъ годовъ чеканка размѣнной и мѣдной монеты поставлена у насъ вполнѣ раціонально.

Уплывъ серебряной монеты въ 1850-хъ и 1860-хъ годахъ былъ такъ ощутителенъ, что онъ выразился въ усиленномъ спросѣ на размѣнную монету даже 48-й пробы, которой до конца 1880 г. могло быть выпущено на 70 милліоновъ рублей безъ опасенія, что она скучится въ казенныхъ кассахъ. Съ 1881 г. ее чеканили уже значительно менѣе.

Изданіемъ законовъ объ низкопробной серебряной монетѣ какъ-бы оффиціально свидѣтельствовалось, что полнопробная монета, серебряная и золотая, изъ Россіи исчезла и въ нее возвратиться не можетъ. Кредитные билеты вытѣснили у насъ изъ обращенія тотъ запасъ звонкой монеты, который образовался въ 1811—55 годахъ, и продолжали вытѣснять всю ту монету, на которую запасъ 1811—55 гг. увеличился бы, еслибы этому не препятствовали кредитные билеты. Если въ 45 лѣтъ съ 1811 по 1855 г. у насъ могъ образоваться запасъ звонкой монеты въ 390 милліоновъ рублей, то едва-ли существуетъ основаніе, чтобы отвергать возможность повторенія этого факта въ слѣдующія 40 лѣтъ съ 1856 до 1895 г., то-есть, увеличеніе запаса до 800 милліоновъ рублей. Допущеніе это подкрѣпляется двумя указаніями. Во-первыхъ, чеканки новой золотой монеты въ 1856 — 95 гг. простирались на сумму 880.997.000 рублей; отсчитывая изъ нихъ 400 милліоновъ на увеличеніе запаса, мы изъ нихъ беремъ на долю собственныхъ нуждъ страны лишь въ 45%, тогда какъ для предшествовавшаго періода мы могли на основаніи указанія размѣннаго фонда взять на ту-же долю 55% или 200 милліоновъ рублей изъ суммы че-

канокъ въ 381.856.000 рублей. Во-вторыхъ, наша сумма въ 800 милліоновъ рублей очень близко подходитъ къ суммѣ, которая дается прямымъ показаніемъ опыта: когда въ концѣ XIX в. пришлось опять возстановлять металлическое обращеніе въ Россіи, то очевидно „возстановлять“ приходилось *потерянное* изъ-за кредитныхъ билетовъ: а для этого потребовался запасъ новой золотой и серебряной монеты, порядочно вышедшій за предѣлъ 1200 милліоновъ рублей въ $^1/_{15}$ имперіяла, равныхъ 800 милліоновъ рублей въ $^1/_{10}$ имперіяла. Мы можемъ поэтому съ увѣренностью утверждать, что изъ-за кредитныхъ билетовъ Россія во вторую половину XIX вѣка потеряла капиталъ звонкой монеты въ 800 милліоновъ рублей, подобно тому, какъ изъ-за ассигнацій она въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. потеряла такой же капиталъ въ 300 — 350 милліоновъ рублей. Финансовая роль бумажныхъ денегъ въ Россіи обошлась очень дорого ея народному хозяйству и во второй половинѣ XIX в. стоила много дороже, чѣмъ въ эпоху ассигнацій. Это и естественно: чѣмъ дальше подвигается страна, тѣмъ дороже ей обходятся неразмѣнныя бумажныя деньги: огонь дѣйствуетъ тѣмъ разрушительнѣе, чѣмъ больше культурныхъ матерьяловъ онъ встрѣчаетъ на своемъ пути.

Съ этимъ находится въ тѣсной связи объясненіе, почему неразмѣнныя бумажныя деньги въ Россіи, которыя въ видѣ ассигнацій такъ глубоко упали, гораздо менѣе потеряли изъ своего нарицательнаго достоинства въ видѣ кредитныхъ билетовъ. Ассигнаціи, вытѣснивъ изъ обращенія запасъ звонкой монеты, накопленный страною въ размѣрѣ 300—350 милліоновъ рублей, уже въ 1810 г. были выпущены на 575 милліоновъ рублей, а послѣ наполеоновскихъ войнъ ихъ оказалось даже 836 милліоновъ. Слѣдовательно, ассигнацій обращалось больше, чѣмъ ими было вытѣснено золотой и серебряной монеты: въ 1810 г. на 225 — 275 милліоновъ рублей, а по окончаніи наполеоновскихъ войнъ—даже на 485—535 милліоновъ рублей. Естественно, что онѣ потеряли $^3/_4$ своей цѣны. Совсѣмъ иное положеніе было во второй половинѣ XIX вѣка. Когда послѣ Крымской войны оказалось однѣхъ только бумажныхъ денегъ на 725 милліоновъ рублей, тогда какъ наканунѣ войны обращалось звонкой монеты и размѣнныхъ кредитныхъ билетовъ на 575 милліоновъ рублей, то увеличеніе составило только 150 милліоновъ рублей, потому что $^{13}/_{14}$ всѣхъ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ для расходовъ по Крымской войнѣ, заняли мѣсто звонкой монеты, вытѣсненной изъ обращеніи. Поэтому кредитные билеты, ставшіе неразмѣнными бумажными деньгами, въ первые

20 лѣтъ своей новой роли (въ 1856—75 гг.), только изрѣдка, въ наиболѣе острые моменты политическихъ или экономическихъ замѣшательствъ, падали сильнѣе, да и тогда теряли не болѣе $^1/_3$ до $^1/_2$ своей цѣны; но послѣ такихъ паденій они скоро поправлялись, возвращаясь ближе къ своему нарицательному уровню, отъ котораго они уклонялись на 15—20%.

Когда затѣмъ для Турецкой войны 1877—78 г.г. обращеніе кредитныхъ билетовъ въ 1876—80 г.г. было увеличено на новые 417 милліоновъ рублей, то обращеніе ихъ перешло за милліардъ рублей; во вторую половину періода неразмѣнности кредитныхъ билетовъ, въ 20 лѣтъ съ 1876 до 1895 г., они неминуемо должны были упасть уже глубже и хронически терять болѣе значительную часть своей цѣны. Эта-то часть фактически составила $^1/_3$ нарицательной цѣны кредитныхъ билетовъ. И этого было достаточно, чтобъ курсовая стоимость кредитныхъ билетовъ (по оцѣнкѣ на рубли въ $^1/_{10}$ имперіяла) совпала съ запасомъ звонкой монеты, вытѣсненной ими изъ обращенія въ 800 милліоновъ рублей (въ $^1/_{10}$ имперіяла) и потребовавшейся для возстановленія металлическаго обращенія въ Россіи въ 1897 г.

Именно то обстоятельство, что обращаясь на огромную сумму свыше милліарда рублей, кредитные билеты во вторую половину своего періода неразмѣнности хронически сохраняли все таки $^2/_3$ своей нарицательной цѣны, дѣлало невозможнымъ возвращеніе звонкой монеты въ Россію, какъ бы ни былъ благопріятенъ для нея балансъ международныхъ платежей. Ибо съ одной стороны, какъ только въ странѣ усиливался спросъ на деньги, этотъ спросъ легко было обставить такъ, чтобъ для его удовлетворенія неминуемо были выпущены кредитные билеты; а съ другой стороны эти кредитные билеты сохраняли всю силу, съ которой они вытѣсняли изъ обращенія звонкую монету. Для того, чтобъ кредитные билеты ужились со звонкою монетою и не препятствовали благопріятному балансу вызывать притокъ монеты въ Россію, было необходимо, чтобы кредитные билеты такъ-же потеряли почти всю свою силу, какъ это случалось съ ассигнаціями. А такъ какъ это не произошло, то объ обратномъ притокѣ звонкой монеты въ Россію, пока въ ней обращались на сумму свыше милліярда рублей *неразмѣнные* кредитные билеты, сохранявшіе *двѣ трети* своей цѣны, ни при какомъ благопріятномъ балансѣ и ни при какой свободѣ заключать договоры на золото и серебро не могло быть рѣчи.

Возстановленіе металлическаго обращенія въ Россіи было возможно лишь однимъ путемъ: ликвидаціею бумажноденежнаго долга

государственнаго казначейства по кредитнымъ билетамъ, или что тождественно съ этимъ—возобновленіемъ ихъ размѣна на звонкую монету.

Въ 1860-хъ и въ 1870-хъ годахъ у насъ почти потеряли вѣру въ возможность этого возобновленія. Единственное, признававшееся возможнымъ, выражено въ указѣ 1 января 1881 г. о ликвидаціи хоть той суммы 417 милліоновъ рублей, на которую обращеніе кредитныхъ билетовъ увеличилось изъ-за войны съ Турціею въ 1877—78 годахъ. Для этой ликвидаціи государственное казначейство обязывалось дать необходимыя наличныя средства въ теченіи восьми лѣтъ: въ первомъ году 67 милліоновъ рублей, а въ слѣдующіе семь лѣтъ по 50 милліоновъ рублей въ годъ.

Съ исторической точки зрѣнія указъ 1 января 1881 г. представляетъ большой интересъ съ такой стороны, съ какой на него никогда не обращали вниманія: ни тогда, когда онъ обсуждался и былъ изданъ, ни тогда, когда его исполняли. А именно: указъ 1 января 1881 года исходилъ изъ того, что долгъ, котораго ликвидація имъ нормируется, есть долгъ въ *кредитныхъ* рубляхъ. Никто въ этомъ не сомнѣвался. Никому и на мысль не приходило полагать, что для ликвидаціи долга на 417 милліоновъ рублей, о которомъ идетъ рѣчь, необходимо, чтобъ государственное казначейство располагало запасомъ *звонкой* (напримѣръ, золотой) монеты на 417 милліоновъ рублей. И когда въ 1881 г. произведенъ былъ государственнымъ казначействомъ первый платежъ 67 милліонами *кредитныхъ* рублей, а въ 1882 и 1883 г.г. произведены еще два платежа по 50 милліоновъ *кредитныхъ*-же рублей каждый, то всѣ, безъ исключенія, находили это вполнѣ правильнымъ. Въ 1884 г. для производства платежа была реализована *золотая* рента; но и изъ металлическихъ по ней поступленій въ уплату разсматриваемаго долга внесено 26.471.445 *кредитныхъ* рублей; наконецъ въ 1889 г. произведенъ еще одинъ платежъ на 50 милліоновъ рублей, тоже кредитныхъ. Всего по указу 1 января 1881 г. было израсходовано государственнымъ казначействомъ 243.471.445 кредитныхъ рублей для ликвидаціи долга его, возникшаго отъ выпуска за его счетъ для расходовъ по войнѣ 1877—78 г г. новыхъ кредитныхъ билетовъ на 417.000.000 рублей; слѣдовательно, въ предполагавшійся срокъ до конца 1889 г. были недоуплачены 173.528.555 рублей.

Такъ какъ эти платежи никакого вліянія на цѣну кредитныхъ билетовъ не имѣли (да ими и не предполагалось оказать вліянія на эту цѣну), то они ничего не измѣнили въ господствовавшемъ невѣріи въ возможность возобновленія обращенія звонкой монеты въ Россіи.

Они еще усилили это невѣріе, когда оказалось, что положеніе государственнаго казначейства даже не дозволило, чтобы всѣ платежи по указу 1 января 1881 г. были произведены въ установленый этимъ указомъ срокъ такъ, какъ предполагалось: взносами наличныхъ денегъ по 50 милліоновъ рублей, хотя бы и кредитныхъ.

Во главѣ финансоваго управленія съ 6 мая 1881 г. до 1 января 1887 г. стоялъ Н. Х. Бунге, защитникъ возстановленія металлическаго обращенія въ Россіи. Предположенія для этого имъ были выработаны и напечатаны еще въ 1878 г. и, сдѣлавшись министромъ финансовъ, онъ, конечно, осуществилъ-бы свои предположенія, еслибъ это было возможно. Но въ шестилѣтнее его управленія финансами государственныя росписи заключались дефицитами, которые за все его время простирались на сумму 159.557.164 рубля, по обыкновеннымъ расходамъ. А по чрезвычайнымъ расходамъ, какъ выше объяснено, не оказывалось денегъ для платежей по указу перваго января 1881 г. За 1884 г. уплачено 26.471.445 р. вмѣсто 50.000.000 р., слѣдовательно, недоуплачено 23.528.555 рублей: а за 1885 и 1886 г. денегъ совсѣмъ не вносилось; такимъ образомъ, всего за время Н. Х. Бунге по исполненію указа 1 января 1881 г. недоуплачено 123.528.555 рублей. Эта послѣдняя сумма представляетъ какъ бы спеціальный дефицитъ, оказавшійся по чрезвычайнымъ расходамъ, насколько они предполагались для урегулированія долга, возникшаго отъ новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ въ 1876—80 годахъ [1]).

---

1) Финансовое положеніе въ шестилѣтнее управленіе Н. Х. Бунге съ 1881 по 1886 г. характеризуется достаточно ясно нижеслѣдующими данными:

Государственные	Обыкновенные.	Чрезвычайные.	Всѣ.
доходы	4.371.099.374	558.692.292	4.929.792.666
расходы	4.530.656.538	518.793.623	5.049.451.161
разность	— 159.557.164	+ 39.898.669	— 119.658.495

Въ составъ чрезвычайныхъ расходовъ входили: 193.471.444 руб. для платежей по указу 1 января 1881 г. и еще 81.776 рублей, проведенныхъ въ 1885 г. по отчету Госуд. Банка, а всего 193.553.221 руб. расходовъ, вызванныхъ долгомъ по кредитнымъ билетамъ. Но такъ какъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ доходовъ не хватило для покрытія суммы расходовъ на 119.658.495 рублей, которые могли быть произведены только изъ свободной наличности государственнаго казначейства, то мы въ правѣ сказать, что текущихъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ доходовъ шестилѣтняго періода съ 1881 по 1886 г. не хватило для расходовъ по урегулированію бумажноденежнаго дѣла на эти 119.658.495 рублей А такъ какъ по указу 1 января 1881 г. на 6 лѣтъ съ 1881 по 1886 г. приходилось платежей 317.000.000 руб., изъ которыхъ произведено лишь 193.471,445 рублей и недоуплачено 123.528.555 руб., то эту послѣднюю сумму необходимо прибавить къ показанному дефициту въ 119.658.495 руб. и весь дефицитъ тогда опредѣляется въ 243.187,050 рублей.

Не располагая ни въ обыкновенныхъ, ни въ чрезвычайныхъ рессурсахъ государственнаго казначейства финансовыми средствами для широкихъ мѣръ по возстановленію металлическаго обращенія въ Россіи, Н. Х. Бунге обратился къ другимъ, косвеннымъ способомъ, имѣвшимъ значеніе подготовительныхъ мѣръ, ведущихъ къ той-же цѣли. Одною изъ этихъ мѣръ былъ состоявшійся въ 1885 г. пересмотръ монетнаго устава. Другою мѣрою—были старанія увеличить запасъ золота, сосредоточеннаго въ кассахъ Государственнаго Банка.

Пересмотръ монетнаго устава въ 1880-хъ годахъ становился все болѣе и болѣе настоятельною необходимостью, потому что съ половины 1870-хъ годовъ опять вопреки закону и помимо намѣреній законодателя, происходила весьма существенная перемѣна въ условіяхъ обращенія различныхъ видовъ звонкой монеты въ Россіи.

Дѣло въ томъ, что никакое уменьшеніе цѣны бумажныхъ денегъ, сильное или слабое, не можетъ избавить страну отъ потребности въ звонкой монетѣ: во всякомъ случаѣ для платежей заграницу, но иногда и для платежей внутри страны, какъ оказалось у насъ въ половинѣ 1870-хъ годовъ, когда у насъ были установлены таможенные платежи золотомъ. До тѣхъ поръ, то-есть, въ 1850-хъ, 1860-хъ и въ первой половинѣ 1870-хъ годовъ, платежи *кредитными* рублями противупоставлялись *металлическимъ* рублямъ, потому что еще не было повода различать платежи золотомъ отъ платежей серебромъ. Но съ половины 1870-хъ годовъ платежи серебромъ начали терять свою многовѣковую надежность. Никакого серебра въ видѣ полнопробной монеты у насъ въ обращеніи тогда не было; надобности щадить серебро у насъ тоже никакой не было. Поэтому всякій счетъ на серебро, какъ потерявшій значеніе, фактически совсѣмъ вышелъ изъ употребленія и вмѣсто него водворились два счета: счетъ на кредитные рубли и на золото. Вмѣсто *серебрянаго* монометаллизма, на которомъ *по закону* строилась монетная система, у насъ *фактически*, на почвѣ обыкновенія, воцарился *золотой монометаллизмъ*, насколько платежи должны были производиться монетою. Этотъ фактическій золотой монометаллизмъ съ половины 1870-хъ годовъ признала казна, заключая внѣшніе государственные займы уже только на золото и требуя уплаты таможенныхъ пошлинъ только золотомъ-же. И золотой монометаллизмъ признало населеніе страны во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ приходилось противупоставлять платежъ кредитнымъ рублемъ платежу металлическому: подъ „металлическимъ“ платежемъ съ поло-

вины 1870-хъ годовъ въ населеніи понимали уже только платежъ золотомъ.

Но для платежей золотомъ нужна золотая монетная единица. А у насъ ея *не было и никогда не бывало.* Такъ какъ наша монетная система строилась на серебряномъ монометаллизмѣ, то у насъ была только одна монетная единица, серебряная: серебряный рубль въ 4 золотника 21 долю или 405 долей чистаго серебра. Другой монетной единицы, золотой, въ видѣ золотого рубля, съ соотвѣтствующимъ ему количествомъ чистаго золота, которое не можетъ быть измѣнено безъ коренного измѣненія монетной системы, у насъ не было и быть не могло. Хотя съ Петра Великаго золотая монета всегда входила въ нашу монетную систему, но какъ содержаніе чистаго золота въ этой монетѣ, такъ и ея цѣна сильно и часто измѣнялись не отъ того, что измѣненія вызывались фискальными нуждами казны, а потому что золотая монета была лишена собственнаго прочнаго фундамента: въ опредѣленіи закона, что такое-то количество чистаго золота составляетъ золотой рубль, подобно тому, какъ съ 1718 г. 4 золотника $82^2/_3$ доли чистаго серебра составляли Петровскій серебряный рубль, а съ 1764 г. до нашихъ дней 4 золотника 21 доля чистаго серебра составляютъ Екатерининскій рубль. Не имѣя собственнаго фундамента, золотая монета съ ея оцѣнкою у насъ всегда должна была опираться на другія части денежной системы: пока въ странѣ обращалось серебро, золотая монета зависѣла отъ того, во сколько разъ золото дороже серебра; а когда серебро исчезало изъ обращенія, то золотая монета приходила въ зависимость отъ ея оцѣнки на рубли ассигнаціонные или кредитные.

При такомъ подчиненномъ положеніи золотой монеты въ монетной системѣ, и та золотая монетная единица, которая помимо закона строилась фактически на обыкновеніи считать рублемъ $^1/_{10}$ часть имперіяла или $^1/_5$ часть полуимперіяла, тоже неминуемо должна была быть шаткая, измѣняющаяся со всякою перемѣною въ содержаніи чистаго металла въ золотой монетѣ, или со всякою перемѣною въ ея оцѣнкѣ закономъ, особенно на серебро.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что уже въ половинѣ 1880-хъ годовъ въ Россіи чувствовалась вполнѣ выяснившаяся, очень настоятельная потребность въ новой, золотой, монетной единицѣ, независимой отъ серебряной и для замѣны серебряной монетной единицы, потерявшей всякое значеніе, потому что для внѣшнихъ платежей она не годилась, а для внутреннихъ платежей ее вполнѣ замѣнилъ кредитный рубль

оцѣнивавшійся тоже уже не на серебро, а на золото. Но основанія, на которыхъ должна произойти замѣна серебряной монетной единицы золотою, тогда еще не выяснились и пересмотръ монетнаго устава 1885 г. былъ первымъ шагомъ для выясненія этихъ основаній.

Непосредственною причиною, вызвавшею этотъ пересмотръ въ 1885 г., были нѣкоторыя измѣненія, которыя тогда производились во внѣшнемъ видѣ монеты и въ ея чеканкѣ. Такъ, съ 1885 г. у насъ начали на монетахъ чеканить изображеніе царствующаго государя императора. Это вызвало необходимость нѣкотораго утолщенія монетныхъ кружковъ, а потому и уменьшенія ихъ діаметра. Кромѣ этого признано было полезнымъ для большей точности перейти отъ означенія пробы по фунтовому разновѣсу (сколько изъ 96 золотниковъ лигатурнаго фунта приходится золотниковъ чистаго металла) къ означенію той же пробы въ тысячныхъ доляхъ всего вѣса монеты; наконецъ, возможнымъ оказывалось установленіе болѣе строгихъ требованій относительно „терпимыхъ“ уклоненій пробы и вѣса каждой отдѣльной монеты отъ нормальной пробы и нормальнаго вѣса.

Отъ этихъ-то поводовъ къ пересмотру монетнаго устава довольно существенно отличались тѣ, по которымъ была подвергнута пересмотру часть монетнаго устава, касавшаяся золотой монеты.

Ни министръ финансовъ, Н. Х. Бунге, ни государственный совѣтъ въ 1885 г. не желали касаться существа монетной системы въ ея коренныхъ основаніяхъ. Они поэтому оставляли серебряный рубль единственною нашею монетною единицею. Тѣмъ не менѣе они именно поэтому считали себя вправѣ произвести уменьшеніе въ содержаніи чистаго золота въ нашей имперіяльной монетѣ. Такъ какъ только серебряный рубль составлялъ русскую монетную единицу, то только количество чистаго серебра, именуемое рублемъ, 4 золотника 21 доля, признавалось въ 1885 г. представляющимъ неизмѣнную основу денежной системы. Совсѣмъ иное дѣло—количество чистаго металла, содержащееся въ золотой монетѣ: оно у насъ всегда зависѣло отъ измѣняющихся условій и поэтому само могло измѣняться. Оно было одно при Петрѣ Великомъ, другое при Аннѣ Іоанновнѣ, третье при Елизаветѣ Петровнѣ, четвертое при Екатеринѣ II и въ пятый разъ измѣнено (новою оцѣнкою) въ 1839 г.: всѣ эти перемѣны производились или потому что желали имѣть другую золотую монету, или потому что измѣнялось отношеніе между стоимостью золота и стоимостью серебра и это дѣлало необходимымъ измѣнить золотую монету или ея оцѣнку. Но въ половинѣ 1880-хъ годовъ приходилось

считаться съ такими перемѣнами, касавшимися золота, которыя были гораздо значительнѣе, чѣмъ всѣ происходившія до того. При пересмотрѣ монетнаго устава въ 1885 г. еще не считались со всѣми этими перемѣнами, но подготовлялась почва для этого. Поэтому Н. Х. Бунге и государственный совѣтъ считали себя въ правѣ въ шестой разъ допустить измѣненіе золотой монеты посредствомъ уменьшенія чистаго металла въ полуимперіалѣ.

Важенъ былъ при этомъ не размѣръ, въ которомъ допускалось это уменьшеніе, а фактъ, что правомѣрность уменьшенія ни съ какой стороны не вызывала никакого спора.

Состоявшимися 17 декабря 1885 г. новыми правилами о монетѣ содержаніе чистаго золота въ полуимперіалѣ было уменьшено съ 135 долей до 130.68 долей. Оправдывалось это уменьшеніе тѣмъ, что узаконенный въ 1839 г. лажъ на золотую монету уже давно потерялъ значеніе, что отношеніе 1 : 15 45, положенное въ основаніе оцѣнки на серебро золотой монеты въ 1839 г., слѣдовало замѣнить отношеніемъ 1 : $15^1/_2$ „господствующимъ въ Западной Европѣ“, и наконецъ, что желательно было „приравнить“ содержаніе чистаго золота въ полуимперіалѣ, къ содержанію чистаго золота во французской золотой 20-франковой монетѣ. Эти мотивы уменьшенія чистаго золота въ полуимперіалѣ не отличались особенно сильною убѣдительностью. Но принципіально было тѣмъ важнѣе, что въ 1885 г. даже такіе мотивы признавались достаточными для измѣненій въ золотой монетѣ. Если даже такіе мотивы оправдывали уменьшеніе основы того, что пока еще только фактически, а не по закону, было „золотымъ рублемъ“, то значитъ, еслибъ измѣненіе золотой монеты, напримѣръ, тождественное съ тѣмъ, которое было сдѣлано въ 1839 г. (оставленіе безъ перемѣны содержаніе чистаго золота въ монетѣ, но возвышеніе ея цѣны, потребовалось вслѣдствіе болѣе сильной перемѣны въ отношеніи между стоимостью золота и серебра,— или еслибъ перемѣна въ золотой монетѣ требовалась для „приравненія“ ея не къ иностранной монетѣ, а къ стоимости кредитнаго рубля, исчисленной на золото, то почва для этого принципіально была расчищена въ 1885 году.

Другою подготовительною мѣрою для возстановленія въ Россіи обращенія звонкой монеты были начавшіяся при Н. Х. Бунге старанія объ увеличеніи запаса золота въ кассахъ и кладовыхъ Государственнаго Банка. Для этого воспользовались преимущественно двумя обстоятельствами. Съ одной стороны уплата таможенныхъ пошлинъ золотомъ давала въ распоряженіе государственнаго казначейства зна-

чительныя суммы золотомъ; эти суммы еще болѣе возрастали, когда поступленія по новымъ внѣшнимъ государственнымъ займамъ превышали суммы, необходимыя для внѣшнихъ платежей казны. Съ другой стороны кредитные билеты, выпущенные на значительную сумму въ 1876 — 80 гг., стали въ началѣ 1880-хъ годовъ обильно притекать въ кассы Государственнаго Банка, сильно увеличивая его оборотныя средства. Для государственныхъ расходовъ внутри страны золотая наличность государственнаго казначейства непосредственно не могла служить. Поэтому наиболѣе удобнымъ способомъ реализаціи этой золотой наличности являлась передача ея Государственному Банку съ тѣмъ, чтобъ стоимость ея была поставлена на текущій счетъ государственнаго казначейства въ Банкѣ. Это было связано съ нѣкоторыми неудобствами: оборотныя средства Госуд. Банка нѣкоторымъ образомъ иммобилизовывались въ такомъ активѣ, который трудно было реализовать въ Россіи, и при томъ это дѣлалось на неопредѣленное время, впредь до того момента, когда государственное казначейство будетъ располагать финансовыми источниками для денежной реформы. Но тогда считали, что на случай сильнаго увеличенія спроса на оборотныя средства у Государственнаго Банка онъ получалъ возможность подкрѣплять свои кассы временными выпусками кредитныхъ билетовъ, обезпеченнымъ золотомъ рубль за рубль изъ запаса, у него увеличивавшагося. Впрочемъ, во время управленія финансами Н. Х. Бунге даже такіе временные выпуски еще не требовались.

На указанныхъ основаніяхъ запасы золота въ Госуд. Банкѣ увеличились за время финансоваго управленія Н. Х. Бунге на 125 милліоновъ рублей, считая золото по его курсу на кредитные рубли.

Съ 1 января 1887 г. началось управленіе финансами И. А. Вышнеградскаго, тоже убѣжденнаго защитника возстановленія обращенія звонкой монеты. Опытъ предшественниковъ новаго министра наглядно показывалъ, что для этого прежде всего было необходимо улучшить положеніе государственнаго казначейства, устранить дефициты изъ государственнаго бюджета, замѣнить ихъ избытками, непремѣнно значительными, сильно поднять и удешевить государственный кредитъ, а для этого преобразовать соотвѣтственными мѣрами государственный долгъ и получить возможность включенія въ чрезвычайные государственные расходы большихъ затратъ для востановленія въ Россіи обращенія звонкой монеты.

Въ шестилѣтнее управленіе финансами И. А. Вышнеградскаго многое изъ этой программы было успѣшно достигнуто. Но до полнаго

ея осуществленія оставался еще долгій путь [1]). Равновѣсіе въ государственномъ бюджетѣ было возстановлено и въ немъ появились такіе большіе избытки, какихъ прежде еще никогда не бывало: за шесть лѣтъ управленія И. А. Вышнеградскаго они составили 302.513.690 рублей. Энергически начато и преобразованіе государственнаго долга. Но его результаты еще не были на столько значительные, чтобы ими можно было воспользоваться. Поэтому избытки обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ надъ обыкновенными же государственными расходами должны были служить для чревычайныхъ государственныхъ расходовъ, на сколько эти расходы вызывались различными иными нуждами, помимо возстановленія обращенія звонкой монеты Россіи. На этотъ послѣдній предметъ И. А. Вышнеградскій еще не располагалъ сколько нибудь значительными средствами. Онъ не только не въ состояніи былъ пополнить образовавшуюся при Н. Х. Бунге недоимку по платежамъ, которыя требовались по указу 1 января 1881 г., но еще самъ увеличилъ эту недоимку, не имѣя возможности произвести платежъ, причитавшійся за 1887 г. Только за 1888-й годъ онъ въ состояніи былъ внести 50.000.000 рублей и эта сумма вмѣстѣ съ 200.522 руб., проведенными по отчетамъ Госуд. Банка, а всего 50.200.522 руб. составляли все, что въ составѣ чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ могло быть въ 1889—92 гг. затрачено на дѣло приведенія въ порядокъ нашего денежнаго обращенія. Болѣе значительной затраты финансовое положеніе все еще не допускало.

Это конечно питало и укрѣпляло скептицизмъ среди тѣхъ, которые не вѣрили въ возможность скораго возстановленія металлическаго обращенія въ Россіи. Но И. А. Вышнеградскій не принадлежалъ къ ихъ числу. Онъ напротивъ былъ убѣжденъ, что для этого дѣла средства найдутся скоро и продолжалъ тѣ приготовленія, которыя Н. Х. Бунге началъ, стараясь о накопленіи въ Государ. Банкѣ возможно болѣе значительнаго запаса золота. Эти старанія И. А. Вышнеградскій велъ съ такою энергіею, съ такимъ умѣніемъ и съ такимъ успѣхомъ, что 1 января 1893 г., почти наканунѣ его ухода изъ министерства финансовъ, сумма золота, сосредоточеннаго въ кассахъ

1) Общіе результаты управленія въ 1887—1892 годахъ выражались въ слѣдующихъ суммахъ:

	Обыкновенные:	Чрезвычайные:	Всѣ:
Госуд. доходы	5.500.476 850	502.380.361	6.002.857.211
„ расходы	5.197.963.160	820.699.728	6.018.662.888
„ разность	+ 302.513.690	— 318.319.367	— 15 805 677

Госуд. Банка составляла свыше 80% суммы, состоявшихъ въ обращеніи кредитныхъ билетовъ [1]). Это былъ блестящій результатъ. Но онъ висѣлъ въ воздухѣ. Почвы подъ нимъ еще не было, потому что финансовое положеніе государственнаго казначейства не давало *свободныхъ* средствъ для большаго золотого запаса. На пріобрѣтеніе одной части золота приходилось затрачивать оборотныя средства государственнаго казначейства, получившія уже различныя иныя назначенія, средства, которыя могли быть потребованы кредиторами казны по обыкновеннымъ и чрезвычайнымъ государственнымъ расходамъ. А на пріобрѣтеніе другой части золота были затрачены оборотныя средства Государ. Банка, принадлежавшія его кліентамъ—кредиторамъ, которые нерѣдко тревожили банкъ своими востребованіями. Поэтому указы 8 іюля 1888 г. и 20 іюля 1891 г. предоставили Госуд. Банку право производства временныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ подъ обезпеченіе золота рубль за рубль. Такихъ выпусковъ на основаніи приведенныхъ указовъ сдѣлано въ разное время въ 1888 — 1892 годахъ на 150 милліоновъ рублей, изъ которыхъ, однако, наизначительнѣйшая часть, а именно $112^1/_2$ милліоновъ рублей были изъяты изъ обращенія по минованіи въ нихъ надобности. Но такъ какъ вся сумма золота на 150 милліоновъ рублей, обезпечивавшаго эти выпуски, была возвращена, то изъ нихъ остатокъ въ $37^1/_2$ милліоновъ рублей былъ причисленъ къ остальнымъ обращавшимся кредитнымъ билетамъ.

Такимъ образомъ, финансовое положеніе, насколько отъ него зависѣла возможность возстановленія въ Россіи обращенія звонкой монеты еще оставалось очень неопредѣленнымъ. Имѣлся очень большой запасъ золота; но онъ былъ связанъ съ большими неудобствами, потому что его значеніе всецѣло зависѣло отъ того, какіе въ будущемъ окажутся результаты финансоваго управленія. Еслибъ эти результаты оказались неблагопріятные, то положеніе еще ухудшилось бы отъ того, что финансовое управленіе оказывалось бы обремененнымъ большимъ запасомъ иммобилизованнаго золота, далеко не легко реализуемымъ.

При такихъ обстоятельствахъ новый министръ финансовъ неминуемо долженъ былъ сдѣлаться ревностнымъ защитникомъ возстановленія металлическаго обращенія въ Россіи, даже еслибъ онъ перво-

1) Всего тогда въ Государственномъ Банкѣ было золота на 850 милліоновъ рублей, а кредитныхъ билетовъ фактически состояло въ обращеніи 1074 милліона рублей.

начально придерживался бы иныхъ взглядовъ. И чѣмъ успѣшнѣе шло бы его управленіе, тѣмъ сильнѣе обезпечивалось бы благопріятностью достигаемыхъ результатовъ, что въ числѣ ихъ не можетъ не быть и возстановленіе металлическаго обращенія въ Россіи.

А финансовое управленіе гр. С. Ю. Витте, начавшееся въ 1893 г., сопровождалось благопріятными результатами, въ такомъ изобиліи, что при нихъ тѣ финансовыя средства, которыя были необходимы для денежной реформы, при всей ихъ значительности, даже не имѣли преобладающаго значенія.

Общіе результаты въ первыя восемь лѣтъ (1893—1900 г.) управленія С. Ю. Витте выражались въ слѣдующихъ суммахъ:

Государственные.	Обыкновенные.	Чрезвычайные.	Всѣ.
доходы	11.393.114.140	843.997 088	12.237 111.228
расходы	9.981.931.630	2.180.055.685	12.161.987·315
разность	+ 1.411.182.510	— 1.336.058.597	+ 75.123.913

За восемь лѣтъ съ 1893 по 1900 г. одни только избытки доходовъ надъ расходами по обыкновеннымъ государственнымъ росписямъ давали огромную сумму 1.411.182.510 рублей; къ нимъ присоединялась отъ чрезвычайныхъ рессурсовъ сумма въ 843 997.088 рублей; слѣдовательно, всего въ распоряженіи имѣлось 2.255.179.598 рублей для чрезвычайныхъ расходовъ. Этотъ-то фактъ $2^1/_4$ милліардовъ рублей, имѣвшихся въ 1893 — 1900 годахъ, дѣлалъ тогда-же не только возможнымъ, но неизбѣжнымъ включеніе въ составъ чрезвычайныхъ расходовъ и тѣхъ суммъ, которыя требовались для денежной реформы.

До 1893 г. суммы, необходимыя для возстановленія металлическаго обращенія въ Россіи, по своей значительности, не только казались, но дѣйствительно были непосильными для государственнаго бюджета, въ которомъ едва находились средства для расходовъ, считавшихся болѣе настоятельно необходимыми, чѣмъ денежная реформа. Съ 1893 г. положеніе измѣнилось. На всякія иныя государственныя нужды могло быть израсходовано гораздо болѣе, чѣмъ прежде, и все еще оставалось съ избыткомъ то, что было необходимо и для денежной реформы.

Ниже нами будетъ обстоятельно выяснено, что для этой реформы съ 1893 г. еще требовалась сумма въ 670.052.642 рубля. До 1893 г. такая сумма была недосягаемая. Какъ измѣнились обстоятельства въ 1893—1900 годахъ, видно изъ слѣдующаго противупоставленія. Имѣв-

нимися средствами оказывалось возможнымъ произвести государственные расходы на нижеслѣдующія суммы.

	На обыкновенные государственные расходы.	На чрезвычайные государственные расходы.	
		По денежной реформѣ.	Прочіе.
Въ 6 лѣтъ 1881—86 при Н. Х. Бунге . .	4.530.656 538	193 553.221	325.241.402
» 6 лѣтъ 1887—92 при И. А. Вышнеградскомъ.	5.197.963.160	50.200.522	452.179.849
» 12 лѣтъ 1881—1892	9.728.619.698	243.753.743	777.421.251
» 8 лѣтъ 1893—1900.	9.981.931.630	670.052.642	1.510.003.043
Въ 1893—1900 г. больше	+ 253.311.932	+ 426.298.899	+ 732.581.792

Въ 1893—1900 гг. имѣлась возможность въ 8 лѣтъ не только произвести обыкновенныхъ и государственныхъ расходовъ больше, чѣмъ въ предъидущія 12 лѣтъ на 253.311.932 рубля, но почти удвоить всякіе иные чрезвычайные расходы помимо денежной реформы, и все-таки для денежной реформы еще имѣлись необходимые для нея 670.052.642 рубля. И послѣ всѣхъ этихъ затратъ въ значительно увеличенныхъ размѣрахъ оставался еще избытокъ доходовъ надъ расходами въ 75.123.913 рублей.

Въ концѣ 1880 г. нетрудно было знать, что возстановленіе обращенія звонкой монеты станетъ возможнымъ лишь тогда, когда государственное казначейство въ состояніи будетъ на это израсходовать около 900 милліоновъ рублей. Сумма эта была такая большая, что считали прямо невозможнымъ строить на ея основаніи, какія бы то ни было предположенія. Поэтому отъ нея отдѣлили часть въ 417.000.000 руб., соотвѣтствовавшую новымъ кредитнымъ билетамъ, выпущеннымъ въ 1876—80 гг. для ликвидаціи расходовъ по войнѣ съ Турціею въ 1877—78 гг. Эту часть предполагалось привести въ порядокъ въ 8 лѣтъ съ 1881 по 1888 г. денежными платежами. Если бы это удалось осуществить, то съ 1889 г. задача уже заключалась бы въ погашеніи лишь остающейся части, составлявшей немного менѣе 500.000.000 рублей. И еслибы въ 8 лѣтъ удалось къ 1889 году уплатить 417.000.000 руб., то не было бы основанія отрицать возможность погашенія остальныхъ 500 милліоновъ дальнѣйшими десятью годовыми платежами по 50 милліоновъ рублей. Въ такомъ случаѣ задача была бы рѣшена къ концу XIX вѣка. Конечно, это были мечтанія, характеръ которыхъ еще болѣе обострился вслѣдствіе того, что не только въ 8 лѣтъ съ 1881 по 1889 г. не удалось уплатить 417 милліоновъ рублей, но даже въ 12 лѣтъ до 1892 г. было возможно упла-

тить лишь 243.753.743 руб., то-есть оказалась недоимка въ платежахъ въ 173.246.257 рублей.

И тѣмъ не менѣе мечтанія осуществились; даже срокъ осуществленія совпалъ со срокомъ мечтаній: въ послѣдніе годы XIX вѣка всѣ требовавшіяся затраты были сдѣланы. Получилась возможность посредствомъ этихъ затратъ имѣть въ свободномъ распоряженіи государственнаго казначейства все то золото, которое на шаткой почвѣ заготовлялось при Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградскомъ, еще значительно увеличить запасъ этого золота и израсходовать его на возстановленіе въ Россіи металлическаго обращенія. Какъ мы сейчасъ увидимъ, къ 1901 г. задача эта была безукоризненно рѣшена.

Однако, объясняя это рѣшеніе необыкновенно блестящими успѣхами гр. С. Ю. Витте, какъ министра финансовъ, мы даемъ только внѣшнее объясненіе факта, что во второй половинѣ 1890-хъ годовъ денежная реформа оказалась не только возможною, но и неминуемо-необходимою. Но даже только съ финансовой точки зрѣнія была еще внутренняя сторона дѣла, которою оно объясняется и освѣщается болѣе существеннымъ образомъ.

Когда страна доростаетъ до громаднаго и обильнаго государственнаго бюджета въ милліардныхъ суммахъ, то такой бюджетъ нуждается въ соотвѣтственномъ фундаментѣ, прочномъ, не боящемся колебаній, способномъ выносить тяжесть стоящаго на немъ сооруженія. Для такого фундамента необходимы: во-первыхъ, соразмѣрно развившіяся производительныя силы страны, а во-вторыхъ, отнюдь не неразмѣнныя бумажныя деньги, а правильная денежная система, состоящая изъ звонкой монеты и *размѣнныхъ* на нее бумажныхъ денегъ.

Изъ этихъ двухъ условій первое такъ очевидно и безспорно, что не нуждается ни въ какихъ объясненіяхъ. Но не менѣе безспорно и то, что министръ финансовъ, имѣющій дѣло съ милліарднымъ государственнымъ бюджетомъ, не можетъ оставаться равнодушнымъ къ тому, на какой почвѣ происходятъ денежные обороты, которыми онъ управляетъ: на почвѣ ли бумажнаго рубля, который то больше, то меньше на нѣсколько копѣекъ, а иногда даже на много копѣекъ, или на почвѣ металлическаго рубля, остающагося незыблемымъ. Въ милліардномъ бюджетѣ каждая копѣйка въ рублѣ означаетъ 10.000.000 рублей въ доходѣ или въ расходѣ, а нѣсколько копѣекъ означаетъ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей, на которыя покупная сила государственнаго хозяйства то увеличивается, то уменьшается. При скромномъ бюджетѣ и при скромныхъ денежныхъ оборотахъ государствен-

наго хозяйства это неудобство можетъ еще не бросаться въ глаза, хотя оно всегда имѣетъ значеніе; но при очень значительныхъ денежныхъ оборотахъ государственнаго хозяйства каждое колебаніе бумажнаго рубля производитъ очень болѣзненныя финансовыя послѣдствія и не можетъ не вызывать заботъ и стараній объ устраненіи такихъ колебаній. Преобразованіе разстроенной денежной системы становится условіемъ финансоваго самосохраненія и поэтому насущною необходимостью. Такой смыслъ преобразованіе денежной системы получило и у насъ въ 1890-хъ годахъ.

Выяснивъ обстоятельства, сдѣлавшія у насъ въ это время денежную реформу не только возможною, но и неминуемою, обратимся теперь къ обстоятельствамъ, непосредственно касающимся самой реформы.

На первомъ мѣстѣ въ числѣ этихъ обстоятельствъ стояли тѣ, которыми опредѣлялась, такъ сказать, количественная сторона реформы: какъ велико было то поле, которое ею должно было охватываться. А обширность этого поля зависѣла отъ всѣхъ тѣхъ суммъ, на которыя приходилось выпускать кредитные билеты со времени ихъ возникновенія вплоть до момента ихъ преобразованія.

Мы видѣли выше, что кредитные билеты впервые возникли въ 1840 г. для ссудъ изъ Петербургской и Московской Сохранной Казны, что для этой цѣли ихъ выпустили на 10.952.300 рублей и что на эту сумму они были обмѣнены на государственные кредитные билеты въ 1843 г. Въ томъ-же 1843 г. ассигнаціи были обмѣнены на государственные кредитные билеты, которыхъ для этого обмѣна выпущено на 166.916.951 рубль. Такимъ образомъ, отъ времени до Крымской войны состояло въ обращеніи кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ за счетъ государственнаго казначейства на 177.869.251 рубль.

Къ этой суммѣ прибавились: выпущенные для расходовъ по Крымской войнѣ на 423.921.425 рублей и для расходовъ по Турецкой войнѣ 1877—78 годовъ 417.000.000 рублей, а для обѣихъ этихъ войнъ на 840.921.425 рублей.

Если мы сложимъ суммы кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ до Крымской войны, и суммы, выпущенные послѣ нея, то мы получимъ общій итогъ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ за счетъ государственнаго казначейства, всего на 1.018.790.676 рублей.

Къ этимъ суммамъ присоединяются кредитные билеты, выпускавшіеся за счетъ размѣннаго фонда. А именно:

съ одной стороны выпущено:

въ 1843—55 гг. взамѣнъ депозитныхъ билетовъ . .	48.548.976	
„ за вносившуюся монету	84.957.354	133.506.330 руб.
въ 1870—75 гг. на усиленіе размѣннаго фонда		160.786.623 „
всего *выпущено* за счетъ размѣннаго фонда.		294.292.953 „

съ другой стороны *изъято* за тотъ-же счетъ:

въ 1859—63 гг. въ обмѣнъ за монету	98.770.149	
„ 1876—77 „ для поддержки курса[1])	80.798.355	179.568.504 „
и осталось выпущенныхъ за счетъ размѣн. фонда		114.724.449 „
Если мы соединимъ эту категорію кредитныхъ билетовъ и выпущенные за счетъ государственнаго казначейства на		1.018.790.676 „
то получимъ общій итогъ, выпущенныхъ до 1 января 1881 г. на		1.133.515.125 „

Эти данныя о кредитныхъ билетахъ необходимо привести въ связь съ данными объ ихъ размѣнномъ фондѣ, который 1 января 1881 г. состоялъ на сумму 171.572.405 рублей въ $^1/_{10}$ имперіяла; образованіе этого фонда и его размѣръ объясняется нижеслѣдующими данными.

Выше (стр. 213) было указано, что по манифесту 1843 г. о замѣнѣ ассигнацій кредитными билетами предполагалось кредитные билеты обезпечить запасомъ звонкой монеты, который долженъ былъ составлять $^1/_6$ часть суммы обмѣненныхъ ассигнацій; на дѣлѣ однако внесено для этого звонкой монеты на 13.288.518 рублей. Эта сумма составила по времени первый элементъ размѣннаго фонда, насколько онъ обезпечивалъ кредитные билеты, выпущенные за счетъ государственнаго казначейства.

Другой такой же элементъ образовался при выпускахъ для Крым-

1) Въ 1876 и 1877 г. война съ Турціею вызвала стремительное паденіе курса кредитнаго рубля, и финансовое управленіе пыталось оказать этому противодѣйствіе продажею золота размѣннаго фонда и изъятіемъ изъ обращенія кредитныхъ билетовъ, выручавшихся при этой продажѣ. Сумма этихъ кредитныхъ билетовъ и составляла 80.798.355 рублей.

ской войны и тоже служилъ для обезпеченія кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ за счетъ государственнаго казначейства для расходовъ по этой войнѣ. При выпускахъ для этихъ расходовъ считали необходимымъ придерживаться правилъ манифеста 1843 г. и внесено въ размѣнный фондъ 43.459.528 рублей [1]).

Наконецъ третій элементъ размѣннаго фонда составляла звонкая монета на показанную выше сумму 114.724.449 рублей, на которую кредитные билеты были выпущены за счетъ размѣннаго фонда и имъ обезпечивались рубль за рубль.

Такимъ образомъ, данныя о кредитныхъ билетахъ въ сопоставленіи съ данными о размѣнномъ фондѣ, по различнымъ ихъ категоріямъ, представлялись въ слѣдующемъ видѣ:

	Суммы кред. билетовъ.	Суммы разм. фонда.
выпущенные взамѣнъ ассигнацій . . .	177.869.251	13.288.518
для Крымской войны	423.921.425	43.459.528
для войны 1876—77 гг.	417.000.000	—
всего за счетъ госуд. казначейства .	1.018.790.676	56.748.046
за счетъ размѣннаго фонда	114.724.449	114.724.449
всего 1 января 1881 г.	1.133.515.125	171.472.495

Съ 1881 г. суммы выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ уже не увеличивались до осени 1888 г., когда при И. А. Вышнеградскомъ начались выпуски подъ обезпеченіе золотомъ: первоначально, въ сентябрѣ 1888 г., ихъ сдѣлано на 30 милліоновъ рублей, да и тѣ чрезъ 3 мѣсяца были изъяты изъ обращенія. Но въ 1891 и 1892 гг. такихъ выпусковъ уже сдѣлано на 150 милліоновъ рублей, изъ которыхъ его преемникомъ было изъято $112^1/_2$ милліоновъ рублей, а остатокъ въ $37^1/_2$ милліоновъ былъ причисленъ къ прочимъ кредитнымъ билетамъ.

---

1) Болѣе подробныя объясненія по этому предмету даны въ нашей книгѣ «Изъ исторіи бумажныхъ денегъ въ Россіи», Спб. 1909, стр. 153, 154 Если сложить суммы кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ за счетъ государственнаго казначейства до Крымской войны и для нея, то вмѣстѣ онѣ составляютъ 177.869.251 + 423.921,425 = 601.790.676 рублей, а суммы внесенной казною звонкой монеты для обезпеченія этихъ кредитныхъ билетовъ составляли: 13.288.518 + 43.459 528 = = 56.748.046 рублей. Разность между обоими итогами или 601.790.676 — 56.748.046 = 545 042.630 рублей давала официальную сумму «безпроцентнаго долга государ. казначейства за кредитные билеты», состоявшіе къ 1881 г. изъ выпущенныхъ до 1876 г. Если къ суммѣ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ за счетъ государ. казначейства до 1876 г. на 601.790.676 руб. прибавить сумму кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ за счетъ размѣннаго фонда до 1876 г. на 114.724.449 руб., то получается итогъ всѣхъ кредитныхъ билетовъ, состоявшихъ къ 1881 г. изъ выпущенныхъ до 1876 г. на 716.515.125 рублей.

Такимъ образомъ, къ суммѣ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ до 1 января 1881 г. на 1.133.515.125 руб., необходимо присоединить еще эти 37.500.000 руб. и тогда общій итогъ кредитныхъ билетовъ, которые съ 1881 г. требовали государственныхъ затратъ для возстановленія въ Россіи металлическаго обращенія достигалъ суммы 1.171.015.125 рублей.

Но одновременно имѣлся старый размѣнный фондъ въ 171.472.495 рублей въ $^1/_{10}$ имперіяла. Перечисляя его въ кредитные рубли въ $^1/_{15}$ имперіяла, его стоимость въ кредитныхъ рубляхъ составляла 257.208.740 рублей. Такимъ образомъ для суммы кредитныхъ билетовъ въ 1.171.015.125 рублей имѣлось равноцѣнное имъ обезпеченіе лишь въ 257.208.742 рублей и его не хватало еще на 913.806.383 рубля.

Денежная реформа второй половины 1890-хъ годовъ и возстановленіе металлическаго обращенія въ Россіи, тогда состоявшееся, и заключались въ томъ, чтобъ эта сумма 913.806.383 руб. была полностью урегулирована соотвѣтственными государственными расходами.

Но прежде, чѣмъ объяснить, какъ это было сдѣлано, мы должны остановиться на нѣкоторыхъ вопросахъ, на предварительномъ рѣшеніи которыхъ строилась у насъ новѣйшая денежная реформа.

Мы уже не могли не коснуться этихъ вопросовъ, противопоставляя суммы обращавшихся кредитныхъ билетовъ и суммы размѣннаго фонда. Эти суммы выражены въ различныхъ рубляхъ. Суммы кредитныхъ билетовъ естественно представляютъ только кредитные рубли. Суммы же размѣннаго фонда допускаютъ двоякое ихъ выраженіе: въ рубляхъ въ $^1/_{10}$ имперіяла, которые у насъ фактически принято было считать золотыми, и въ кредитныхъ рубляхъ, имѣвшихъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, стоимость $^1/_{15}$ имперіяла. Противупоставлять другъ другу и сравнивать можно только однородныя суммы, выраженныя въ одинаковыхъ рубляхъ. Поэтому мы перечислили суммы размѣннаго фонда на кредитные рубли.

Но вычисляя на этомъ основаніи сумму государственнаго расхода, требовавшагося денежною реформою, и выражая его въ 913.806.383 руб., мы этимъ предрѣшали ту сторону денежной реформы, которую въ отличіе отъ ея количественной стороны, опредѣлявшеюся суммою выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ, можно считать ея качественною стороною. Эта качественная сторона денежной реформы опредѣлялась *свойствами рубля, о которомъ могла и должна была идти рѣчь при денежной реформѣ.*

Конечно, какъ всегда, такъ и въ настоящемъ случаѣ количественная и качественная сторона находились въ тѣсной связи и вза-

имной зависимости. И также точно въ тѣсной связи и во взаимной зависимости находились въ денежной реформѣ ея народнохозяйственная (хозяйственно-политическая) сторона и ея сторона государственно-хозяйственная (финансовая).

По поводу преобразованія кредитныхъ билетовъ изъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ въ размѣнныя или такія, которыя предполагаютъ полную ликвидацію (уплату, погашеніе) всякаго государственнаго долга, имѣвшаго съ нимъ связь, — приходилось сначала ясно рѣшить вопросъ, *о какомъ рублѣ* идетъ рѣчь при этомъ преобразованіи? Дѣло усложнялось тѣмъ, что рубль, которымъ ликвидировался государственный долгъ по кредитнымъ билетамъ, долженъ былъ оказаться одновременно и тѣмъ рублемъ, который долженъ лечь въ основаніи преобразованной денежной системы. И наоборотъ.

Прежде всего могла быть рѣчь о серебряномъ рублѣ, единственной монетной единицѣ, которую у насъ признавало дѣйствовавшее законодательство, подлежавшее измѣненію для преобразованія. На серебряные рубли были писаны кредитные билеты: по ясному и точному смыслу закона, который былъ изданъ въ 1843 г. и выше нами приведенъ, каждый рубль на кредитныхъ билетахъ означалъ 4 золотника 21 долю чистаго серебра. Можно ли было не считаться съ серебрянымъ рублемъ?

Этотъ вопросъ во второй половинѣ 1890-хъ годовъ рѣшался въ положительномъ смыслѣ вслѣдствіе того, что серебряный рубль въ роли монетной единицы сталъ невозможностью. Онъ сталъ трупомъ, котораго оживить уже нельзя было и который поэтому прежней своей живой роли въ монетной системѣ играть не могъ. Это опредѣлялось происшедшимъ очень сильнымъ удешевленіемъ серебра. Съ 1894 до 1900 г. серебро было дешевле золота въ 33.108 разъ [1]). Это значитъ, что 4 золотника 21 доля или 405 долей чистаго серебра стоили $405 : 33.108 = 12.232$ долей чистаго золота. А кредитный рубль въ то-же время стоилъ 17.424 долей чистаго золота или $^1/_{15}$ имперіяла. На кредитные рубли полуимперіялъ стоилъ въ это время 7 руб. 50 коп.; а на серебро тотъ-же полуимперіялъ стоилъ 10 руб. 68 коп. Слѣдовательно, кредитный рубль стоилъ на 42% дороже серебрянаго рубля;

1) Серебро было дешевле золота: въ 1894 году въ $32^{19}/_{32}$ раза, въ 1895 г. въ $31^{19}/_{32}$ раза, въ 1896 г. $31^{5}/_{64}$ раза, въ 1897 г. въ $34^{15}/_{32}$ раза, въ 1898 г. въ $35^{11}/_{16}$ разъ въ 1899 г. въ $34^{3}/_{8}$ разъ, въ 1900 г. въ $33^{3}/_{8}$ разъ; средняя для всего этого періода 33.108. Числа эти нами вычислены по цѣнѣ серебра на Лондонскомъ рынкѣ за соотвѣтствующіе годы.

или серебряный рубль стоилъ $0.^{70}$ кредитнаго рубля: 70 копѣекъ кредитнаго рубля.

Многимъ тогда казалось, что еслибъ министръ финансовъ былъ правильнымъ защитникомъ интересовъ казны, то онъ долженъ былъ бы выступать горячимъ защитникомъ серебра и выкупа всѣхъ кредитныхъ билетовъ серебряными рублями. Отнюдь онъ не долженъ былъ допускать изъятіе кредитныхъ билетовъ изъ обращенія; ибо оплата выкупаемаго кредитнаго рубля 100 копѣйками въ видѣ цѣлковаго въ 405 долей чистаго серебра давала прибыль въ 42 копѣйки сравнительно съ прямымъ изъятіемъ изъ обращенія кредитнаго рубля, взятаго изъ обыкновенныхъ или чрезвычайныхъ поступленій казны.

Но на самомъ дѣлѣ такой образъ дѣйствій разорилъ бы, какъ страну, такъ и казну. Обѣ получили-бы худшія деньги взамѣнъ лучшихъ, потому что кредитный рубль былъ лучше серебрянаго. Ниже мы къ этому еще вернемся, а здѣсь отмѣтимъ, что даже колебанія серебра стали болѣе значительными, чѣмъ колебанія кредитнаго рубля. Въ октябрѣ 1900 года серебро поправилось и было уже лишь въ $31.^{237}$ разъ дешевле золота; слѣдовательно, серебряный рублъ стоилъ почти 13 долей чистаго золота. Но въ ноябрѣ 1902 г. серебро опять сильно упало и было въ $43^1/_2$ раза дешевле серебра; т. е. серебряный рубль уже стоилъ лишь $9\,^{31}$ долей чистаго золота или $0.^{53}$ рубля въ $17.^{424}$ долей чистаго золота (кредитнаго рубля въ $^1/_{15}$ имперіяла).

Серебро и серебряный рубль не годились ни для ликвидаціи государственнаго долга по кредитнымъ билетамъ, ни для того, чтобъ въ преобразованной монетной системѣ играть прежнюю роль. Серебряному монометаллизму насталъ конецъ; никто уже нигдѣ его не защищалъ. Фактически его значеніе уже давно поколебалось; настало время для законодательной санкціи того, что уже давно было совершившимся фактомъ.

Даже о биметаллизмѣ во второй половинѣ 1890-хъ годовъ уже не могло быть рѣчи, потому что биметаллизмъ тогда сталъ такою же невозможностью, какъ серебряный монометаллизмъ. Биметаллизмъ означаетъ троякое: 1) признаніе закономъ *двухъ* монетныхъ единицъ, серебряной и золотой, на почвѣ незыблемой пропорціи между стоимостью золота и стоимостью серебра, 2) допущеніе *свободы* чеканки, какъ золотой, такъ и серебряной монеты, той и другой на неограниченную сумму, 3) допущеніе *свободы* платежей, какъ золотою, такъ и серебряною монетою, тѣхъ и другихъ одинаково тоже на *неограниченную* сумму. Всѣ эти основанія биметаллизма стали недопустимыми. Ни-

какой незыблемой пропорціи, выражающей отношеніе между стоимостью золота и стоимостью серебра, уже не было. Свобода чеканки серебряной монеты прекратилась во всемъ цивилизованномъ мірѣ и допущеніе ея въ Россіи было бы явнымъ абсурдомъ и разореніемъ страны. И повсюду, гдѣ не было настоятельной необходимости щадить огромный запасъ имѣвшейся въ обращеніи серебряной монеты, платежи ею, какъ поставленные на ненадежную почву, ограничивались.

Чеканка серебряной монеты стала допустимою, не свободная, а лишь на суммы, нормируемыя въ законодательномъ порядкѣ, и производимая только за счетъ казны. Это значитъ, что въ монетной системѣ для высокопробной серебряной монеты оставалось только такое мѣсто, которое въ той-же системѣ уже занимала низкопробная серебряная и мѣдная монета. Незначительное различіе въ пользу высокопробной серебряной монеты могло заключаться только въ томъ, что если платежи низкопробною и мѣдною монетою ограничивались тремя рублями, то для высокопробной серебряной монеты ограниченіе могло быть выражено немного большею суммою, напр., 25 рублями. Но это различіе было несущественное.

Такимъ образомъ, серебряный рубль, не только въ видѣ единственной монетной единицы, но вообще въ видѣ монетной единицы, не могъ играть никакой роли, ни въ ликвидаціи государственнаго долга по кредитнымъ билетамъ, ни въ новой, преобразованной монетной системѣ.

Но если серебряный монометаллизмъ и биметаллизмъ были одинаково невозможны и осуждены на исчезновеніе, то оставался только золотой монометаллизмъ, какъ основа новой русской монетной системы. Дальнѣйшаго выбора уже не было. Ликвидація государственнаго долга по кредитнымъ билетамъ должна была произойти посредствомъ платежей золотою монетою, потому что эта ликвидація была единственнымъ источникомъ монеты, которая въ новой, преобразованной монетной системѣ должна была обращаться, или—одна, или совмѣстно съ бумажными деньгами (кредитными билетами), размѣнными на ту же золотую монету.

Мѣсто старинной, серебряной, монетной единицы должна была занять новая, золотая монетная единица. Мѣсто Екатерининскаго серебрянаго рубля въ 4 золотника 21 долю чистаго серебра долженъ былъ занять новый золотой рубль, представляющій *извѣстное количество чистаго золота*, признаваемое кореннымъ основаніемъ всей новой монетной системы.

Но какое количество чистаго золота будетъ признано золотымъ рублемъ? Это былъ вопросъ, возбуждавшій споры.

Опереться на прошлое, на дѣйствующій или дѣйствовавшій законъ, не было возможно, потому что золотой монетной единицы никогда въ Россіи не было. Это опредѣлялось фактомъ, что въ 1810 г. у насъ *сознательно и намѣренно* былъ установленъ серебряный монометаллизмъ, какъ коренная основа нашей монетной „системы". Система эта, тоже совершенно сознательно и намѣренно, была „возобновлена" и, слѣдовательно, *потверждена* въ 1839 г. И наконецъ въ 1885 г., въ третій разъ, министръ финансовъ (Н. Х. Бунге) и государственный совѣтъ самымъ яснымъ образомъ высказались относительно того, что они ничего не желаютъ измѣнять въ существенныхъ основаніяхъ нашей монетной системы. Такимъ образомъ въ теченіи всего XIX ст. вплоть до того момента, когда возникъ вопросъ о монетной реформѣ, во второй половинѣ 1890-хъ годовъ, никакихъ сомнѣній не могло быть, что въ нашемъ законодательствѣ монетная система строится на серебряномъ монометаллизмѣ. Да, сколько извѣстно, такихъ сомнѣній никто никогда и не высказывалъ. Но при серебряномъ монометаллизмѣ золотой монетной единицы *не бываетъ*. Одно исключаетъ другое. Золотая монета возможна и почти всегда бываетъ и въ странахъ серебрянаго монометаллизма. Но она лишена самостоятельнаго основанія, а опирается или на серебряную монету, или на бумажныя деньги, когда серебряная монета исчезаетъ изъ обращенія. Это значитъ, что *стоимость* золотой монеты опирается не на опредѣленіе закона, что извѣстное количество чистаго золота составляетъ самостоятельную денежную единицу (напримѣръ, рубль), а выражается въ оцѣнкѣ золотой монеты или на серебро, или на бумажныя деньги (у насъ или на серебряный рубль, или на бумажный рубль). Золотая монета при серебряномъ монометаллизмѣ имѣетъ стоимость, выражающуюся не въ ея нарицательной цѣнѣ (таковой у нея нѣтъ), а въ кассовомъ курсѣ (Kassenkurs), по которому она принимается казенными и частными кассами. Вслѣдствіе этого золотая монета при серебряномъ монометаллизмѣ имѣетъ не первоначальную, въ ней-же коренящуюся цѣну, а производную, зависящую отъ тѣхъ денегъ, серебряныхъ или бумажныхъ, на которыя ее оцѣниваютъ, въ которыхъ ее выражаютъ и въ которыхъ только и можно ее выразить. Отсюда нѣкотораго рода случайность, присущая золотой монетѣ при серебряномъ монометаллизмѣ, какъ послѣдствіе подчиненнаго положенія, ею занимаемаго въ монетной системѣ.

Это-то должно было быть измѣнено монетною реформою и это-же было причиною, что серебряный монометаллизмъ не могъ давать никакихъ указаній о томъ, какое количество чистаго золота слѣдуетъ признать золотою монетною единицею. Это былъ вопросъ соображенія цѣлесообразности, вопросъ выбора, свободнаго выбора, ничѣмъ не связаннаго; такъ у насъ и смотрѣлъ на это дѣло въ 1885 г. государственный совѣтъ, какъ выше показано.

Между чѣмъ и чѣмъ могъ быть выборъ? Съ одной стороны были различныя золотыя монеты, чеканившіяся въ Россіи и имѣвшія различныя оцѣнки. Былъ золотой двурублевикъ Петра Великаго, были русскіе червонцы, Петровскіе и болѣе поздніе, былъ имперіялъ Елисаветы Петровны, другой имперіялъ Екатерины II, тотъ-же имперіялъ Екатерины II, но съ измѣненною оцѣнкою Канкрина 1839 г., наконецъ, полуимперіялъ 1885 г., превращенный въ русскую копію французскаго золотого 20-франковика. Ни одна изъ этихъ русскихъ золотыхъ монетъ не имѣла никакого преимущества предъ остальными. Какого-либо обязательнаго значенія ни одна изъ нихъ не имѣла. На золотыхъ монетахъ были надписи, указывавшія ихъ цѣну *на серебро во время ихъ установленія:* на имперіялахъ 10 рублей, на полуимперіялахъ пять рублей. Но эта оцѣнка, съ Екатерины II вплоть до новѣйшей, 1885 г., всегда совершенно ясно опиралась на то или другое *отношеніе между стоимостью золота и стоимостью серебра,* а установленіе отношенія, на которомъ строится оцѣнка на серебро золотой монеты, зависѣло отъ законодателя, неоднократно измѣнялось и тоже никакой обязательности не имѣло. Въ 1885 г. признано было отношеніе 1 : $15^1/_2$, но могло быть признано и другое отношеніе. Когда содержаніе чистаго золота въ полуимперіялѣ желаютъ (для „приравненія“ его къ французскому золотому 20-франковику) уменьшить до 130.68 долей чистаго золота и когда при этомъ исходятъ изъ пропорціи 1 : $15^1/_2$, то 130.68 долей чистаго золота = 130.68 × $15^1/_2$=2025.54 долямъ чистаго серебра, а такъ какъ у насъ по закону 405 долей чистаго серебра составляютъ серебряный рубль, то 2025.54 долей чистаго серебра составляютъ 2025.54 : 405 = 5 рублей *серебромъ* [1]). Надпись на полуимперіялѣ „пять рублей“ означала оцѣнку его на серебро, *соотвѣтствующую пропорціи 1 : $15^1/_2$.* Но возможна была оцѣнка и на почвѣ

1) Въ 1885 г. намѣренно было допущено, чтобъ полуимперіялъ стоилъ на серебро 5 руб. $^1/_{30}$ копѣйки. См. изд. Вел. Кн. Георгія Михайловича, Монеты 1881—1890, гдѣ напечатаны всѣ документы по пересмотру монетнаго устава въ 1885 г.

иной пропорціи. Въ 1885 г. законодатель не считалъ себя связаннымъ предыдущими оцѣнками, какъ законодатель въ 1839 г. не считалъ себя связаннымъ предыдущими оцѣнками, какъ Екатерина II не считала себя связанною оцѣнкою Елисаветы Петровны, а Елисавета Петровна не считала себя связанною оцѣнкою Петра Великаго. Поэтому и въ 1890-хъ годахъ законодатель не былъ связанъ никакими предыдущими оцѣнками.

Съ другой стороны, различныя золотыя монеты, чеканившіяся въ Россіи въ XVIII и XIX ст., не были единственнымъ источникомъ, изъ котораго исходили указанія того количества чистаго золота, которому могло быть отдано предпочтеніе, чтобъ изъ него сдѣлать новый золотой рубль. Въ половинѣ 1890-хъ годовъ, когда вопросъ объ этомъ выборѣ былъ поставленъ для практическаго рѣшенія, были три количества золота, которыя какъ-бы выступали съ претензіею, что они имѣютъ нѣкоторое право на то, чтобъ предпочтеніе было отдано одному изъ нихъ. Однимъ такимъ количествомъ являлась одна пятая часть содержанія чистаго золота въ полуимперіалѣ, обращавшемся на рынкѣ. Съ 1885 г. въ полуимперіалѣ содержаніе чистаго золота составляло 130.68 долей; поэтому одна пятая часть его (или $^1/_{10}$ имперіала) равнялась 26.136 долямъ чистаго золота. Это количество, если не по закону, то фактически, въ силу утвердившагося обыкновенія, считалось золотымъ рублемъ. Поэтому совершенно правильна была постановка вопроса о томъ, не слѣдуетъ-ли дать санкцію этому обыкновенію, превративъ фактическій золотой рубль въ 26.136 долей чистаго золота въ установляемую закономъ новую, золотую монетную единицу. До реформы золотой рубль въ 26.136 долей чистаго золота или въ $^1/_{10}$ имперіала игралъ большую роль въ нашихъ внѣшнихъ отношеніяхъ; поэтому естественъ былъ вопросъ, отчего бы не узаконить, чтобъ онъ игралъ ту-же роль и во внутреннихъ отношеніихъ?

Но рядомъ съ количествомъ чистаго золота, опиравшемся на имперіяльную монету въ ея новѣйшемъ видѣ, было другое количество чистаго золота, которое тоже выступало съ претензіею, чтобъ его признали золотымъ рублемъ. Оно совсѣмъ не опиралось ни на какую золотую монету, но зато оно опиралось на серебряный рубль, который у насъ такъ долго обращался и въ которомъ выражалась нарицательная цѣна кредитныхъ билетовъ. Въ серебряномъ рублѣ содержалось чистаго серебра 4 золотника 21 доля или 405 долей; это количество чистаго серебра равнялось опредѣленному количеству чистаго золота въ зависимости отъ того, во сколько разъ золото дороже

серебра. Какъ выше указано, въ 1890-хъ годахъ 405 долей чистаго серебра стоили 12.232 долей чистаго золота. Это послѣднее количество чистаго золота тоже могло быть взято основаніемъ новой золотой монетной единицы: въ ней продолжалъ бы жить старый серебряный рубль по его золотой стоимости въ тотъ моментъ, когда онъ не могъ продолжаться въ прежнемъ видѣ.

Наконецъ было еще третье количество чистаго золота, которое тоже выступало съ претензіею, чтобы именно оно было положено въ основаніе новой золотой монетной единицы. Съ этою претензіею выступалъ кредитный рубль. Фактически онъ уже сорокъ лѣтъ была единственною денежною единицею во внутренней экономической жизни Россіи. На немъ строились всѣ внутреннія отношенія этой жизни; ни золотой, ни серебряный рубль для этой жизни никакого значенія не имѣли; они ей были чужіе: свой, родной, тысячами нитей связанный со всѣмъ, что происходило въ народномъ хозяйствѣ, и тысячами нитей связывавшій все, что происходило въ народномъ хозяйствѣ, пустившій въ немъ глубокіе корни, такимъ былъ только кредитный рубль. Онъ тоже имѣлъ золотую стоимость, потому что въ немъ внутри страны опредѣлялась всякая оцѣнка, а потому и оцѣнка полуимперіяла. Въ 1890-хъ годахъ эта оцѣнка довольно ровно выражалась въ томъ, что полуимперіалъ стоилъ $7^1/_2$ рублей кредитныхъ, а это значило, что каждый кредитный рубль имѣетъ золотую стоимость, выражающуюся въ томъ количествѣ чистаго золота, которая приходится на каждый изъ $7^1/_2$ кредитныхъ рублей изъ 130.68 долей чистаго золота, содержащихся въ полуимперіялѣ; $130.68 : 7^1/_2 = 17.424$ долей чистаго золота. Это количество и составляло золотую стоимость кредитнаго рубля; оно составляло $^1/_{15}$ того количества чистаго золота, которое содержится въ имперіялѣ. Отсюда претензія того количества чистаго золота, которое составляетъ $^1/_{15}$ имперіяла, чтобы изъ него былъ сдѣланъ новый золотой рубль.

У насъ уже одна постановка вопроса о выборѣ того количества чистаго золота, которое слѣдуетъ признать новою монетною единицею, о необходимости разобрать и взвѣсить, что полезнѣе и цѣлесообразнѣе для страны: большая-ли золотая единица въ 26.136 долей чистаго золота, или малая въ 12.232 доли чистаго золота, или средняя въ 17.424 доли,—всякая такая постановка считалась очень многими предосудительною. Полагали что никакого вопроса и быть не должно было бы, что онъ не совмѣстимъ съ достоинствомъ государства и что если онъ возбуждается, то единственно лишь изъ фис-

кальныхъ соображеній, чтобы дать ему рѣшеніе, наиболѣе выгодное для казны при ликвидаціи долга по кредитнымъ билетамъ.

Это было совершенно неправильно. Перехода отъ серебрянаго монометаллизма къ золотому монометаллизму не бываетъ, никогда еще не было и не можетъ быть—безъ того, чтобы не приходилось разбираться въ вопросѣ, какая же будетъ установлена новая золотая единица: большая или малая.

Еслибы у насъ денежное обращеніе совсѣмъ не было разстроенное, еслибы оно оставалось бы такимъ, какимъ оно было до Крымской войны, еслибъ неразмѣнныхъ кредитныхъ билетовъ совсѣмъ не было, то все-таки оказалась-бы та-же необходимость, какъ она оказалась въ другихъ странахъ (въ Германіи, въ Австріи, напримѣръ), перейти отъ серебрянаго монометаллизма къ золотому,—то мы также точно стояли бы предъ вопросомъ о выборѣ золотой монетной единицы, какъ предъ нимъ стояли названныя страны. Въ Германіи стояли предъ вопросомъ, какой новой золотой монетной единицѣ отдать предпочтеніе, большой-ли, приноровленной къ талеру, или меньшей, приноровленной къ $^1/_3$ талера; предпочтеніе было отдано меньшей единицѣ, въ видѣ золотой имперской марки, при которой Германія процвѣла и въ которой никто ничего худого не находилъ; напротивъ, ее даже очень одобряли именно за то, что она небольшая единица. И также точно въ Австріи стояли предъ выборомъ между большою новою золотою монетною единицею, приноровленною къ гульдену, или меньшею золотою монетною единицею, приноровленною къ половинѣ гульдена; предпочтеніе и въ Австріи было отдано меньшей золотой единицѣ, которая и была установлена въ видѣ золотой кроны, съ тѣмъ, чтобы двѣ новыя золотыя кроны равнялись одному кредитному (бумажному) гульдену. И въ Австріи тоже это только одобряли, потому что отъ принятаго рѣшенія ничего худого не произошло.

Но ошибочна была не только мысль, что новая монетная единица можетъ быть установлена безъ всякаго выбора и соображенія ея цѣлесообразности. Еще ошибочнѣе была другая мысль: что для страны выгодна только наибольшая золотая монетная единица, а всякая меньшая, чѣмъ наибольшая, могла быть выгодна только для казны.

Интересы казны въ этомъ выборѣ, дѣйствительно, довольно существенно отличались отъ интересовъ страны, населенія, народнаго хозяйства. Но это различіе заключалось въ томъ, что для казны было сравнительно безразлично, какому количеству чистаго золота будетъ отдано предпочтеніе: казна во всякомъ случаѣ оказывалась

бы наименѣе обиженною. Напротивъ, для интересовъ населенія было очень важно, чтобы предпочтеніе не было отдано ни наибольшему, ни наименьшему количеству чистаго золота, изъ котораго можно было сдѣлать новую золотую монетную единицу; въ томъ и другомъ видѣ новая денежная единица одинаково угрожала странѣ безконечнымъ раззореніемъ; раззореніе страны избѣгалось лишь при выборѣ средняго количества чистаго золота и если изъ него дѣлался новый рубль.

У насъ многіе думали, что большой золотой рубль въ $^1/_{10}$ имперіяла былъ бы для казны невыгоденъ, потому что обращали вниманіе на одно только его значеніе для ликвидаціи долга по кредитнымъ билетамъ. Внѣ всякаго сомнѣнія, что для этой ликвидаціи казна должна была бы израсходовать тѣмъ больше золота, чѣмъ больше была бы золотая монетная единица. Но большая золотая единица имѣла еще другую сторону и другое значеніе для казны, которыя у насъ упускались изъ виду. А этою стороною и этимъ значеніемъ компенсировалось то, на что указывали какъ на невыгоду казны. Еслибъ у насъ установили золотой рубль въ 26.136 долей чистаго золота (въ $^1/_{10}$ имперіяла), и еслибъ на такіе рубли былъ бы ликвидированъ долгъ по кредитнымъ билетамъ, то кредитный рубль, какъ отдѣльная денежная единица, какъ рубль, отличающійся отъ другихъ рублей, исчезъ бы, *превратившись* въ новый золотой рубль въ 26.136 долей чистаго золота. Никакого иного рубля у насъ уже не было бы. Отъ этого казна имѣла бы *чудовищную* выгоду. Казна всегда выгадывала, когда курсъ рубля возвышался: вслѣдствіе этого увеличивалась покупная сила тѣхъ рублей, въ которыхъ выражались ея доходы отъ государственной росписи, а въ то же время уменьшался ея расходъ на лажъ по ея металлическимъ расходамъ. Очевидно, что эта выгода въ огромныхъ размѣрахъ увеличилась бы, еслибъ ея полуторамилліардный бюджетъ, до реформы выражавшійся въ кредитныхъ рубляхъ, представлявшихъ по 17.424 долей чистаго золота, составлялъ бы уже въ $1^1/_2$ милліарда рублей по 26.136 долей чистаго золота.

Цифра рублей не измѣнилась бы, но покупная сила ихъ на половину возросла бы. Это было бы равносильно тому, какъ еслибъ въ прежнихъ рубляхъ тотъ-же бюджетъ на половину увеличился бы. И это было бы лишь естественное послѣдствіе того, что такъ какъ казна, какъ должникъ, расчиталась, платя за каждый рубль въ кредитномъ билетѣ по 26.136 долей чистаго золота, то и ея должники должны ей за каж-

дый кредитный рубль, который они должны казнѣ по налогамъ, податямъ, сборамъ, пошлинамъ, тарифамъ и инымъ источникамъ доходовъ государственной росписи, платить тѣ-же 26.136 долей чистаго золота. Да иначе платежи были бы и невозможны, потому что одинъ только рубль въ 26.136 долей чистаго золота только и существовалъ бы, все равно, въ видѣ кредитнаго-ли билета, или звонкой монеты. А населеніе производитъ свои платежи казнѣ посредствомъ вычетовъ изъ своихъ имуществъ и приносимыхъ ими доходовъ, изъ своихъ заработковъ и денежныхъ оборотовъ. Эти-то вычеты должны были бы невидимо, но очень реально и чувствительно, на половину, возрасти. А имущества и доходы отъ нихъ, заработки и денежные обороты не возрастаютъ на половину отъ того только, что въ странѣ денежная единица, представлявшая 17.424 долей чистаго золота, увеличилась на половину и превратилась въ другую денежную единицу, представляющую 26.136 долей чистаго золота. Конечно, бываютъ случаи, когда отдѣльные налоги понижаются. Бываютъ даже случаи, что всѣ доходы государственной росписи, а съ ними и всѣ расходы по той-же росписи перечисляются именно потому, что страна переходитъ къ высокой денежной единицѣ. Такъ было у насъ въ 1839 г., когда мы перешли отъ ассигнаціоннаго рубля въ $^2/_7$ серебряного рубля къ себряному рублю-цѣлковому. Но тогда у насъ произошла девальвація бумажнаго рубля, т. е. ассигнаціонный рубль такъ и остался $^2/_7$ серебряного рубля. А мы говоримъ о такомъ случаѣ, когда бумажный рубль превращается въ $^7/_7$ новаго золотого рубля. То, что возможно на почвѣ девальваціи, невозможно на противуположной почвѣ: превращеніе кредитнаго рубля въ золотой произошло бы не внезапно, а потребовало бы нѣкотораго времени, въ теченіи котораго кредитный рубль постепенно возвышался бы до уравненія его съ золотымъ. А въ теченіи этого времени страна проходила бы чрезъ тяжкій кризисъ. Ибо независимо отъ непомѣрной тягости, которою для населенія сталъ бы государственный бюджетъ, который невозможно было бы приноровить къ платежнымъ силамъ населенія, — въ народномъ хозяйствѣ водворился бы хаосъ отъ неминуемой переоцѣнки всѣхъ имуществъ, товаровъ, услугъ, оборотовъ, капиталовъ, доходовъ, заработковъ и т. д. Все это было бы послѣдствіемъ того, что когда въ странѣ обращаются неразмѣнныя бумажныя деньги, теряющія часть своей первоначальной нарицательной цѣны, то не все равно, чрезъ какой срокъ происходитъ возвращеніе къ размѣннымъ бумажнымъ деньгамъ и возстановленному обращенію звонкой монеты.

Если это происходитъ въ теченіи перваго десятилѣтія послѣ прекращенія событій, вызвавшихъ неразмѣнныя бумажныя деньги, когда послѣднія не успѣли пустить глубокихъ корней и ими лишь поддерживаются отношенія и цѣны, возникшія до нихъ,—тогда нѣтъ повода считаться съ дѣйствіями неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, и порядокъ возстановляется на основаніяхъ, предшествовавшихъ неразмѣнности бумажныхъ денегъ, или еще лучшихъ. Но когда неразмѣнныя бумажныя деньги обращаются въ странѣ не одно, и не два, и даже не три, а четыре десятилѣтія, когда то, что было до нихъ, становится давнопрошедшимъ, а экономическая жизнь только та одна продолжается, которая на нихъ создалась и ими держится,—тогда этой жизни не такъ легко оторваться отъ своихъ корней и пересадить эту жизнь на новую почву безъ тяжкаго кризиса не оказывается возможнымъ. Этотъ-то кризисъ и неминуемъ, когда кредитный рубль долженъ превратиться въ то, чѣмъ онъ въ продолженіи 40 лѣтъ не былъ.

И такой-же кризисъ былъ бы неминуемъ, еслибъ золотымъ рублемъ сдѣлали бы новѣйшую золотую стоимость серебрянаго рубля. Опять и въ этомъ случаѣ не казна главнымъ образомъ пострадала-бы. При ликвидаціи бумажноденежнаго долга она отъ этого выгадала бы очень много; но это компенсировалось бы потерями казны на доходахъ государственной росписи, которые изъ $1^1/_2$ милліарда рублей въ 17.424 долей чистаго золота превратились бы въ $1^1/_2$ милліарда рублей въ 12.232 долей чистаго золота. Покупная сила казны сильно уменьшилась бы, но не у одной казны это произошло бы, а каждый въ населеніи долженъ былъ бы считаться съ такимъ-же уменьшеніемъ, при одновременной дороговизнѣ, которая неизбѣжно произошла бы, пока отношенія и оцѣнка не приноровились бы къ новой денежной единицѣ. Но пройти чрезъ сильный кризисъ страна должна была бы неминуемо.

Такимъ образомъ, крайнія два количества чистаго золота, претендовавшія на то, что изъ нихъ должна быть сдѣлана новая монетная единица, и основывавшія свои претензіи на томъ, что они представляли реальныя наши монеты, именно поэтому представляли одно и тоже неудобство: наша внутренняя экономическая жизнь порвала всякую связь съ ними, а они отъ этой жизни оторвались и внесли бы въ нее лишь разстройство, смуту и сильный кризисъ на болѣе или менѣе продолжительное время, еслибъ жизни было приказано переустраиваться, чтобъ къ нимъ приспособиться.

Оставалось въ такомъ случаѣ третье количество чистаго золо-

того, тоже претендовавшее на то, чтобъ изъ него сдѣлали новый золотой рубль: золотая стоимость кредитнаго рубля. Новый золотой рубль въ такомъ случаѣ не является новымъ рублемъ, а остается тѣмъ самымъ рублемъ, съ которымъ населеніе въ теченіе четырехъ десятилѣтій свыклось, установленіе котораго ни въ чемъ не вызываетъ никакихъ перемѣнъ. Не жизнь должна была бы приспособляться къ новому золотому рублю, а напротивъ золотой рубль приспособлялся бы къ жизни. Все оставалось бы на своемъ мѣстѣ: оцѣнки имуществъ, товаровъ и капиталовъ, доходы и заработки, оклады налоговъ, сборовъ, пошлинъ, тарифовъ и т. д. „Никто отъ перемѣны ничего не долженъ выгадывать, никто отъ нея ничего не долженъ терять:“ такъ формулировалъ задачу денежной реформы гр. Витте. Эта задача получаетъ правильное рѣшеніе только при отожествленіи золотого рубля съ обращавшимся до него кредитнымъ рублемъ.

Единственное неудобство, которое представляло такое рѣшеніе вопроса о выборѣ золотой монетной единицы, заключалось въ томъ, что оно могло порождать толки о девальваціи. А между тѣмъ финансовое положеніе государственнаго казначейства было достаточно сильное, чтобъ оно въ состояніи было ликвидировать государственный долгъ по кредитнымъ билетамъ безъ всякой девальваціи. Ни въ какой девальваціи оно не нуждалось для означенной ликвидаціи.

Но и это возраженіе отстранялось тѣмъ обстоятельствомъ, что Россія, какъ и Австрія, то-есть какъ разъ тѣ двѣ страны, которымъ приходилось ликвидировать государственный долгъ по неразмѣннымъ бумажнымъ деньгамъ, обращавшимся въ нихъ десятки лѣтъ и допускавшими возобновленіе ихъ размѣна безъ кризиса лишь съ условіемъ сохраненія ихъ золотой стоимости,—что эти двѣ страны оказывались странами серебряного монометаллизма.

При серебряномъ монометаллизмѣ нарицательная цѣна бумажныхъ денегъ выражается въ серебряной монетѣ и иного выраженія имѣть не можетъ [1]). А когда въ концѣ XIX в. серебро безнадежно

1) У насъ очень многіе думали иначе, полагая, что если въ текстѣ кредитныхъ билетовъ говорилось о платежѣ по нимъ серебряною или золотою монетою, то это значило, что предъявитель кредитнаго билета вправѣ выбирать монету, которою онъ желаетъ получить платежъ. Это неправильно. По всѣмъ основаніямъ права и здраваго смысла право выбора монеты, которою производится платежъ, когда такое право допускается, принадлежитъ должнику, а не кредитору. Ибо иначе должникъ обязывался бы для уплаты своего долга держать на готовѣ деньги въ двойной суммѣ, одну сумму золотою, а другую серебряною монетой. Въ странахъ биметализма, въ которыхъ платежи могутъ быть производимы, какъ серебряною, такъ и золотою мо-

потеряло свое прежнее монетное значеніе, то вмѣстѣ съ нимъ потеряло свое значеніе нарицательное достоинство бумажныхъ денегъ, выраженное въ серебряной монетѣ. О бумажныхъ деньгахъ можно было говорить, что онѣ теряютъ часть своего нарицательнаго достоинства только до тѣхъ поръ, пока при ихъ обмѣнѣ на серебро приходилось платить лажъ на серебро. Но какъ только вслѣдствіе паденія серебра лажъ на него исчезъ, исчезла возможность говорить о томъ, что бумажныя деньги теряютъ часть своего нарицательнаго достоинства. А это устраняло всякій поводъ говорить серьезно о девальваціи бумажныхъ денегъ при ихъ выкупѣ по такой ихъ золотой стоимости, которая превышала золотую стоимость количества серебра, выражавшаго ихъ нарицательную цѣну. Когда 405 долей чистаго серебра, составлявшія нарицательную стоимость кредитнаго рубля, стоятъ $12._{232}$ долей чистаго золота, а кредитный рубль стоитъ $17._{424}$ долей чистаго золота, тогда кредитный рубль стоитъ на 42% выше своего нарицательнаго достоинства. Въ такомъ случаѣ при выкупѣ кредитнаго рубля за $17._{424}$ доли чистаго золота за него уплачиваютъ значительно больше его нарицательнаго достоинства. А это не соотвѣтствуетъ тому, что въ наукѣ и въ практикѣ принято называть девальваціею.

Въ такомъ-же положеніи, какъ Россія, была Австрія, когда она въ 1890-хъ годахъ перешла отъ серебрянаго монометаллизма къ золотому и этимъ устанавливала основанія для ликвидаціи долга по бумажнымъ деньгамъ, выпущеннымъ главнымъ образомъ въ 1866 г. Эти бумажныя деньги въ Австріи пустили такіе-же глубокіе корни, какъ кредитные билеты въ Россіи: онѣ были дѣйствительною почвою всѣхъ денежныхъ отношеній внутри страны. Нарицательною цѣною австрійскаго бумажнаго или кредитнаго гульдена былъ серебряный гульденъ, потому что Австрія была страною серебрянаго монометаллизма. Въ

нетою, право выбора монеты принадлежитъ только должнику, но отнюдь не кредитору. Въ странахъ серебрянаго монометаллизма всѣ денежныя суммы даже обязательно должны выражаться въ серебряной монетѣ и выплачиваться ею-же. У насъ съ 1839 г. ни казна, ни частныя лица вообще никто ни отъ кого не имѣлъ права требовать платежа золотомъ. Только въ видѣ исключенія въ законодательномъ порядкѣ допускались исключенія изъ этого правила. Такимъ исключеніемъ было и допущеніе золота въ платежи по кредитнымъ билетамъ: казна обязана была, по общему правилу, платить серебромъ, но для облегченія ей было предоставлено по кредитнымъ билетамъ платить всякою монетою, которою она будетъ располагать. При иномъ пониманіи казна должна была бы держать для кредитныхъ билетовъ не одинъ, а два размѣнныхъ фонда, одинъ серебромъ, а другой золотомъ, и давать себя обирать всякому спекулянту на колебанія стоимости золота и серебра; а это сдѣлало бы самое обращеніе размѣнныхъ кредитныхъ билетовъ совершенно неосуществимымъ.

этомъ серебряномъ гульденѣ было 250.05 долей чистаго серебра. При отношеніи стоимости золота къ серебру какъ 1 : 33.108 серебряный гульденъ стоилъ 7.55 долей чистаго золота. Это было выраженіе въ золотѣ нарицательной цѣны бумажнаго гульдена. Въ то-же время Австрія на основаніи закона 9 марта 1870 г. имѣла свою австрійскую копію золотого французскаго 20 франковика, цѣна котораго на почвѣ отношенія стоимости золота къ серебру какъ 1 : $15^1/_2$ была назначена въ 8 гульденовъ серебромъ. Слѣдовательно, при этомъ каждый гульденъ въ золотой монетѣ означалъ 16.334 долей чистаго золота. Что-же касается бумажнаго гульдена, то его стоимость, выраженная въ золотѣ, опредѣлялась тѣмъ, что австрійскій золотой 20 франковикъ стоилъ въ среднемъ 9.52 бумажныхъ гульденовъ, или каждый бумажный гульденъ имѣлъ стоимость 13.722 долей чистаго золота. Такимъ образомъ въ Австріи, какъ въ Россіи, имѣлись три количества чистаго золота, которыя могли быть признаны новою золотою монетною единицею: 1) $^1/_8$ восьмигульденовой золотой монеты или золотая стоимость серебрянаго гульдена, установленная на пропорціи 1 : $15^1/_2$ въ 16.334 долей чистаго золота (въ Россіи этому соотвѣтствовала $^1/_5$ стоимости нашего полуимперіала, установленная на той-же пропорціи 1 : $15^1/_5$ въ 26.136 долей чистаго золота); 2) золотая стоимость серебрянаго гульдена въ серебряной монетѣ, установленная на основаніи пропорціи 1 : 33.106, или дѣйствительной цѣны серебра, въ 7.55 долей чистаго золота (въ Россіи этому соотвѣтствовала золотая стоимость серебрянаго рубля, опредѣленная по той же пропорціи 1 : 33.108 въ 12.232 долей чистаго золота), и наконецъ 3) золотая стоимость бумажнаго гульдена, какъ она опредѣлялась цѣною австрійскаго золотого въ бумажныхъ гульденахъ и составляла 13.722 долей чистаго золота (въ Россіи этому соотвѣтствовала стоимость кредитнаго рубля въ 17.424 долей чистаго золота).

Изъ этихъ трехъ количествъ первыя два въ Австріи даже не принимались въ соображеніе, такъ для всѣхъ было очевидно, что оба они могутъ только принести неисчислимый вредъ, а пользы странѣ не могутъ принести никакой. Поэтому только послѣднее количество чистаго золота, выражавшее золотую стоимость бумажнаго гульдена, было принято за основаніе новой золотой монетной единицы, на почвѣ которой построились, какъ новая монетная система, такъ и ликвидація государственнаго долга по выпущеннымъ за его счетъ бумажнымъ деньгамъ. Для того, чтобъ имѣть удобства такой золотой монетной единицы, которая въ одно и то же время предста-

влялась бы въ видѣ новой счетной единицы (номинала) малаго размѣра и въ то же время совпадала бы съ тою кредитною денежною единицею, къ которой населеніе привыкло,—въ Австріи то количество чистаго золота, въ которомъ выражалась золотая стоимость бумажнаго гульдена, раздѣлили пополамъ, и изъ каждой половины сдѣлали новую золотую единицу, крону, аналогичную германской имперской маркѣ. Новая золотая австрійская монета поэтому явилась въ видѣ монеты въ 20 кронъ или 10 новыхъ золотыхъ гульденовъ равныхъ 10 бумажнымъ гульденамъ.

Задача возстановленія металлическаго обращенія и связанныя съ нею задачи перехода отъ серебрянаго монометаллизма къ золотому монометаллизму, выбора новой золотой монетной единицы, а потому и почвы, на которой должна произойти ликвидація государственнаго долга по бумажнымъ деньгамъ, выпущеннымъ для государственныхъ расходовъ, — всѣ эти задачи оказывались получающими въ Австріи и Россіи одинаковое рѣшеніе. Неумолимая логика науки и практическаго опыта указывала въ обѣихъ странахъ на одинаковое рѣшеніе, потому что оно было единственно возможное, единственно безопасное и полезное для страны и народнаго хозяйства, единственно разумное, а потому и неминуемое повсюду, гдѣ его искали.

Осуществленіе свое новая золотая монетная единица и все то, что на ней строилось, получила въ Россіи на основаніи Высочайшихъ указовъ 3 января, 29 августа и 14 ноября 1897 г. Имперіяльная монета оставлена, какъ при денежной реформѣ 1839 года, безъ измѣненія: съ содержаніемъ чистаго золота имперіяла въ 261.36 долей, а полуимперіяла въ 130.68 долей, а это (тоже какъ въ 1839 г.) вызвало необходимость назначить имъ новыя цѣны по новому золотому рублю, имперіялу въ 15 рублей, а полуимперіялу въ $7^1/_2$ рублей. Это несомнѣнно были очень неудобные номиналы; населеніе около 150 лѣтъ привыкло къ 10-ти рублевой и 5 рублевой золотой монетѣ: поэтому въ монетную систему были введены и эти номиналы по новому золотому рублю. Такимъ образомъ, оказались 4 золотыя монеты: имперіялъ ($261^9/_{25}$ долей чистаго золота) въ 15 золотыхъ рублей, $^2/_3$ имперіяла $174^6/_{25}$ долей чистаго золота въ 10 рублей, полуимперіялъ $130^{17}/_{25}$ долей чистаго золота въ $7^1/_2$ рублей и треть имперіяла $87^3/_{25}$ долей чистаго золота въ пять рублей. Соотвѣтственно новой монетной системѣ золотого монометаллизма измѣнилась природа русскихъ бумажныхъ денегъ: ихъ нарицательная цѣна уже выражалась въ но-

выхъ золотыхъ рубляхъ въ 17.424 доли чистаго золота. Соотвѣтственно этому измѣненъ текстъ кредитныхъ билетовъ. Серебряная монета осталась безъ измѣненія. При серебряномъ рублѣ въ 405 долей чистаго серебра и при содержаніи въ золотомъ рублѣ $17.424 = 17^{53}/_{125}$ долей чистаго золота новая русская монетная система строилась на почвѣ отношенія стоимости золота къ стоимости серебра, какъ $17.424 : 405 = 1 : 23^{59}/_{242}$ или почти $1 : 23^{1}/_{4}$. Отношеніе это выходитъ болѣе благопріятно для серебра, потому что оно построилось на сравнительно высокой золотой стоимости кредитнаго рубля.

Вступленіе въ жизнь новой монетной системы зависѣло отъ фактическаго возстановленія обращенія звонкой монеты, т. е., отъ возобновленія размѣна кредитныхъ билетовъ на золото и выдачъ полнопробной серебряной монеты изъ казенныхъ кассъ. А это возобновленіе платежей золотою и серебряною монетою должно было выразиться, прежде всего, въ ликвидаціи государственнаго долга по кредитнымъ билетамъ, выпущеннымъ въ обращеніе для государственныхъ расходовъ.

Выше мы видѣли, что съ тѣхъ поръ, какъ возникли кредитные билеты ихъ было выпущено и состояло въ обращеніи къ 1 января 1881 г. (когда впервые начали принимать мѣры по ликвидаціи государственнаго долга по кредитнымъ билетамъ) 1.133.515.125 рублей. Съ прибавленіемъ 37.500.000 руб., оставшихся въ обращеніи изъ выпускавшихся въ началѣ 1890-хъ годовъ подъ обезпеченіе золота, весь итогъ кредитныхъ билетовъ, опредѣлявшихъ, какъ великъ долгъ, который приходилось ликвидировать, достигалъ 1.171.015.125 рублей. Для обезпеченія кредитныхъ билетовъ въ распоряженіи Государственнаго Банка имѣлся 1 января 1881 г. размѣнный фондъ изъ золота, которое на рубли въ $^{1}/_{10}$ имперіяла считалось, въ 171.472.495 рублей. По оцѣнкѣ на золотые рубли въ 17.424 доли чистаго золота тотъ-же размѣнный фондъ содержалъ золота на 257.208.742 рубля. Вычтя эту сумму изъ суммы кредитныхъ билетовъ, мы получаемъ показанную уже выше разность въ 913.806.383 рублей. Уплата этой суммы и означала ликвидацію государственнаго долга по кредитнымъ билетамъ. Она произведена передачею для означенной ликвидаціи Государственному Банку наличными деньгами: кредитными билетами 102.236.958 руб. и золотомъ 811.569.425 руб., а всего 913.806.383 рубля.

Средства для этой уплаты дали три источника.

Первымъ источникомъ послужили суммы, вносившіяся въ Государственный Банкъ на основаніи указа 1 января 1881 г. о ликвида-

ціи государственнаго долга по кредитнымъ билетамъ, выпущеннымъ въ 1876—80 гг. для расходовъ по войнѣ съ Турціею въ 1876—77 годахъ. Этихъ суммъ внесено на 243.471.445 рублей [1]).

Вторымъ источникомъ были сравнительно небольшія суммы, составлявшія прибыли казны отъ затерявшихся кредитныхъ билетовъ, которые не были предъявляемы при обмѣнахъ на новые ихъ образцы. Такихъ суммъ всего набралось на 15.236.958 рублей [2]) и онѣ тоже послужили для ликвидаціи государственнаго долга по кредитнымъ билетамъ.

Наконецъ, третій источникъ состоялъ почти весь изъ ассигнованій, вошедшихъ въ составъ чрезвычайныхъ расходовъ, произведенныхъ по государственнымъ росписямъ 1894—1900 гг., то-есть, въ періодъ финансоваго управленія гр. С. Ю. Витте. А именно изъ суммъ росписей 1894—1900 гг. израсходовано на ликвидацію государственнаго долга по кредитнымъ билетамъ:

въ 1894 г.	1.679.093	въ 1898 г.	75.000.000
» 1895 »	147.091.915	» 1899 »	50.000.000
» 1896 »	75.000 000	» 1900 »	50.000.000
» 1897 »	256.278.167	Всего . . .	655.049.175

Съ прибавленіемъ небольшой суммы въ 48.807 р., проведенной въ 1890 г. по Отчету Государственнаго Банка (изъ его прибылей отъ операцій по замѣнѣ металловъ размѣннаго фонда) всего третій источникъ далъ 655.097.982 рублей.

Если мы сведемъ вмѣстѣ суммы изъ указанныхъ трехъ источниковъ, то онѣ составляютъ:

	Рублей кредитныхъ или золотыхъ въ 17_{43} долей чистаго золота.
по указу 1 января 1881 г.	243.471.445
прибыли отъ непредъявленныхъ кредитныхъ билетовъ	15.236.958
отъ ассигнованій при гр .С. Ю. Витте	655.097 982
Итого . .	913.806.385
а съ размѣннымъ фондомъ по его состоянію къ 1 января 1881 г. на	257.208.740
сумма, равная кредитнымъ билетамъ, выпущеннымъ въ обращеніе на	1.171.015.125

Выяснивъ источники, доставившіе тѣ суммы, которыя были упо-

1) Въ томъ числѣ внесено: въ 1881 г. на 67 милл. руб., въ 1882 г. на 50 милл., въ 1883 г. на 50 милл., р., въ 1884 г. на 26.471.445 р. и въ 1889 г. на 50 милл. руб.

2) Прибылей этихъ зачислено: въ 1885 г. на 81.776 р., въ 1887 г. на 137.965 р., въ 1893 г. на 13.750 р. и въ 1897 г. на 15.003.467 руб.

треблены для полной ликвидаціи кредитныхъ билетовъ, насколько они обращались на почвѣ государственнаго долга и насколько означенныя суммы были необходимы для возстановленія въ Россіи обращенія звонкой монеты, мы должны объяснить, какъ показанныя, суммы были израсходованы для той цѣли, которой онѣ должны были служить.

Одна ихъ часть послужила для изъятія изъ обращенія кредитныхъ билетовъ. Для этой цѣли употреблены: во-первыхъ, изъ платежей по указу 1 января 1881 г., произведенныхъ при Н. Х. Бунге: въ 1883 г. на 30 милліоновъ рублей, въ 1884 г. еще на 30 милліоновъ рублей и въ 1885 г. на 27 милліоновъ рублей; всего на 87 милліоновъ рублей. Во-вторыхъ, на это израсходованы всѣ суммы прибылей отъ непредъявленныхъ кредитныхъ билетовъ, выше показанныя на 15.236.958 рублей [1]). Обѣ суммы вмѣстѣ составили 102.236.958 рублей.

Вслѣдствіе этихъ изъятій сумма кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе

составлявшая	1.171 015.125	рублей
уменьшилась на	102.236 958	»
и осталось къ моменту реформы и возобновленія размѣна	1.068.778.167	»
изъ нихъ было обезпечено золотомъ размѣннаго фонда по его состоянію на 1 января 1881 г.	257.208.742	»
и оставалось необезпеченныхъ	811.569.425	»

На эту-же сумму 811.569.425 рублей должно было быть передано и дѣйствительно передано въ полное распоряженіе Государственнаго Банка золото для возобновленія размѣна кредитныхъ билетовъ на золотую монету.

Для пріобрѣтенія этого золота послужили: во-первыхъ остатокъ отъ платежей по указу 1 января 1881 г. и во-вторыхъ показанныя выше ассигнованія по росписямъ 1894—1900 гг. Всѣхъ поступленій по указу 1 января 1881 г., какъ показано, было 243.471.445 рублей, изъ нихъ 87.000.000 руб. употреблены для изъятія изъ обращенія кредитныхъ билетовъ въ 1883—85 гг., поэтому осталось свободныхъ для пріобрѣтенія золота для денежной реформы 156.471.445 рублей. Если къ этой суммѣ прибавить небольшую сумму изъ прибылей Банка, послу-

1) Суммы эти по годамъ показаны выше стр. 259, примѣч. 1; изъ нихъ приходится на время Н. Х. Бунге 81.776 рублей, на время И. А. Вышнеградскаго 151.715 рублей и на время гр. С. Ю. Витте 15.003.467 рублей.

жившую для той-же цѣли въ 1890 г. на 48.807 рублей, то всего отъ времени Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградскаго имѣлась сумма на пріобрѣтеніе золота для денежной реформы 156.520.252 рубля. Къ этой суммѣ присоединяются ассигнованія по государственнымъ росписямъ времени С. Ю. Витте въ 1894—1900 годахъ на 665.049.175 рублей. Обѣ суммы вмѣстѣ дали 811.569.427 рублей, то-есть, столько, сколько было необходимо на пріобрѣтеніе свободнаго, состоящаго въ полномъ распоряженіи Государственнаго Банка золота для ликвидаціи государственнаго долга по кредитнымъ билетамъ и возобновленія ихъ размѣна.

Самая передача для этой цѣли золота Государственному Банку и увеличеніе того его запаса, который, состоя въ полномъ его распоряженіи, могъ служить для денежной реформы, происходила въ слѣдующемъ порядкѣ:

		Рублей въ 17_{43} долей чистаго золота.
Состояло въ размѣнномъ фондѣ 1 января 1881 г.		257.208.740
Передано Государственному банку:		
въ 1887 г.	60.000.000	
» 1890 »	48.807	
» 1894 »	98.150.538	
» 1895 »	147.091.915	
» 1896 »	75.000.000	
» 1897 » до сентября . .	225.000.000	
		605.291.260
всего состояло въ сентябрѣ 1897 г.		862.500.000
затѣмъ передано:		
въ 1897 г.	31.278.167	
» 1898 »	75.000.000	
» 1899 »	50.000.000	
» 1900 »	50.000.000	
		206.278.167
а всего .		1.068.778.167

или столько, сколько состояло въ обращеніи кредитныхъ билетовъ съ сентября 1897 г.: государственный долгъ по всѣмъ кредитнымъ билетамъ, выпущеннымъ съ 1843 г., былъ ликвидированъ и сполна погашенъ до копѣйки. Всѣ кредитные билеты, какъ выпущенные для замѣны ассигнацій, такъ и выпущенные для чрезвычайныхъ расходовъ по Крымской войнѣ и по войнѣ 1877—78 гг., а равно выпущенные за счетъ размѣннаго фонда Государственный Банкъ былъ въ состояніи выкупить и изъять изъ обращенія, замѣнивъ ихъ золотою монетою.

Были такіе люди, и ихъ было даже очень много, которые очень этого боялись: что когда Государственный Банкъ изъемлетъ изъ об-

ращенія всѣ кредитные билеты, выкупивъ ихъ золотомъ, то „золото уплыветъ заграницу“—и мы останемся безъ всякихъ денегъ; не будетъ ни нашихъ бумажныхъ денегъ, ни золотыхъ денегъ. При Дмитріѣ Донскомъ и при Василіѣ Темномъ, при монгольскомъ игѣ, какъ до и послѣ него, въ X и XI вѣкахъ, съ XIV до конца XVIII ст., въ послѣднія десятилѣтія крѣпостной эпохи, Россія не оставалась безъ звонкой монеты; а въ концѣ XIX вѣка ее считали неспособною удержать за собою запасъ необходимой ей звонкой монеты.

Съ тѣмъ-же пониманіемъ предмета противники денежной реформы выражали сожалѣніе о „поспѣшности“, съ которою она осуществилась. По ихъ мнѣнію слѣдовало съ денежною реформою обождать до того времени, когда полуимперіялъ будетъ стоить пять рублей кредитныхъ; они были увѣрены, что этого легко дождаться. Опытъ, однако, очень скоро показалъ, чего мы дождались бы, еслибъ денежная реформа была отложена. Мы дождались бы японской войны и послѣдовавшихъ за нею событій. А это вмѣсто пониженія цѣны полуимперіяла до пяти рублей кредитныхъ вызвало бы повышеніе той-же цѣны по меньшей мѣрѣ до двадцати рублей, если не больше.

Примѣровъ, когда приходилось возстановлять обращеніе звонкой монеты въ странѣ, при необходимости одновременно ликвидировать государственный долгъ по бумажнымъ деньгамъ въ 1.171.015.125 рублей (3.122.707.000 франковъ золотомъ), экономическая и финансовая исторія знаетъ очень немного. Неудивительно поэтому, что весь цивилизованный міръ сильно интересовался предпринятымъ у насъ дѣломъ и аплодировалъ его успѣху. Чѣмъ выше, крупнѣе и важнѣе государственное и культурное дѣло, которое удается странѣ, тѣсно соединившей свою жизнь съ жизнью другихъ цивилизованныхъ странъ, тѣмъ больше ея успѣхъ возбуждаетъ всеобщее вниманіе и сочувствіе.

Крѣпость почвы, на которой у насъ строилась денежная реформа, значительность силы, съ которою она осуществлялась, и благопріятность обстановки, которою она была окружена, принадлежали къ числу очень рѣдкихъ явленій. Одною изъ важнѣйшихъ особенностей русской денежной реформы второй половины 1890-хъ годовъ были свойства источниковъ, изъ которыхъ для нея были добыты средства. Конечно, средства, для нея ассигнованныя при Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградскомъ, въ 1881—1893 годахъ (въ 12 лѣтъ), въ совокупности на 243.753.743 рубля, могли быть заимствованы только изъ займовъ. Но приведенная сумма составляетъ только немного болѣе одной четверти

(27%) всѣхъ средствъ, потребовавшихся для реформы; остальныя-же три четверти были ассигнованы уже лишь во время финансоваго управленія С. Ю. Витте въ 1894—1900 годахъ (въ 7 лѣтъ), въ суммѣ 670.052.642 рублей (въ томъ числѣ въ 1897 г. на изъятія кредитныхъ билетовъ изъ обращенія 15.003.467 рублей и на передачи Государ. Банку въ 1894—1900 гг. золота на 655.049.175 рублей). Конечно, и въ этой очень значительной суммѣ новые государственые займы не могли не играть нѣкоторой роли. Но какую? Объ этомъ мы можемъ судить по приведенному выше факту, что въ 1893—1900 годахъ для производства чрезвычайныхъ государственныхъ расходовъ (въ ихъ числѣ и по денежной реформѣ) на 2.180.055.685 рублей, чрезвычайные рессурсы дали только 843.997.088 рублей, то-есть менѣе $^2/_5$ (38.8%). Слѣдовательно, даже принимая, что всѣ эти чрезвычайные рессурсы состояли изъ новыхъ займовъ, соразмѣрно эти займы дали менѣе $^2/_5$ всѣхъ ассигнованій 1894—1900 гг. для денежной реформы, то-есть, не больше 268 милліоновъ рублей. Если присоединить эти 268 милліоновъ рублей къ 244 милліоновъ рублей, ассигнованнымъ для денежной реформы при Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградскомъ, то получается общій итогъ въ 512 милліоновъ рублей, на которыя средства для денежной реформы были добыты займами для уменьшенія государственнаго долга по кредитнымъ билетамъ. А уменьшать этотъ долгъ приходилось на 913.8 милліоновъ рублей (остальную часть дали избытки обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ въ 1893—1900 годахъ). Но это не значитъ, что изъ-за денежной реформы процентные государственные долги увеличились на сумму свыше полумилліарда рублей. Это не произошло, благодаря тому, что одновременно съ денежною реформою происходило большое преобразованіе процентнаго государственнаго долга Россіи, начатое И. А. Вышнеградскимъ въ 1889 г. и энергически продолжавшееся при его преемникѣ. Благодаря этому преобразованію, между 1888 и 1901 гг. произошли слѣдующія перемѣны въ капиталѣ нашего процентнаго государственнаго долга и въ расходахъ по нему [1]).

	Къ 1889 г.	Къ 1902 г.	Разность.
капиталъ долга	3.060 658.400	3.882.098.800	+ 321.440.400
расходы по нему на уплату интересовъ	149.895.200	137.928.300	— 11.966.900
погашенія	48.449.386	16.256.700	— 32.192.700
всего	198.344.600	154.185.000	— 44.159.600

1) Прилож. къ Отчету Госуд. Контроля за 1901 г., стр. 44 и 45.

Такимъ образомъ, благодаря преобразованію (конверсіямъ, выкупамъ, обмѣнамъ и т. д.) не было увеличенія государственнаго долга вообще на полмилліарда рублей ни по какому поводу; увеличился онъ лишь на 321.440.400 рублей, но при этомъ расходы по нему не только не увеличились, но еще уменьшились: для уплаты процентовъ на 11.968.900 рублей, а для уплаты обязательныхъ погашеній на 32.197.700 рублей, а всего на 44.159.600 рублей. Такимъ образомъ, денежная реформа, какъ прочіе чрезвычайные расходы 1889—1900 гг., никакого увеличеннаго бремени на уплату процентовъ по государственнымъ долгамъ не вызвала. Если она участвовала въ числѣ причинъ, вызвавшихъ увеличеніе капитала процентнаго государственнаго долга на 321 милліонъ рублей, то она сопровождалась уменьшеніемъ безпроцентнаго государственнаго долга (по кредитнымъ билетамъ) на 913 милліоновъ рублей. Слѣдовательно, въ окончательномъ счетѣ денежная реформа не только не сопровождалась увеличеніемъ ежегодныхъ расходовъ по государственнымъ долгамъ, но общій итогъ капитала всѣхъ государственныхъ долговъ, благодаря ей, еще уменьшился на 600 милліоновъ рублей.

Намъ пришлось два раза говорить о пріобрѣтеніи золота для денежной реформы въ двухъ различныхъ смыслахъ. Сначала мы говорили о стараніяхъ Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградскаго о сосредоточеніи возможно большаго запаса золота въ Государственномъ Банкѣ, какъ о подготовительной (предварительной) мѣрѣ къ денежной реформѣ. При этомъ мы указывали, что это сосредоточеніе производилось на оборотныя средства Государственнаго Банка и государственнаго казначейства, отвлекавшіяся отъ своего прямого назначенія и этимъ ставившія, какъ Государственный Банкъ, такъ и государственное казначейство въ затруднительное положеніе, въ случаѣ, еслибъ тѣ-же средства потребовались бы на предметъ ихъ прямого назначенія. Для устраненія этого неудобства, для освобожденія и возвращенія Государственному Банку и государственному казначейству ихъ оборотныхъ средствъ, иммобилизованныхъ (завязанныхъ и увязшихъ) въ золотѣ, заготовленномъ для денежной реформы, — было необходимо, чтобъ это золото какъ-бы во второй разъ было пріобрѣтено, но уже на средства, спеціально назначенныя для этой реформы и ей ассигнованныя въ государственной росписи. По мѣрѣ того, какъ это дѣлалось, а особенно, когда оказывалось, что государственная роспись въ состояніи давать большія, очень большія, ассигнованія на денежную реформу, министръ финансовъ въ состояніи былъ еще ранѣе, чѣмъ

денежная реформа окончательно осуществилась, начать въ 1896 г. въ видѣ опыта платежи золотомъ. У него была достаточно прочная почва подъ ногами, чтобъ у него не было страха необходимости пріостановить эти платежи; а этого было достаточно для успѣха опыта. А въ 1897 г. ассигнованія на денежную реформу уже были такъ значительны, что на почвѣ произведенныхъ ассигнованій денежную реформу уже можно было считать осуществленною. Это имѣло то огромное значеніе, что съ осуществленіемъ реформы золото перестало представлять иммобилизованный активъ; оно становилось свободною кассовою силою, наростаніе которой уже не представляетъ никакихъ неудобствъ. Государственное казначейство въ состояніи было передавать Государственному Банку все свое золото въ составѣ суммъ, внесенныхъ имъ на его текущій счетъ въ Банкѣ. Банкъ уже не долженъ былъ выпускать кредитные билеты для того, чтобъ государственное казначейство могло пользоваться своимъ золотомъ для своихъ текущихъ расходовъ. Вслѣдствіе этого золото могло, не представляя уже никакихъ неудобствъ, наростать въ Государственномъ Банкѣ далеко за предѣлами суммъ золота-же, переданнаго въ Государственный Банкъ для денежной реформы и для ликвидаціи государственнаго долга по кредитнымъ билетамъ. Отсюда произошло новое наростаніе запасовъ золота, сосредоточивавшихся въ Государственномъ Банкѣ, наростаніе, которое при С. Ю. Витте было еще сильнѣе, чѣмъ при И. А. Вышнеградскомъ, особенно насколько оно было важно для увеличенія благопріятности положенія Государственнаго Банка, служившаго органомъ, какъ для осуществленія денежной реформы, такъ и для ликвидаціи государственнаго долга по кредитнымъ билетамъ.

Возстановленіе металлическаго обращенія въ странѣ предполагаетъ однимъ изъ своихъ условій, чтобъ звонкой монетѣ было очищено мѣсто. Въ странѣ, въ которой неразмѣнныя бумажныя деньги вытѣснили и продолжаютъ вытѣснять изъ обращенія звонкую монету, каналы обращенія наполнены крупными и мелкими бумажными деньгами, потому что звонкой монеты нѣтъ. Поэтому однимъ изъ коренныхъ условій успѣха денежной реформы и единственнымъ доказательствомъ того, что она производится не только на бумагѣ, но и на дѣлѣ, является — дѣйствительное поступленіе звонкой монеты въ каналы обращенія, дѣйствительное производство платежей золотою монетою, дѣйствительный обмѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото, дѣйствительное погашеніе государственнаго долга по кредитнымъ билетамъ. Золотая монета была только у Государственнаго Банка и

онъ первый долженъ былъ начать пользованіе ею для платежей въ широкихъ размѣрахъ.

Возстановленіе металлическаго обращенія въ Россіи не могло, конечно, заключаться въ томъ, чтобъ золото дремало въ кассахъ и кладовыхъ Государственнаго Банка, никогда ихъ не оставляя и (какъ неоднократно повторяли противники реформы) служа лишь для показа знатнымъ иностранцамъ и газетнымъ корреспондентамъ. Золотыя пятирублевки и золотыя десятирублевки должны были занять мѣсто бумажныхъ пятирублевокъ и бумажныхъ десятирублевокъ, а звонкіе серебряные цѣлковые и полтины должны были занять мѣсто бумажныхъ трехрублевокъ и бумажныхъ рублевокъ. Этого требовали здравый смыслъ, практическій опытъ и указанія науки. Никогда еще и нигдѣ не бывало случая возстановленія металлическаго обращенія безъ того, чтобъ не были изъяты изъ обращенія мелкія достоинства бумажныхъ денегъ. Особенно наглядно это обнаружили въ новѣйшее время: Франція въ 1870-хъ годахъ [1]) и Австрія въ 1890-хъ годахъ. У насъ въ 1839 и 1843 г. было иначе, но вѣдь тогда у насъ не государство возстановило металлическое обращеніе, а населеніе это сдѣлало задолго до 1839 г.; никакой ликвидаціи государственнаго долга по ассигнаціямъ тогда не произошло, потому что для этого у казны средствъ не было; за ассигнаціи она могла расчитаться только кредитными билетами, завѣщая ликвидацію будущимъ поколѣніямъ. Но когда-нибудь для этого должно было настать время. И слава Богу, оно настало. Могли быть ликвидированы всѣ государственные долги по выпускамъ всѣхъ сортовъ бумажныхъ денегъ: долгъ Екатерины II, долги Павла I, Александра I и Александра II, долги по расходамъ на всѣ тѣ войны, которыя были радостью и горемъ новѣйшей Россіи. Въ 1900 г. ликвидація всѣхъ этихъ долговъ окончилась, когда населеніе было въ состояніи для этого взять на себя государственный расходъ свыше 1170 милліоновъ рублей, въ томъ числѣ золотою монетою на сумму свыше 1068 милліоновъ рублей (2850 милліоновъ франковъ). И это ни въ чемъ не должно было бы выразиться, какъ еслибъ ничего этого не было бы сдѣлано? Отъ населенія слѣдовало скрывать золотую и серебряную монету? Какъ еслибъ никакого „востановленія металлическаго обращенія“ не произошло? Какъ еслибъ никакой „денежной ре-

1) См. нашу книгу „Кредитные билеты, ихъ упадокъ и возстановленіе“ Спб. 1888, стр. 290, 291.

формы" не было сдѣлано? Очевидно, это значило бы въ одно и тоже время одно и то же дѣло и дѣлать, и не дѣлать.

Въ началѣ 1896 г. состояло въ обращеніи кредитныхъ билетовъ: рублевокъ и трехрублевокъ на 233½ милліона рублей, пятирублевокъ и десятирублевокъ на 390 милліоновъ рублей; всего бумажныхъ денегъ мелкихъ достоинствъ на 623½ милліоновъ рублей. Эти 623½ милліона рублей бумажныхъ денегъ должны были быть замѣнены звонкою монетою, золотою и серебряною, чтобы совсѣмъ ей не дѣлать никакой конкурренціи. Къ концу 1900 г. изъ нихъ были изъяты изъ обращенія 564.2 милліона рублей и оставалось уже лишь 59½ мил. рублей. Эти 564 мил. руб. были изъяты: на 438 мил. руб. посредствомъ уменьшенія всей массы выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ съ 1068 мил. до 630 мил. руб., оплатою этихъ 438 мил. золотою и серебряною монетою. Затѣмъ остальные 126 мил. кредитныхъ билетовъ мелкихъ достоинствъ, когда они поступали въ платежи Государственному Банку или въ казенныя кассы, задерживались въ нихъ и уничтожались, а когда затѣмъ Государственный Банкъ и казенныя кассы сами производили платежи, по которымъ публикою требовались кредитные билеты, то эти кредитные билеты выдавались уже только въ крупныхъ достоинствахъ. Такимъ образомъ изъятые изъ обращенія кредитные билеты мелкихъ достоинствъ открыли обширный просторъ для звонкой монеты. А эту послѣднюю Государственный Банкъ и казенныя кассы имѣли возможность выпускать въ обращеніе при производствѣ ими платежей, независимо отъ размѣна кредитныхъ билетовъ. Какъ сейчасъ указано, до конца 1900 г. по этому размѣну выпущено звонкой монеты на 438 мил. руб. взамѣнъ 438 мил. руб., на которые кредитные билеты съ 1068 мил. руб. уменьшены до 630 мил. рублей. Независимо отъ этого обмѣна, прямыми платежами Государственнаго Банка и казенныхъ кассъ, новой монетою выпущено золота и серебра въ обращеніе еще на 392 милліона рублей.

До конца 1900 г. выпущено было въ обращеніе новой монеты золотой на 683 милліона рублей и серебряной на 147 милліоновъ рублей, всего звонкой монеты на 830 милліоновъ рублей. Сверхъ того въ обращеніи оставалось на 630 милліоновъ рублей кредитныхъ билетовъ, обезпеченныхъ, на случай востребованія по нимъ звонкаго платежа, равною суммою золота въ кассахъ Государственнаго Банка рубль за рубль. Весь денежный механизмъ страны выражался суммою 1460 милліоновъ рублей (3893 милліона франковъ золотомъ).

По новому монетному уставу, изданному въ 1899 г., уже только

„золотая монета обязательна къ пріему во всѣхъ платежахъ на неограниченную сумму“, а „серебряная и *мѣдная* монета служатъ монетою вспомогательною“. „Обязательный пріемъ частными лицами (серебряной) рублевой, 50 копѣечной и 25 копѣечной монеты ограничивается 25 рублями“.

Исторія стараго серебрянаго рубля въ Россіи кончилась; началась новая исторія новаго рубля, золотого.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.